

ДИАНА ДЕ ПУАТЬЕ

Иван
Клулас

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Annotation

Автор многочисленных исследований по истории Франции, лауреат Большой парижской премии 1982 года, член Французской школы в Риме и Дома Веласкеса в Мадриде Иван Клулас с большим успехом знакомит читателя с эпохой последних Валуа. Он блестяще и живо раскрывает образ самой невероятной женщины XVI века, фаворитки короля Генриха II — Дианы де Пуатье, герцогини де Валентинуа. В одиннадцатилетнем возрасте Генрих влюбляется в двадцатидевятилетнюю красавицу Диану, а когда ей исполняется 48 лет, делает ее герцогиней де Валентинуа и дарит дворец Ане. Правы ли были современники, которые утверждали, что она завоевала сердце короля не столько красотой, сколько советами, которые ему давала, и своей любовью к искусству, в котором прекрасно разбиралась? Иван Клулас предлагает свое объяснение тайны очарования Дианы де Пуатье.

-
- [Иван Клулас](#)
 -
 - [ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ ЭПОХИ](#)
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ](#)
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ](#)

- [Глава I](#)
- [Глава II](#)
- [Глава III](#)
- [Глава IV](#)
- [ИЛЛЮСТРАЦИИ](#)
- [ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ДИАНЫ ДЕ ПУАТЬЕ И СОБЫТИЯ ТОЙ ЭПОХИ](#)
- [ПРИЛОЖЕНИЕ](#)
- [ИКОНОГРАФИЯ](#)
- [ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)

- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)

- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)

- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)

- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)

- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)

- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)

- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)

- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)

- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)

- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)
- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)

- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)
- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)

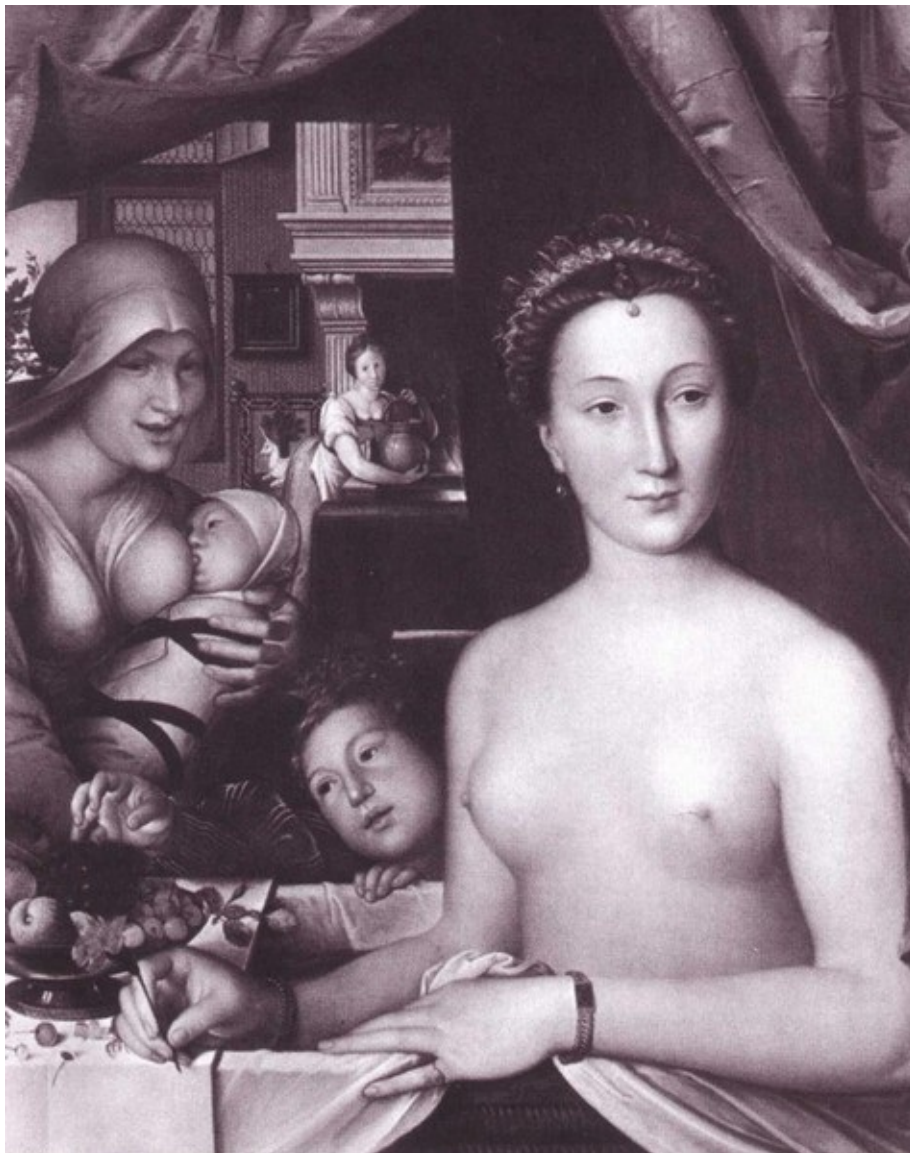
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)
- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)

- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)
- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)

- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)
- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)

- [575](#)
 - [576](#)
 - [577](#)
 - [578](#)
 - [579](#)
 - [580](#)
 - [581](#)
 - [582](#)
 - [583](#)
 - [584](#)
 - [585](#)
 - [586](#)
 - [587](#)
 - [588](#)
 - [589](#)
 - [590](#)
 - [591](#)
 - [592](#)
 - [593](#)
 - [594](#)
 - [595](#)
 - [596](#)
 - [597](#)
 - [598](#)
 - [599](#)
 - [600](#)
 - [601](#)
 - [602](#)
 - [603](#)
 - [604](#)
 - [605](#)
 - [606](#)
 - [607](#)
 - [608](#)
 - [609](#)
-

Иван Клулас
Диана де Пуатье

Диана де Пуатье, герцогиня Валентинуа. С портрета Франсуа Клуэ.

ПОРТРЕТ В ИНТЕРЬЕРЕ ЭПОХИ

Вступительная статья

Увидев заглавие этой книги — как не вспомнить «Две Дианы», второй из романов Александра Дюма в серии XVI века! Две Дианы... Одна — общеизвестная, другая — известная только специалисту-историку, да и то не каждому. И правда. Диана де Кастро (позднее де Монморанси) в противовес Диане де Пуатье (герцогине де Валентинуа) на первый взгляд представляется персонажем, целиком выдуманном Дюма, благо в романе фантазии — хоть отбавляй. Но это заблуждение. Ибо вторая Диана, «Диана Французская», существовала в действительности, и при этом оказалась в чем-то антиподом «главной» Дианы. Она была побочной дочерью Генриха II, но не от Дианы де Пуатье, как уверяет Дюма, а от случайной связи во время итальянского похода короля. Принятая при дворе и получившая превосходное образование, она вышла вторым браком за сына коннетабля Монморанси, что втянуло ее в политический водоворот эпохи. Здесь она проявила ум и твердость характера, стремясь к умиротворению и сближению конфессиональных партий, в частности сумела удержать своего супруга от участия в кровопролитиях Варфоломеевской ночи. Много сделал для укрепления союза своего брата, Генриха III, с королем Наваррским, будущим Генрихом IV, она имела благотворное влияние на последнего, когда тот стал королем, и даже участвовала в воспитании его сына, будущего Людовика XIII. В целом это была светлая личность (что и постарался на свой лад показать Дюма), в противовес ее знаменитой тезке (которую романист живописал одной черной краской, в чем тоже не слишком ошибся).

Автор книги, лежащей перед нами, о Диане Французской повествует лишь мимоходом, что и понятно; зато портрет своей героини, Дианы де Пуатье, он изобразил во всей полноте, в окружении близких ей лиц и в интерьере эпохи, хотя избежал при этом как черной, так и белой краски, предпочитая им подлинные материалы и свидетельства, почерпнутые из документов XVI века.

Поначалу иному читателю книга может показаться скучноватой — не то что Дюма! И впрямь: перечисление каких-то никому не ведомых феодальных владений, дворянских фамилий, их родословных... Но по мере того как вчитываешься, уже невозможно оторваться — с каждой страницей все отчетливее видишь лес за отдельными деревьями, все отчетливее

начинаешь понимать, что автор сумел вскрыть самую суть эпохи и роль в ней главных действующих лиц; мало того, прочитав книгу, постигаешь, что речь идет о выявлении вечных истин, которые действуют и в наши дни с неменьшей силой и последствиями, чем это было в те отдаленные времена! Уж таково уникальное умение автора — из частного строить общее, причем ненавязчиво, убеждая читателя не своими личными оценками, симпатиями и антипатиями, а фактами, только фактами, во всей их неприкрытой обнаженности. Все это, впрочем, неудивительно, ибо автор — великий мастер своего жанра, мастер исторического анализа и синтеза, чувствующий себя в многообразии материалов эпохи, словно рыба в воде.

Имя Ивана Клуласа широко известно во Франции, да и не только там. Доктор исторических наук, архивист-палеограф, член Французской школы в Риме и Дома Веласкеса в Мадриде, лауреат Большой парижской премии 1982 года, он автор многочисленных исследований, публикаций, научных и научно-популярных трудов по проблемам Ренессанса, среди которых особенно близки по материалу предлагаемой ныне книги биографии Генриха II, Екатерины Медичи и выпущенный издательством «Молодая гвардия» прекрасный «роман замков»^[1]. Все названные труды маститого историка посвящены XVI веку — эпохе последних Валуа. Что же касается «Дианы де Пуатье», то время, описанное в ней, приходится на переломный этап этой эпохи, когда кончился ее восходящий период и начался нисходящий, что точно уловил и выразил автор. Чтобы это стало ясно и нам, необходимо познакомиться с той исторической ареной, на которой разыгрывалась удивительная эпопея герцогини де Валентинуа и связанных с нею персонажей.

К началу XVI века Франция стала самым значительным из государств Западной Европы. Ее территория была лишь немногим меньше современной, а население насчитывало 15 миллионов человек — втрое больше, чем в Испании, и впятеро — чем в Англии. Хотя Франция по-прежнему оставалась страной аграрной (девять десятых ее населения проживало в деревне), в ней постепенно складывался единый внутренний рынок, формировалась национальная буржуазия, развивались промышленность и торговля, причем в некоторых отраслях производства — выработке шерстяных и шелковых тканей, предметов роскоши, а также в печатном и издательском деле она занимала одну из авангардных позиций в Европе.

Изжив средневековую раздробленность, Франция становилась централизованным национальным государством, а ее глава из феодального сюзерена превратился в абсолютного монарха и отныне заканчивал свои

указы стандартной формулой: «...ибо такова есть Наша воля». Воля эта была направлена в первую очередь на удовлетворение интересов того слоя общества, который был основной опорой монархии — французского дворянства. Как и в Средние века, оно занимало господствующее положение в стране, но в структуре его произошли значительные изменения. Если раньше дворяне делились по степени родовитости, то теперь критерием стала близость к трону: от абсолютного монарха зависели и знатность, и богатство, и почет. В соответствии с этим отныне дворянство распадалось на придворное, проводившее время в праздности и развлечениях, и провинциальное, косневшее в своей глуши и безмерно завидовавшее преуспевающим собратям по сословию. Кроме того, формировалась еще одна категория дворян — «дворяне мантии». В отличие от потомственного дворянства («дворянства шпаги») эти господа, выходцы из самой богатой буржуазии, в качестве сановников и высших чиновников обслуживали монархию, за что и получали личное дворянство.

Материальное положение этих разных групп привилегированной части общества было далеко не одинаковым. Если придворные и сановники благоденствовали в первую очередь за счет государственного пирога, иначе говоря, за счет налогов (которые при абсолютной монархии непрерывно увеличивались), то провинциальные дворяне жили исключительно за счет феодальной ренты (а она со времени Великих географических открытий и «революции цен» неизменно уменьшалась). Поэтому монархии, отражавшей интересы всего господствующего класса, приходилось постоянно искать новый источник средств для удовлетворения рядовых слоев дворянства. Таким источником могла стать только внешняя война, которая, в случае успеха, сулила ограбление незадачливых соседей, а вместе с тем становилась оттоком для провинциальных дворян, превращавшихся в воинов и получавших дополнительный источник доходов. Вследствие этого абсолютная монархия была весьма воинственным государством. Начиная с 1494 года четыре следующих друг за другом короля — Карл VIII (1483–1498), Людовик XII (1498–1515), Франциск I (1515–1547) и Генрих II (1547–1559) увязли в так называемых «Итальянских войнах», принявших общеевропейский характер. Войны эти, тянувшиеся более полувека, не дали Франции существенных территориальных приобретений, но обогатили двор и, главное, обеспечили выход недовольству массы провинциальных дворян, решивших свои экономические проблемы за счет ограбления Северной и Средней Италии. Впрочем, не только материальные богатства наводнили в те годы Францию; богатства духовные сыграли немалую роль в расцвете страны,

обеспечив подлинный «золотой век» Валуа. Знакомство с сокровищами итальянской культуры, привлечение замечательных мастеров — великого Леонардо, Бенвенуто Челлини, Приматиччо, Россо Фьорентино стимулировали французских монархов к покровительству своей, национальной культуре, что вылилось в конечном итоге во французское Возрождение. Его расцвет пришелся на время Франциска I и Генриха II — именно на то время, которое описано в книге Клуласа и на которое пала бурная деятельность герцогини Валентинуа.

Впрочем, в самое ближайшее время все радикально изменилось. В конце царствования того же Генриха II война окончилась. И мир в Като-Камбрези (1559) поставил точку: Франция отказалась от всех своих итальянских претензий, приток богатств из-за рубежа прекратился, начался перманентный дефицит государственного бюджета, пришлось распустить армию, кормушка для провинциального дворянства прикрылась, и тогда его материальные проблемы снова встали во весь рост. А это значило, что на смену войне внешней рано или поздно должна была прийти война внутренняя, и первые симптомы ее приближения не замедлили обнаружиться. Чтобы понять и оценить их, нужно обратиться к другой, на первый взгляд чисто идеологической проблеме, взволновавшей всю Западную Европу в том же XVI веке.

Век этот часто называют эпохой Реформации и религиозных войн. Это было весьма бурное, переломное время, когда менялись целые пласты жизни народов, пылали костры инквизиции и старый феодальный мир прилагал последние судорожные усилия, чтобы удержать господство, переходившее в руки другого класса и другого строя, причем в этой кровопролитной борьбе доминирующую роль сыграла религия, выступавшая в двух взаимно исключающих ипостасях — католицизме и протестантизме.

Католическая церковь, веками господствовавшая на Западе, была плоть от плоти феодального общества, которое ее породило и которое она, в качестве идеологии, обосновала, утверждая его богоданность, закономерность и справедливость. Эта церковь, со всеми ее пышными атрибутами, была очень дорогостоящим учреждением. Но короли и феодалы шли на затраты, получая взамен нечто неизмеримо большее — санкцию на свое господство в обществе. Однако сначала в Италии и Фландрии, а затем и повсюду в Западной Европе началось формирование нового класса, буржуазии, постепенно прибиравшей к рукам экономику, а затем устремившуюся и к политической власти. Новому классу, претендующему на господство, нужна была и новая идеология.

Собственно, она не была такой уж и новой: буржуазия вовсе не собиралась отказываться от религии вообще и от христианства в частности. Но ей было нужно не то христианство, которое обслуживало старый мир, ей была нужна религия, которая санкционировала бы не власть феодалов, а власть буржуазии. Эта религия должна была отличаться от католицизма в первую очередь своей простотой и дешевизной — меркантильной буржуазии деньги были нужны не для того, чтобы строить роскошные соборы и проводить пышные службы, а для того, чтобы вкладывать их в дело, создавая свои банки и предприятия. И, в соответствии с этим, становилась противопоставленной вся дорогостоящая организация церкви с ее папой, кардиналами, епископами, монастырями и земельной собственностью. Такова была отправная точка великого духовного движения, охватившего Западную Европу на грани Средневековья и Нового времени и получившего название Реформации, поскольку смысл его сводился к коренной реформе церкви. Главными идеологами Реформации, выступившими почти одновременно, оказались немец Лютер и француз Кальвин. Воодушевленная Лютером, с католицизмом порвала большая часть Германии (кстати, именно здесь и возник термин «протестантизм», в смысле протеста сторонников Реформации против католических епископов и князей), кальвинизм же совершил победное шествие по всей Северной Европе. Так или иначе, сторонники Реформации в течение всего XVI века одержали победу в значительной части европейских государств, включая Англию, Нидерланды, Швейцарию, Данию, Швецию, Норвегию и Восточную Прибалтику.

Религиозных пертурбаций не избежала и Франция, но там они прошли на свой манер. В первой половине XVI века появились робкие ростки лютеранства, быстро задушенные правительством, а с 40-х годов стал бурно развиваться кальвинизм, сторонников которого окрестили «гугенотами»^[2]. Однако если в большинстве других государств протестантизм приняла буржуазия, то во Франции он оказался достоянием преимущественно провинциального дворянства. И этому была своя причина. Поскольку двор, аристократы и крупная буржуазия (вспомним: из ее рядов выходило «дворянство мантии») были ревностными приверженцами католицизма, санкционировавшего их благополучие, провинциальному дворянству, после окончания внешней войны оказавшемуся в оппозиции к правительству и элитарным слоям, не оставалось ничего другого, как принять знамя протестантизма, иными словами, превратиться в гугенотов! Это вполне доказывает факт первого массового выступления дворян-гугенотов сразу же после мира в Като-

Камбрези («Амбуазский заговор» 1560 года). Очевидно это и потому, что современники прекрасно понимали суть дела и отделяли от «гугенотов религиозных» (то есть идейных) «гугенотов политических», иначе говоря, тех, кто избрал протестантскую конфессию из чисто политических соображений, используя ее организационные формы для борьбы с аристократами-католиками.

Феодалный мир попытался взять реванш. Под эгидой папства и реакционной Испании началось попятное движение, называемое обычно «контрреформацией» или «католической реакцией». Ее главными «подвигами» стали создание ордена иезуитов (1540), безудержный разгул изуверской инквизиции, моральное и физическое истребление любых форм инакомыслия — будь то «запрещенные» книги, «крамольные» проповеди или сами носители «крамолы». Католическая Франция не отставала от других стран. И с 60-х годов здесь начались кровавые «гугенотские войны», оказавшиеся роковыми для последних Валуа. Но это уже выходит за рамки рассматриваемой книги.

Возвращаясь к ней, прежде всего отметим, что те глубинные процессы, которые мы попытались в общих чертах представить читателю, Клулас изображает не прямо, а опосредованно, через систему четко очерченных событий и образов, центром которых неизменно является его героиня. Мы видим, как все ее предки, кончая отцом, Жаном Сен-Валье, были поглощены одной двуединой задачей: расширением своих владений и проникновением в высшие придворные сферы. Жан Сен-Валье особенно преуспел на этом пути, завоевав главное место в свите коннетабля Шарля Бурбона, второго человека при дворе, и выдав свою старшую дочь Диану за великого сенешаля Луи де Врезе, одного из крупнейших функционеров монархии. И что за беда, если невесте было 15 лет, а жениху — 56! Диана не только примирилась с подобным мезальянсом, но сумела отлично сыграть роль, сначала верной жены, а потом безутешной вдовы. Так с ранних лет она усвоила на всю жизнь правило, которому следовал ее отец: всегда руководствоваться трезвым практическим расчетом, учитывая, что будущее принадлежит тому, кто свяжет свою судьбу с преуспевающим и сильным! Правда, самого Сен-Валье эта мудрая аксиома чуть было не подвела. Его благодетель, коннетабль Шарль Бурбон, завязал интригу, приведшую к измене королю и государству. В результате коннетабль бежал за рубеж, а его сообщники угодили в тюрьму. Сен-Валье был приговорен к смертной казни. Но тут-то и выручила предусмотрительность: могущественный зять, сенешаль де Врезе, и умелая дочь, прекрасная сенешальша Диана, вызволили его из беды, вымолив у короля

помилование, а затем и все прежние блага. История эта укрепила Диану в ее сложившихся убеждениях, и в дальнейшем она следовала только им. При дворе Франциска I она ловко вертелась среди окружавших ее интриг и сделала ставку на второго сына короля, Генриха Орлеанского. Она сумела очаровать слабохарактерного и недалекого юношу, младше ее на двадцать лет, сделалась его советником, другом, а позднее и любовницей. Вскоре ей неслыханно повезло: старший сын короля, дофин Франциск, неожиданно умер, и Генрих, подопечный Дианы, оказался наследником престола. Это событие стало прологом к ее блистательному взлету.

Получив престол после смерти отца, Генрих II оказался пешкой в руках своей ловкой наставницы, окончательно поработившей его волю. «Замечают, — писал венецианский посол в своем донесении, — что нынешний государь ведет себя хуже, чем покойный... Отсюда делается вывод, что суверен лишен всякого зренья и его, так сказать, водят за нос...» «Более чем королева» — так назвал И. Клулас эту часть своего труда. Название точное: временщица стала не просто некоронованной королевой, но подлинной вершительницей судеб страны. Не посоветовавшись с ней, Генрих II не разрешал ни одного серьезного вопроса, включая проблемы войны и мира. Изменился менталитет Дианы. Современники отмечают ее «высокомерие и грубость» в отношениях с нижестоящими. Король поспешил даровать ей титул герцогини Валентинуа. Но при всем этом, что бывает крайне редко, являясь любовницей короля, Диана сумела войти в полное доверие к его супруге-королеве и стала для нее почти необходимой: Екатерина Медичи советовалась с ней по вопросам здоровья, а затем даже доверила заботу о малолетних принцах и принцессах.

Ловко устраивая свои дела за счет государства, Диана умело прикрывала практическую деятельность романтическим флером. Играя на своем мифологическом имени, она учредила при дворе подлинный олимп, на котором Генрих II стал Юпитером, королева — Юноной, а сама фаворитка присвоила себе лик не только Дианы-охотницы, но и многих других античных богинь, в первую очередь любвеобильной Венеры. Королю забава пришлась по вкусу. Ему нравилось, что его особе поклонялись, словно античному божеству. Поэтому на реализацию идеи Дианы средств не жалели. Стены королевских замков расписывались на мифологические темы, по каждому поводу устраивались грандиозные торжества с театральными представлениями, главным действующим лицом которых неизменно являлась богиня Диана; она же, в свою очередь, старалась превратить жизнь монарха в непрерывный праздник и неиссякаемый поток наслаждений. Фаворитка достигла всеобщего

преклонения. Ей льстили художники и поэты, ее величали «божественной», установив подлинный культ Дианы, а придворный поэт Дю Белле додумался даже до такого, кощунственного с точки зрения церкви утверждения, будто бы власть фаворитки над королем — волеизъявление самого Господа Бога!

Но за всем этим пышным театрализованным фасадом скрывалась грубая житейская проза — хищническое ограбление страны в угоду кучке избранных. «Король дарует многое, но немногим», — писал тот же наблюдательный венецианец, а в отношении лично Дианы он добавил: «Будучи невероятно алчной, она стремилась накопить как можно больше, пуская в ход любые средства». Любые средства... Их было предостаточно. И автор книги их не скрывает. Прежде всего, это подарки короля: деньги, сокровища, замки и особенно земли. Диана умело эксплуатировала свои земли. Она сдавала их крестьянам, зорко следя за исправной арендной платой и выколачивая все до последнего су. Кроме того, она торговала сельскохозяйственными продуктами, собираемыми в своих поместьях, брала пошлину за выпас на своих лугах и за проезд по своим территориям. Затем — бесконечные тяжбы с родственниками, соседями и даже с государством. Современники называли Диану «мастерицей в вопросах крючкотворства». При неизменной поддержке короля, располагая легионом стряпчих, она, как правило, выигрывала свои иски. Далее, это постоянный «навар» с религиозных гонений. Ревностная католичка, заслужившая похвалу папы римского, Диана была одним из инициаторов травли протестантов. Не без ее влияния Генрих II учредил «Огненную палату», обрекавшую на костер сторонников Реформации. И по приказу Дианы в ее владениях тщательно разыскивали «еретиков», чье конфискованное достояние она забирала себе и раздавала близким. Равным образом использовала она имущество, отобранное у гонимых евреев. В целях наживы «богиня» не гнушалась даже элементарной торговлей людьми. Она присваивала военнопленных, захваченных на ее территориях, и, обратив их в рабов, продавала купцам-работоторговцам.

Впрочем, все это меркнет по сравнению с тем, как мастерски использовала фаворитка в своих интересах большую государственную политику, что, собственно, и обеспечивало ей указанные выше блага.

«Итальянские войны», поглотившие внимание четырех монархов из дома Валуа, вступали в свой финальный период. Если когда-то они сулили Франции земли и богатства, то теперь постепенно становилось ясно, что ни того ни другого ждать не приходится. Хотя война и продолжала служить оттоком для провинциального дворянства, стране в целом она не столько

давала доходов, сколько требовала расходов. Тем не менее какая-то часть придворных кланов стояла за продолжение войны. Постепенно оформились две элитарные группировки, одна из которых, возглавляемая коннетаблем Монморанси, стояла за мирные переговоры, другая, возглавляемая лотарингской династией герцогов Гизов, занимала противоположную позицию. В этом соперничестве герцогиня Валентинуа, по образному выражению автора, стала «как бы осью весов, чаши которых являли собой Гизы и коннетабль». Поначалу, поскольку Генрих не скрывал своей дружбы с коннетаблем, ось качнулась в его сторону: Диана примкнула к его партии и сделала его своим доверенным лицом. Но едва лишь заметив, что рост влияния коннетабля начинает угрожать ее могуществу, она переметнулась на сторону Гизов и добилась опалы Монморанси. Однако прошло время, Гизы стали слишком большой силой в государстве, и фаворитка немедленно сделала новое антраша, вернув свои симпатии коннетаблю и вновь утвердив его при дворе. Одновременно, через браки своих дочерей, она умудрилась породниться с обоими кланами. Венцом ее государственной деятельности стал мир в Като-Камбрези 1559 года, в результате которого Франция потеряла все свои завоевания, а равно и свой международный престиж, но «богиня» выиграла партию, ослабив всех своих соперников и при этом сохранив свои личные владения в Италии! Могла ли думать она в тот момент, что мир, который должен был стать ее величайшим триумфом, приведет к концу ее властвование? Заключение мира ознаменовалось очередными празднествами и турнирами, на одном из которых Генрих II, как известно, и получил смертельную рану, в результате которой скончался 10 июня того же 1559 года.

Разумеется, это был страшный удар для герцогини Валентинуа. Кончилось ее безраздельное господство при дворе, мало того, она должна была и вообще покинуть двор. Но и тут она не растерялась. Накопленные богатства сделали ее неуязвимой для врагов, и когда вдовствующая королева Екатерина Медичи потребовала у нее обратно замок Шенонсо, Диана вступила с ней в полемику и добилась того, что взамен получила замок Шомон, по стоимости более дорогой, чем Шенонсо! И в дальнейшем, почти до самой смерти, пребывая в своих убежищах-замках, бывшая фаворитка не вышла полностью из игры. Вскоре после смерти Генриха II, когда стало ясно, в какую бездонную яму дефицита угодила страна, штаты Иль-де-Франса выступили с требованием «вернуть награбленное». Речь шла о незаконных захватах и пожалованиях придворной знати при покойном монархе и о том, чтобы все было возвращено в государственную казну. По существу речь шла о переделе

собственности, и бóльшая часть населения страны поддержала штаты, призывая к тщательному расследованию хищений и коррупции минувшего царствования (как нам знаком этот сюжет!). Ужас охватил придворные клики, не меньше взволновалась и Диана. Сразу смолкли все былые противоречия, не было больше ни партии войны, ни партии мира; при непосредственном участии герцогини Валентинуа, вынырнувшей из своей тени, Гизы объединились с Монморанси и составили триумvirат — лигу борцов против передела собственности. Опираясь на правительство, триумvirат заставил умолкнуть ревнителей правосудия, а впереди мерцал лишь один возможный выход — гражданская война.

Все вышесказанное порождает закономерный вопрос: что же в целом представляла собой Диана де Пуатье? И заслуживает ли ее личность той объемистой книги, которая вышла из-под пера Ивана Клуласа?

Автор сам исчерпывающе отвечает на этот вопрос.

В его трактовке образ Дианы выглядит и типичным, и уникальным. Типичным, поскольку ему присущи все качества, характерные для феодальной знати конца Средневековья: стремление к захвату земель, неразборчивость в средствах, себялюбие, сутяжничество; уникальным, поскольку все эти свойства, столь «гармонично» объединившись в одном лице, сочетались с силой воли и незаурядными внешними данными. Современники подчеркивали красоту Дианы, так поразившую Брантома, ее обаяние, умение себя преподнести, заботу о близких. И потом, нельзя забывать, что она была женщиной Ренессанса. Конечно, поглощенная практической деятельностью, она не обладала ни образованностью, ни интеллектом таких муз Возрождения, как Изабелла д'Эсте или Маргарита Наваррская, сестра Франциска I. Но, воодушевленная своей античной легендой, Диана сумела создать сказочный мир, в который поселила своего принца, чем держала его еще больше, чем своей красотой; она организовывала празднества, занималась строительством, привлекала поэтов и людей искусства, таких, как Приматиччо, Филибер Делорм, Жан Гужон, а ее замки Ане и Шенонсо поражали современников великолепием своего внешнего вида и убранства. В целом она была многогранной и сильной личностью, явно выделявшейся на фоне эпохи. И поэтому нет ничего удивительного, что среди столь многочисленных в истории французской монархии фавориток ни одна, включая даже Ментенон и Помпадур, не обладала столь абсолютной властью столь длительное время, охватившее все двадцатидвухлетнее царствование Генриха II.

К сожалению, власть эта не может считаться благотворной. Она содействовала приходу Франции к жесточайшему экономическому,

политическому и духовному кризису, ускорила раскол в обществе и была чревата тридцатью годами жестоких гражданских войн, которых, к своему счастью, Диана уже не застала.

Что она успела застать и познать, так это страшную ненависть по отношению к себе со стороны французского народа. И, быть может, именно поэтому, в последние годы жизни, Диана так неустанно заботилась о спасении своей души. У себя в замке Ане она заранее, наподобие египетских фараонов, выстроила настоящую «пирамиду», роскошную гробницу, в создании которой приняли участие видные архитекторы и скульпторы. Но особенно сильное впечатление в этом смысле производит завещание Дианы, приведенное в книге Клуласа почти целиком. В этом завещании, под угрозой лишения наследства, дочерям предписывается, как проводить погребальную церемонию, как должно быть захоронено тело, сколько, когда, где и каких молитв следует прочитать, какие раздачи беднякам и церковным организациям произвести и в какие сроки. Столь же педантичная и пунктуальная, как во всех своих земных делах, Диана и в делах небесных хотела обо всем договориться заранее не только с наследниками, но и с Богом, дабы наверняка избавить свою душу от адского пламени.

Неизвестно, удалось ли герцогине Валентинуа спасти свою душу, но бранные останки ее от поругания не спаслись. Двести с лишним лет спустя после ее смерти произошла Великая революция, сокрушившая французскую монархию со всеми ее атрибутами и фигурантами. Подобно прочим феодальным кланам исчезли с лица земли наследники «божественной» Дианы. А в 1795 году добрались и до нее. Санкюлоты разрушили «пирамиду Дианы», извлекли ее прах, надругались над ним и выбросили на свалку. Таков был в интерьере новой эпохи печальный финал истории «несравненной женщины, которая лишь благодаря собственному очарованию и ловкости сумела обратить в свою пользу всю мощь французской монархии». Этими словами, которыми Иван Клулас заканчивает свою повесть, вполне уместно закончить и наше вступление к ней.

А. П. Левандовский

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ренессанс, эра обновления, отводил женщинам завидное место. Часто оказываясь вдали от мужчин, призванных участвовать в военных кампаниях или находящихся на службе при дворе местного властителя, они обретали независимость и уже сами начинали диктовать свои вкусы, желания, волю. Правда, еще надо было, чтобы представилась такая возможность, а дама сумела ею воспользоваться. Путь Дианы де Пуатье с этой точки зрения — весьма показательен.

Происходя из семьи, с давних пор связанной с кругами, наделенными властью, супруга важного сановника, молодая женщина могла бы вести при дворе короля Франциска I безмятежное существование дамы света. Однако драматические события предначертали ей совсем иную судьбу. Отцу Дианы, скомпрометированному в заговоре коннетабля Бурбона, предстояло взойти на эшафот. Дочь добилась для него помилования. Тут же поползли слухи, будто бы она расплатилась с галантным королем собственным телом. Впоследствии Виктор Гюго в драме «Король забавляется» использовал этот анекдот, изобразив Диану несчастной жертвой тирании. Мишле, напротив, разглядел в этом эпизоде первые проявления незаурядной личности: «Дама сия, имея двадцать пять лет от роду, во всем блеске красоты и грации, да вдобавок наделенная весьма мужественным складом ума, отправилась напрямик к королю и заключила с ним сделку. Притом она не только спасла отца, но и обрела немалые личные выгоды: надежные позиции и политический статус подруги короля».

Но в тот раз Диана приподняла лишь край завесы, скрывавшей ее лицо. Похоронив старика-супруга, она не замедлила стать тайной советчицей дофина, будущего короля Генриха II. Взойдя на трон, тот осыплет ее дарами, почестями, возведет в ранг признанной фаворитки. Но высокомерная и притворно добродетельная дама старалась хранить облик безутешной вдовы, дабы не утратить положения среди высшей знати, с которой ее связывали и корни, и новообретенная возможность значительно расширить круг своих знакомств.

При дворе, где сталкиваются наихудшие амбиции, вести подобную игру очень нелегко. Единственным человеком, в лице которого Диана могла искать опору и поддержку, был ее господин и повелитель. И она умела доставить ему удовольствие. Радости любви чередовались с пирами. В волшебной атмосфере замков Ане и Шенонсо очарованный Генрих вновь

повстречал Прекрасную Даму, героиню куртуазных романов, коими зачитывался в испанских тюрьмах еще ребенком.

Но это позлащенное бытие с его тайными грехами, соблазнами и утехами не может в достаточной мере объяснить причины громадного влияния Дианы. Нельзя забывать, что она к тому же оставалась неизменной советницей короля. Последний всегда интересовался ее мнением как в семейных делах, так и в вопросах, от решения которых зависела судьба Франции. Обладая практическим складом ума, Диана в первую голову пеклась о величии Короны, никогда не забывая при этом и о собственных интересах. За внешней мягкостью и любезностью скрывалась на редкость расчетливая натура. Она и помыслить не могла доверить кому-нибудь управление своим состоянием.

Прекрасная, несмотря на годы, окруженная хором льстецов, всемогущая герцогиня де Валентинуа достигла не меньшего поклонения, чем богиня-охотница, чье имя она носила. Следуя образу, Диана возвысилась, приручив царственного оленя, владыку лесных чащ, и околдовав его любовью. Такая победа не могла не дать современникам пищу для размышлений. И даже сегодня вызов, брошенный обществу этой необыкновенной женщиной, еще чарует взор.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

В ТЕНИ СИЛЬНЫХ МИРА СЕГО

Глава I

БРАК ПО РАСЧЕТУ

Дворянский род Пуатье связан корнями с древним маркизатом в Провансе^[3]. Отсюда же и родовое имя: вопреки мнению прежних специалистов по генеалогии своим происхождением оно обязано не родству с графами Пуату, герцогами Аквитании, а названию фамильной крепости, расположенной неподалеку от Мирабеля, что в провинции Баронни, — *Castrum Pictavis*, на местном диалекте называвшейся Пейтье, а по-французски — Пуатье. Крепость сарацины разрушили в середине X века, но имя сохранилось, дабы отличить эту ветвь от других линий семейного клана^[4].

В XII веке Пуатье становятся графами Валентинуа и Диуа^[5]. Они имеют или оспаривают у епископов и прочих феодальных сеньоров права на владение землей, отправление закона, получение ренты, взимание солевой и дорожной пошлин на громадной территории, соответствующей епископствам Валанс, Ди и Вивье. Им принадлежат шестнадцать крепостей^[6]. Мало-помалу сюда присовокупятся замки Пизансон, Роман и Сен-Валье, затем — баронство Клерье в Дофинэ, а также владения Шатонеф-де-Мазанк, Валь и Сериньян в графстве Венессен^[7].

Большая часть этих поместий располагалась по левому берегу реки Роны и находилась в феодальной зависимости от Империи и Вьенского дофината. Однако земли епископства Вивье на правом берегу принадлежали Французскому королевству. А посему вполне естественно, что Пуатье сражались против англичан под знаменами Филиппа VI как его вассалы. Их услуги были вознаграждены по достоинству: Людовик I де Пуатье получил звание королевского генерал-лейтенанта в Лангедоке и присутствовал в качестве свидетеля на церемонии дарения Франции провинции Дофинэ, на которую согласился в 1343 году дофин Гумберт II^[8]. С той поры дом Пуатье, владелец тамошних графств, становится прямым вассалом наследника французского престола. Что до остальных владений, то они частично зависят от короля и частично — от папы, которому

Людовик II де Пуатье присягает в Авиньоне в 1374 году от имени шестидесяти трех земельных уделов и шести феодалов.

Апогея процветания род де Пуатье, казалось, достиг в начале XIV века: Людовик II де Пуатье обладал тогда внушительными доходами, которые время от времени изрядно пополнялись благодаря королевским щедротам. Тем не менее скопившиеся долги в конце концов вынудили Людовика предложить Короне приобрести у него графства Валентинуа и Диуа, включавшие тогда 11 крепостей, 27 городов и 200 феодалов. Сделка была заключена в 1404 году и составила 100 тысяч экю. При этом Людовик II де Пуатье до конца дней своих сохранял право пользования обоими графствами. Так и не получив обещанной суммы, он все же объявил наследником означенных графств дофина Карла, будущего короля Карла VII. В 1419 году после смерти Людовика его кузен, Карл I де Пуатье, попытался восстановить фамильную собственность. Ссылаясь на то, что Корона внесла лишь 32 тысячи экю золотом в виде ежегодной ренты, он просил вернуть графства^[9], но тщетно, и в итоге удовольствовался лишь титулами сеньора Сен-Валье, Клерье, Шантемерля, Шалансона, Прива и Турнона. Его сын, Людовик III де Пуатье, присовокупил к ним титул маркиза де Кротон в Калабрии, доставшегося семье от Николо Руффо, вельможи, изгнанного из Неаполитанского королевства^[10]. Сын Людовика III, Карл II де Пуатье, хоть и входил в число приближенных короля Карла VII Французского, будучи его камергером, в 1436 году вынужден был официально признать факт продажи обоих графств Франции. Перейдя на службу к дофину, впоследствии — королю Людовику XI, он получил право на доходы от внушительных соляных пошлин в Романе и соляного склада в Пон-Сент-Эспри. В 1467 году его сын Эймар женился на Марии Французской, незаконнорожденной дочери короля от связи с уроженкой Дофинэ Маргаритой де Сассенаж. Побочная дочь суверена принесла супругу не только завидное приданое, но и право внести в герб королевские лилии. Она также родила ему сына, но вскоре после родов скончалась вместе с ребенком. Несмотря на то, что это оборвало родственные связи Эймара де Пуатье с королевским семейством, он все-таки продолжал пользоваться благосклонностью бывшего тестя и ежегодно получать от него пенсию^[11].

Второй брак, заключенный в 1472 году с Жанной де ла Тур, породнил его с графами Овернскими и де Булонь-сюр-Мер. Наконец, в 1489 году Эймар женил своего сына Жана Сен-Валье, тогда — четырнадцатилетнего подростка, на Жанне де Батарне (или Батерне), дочери Имбера, сеньора де

Бушажа, бывшего фаворита короля Людовика XI^[12]. Этот союз состоялся благодаря покровительству Анны де Божё, чьим весьма ловким придворным был юный Жан. Семья жила в замках Этуаль и Пизансон в Дофинэ. Росли в ней два сына — Филибер и Гийом и три дочери — Диана, Анна и Франсуаза^[13]. Отец позаботился с малолетства подобрать для каждого из них выгодные партии.

По примеру своего отца Эймар был бы не прочь устроить так, чтобы и его дети обзавелись родней королевской крови, и с этой точки зрения немало преимуществ имело, например, такое семейство, как Брезе. Возвышение его началось менее века назад с прибытия ко двору Карла VII юного оруженосца по имени Пьер. Родился он в Анжу и принадлежал к младшей ветви рода де ла Варенн, исконных сеньоров замка де Брезе, расположенного к югу от Сомюра^[14]. В 1433 году двадцатитрехлетний Пьер участвовал в успешном заговоре против могущественного советника Карла VII — Жоржа де Ла Тремуя. Это принесло ему покровительство Анжуйского дома, и в 1437 году молодой человек получил титул сенешаля этой провинции, а в 1441 году — и сенешаля Пуату. В ведение Пьера де Брезе входили прежде всего дела военные, однако при Карле VII он подвизался и в роли советника. Де Брезе извлек из сего определенные выгоды: отбив у англичан Эврё, король передал ему доходы с этого графства, а дофин Людовик добавил от себя графство Молеврие в Нормандии. Связи Пьера с Аньез Сорель, ставшей в 1433 году королевской любовницей, еще более упрочили положение де Брезе при дворе^[15].

В декабре 1444 года король передал Пьеру де Брезе четыре сеньории — Ане, Де Бреваль, Ножан-ле-Руа и Моншове, обязав лишь ежегодно доставлять сюзерену по одной белой кобылице стоимостью 100 парижских ливров. Изначально все это — королевские земли, некогда они составляли часть владений Марии Брабантской, супруги Филиппа III Храброго, а потом вместе со многими другими перешли к его сыну Людовику, графу д'Эврё. Потомок последнего, король Наварры Карл III вынужден был в 1404 году обменять свое графство Эврё и четыре сеньории на герцогство Немурское. Эта сделка, заключенная им с королем Карлом VI, вернула означенные земли Короне. Исконная государственная и удельная принадлежность сеньорий, подтвержденная в тот момент, когда в права вступил де Брезе, несомненно принесла семье последнего немалый престиж, однако сулила и определенный риск, ибо давала Короне повод впоследствии потребовать их возврата^[16]. Пьеру де Брезе было проще

приобретать земли самостоятельно: так, в Перигоре он купил владения у сира де Понса Монфор, Айяк, Карлюс. Но столь блестящие успехи порождали зависть. Дофин попытался поссорить советника со своим отцом, обвинив в двурушничестве. Представ перед судом Парижского парламента в апреле 1448 года, де Брезе избежал обвинительного приговора благодаря королевским письмам, содержащим полное отпущение грехов и написанным по просьбе прекрасной Аньез Сорель. Вновь обретя благорасположение Карла VII, де Брезе помогал королю отвоевывать Нормандию, и 10 ноября 1449 года во время торжественного въезда в Руан Карл VII отдал ему ключи от города и от королевского замка, назначив управляющим города Руана. После победы при Форминьи (15 апреля 1450 года) и освобождения от англичан Котантена, в битве за который он проявил особую отвагу, де Брезе получил в управление земли Ко — от правого берега Сены и до самого моря. В 1451 году он стал великим сенешалем и реформатором Нормандии. Такой титул предоставил де Брезе власть над всеми гражданскими и военными делами в провинции, не лишив при том статуса советника и посредника в переговорах, каковые обязанности он неумолимо исполнял в течение последующих 10 лет ^[17].

Однако дофин, став королем Людовиком XI, не забыл о своих претензиях к отцовскому фавориту. Он повелел бросить де Брезе в тюрьму, но вскоре понял, что совершил ошибку: нуждаясь в столь опытном человеке, монарх в 1464 году вернул ему титул великого сенешаля и управляющего Руана. Де Брезе умер 16 июля 1465 года, служа своему королю во время битвы при Монлери, где королевские войска сражались с армией графа Шароле и коалицией принцев ^[18]. Вторично завоевав милость короля, в 1462 году Пьер де Брезе вынужден был согласиться на брак своего сына Жака, на редкость богатого наследника, с Шарлоттой Французской, второй дочерью Аньез Сорель и незаконнорожденной сестрой суверена. Этот союз, хоть и дал жизнь пятерым детям — племянникам и племянницам короля, оказался неудачным: Жак содержал сонмище любовниц и побочных отпрысков, а Шарлотта изменяла ему со своим ловчим, пуатевенцем по имени Пьер де Ла Вернь.

Вечером в субботу 31 мая 1477 года после большой охоты, предупрежденный ретивым слугой Жак де Брезе застал любовников на месте преступления и убил обоих. Трагедия произошла в Рувре близ Ане ^[19]. Людовик XI не мог не покарать убийцу сестры. Он приказал арестовать де Брезе и подвергнуть многочисленным допросам сначала в парижской тюрьме Консьержери, затем в замках Венсен и Вернон. После почти

четырёхлетнего заточения монарх наконец решился начать судебный процесс. Из особой милости 22 сентября 1481 года, переведя дело из уголовных преступлений в число гражданских, он приговорил обвиняемого к уплате штрафа в размере 100 тысяч экю золотом. Не в силах собрать столь огромную сумму, де Брезе 6 октября 1481 года волей-неволей подписал отказную на многие и многие фамильные владения: в Нормандии — графство Малеврие вместе с баронствами, землями и сеньориями Бек-Креспен, Мони, План, уделами Тор и Тубервиль; в шартрских землях — Ножан-ле-Руа, Ане, Бреваль и Моншове; в Анжу — Ла Варенн, Брешессак (ныне — Бриссак) и Клэ; в Перигоре — Монфор, Карлюс и Айяк, зависимые от виконтства Тюреннского; наконец, в Керси — Крез и половину города Мартель ^[20].

Король распределил все эти имения между своим племянником, Луи де Брезе, старшим сыном Жака, и другими его детьми, или заменил их равноценными. Отцу была оставлена лишь пенсия в размере двух тысяч ливров из доходов с баронства де Мони и других нормандских земель. Поскольку юные де Брезе еще не достигли совершеннолетия, им назначили опекунов: сначала — Франциска Орлеанского, внука короля Карла V, потом видама Шартрского Жана де Вандома, герцога де Шабане и супруга их тетки Жанны де Брезе.

При жизни Людовика XI Жак де Брезе ни разу не рискнул обжаловать приговор. Но после смерти короля новый монарх Карл VIII дозволил новое слушание дела в парламенте, которое состоялось 3 мая 1484 года. Указ об отмене прежнего приговора истец получил в августе 1486 года. Таким образом, Жаку де Брезе вернули право «владения и передачи по наследству», распространявшееся на земли и сеньории. Несмотря на бесконечные тяжбы с опекунами сына, Жак до самой смерти, последовавшей в Ножан-ле-Руа 14 августа 1494 года, получал доходы с вышеуказанных владений. Его сын, Луи де Брезе, унаследовал огромные поместья ^[21]. Уже в 1490 году он удостоился титула великого сенешаля Нормандии. С 1496 по 1497 год он к тому же выполнял обязанности обер-егермейстера Франции., В 1510 году Луи де Брезе — капитан второй роты Сотни дворян королевского дома, а также капитан сотни конных жандармов.

Король Людовик XI, его дядя, в 1481 году подумывал женить племянника на Иоланде Гагской, единственной дочери Людовика де Пассавана и Марии Орлеанской, сестры его опекуна. Но брак не состоялся, де Брезе взял в жены Катрин де Дрё, владетельную госпожу Эневаля,

Крикетои Павийи. Последняя умерла 20 ноября 1512 года ^[22], так и не родив наследников.

В 1515 году Луи де Брезе было 56 лет. Услуги, оказанные Короне, титулы и память о воинских подвигах деда давным-давно смыли пятнышко, оставленное на семейном гербе преступлением отца. И несмотря на почтенный возраст, родство с королем делало его завидной партией для Дианы, старшей дочери Жана Сен-Валье, родившейся в 1500 году и, стало быть, в то время пятнадцатилетней девушки. Но и де Брезе этот брак сулил немалые выгоды: положение, достигнутое семейством де Пуатье при дворе Анны де Божё в Мулене, нельзя было сбрасывать со счетов, равно как и ощутимую поддержку коннетабля Шарля Бурбона, кузена нового короля, Франциска I. На союз двух столь долго, терпеливо и умело скопленных состояний можно было возлагать величайшие надежды.

Глава II В СВИТЕ БУРБОНОВ

Людам честолюбивым жизнь при дворе предоставляла множество возможностей возвыситься и достигнуть почестей. Эймар де Сен-Валье ловил их на лету. Людовик XI поручал ему самые доверенные миссии. Например, посылал в Амбуаз осведомиться о здоровье наследника престола. В июне 1483 года король повелел Эймару присутствовать при обручении дофина Карла с Маргаритой, дочерью Максимилиана Австрийского и Марии Бургундской: Сен-Валье нес балдахин над юной четой вместе с Жаком де Брезе, даже не догадываясь, что однажды их дома объединятся ^[23].

После смерти Людовика XI влияние при дворе сеньора Сен-Валье росло на глазах. Двадцатидвухлетняя Анна де Божё стала регентшей 30 августа 1483 года вместе со своим супругом Пьером Бурбоном, который был на 21 год старше ее. Будучи приближенным принцев, Сен-Валье надеялся вернуть утраченные графства. Однако назначение Франциска Орлеанского, графа Дюнуа, губернатором Дофинэ, равно как Валентинуа и Диуа, доказывает, напротив, что Корона рассчитывала удержать оба графства в числе своих владений ^[24].

Кроме того, Эймар, великий сенешаль Прованса, и его сын столкнулись с враждебностью Франциска Люксембургского, губернатора этой провинции ^[25]. Из осторожности он остался в стороне от восстания

аристократии, «безумной войны», с которой Карл VIII покончил 28 июля 1488 года в Сент-Обэн-дю-Кормье, и это пошло ему на пользу. В 1490 году, совершая паломничество к Эмбреннской Богоматери, король встретил по дороге Сен-Валье^[26]. Именно тогда он с подачи Анны де Божё дал согласие на брак четырнадцатилетнего сына Эймара, Жана де Пуатье, с Жанной, богатой наследницей Имбера де Батарне. Внушительность приданого невесты — 20 тысяч золотых экю — показывает, каким почтением пользовалась семья жениха. Контракт удостоверяет, что по заключении брака Жан становился наследником всех владений Батарне. Статьи этого договора были подготовлены и подписаны 14 марта 1489 года Гийомом де Пуатье, дядей новобрачного^[27]. Роль этого персонажа в возвышении семьи стоит того, чтобы сказать о нем особо. И в самом деле, барон де Клерье — губернатор Парижа, Иль-де-Франс и бальи Руана — был заметным действующим лицом королевской политики с 1477 года и до самой смерти, последовавшей в 1503 году. В начале периода правления Карла VIII обстоятельства выдвинули его в первый ряд. Король, решив спорные вопросы бретонского наследования и вынудив Анну, наследницу герцогства, вступить с ним в брак 6 декабря 1491 года в Ланже, приступил к осуществлению особо вожделенного замысла: завоеванию Неаполя. Он полагал, что это королевство принадлежит ему как наследнику Анжуйского королевского дома. Дабы разведать обстановку в Италии, монарх отправил барона де Клерье послом к Ферранте, арагонскому королю Неаполя^[28]. Под прикрытием этой миссии Карл VIII приказал своему посланнику договориться с неаполитанской знатью, чьи многочисленные родичи укрывались во Франции от грабежей правителя. Клерье и сам принадлежал к числу этой знати, ибо еще от Николо Руффо унаследовал титул маркиза Кротона в Калабрии. А пока шли переговоры в Неаполе, Карл VIII на случай своего отъезда заключил три договора — с Англией, Империей и Арагоном, дабы отвлечь всякий риск иноземного вторжения во Францию в период, когда он покинет пределы королевства.

Была собрана и выступила в поход колоссальная армия^[29]. В июле 1494 года в Лионе короля окружал мощный военный штаб. Вошел в него и возвратившийся к своему господину Гийом де Клерье. Как ни странно, он, по-видимому, не спешил снова ехать в Италию. Враги барона даже пустили слух, будто Ферранте Неаполитанский подкупил его, надеясь задержать выступление Карла VIII. И в самом деле, Гийом де Клерье явно старался направить молодого короля на путь наслаждений и развлечений. Уж не пытался ли барон таким образом саботировать экспедицию, рассчитывая

сохранить свой калабрийский маркизат?^[30] Его отъезд в свите короля опровергает эти злобные наветы. Барон-маркиз на совесть послужил своему хозяину в Неаполе. Пригодились и его дипломатические таланты: де Клерье участвовал и в последней встрече между Карлом VIII и принцем Фредериком Тарентским, во время которой французы пытались добиться от низвергнутого короля отречения от трона^[31]. Объявив себя Неаполитанским королем, Карл VIII раздал своим воинам поместья и вознаградил аристократов Неаполя, вставших на его сторону: так, он заставил барона де Клерье уступить семье Руффо изрядную часть маркизата Кротона, хотя и сохранил за ним титул^[32]. Чуть позже, по окончании неаполитанской авантюры, он вместе с Имбером де Батарне, сеньором де Бушаж, вновь сыграл роль эксперта: в 1497 году они вели переговоры о перемирии с Фердинандом Арагонским, захватившим Неаполь и Сицилию^[33]. Но де Клерье не извлек из этого никаких выгод. Он не получил обратно даже своих итальянских владений, ибо несчастный случай, ставший причиной смерти Карла VIII в Амбуазе 7 апреля 1498 года, внезапно и резко положил конец его надеждам на их возвращение.

Герцога Орлеанского, ставшего королем Людовиком XII, Неаполитанское королевство волновало далеко не в первую очередь. Едва взойдя на трон, он принялся настойчиво добиваться от папы Александра VI Борджа разрешения на развод с Жанной Французской, нелюбимой супругой, навязанной ему Людовиком XI. Он просил у помазанника Божьего в виде особой милости ниспослать ему освобождение от прежних уз, дабы жениться на вдове своего предшественника Анне Бретонской^[34]. Эта двойная просьба была услышана. 29 июля 1498 года, вняв королевским требованиям и мольбам, папа распорядился созвать трибунал, который начал процесс с целью объявления брака недействительным^[35]. Вскоре пришло и освобождение. Вестником его стал Цезарь (Чезаре), сын папы, только что низведенный отцом из кардиналов в миряне, дабы он мог получить во Франции герцогство и супругу. Людовик XII охотно склонился пред волей Святого престола. В августе 1498 года он составил патентные письма на земельные владения для Цезаря^[36]. Это княжество, расположенное поблизости от государства Церкви в Авиньоне и графства Венессенского, — не что иное, как бывшая вотчина де Пуатье, то есть графства Валанс и Ди, объединенные в герцогство Валентинуа. 22 октября были назначены королевские посланники, коим надлежало вступить во владение герцогством от имени Цезаря. Последний получил статус

удельного принца Франции и привилегию носить на гербе королевские лилии. Не сумев добиться руки Шарлотты Неаполитанской, фрейлины Анны Бретонской, экс-кардинал в мае 1499 года женился на Шарlotte д'Альбре, сестре короля Иоанна Наваррского. Последняя родила ему дочь, Луизу Борджа, которая после смерти отца унаследовала титул герцогини Валентинуа, но не смогла сохранить само герцогство, ибо оно вновь перешло в собственность Короны.

Столь неожиданное завершение многолетних просьб и требований сильно разгневало семейство Сен-Валье. Они возбудили новый процесс против Короны, требуя возврата узурпированных графств. С иском по этому делу они выступили перед парламентом Гренобля против генерального прокурора короля-дофина. Хоть суд и признал правым короля, претензии рода Сен-Валье на древние вотчинные земли это решение не исчерпало, и они еще долго продолжали протестовать ^[37].

Такая склочность могла бы повредить клану, не унаследуй он мощной протекции Имбера де Батарне: тесть Жана Сен-Валье одним из первых изъявил Людовику XII верноподданнические чувства утром 8 апреля 1498 года ^[38]. Он же по собственному почину дал обвинительные показания против Жанны Французской во время королевского бракоразводного процесса ^[39].

Гийом де Клерье, умерший в 1503 году, оставил своему брату Эймару внушительное состояние. Последний, в свою очередь, угас в 1510 году, и его сын Жан стал видной фигурой при дворе Бурбонов-Божё. До тех пор ему приходилось довольствоваться лишь именем Сериньян и пенсией с доходов от Лангедока, чьи размеры, составлявшие в 1492 году шестьсот ливров, король увеличил до восьмисот.

Жан Сен-Валье пользовался расположением Шарля де Монпансье, ставшего в 1505 году, после женитьбы на Сюзанне де Бурбон, зятем Анны де Божё ^[40]. Будучи благосклонно принят при дворе в Мулене и Шантеле, Жан представил Бурбонам-Божё свою старшую дочь, дабы завершить ее образование и воспитание. Диана родилась 9 января 1500 года и к тому времени уже потеряла мать, угасшую, произведя на свет пятерых детей ^[41]. Отцу Диана была обязана ранним приобщением к спорту. Рассказывают, что в шесть лет девочка отличалась на редкость крепким здоровьем и превосходно сидела на лошади ^[42]. Однако светские манеры фрейлин и придворных дам требовали и обучения на практике. Для этого в Мулене существовал кодекс соблюдения приличий и достойного поведения ^[43],

составленный самой регентшей Анной. Ее «Наставления Анны Французской своей дочери Сюзанне де Бурбон» явили собой замечательный сборник практических советов, призванных обеспечить безукоризненное поведение в любых жизненных обстоятельствах^[44].

Земное существование, согласно этому трактату, таит в себе многочисленные ловушки. Светские дамы, которым надлежит в первую очередь почитать Бога и его заповеди, с помощью религии сумеют отвергнуть все «тончайшие искушения, какие мир, плоть или дьявол способны когда-либо извергнуть». При дворе одним из таких искушений считалось кокетство. Анна де Божё показывает способ этого избежать: «Что до одежд, советую вам не носить ни чрезмерно броских, ни слишком узких, ни чересчур длинных. Не стремитесь уподобиться тем, кто воображает, будто выглядит привлекательнее, надев не в меру декольтированное платье, кое-как обувшись и прикрыв срам. Они так часто одергивают платье, что оно рвется, а те, кто видел или слышал об этом, смеются и показывают на них пальцем. Дочь моя, не стоит брать пример с тех, кто, желая казаться изящнее и тоньше, так легко одевается зимой, что дрожит от холода, желтеет или бледнеет лицом и приобретает тайные болезни, нередко серьезные. Многие из-за этого окончили жизнь до срока. Можно не сомневаться, что сие есть великий грех, ибо он сродни самоубийству». В более зрелом возрасте не следует молодиться. Этот совет особенно занятно читать, памятуя о том, как им воспользовалась Диана: «Когда ваши дочери начнут наряжаться, забудьте о своих нарядах, дабы не походить на мамаш, что тцатся выглядеть красивее дочек. Если женщине за сорок, сколь бы прекрасна она ни была когда-то, никакое самое роскошное платье не изгладит морщин с ее лица».

Поведение в свете должно отличаться великой сдержанностью. «Да будет ваша беседа честной и открытой, во всех отношениях вежливой и любезной, дабы вы оставались всем милы и любимы всеми. Однако ни в коем случае не следует поощрять мужчин к ухаживаниям, ибо среди них не найдется ни одного, как бы он ни был благороден, кто не пустился бы во все тяжкие. В ответ на слишком смелые предложения изящно извинитесь и, кто бы он ни был, неизменно употребляйте короткие и смиренные выражения. Это — наилучший способ добиться того, чтобы с вами считались и уважали вас».

Далее следует анекдот, выводящий на сцену семью, чье имя носила Диана:

«Не уподобляйтесь трем барышням, дочерям весьма благородного и

влиятельного сеньора де Пуатье. Оные были столь прекрасны, что молва о них шла по всему свету, и многие просили их руки. Особенно добивались того трое высокородных и могущественных принцев из германских земель, что полюбили барышень заочно, поверив слухам о их красоте и достоинствах. Втайне, не ведая о намерениях соперников, они одновременно прибыли в Пуатье и тут уже поделились друг с другом своими замыслами. Господин де Пуатье, проведав о том, презрительно обрадовался, без промедления явился к молодым людям и проводил к себе во дворец, где их с честью приняли хозяйка дома и ее три дочери. Однако вышло так, что старшая столь затянулась и закуталась в одеяния, что не могла свободно вздохнуть и почувствовала себя дурно как раз во время беседы с претендентом на ее руку. Принцу было крайне неприятно узреть юную особу в столь опасном положении, и он осведомился о причине. Услышав, что беда приключилась по собственному неразумию барышни, молодой человек решил, что так, пожалуй, она никогда не сможет выносить ребенка, и отказался от мыслей о браке с нею.

Другой принц, внимательно наблюдая за поведением и манерами второй дочери хозяина дома, счел ее столь ветреной и легкомысленной, что принял за особу взбалмошную, и тоже решил ни в коем случае не вступать с ней в брак.

Третий разговорился с младшей, которая показалась ему на редкость остроумной, но столь смелой в речах, особенно о любви, что юноша счел ее безумной и лишенной целомудрия, а потому предпочел бы умереть на месте, нежели сделать ее своею супругой.

Таким образом, дочь моя, сии три барышни познали разочарование и упустили свое счастье по собственному легкомыслию, ибо принцы откланялись и поспешно исчезли, не молвив ни слова, только самый юный, не сдержавшись, сказал их матери, что хорошее воспитание и любезное обхождение, которые наблюдал он у ее дочерей, принесли ему великую честь и достойны вечной памяти. Дама правильно поняла эти слова и была тем настолько смущена и расстроена, что совсем утратила вкус к жизни и вскоре скончалась».

Итак, необходима величайшая сдержанность не только в движениях, но также во взглядах и речах: «Держитесь всегда с благородным достоинством, холодно и спокойно. Говорите негромко, но последовательно и твердо, всегда к месту и не отступайте от сих правил». Молодая женщина станет выказывать мужу «совершенную любовь и послушание: и не должно вам из-за того ни испытывать особого унижения, ни слишком собою гордиться, ибо вы обязаны служить супругу во всем, что ему

потребно, быть с ним нежной, преданной всецело и любезной». Супруга не вправе выказывать ни малейших признаков ревности, даже если причины таковой очевидны и общеизвестны, а посвятить себя воспитанию детей. «И, что касается дочерей, пока они юны, вам надлежит частенько за ними приглядывать, ибо это весьма опасный возраст».

Не забыла Анна де Божё и упомянуть об обязательствах, налагаемых вдовством: «Коли Господь забрал вашего супруга, наберитесь терпения и ведите себя мудро, не поступая подобно тем безумицам, что в панике бушуют и рыдают, давая клятвы и обещания, о коих забывают два дня спустя». Слишком часто они стирают в душе всякую память о своих достойных мужьях, а порой и пятнают их имя. Меж тем в любых делах следует придерживаться разумной середины, однако «сколь бы вдовая супруга ни молилась, ни постилась и ни творила благих дел, всего этого не может быть слишком много». Что касается управления имуществом и прочих дел, вдовам следует рассчитывать лишь на себя самих и не препоручать сих забот посторонним.

С ближними молодая женщина будет вести себя доброжелательно и просто, утешая тех, кого постигло горе, навещая больных и посылая дары, что доставят им удовольствие. «Поступайте всегда таким образом, чтобы никому не подавать дурной пример; не подавайте никаких поводов к тому, чтобы о вас говорили, и старайтесь нравиться каждому».

Далее следуют советы, как принимать гостей, ибо это искусство было необходимо любой знатной даме.

«Дабы вы чувствовали себя все более и более любимой окружающими, оставайтесь неизменно кроткой и милостивой, особенно с теми, кто приходит к вам в дом. Беседуйте с ними ласково, без высокомерия и снисходительности, не уподобляйтесь некоторым дамам, которые в заносчивости своей держатся как принцессы с теми, кто к ним пришел, и не изволят сделать ни шагу навстречу, принимая гостей или прощаясь с ними, хотя те зачастую превосходят благородством и добродетелями тех, кто их у себя принимает, и последние навлекают на себя насмешки, а порядочные люди от них удаляются (...)».

«Поверьте, великие познания никогда не достигались без добродетели, на которых зиждется благородство. А потому нет почестей, каких не следовало бы воздавать мудрецам за их достоинства. И, коли вы примете их с приятностию, старания возместятся вам вдвойне в виде почестей же или доброй славы повсюду, куда бы ученый муж ни направил стопы. Подобным людям уместно говорить любезные слова, а не поступать, как некоторые неумные женщины, что впадают во гнев по пустякам и дают волю досаде».

«Не будьте ни изменчивы, ни легкомысленны в чувствах своих, пусть даже люди утонченные нагоняют на вас скуку, ибо так рано или поздно вы отдалите их от себя, и тем более не ищите повода от них избавиться, ибо ныне подобные люди так редки, что коли уж они оказались подле вас, их надобно беречь как зеницу ока и не позволять себе поддаваться настроениям».

«Старайтесь вести беседу мягко и отвечать учтиво, говорить о материях добрых и приятственных всякому — в зависимости от того, кому что ближе: так, с людьми набожными беседуйте о нравственности и предметах полезительных для души; с мудрецами придерживайтесь умеренности и возвышенных тем; молодежи порой, дабы она не впадала в скуку и с приятностию проводила время, можно рассказать несколько изящных новых сказок или обронить два-три остроумных слова, дабы рассмешить или развеселить их; людям, обремененным хозяйством, дать полезный совет касательно управления домашними делами. Вы должны оказывать почетный прием чужеземцам, буде оные посетят ваш дворец, а также коли встретите их в ином месте; им надобно уделять внимание прежде, чем прочим, — беседовать, расспрашивать о их обычаях, об устоях и манере одеваться или поведать о здешних вельможах и дамах, вознося им хвалу; и, за беседою, как вопрошая, так и давая советы, вам надлежит производить на них благоприятное впечатление».

«В равной степени, дочь моя, вы должны, путешествуя по разным местам, где бы то ни было, приветствовать простых людей и слабых мира сего, милостиво кивая головой, дабы не судили о вас превратно; ибо, коли вам желательно, чтобы о вас всюду шла добрая молва, следует потрафить как великим, так и малым, ведь именно от них исходит и добрая слава, и скандальные слухи. Весьма полезительно поэтому добиваться их любви, а сего проще всего достигнуть кротостию. Милостиво толкуйте с ними о их мужьях, семьях, детях и хозяйстве, утешая их в бедности и призывая к терпению, ибо сие есть дело богоугодное, оно принесет вам милость Всевышнего и поможет снискать благосклонность света. Стало быть, не жалейте ни усилий, ни языка, коль скоро он может послужить к вашей пользе и вящей выгоде».

Говорить нельзя ни слишком много, ни косноязычно, и делать это надо умеючи. «Коль скоро добрая беседа любима и почитаема всеми, остерегайтесь представлять в ней невыразительной, унылой иль заумной, не уподобляйтесь тем, кто говорит так тихо, что их едва расслышать можно, и мнится, будто каждое слово дается им чрезмерно дорогой ценой иль изъясняться стоит великих трудов, ибо это весьма глупая манера, ведь

благороднейший из даров Господа своим созданиям есть слово». Знатные дамы не в праве быть «скучными или неразговорчивыми», так как, по словам Овидия, «будь они наделены любыми иными совершенствами, все равно подобны статуям или раскрашенным картинкам и в мире сем — лишь тени, мука и доука».

При дворе надобно избегать вмешиваться слишком во многое, а лишь стараться нравиться всем, воздавая каждому почести по заслугам и при сем блюдя неизменно «совесть, честь, откровенность, порядочность и никак иначе».

«Остерегайтесь делать кому бы то ни было замечания, ибо многие, кто изрекал весьма верные и резонные слова с самыми лучшими намерениями, заслуживали ненависть и немало пострадали».

«Поверьте, нет в мире столь совершенного друга, который, доверь вы ему свою тайну, не счел бы, что отныне вы должны еще более стараться ему угождать, а некоторые мнят, что, коль скоро вы им доверились, уже никогда не посмеете ни противоречить, ни обходиться без их советов. Случись же размолвка, они столь яро возненавидят доверившуюся им особу, что поспешат разгласить всему свету вверенную тайну, с досады поелику возможно сгущая краски и присовокупляя от себя лишнее».

«Храните же в тайне все, что может затронуть вашу честь. Однако, если нечто тяготит сердце ваше, если вы испытываете настоятельную нужду открыться и попросить совета, поразмыслите хорошенько, кому и как это сказать. Выберите кого-нибудь из родни мужа или своей собственной, ибо у близких есть более веские причины сохранить секрет, нежели у других. Но сколь бы ни были тесны родственные связи, а необходимость оберегать тайну — существенна, вам должно щедростию поддерживать и то и другое, нравиться, не позволять себе ни малейшей грубости или признаков недоверия, ибо в последних коренятся основные причины, по коим открывают чужие секреты. А если волею случая возникнет необходимость отдалиться от прежнего конфидента, сие надобно сделать так изящно, чтобы никто ничего не заметил, ибо неосторожность может навлечь на вас еще пущие беды (...).

Не допускайте, чтобы в вашем присутствии злословили о ближнем, коли вы — старшая в кругу беседующих, но и будь вы наименее значительным лицом, следует извиниться и с легкостию перевести беседу в иное русло».

Барышням из вашей свиты надлежит «ежедневно слушать мессу, читать положенные молитвы и выполнять иные обязательства, налагаемые на нас церковью: молиться за усопших, часто исповедоваться и

причащаться. А чтобы дать им развлечься, скрасить юные годы и внушить более глубокую любовь к вам, позволяйте время от времени резвиться, петь, танцевать и устраивать хорошие добропорядочные игры без толкотни, грубых прикосновений и ссор. Да и вы, чтобы прогнать меланхолию, можете снизойти до игр и танцев вместе с ними, но не допуская ни излишней фамильярности, ни откровенности, ибо сорвавшееся случайно слово порой оборачивается впоследствии жестоким раскаянием. Тот, кто хранит свои тайны под покровом, — держит их в своей власти, но стоит проговориться — и они будут властвовать вами».

Что до служанок, то последние требуют пристального надзора:

«Указывайте им на оплошности мягко и в немногих словах. А коли окажутся упрямы и злонравны, не тратьте попусту время, надеясь их исправить: тут лекарство одно — как можно скорее отказать от дома. Безумие — держать при себе подобных людей, равно как слишком бойких на язык, сплетниц, хохотушек и лгуний, ибо они опасны. Все это нередко оборачивается против хозяина или хозяйки, так что тут никакие предосторожности не могут быть излишними.

Неизменно держите дом в чистоте и добром порядке, не допуская в него слуг со скверной репутацией или дурного поведения, без стыда и чести, особливо же в сем отношении не спускайте глаз с женщин, не позволяйте им ни дерзости, ни злоречия, держите в подчинении и страхе, строго блюдя иерархию, как и положено в хорошем доме. Всегда показывайте им добрый пример, ибо сие служит к вашей чести, а им — на пользу».

Зависть — наихудший из пороков. «Остерегайтесь же заразиться им сами и не попустительствуйте в сем отношении ни одной из женщин дома вашего, так как грех оный как ничто иное споспешествует злословию о ближнем, а это тяжкая провинность. Помните, стоит хоть единожды пустить зависть на порог — и ни один дом самого достойного князя или владетеля уже не будет ни честным, ни добропорядочным во мнении окружающих».

Следует равно избегать лжи, матери всех пороков, а также насмешничания, бесчестного передергивания, которое свидетельствует о скудости ума. «Не могут все быть равными в познаниях, совершенстве ума и жизненном опыте. Следственно, коли вам дарована мудрость, возблагодарите Бога и по-доброму, без насмешек исправляйте ошибки своих подданных. Если кто-то уверяет, будто насмешливость — свойство его характера, то демонстрирует тем самым лишь врожденную глупость, а коли ссылается на привычку, показывает, что имел дело лишь с дурными

людьми».

Наконец, необходимо избегать праздности, «дочери дьявола», это ведет дам к гибели. Дабы ускользнуть от ее тенет, надобно посвятить себя благотворительности, чистым помыслам и поддерживать последние полезительным чтением. Сие дает пищу раздумьям о благочестивых книгах или трудах философов и древних мудрецов. Можно также занимать ум «милыми и невинными забавами вроде шахмат, настольных игр, игр в классы и прочих развлечений», не превращая их, однако, в постоянное занятие, ибо дамам серьезным надлежит посвящать себя более важным делам.

Смирение, кротость, искренность, доброта — вот качества, которые в глазах света должно проявлять истинной молодой даме. Диана очень рано освоила эту премудрость. Но величайшим уроком, полученным ею при дворе Бурбонов, было то, что при любых обстоятельствах руководствоваться надобно здравым смыслом. На протяжении всей жизни осторожность и расчет будут диктовать ей правила поведения.

Тем не менее Диана знала, что всегда следует учитывать и вмешательство в судьбу удачи, чистого везения. Сама эпоха — времена Итальянских войн — благоприятствовала переменам и тяге к приключениям. Можно было в мгновение ока достигнуть славы или же, наоборот, лишиться ее. Будущее принадлежало тому, кто отваживался связать судьбу с кем-то более влиятельным и сильным. Подобный выбор сделал и Жан Сен-Валье, чья карьера стала образцом и для его дочери.

В 1499 году 25-летний Жан Сен-Валье сопровождал Людовика XII в миланском походе. Сумел он отличиться и на поле брани: во главе 25 копейщиков захватил местечко Виджевано^[45]. В 1501 году де Валье участвовал в походе на Неаполь, а в 1502 году с победой вошел в Капую бок о бок с Людовиком Бурбоном-Монпансье. Принц был старшим сыном Жильбера де Монпансье, бывшего вице-короля Неаполя при Карле VIII, при отступлении французов умершего в Пудзоле от «прилива злокачественной крови». Судьбе было угодно, чтобы Людовик, его сын, скоропостижно скончался в Пудзоле от того же недуга, что и отец. Останки набальзамировали и положили в свинцовый гроб, где покоилось и тело Жильбера. Оба тела доставили во Францию и похоронили в Эгперс, владении Монпансье.

Жан Сен-Валье перенес тогда свою преданность на Шарля де Монпансье, второго сына вице-короля Жильбера. Последний родился 17 февраля 1490 года и достиг всего 12 лет, однако был преисполнен

решимости внушить почтение к своим правам^[46].

Пьер де Божё II, герцог де Бурбон, умерший 10 октября 1503 года, имел только одну наследницу, двенадцатилетнюю дочь Сюзанну. Согласно давним договоренностям, много поколений назад заключенным между членами дома Бурбонов, имения в подобном случае отходили ближайшему родственнику мужского пола, дабы избежать возвращения их в собственность Короны, и таковым наследником должен был стать юный Шарль де Монпансье. Однако вдова Пьера, герцогиня Анна, убедила короля Людовика XII признать права ее дочери и тотчас наложила руку на управление всем наследством: герцогствами Бурбонским и Овернским, графствами Клермон, Форе, Марш и Гиень, виконтствами Карла, Мюра, Шательро, сеньориями Божоле, Аннонэ, Бурбон-Ланси и Рош-ан-Ренье. Юный граф Шарль де Монпансье выступил с протестом против того, что он счел грабежом. В ответ на поданную им жалобу король предложил графу жениться на кузине Сюзанне и таким образом вернуть утраченные имения^[47].

Свадьбу отпраздновали 10 мая 1505 года. Молодой вельможа присовокупил к владениям своей семьи те, что принадлежали старшей линии семейства Бурбонов. С этого момента его земли стали почти столь же обширны, как у прежних герцогов Бургундских. Окрыленный этим новым для него могуществом, Шарль Бурбон в 1507 году участвовал в экспедиции Людовика XII против Генуи: при этом он за свой счет экипировал сотню ратников и столько же лучников, а после падения города устроил празднества и пиры. Вокруг герцога собрался двор преданных вассалов, и в первом ряду — Жан Сен-Валье. Он тратил деньги, не считая и «не получая от короля ни единого денье»^[48]. Средств было достаточно: по возвращении домой на него посыпались щедрые «безвозмездные даяния» от различных вассальных княжеств.

Во время кампании против Венеции в 1509 году Шарль Бурбон блестяще способствовал победе. 14 мая на поле битвы при Аньядель вместе с Луи де Ла Тремуем он помчался на помощь королевскому авангарду в том момент, когда тот уже готов был дрогнуть^[49]. Когда Юлий II, примирившись с венецианцами, привлек Испанию к союзу против Франции, Людовик XII послал Шарля де Монпансье в Гиень, дабы там попытаться вернуть Наварру, откуда Фердинанд Арагонский только что изгнал короля Жана д'Альбре^[50]. В том же 1512 году французская победа при Равенне обернулась разгромом из-за смерти Гастона де Фуа. Отступление с

итальянских территорий диктовало необходимость укрепить границы: с этой целью 1 мая 1512 года Жан де Валье был назначен помощником губернатора Дофинэ ^[51].

В 1513 году, после смерти Юлия II Лев X продолжил его враждебную Франции политику, и Людовику XII пришлось вновь вести военные действия против Италии. К великому неудовольствию Шарля Бурбон-Монпансье, король поручил это Ла Тремую. Однако это вовсе не означало королевскую немилость. В 1514 году Шарль изгнал из Бургундии швейцарцев, осадивших Дижон ^[52]. Тем временем Жан Сен-Валье продемонстрировал свои таланты, продолжая укреплять Дофинэ и Прованс, став великим сенешалем последнего ^[53].

Шарль и его преданный сторонник получают награду за верность. Перед помазанием на престол новый король Франциск I вручил принцу шпагу коннетабля, которую никому не жаловали уже 15 лет, и плюс к тому осыпал его множеством других милостей: даровал должность первого камергера, управление Лангедоком, доходы от соляных складов относящихся к нему владений ^[54].

Усердие Жана Сен-Валье тоже не осталось втуне: он был произведен в капитаны королевской Сотни дворян, а потом и в кавалеры ордена Святого Михаила. Получив столь высокие знаки отличия, он приобрел возможность позволить себе заключить брачный союз между своей дочерью Дианой и Луи де Брезе, богатым и почитаемым 50-летним господином, близким родственником короля. Контракт был подписан 15 мая 1515 года ^[55]. Церемония состоялась в Париже на следующий день после Пасхи во дворце Бурбонов в присутствии короля Франциска I и королевы Клотильды. Новобрачная возвысилась до положения фрейлины матери короля и королевы ^[56].

В июле, вскоре после свадьбы Луи де Брезе, как и Жан Сен-Валье, отправился в Италию, причем каждый — в качестве командира роты. «Они проявили доблесть и сделали все, что надлежит хорошим военачальникам и отважным предводителям храбрецов ^[57]». И действительно, де Брезе и де Сен-Валье участвовали в блестящей сентябрьской Мариньянской кампании 1515 года и приняли почести вместе с королем 11 октября, когда тот торжественно въехал в Милан. Слишком скоро лишившись общества супруга, юная Диана заскучала. Она попросила мужа посылать ей письма через казначея Франции Флоримона Роберте ^[58]. Наконец великий сенешаль вернулся домой. В отсутствие мужа юная супруга успела объехать свои

новые нормандские владения^[59]. Она открыла для себя официальную резиденцию, старинный замок в Руане, имевший в те времена множество просторных покоев рядом с донжоном, башню Буврей, обставленную и украшенную гобеленами Жанной Креспен, одной из прародительниц Луи де Брезе. Многочисленные владения де Брезе в нормандской провинции содержались в полном порядке. В замке Бек-Креспен парадная дверь, подъемный мост и крыши были отремонтированы, а комнаты отделаны заново. Тогда же, в 1513 году, благодаря реквизициям у «вилланов и горожан» Монтивилье, Луи де Брезе восстановил гавань Ок, аванпорт Арфлера. Диана прокатилась и по другим имениям великого сенешаля — Мони, Сен-Мартен-дю-Вивье, Гонфревиль-д'Орше, а также побывала в Молеврие, Плане, Сент-Уан-де-Турбвиле, Торе близ Бёзвиля. На границе с шартрскими землями владения Луи де Брезе образовали громадное поместье с замками Ножан-ле-Руа и Ане, а также соседними уделами Бреваль и Моншове.

Диана оценила близость необъятного леса, простиравшегося до самого Дрё. В его дебрях она могла предаваться любимому увеселению — охоте. Однако обязанности фрейлины заставили Диану присоединиться ко двору, дабы встретить короля в Провансе в январе 1516 года, а потом сопровождать его через долину Роны, Авиньон, Валанс и Вьенн до Лиона, куда монарх прибыл в конце февраля. Там велись важные закулисные переговоры. После смерти Фердинанда Арагонского и восшествия на престол его внука Карла Австрийского Франциск I хотел урегулировать спорные вопросы между обоими царствующими домами. Переговоры шли полным ходом, пока король задержался сначала в Лионне, затем в Савойе, где отправился на поклон Шамберийской плащанице, и, наконец, в Дофинэ, на родине Дианы. 13 августа 1516 года в Нуайоне мир вроде бы заключили, и он должен был подкрепиться союзом Карла Испанского с Луизой, старшей дочерью Франциска I, а также другими соглашениями, подписанными с императором Максимилианом, швейцарцами и папой Львом X^[60]. Оккупацию герцогства Миланского и обеспечение безопасности этого завоевания поручили коннетаблю Бурбону. А король мог со спокойной душой предаваться радостям любви с Франсуазой де Фуа, графиней де Шатобриан. При дворе празднества следовали одно за другим. Для Дианы они чередовались с другими торжествами — семейными. 2 марта 1516 года молодая женщина присутствовала на свадьбе своей сестры Анны с Антуаном, бароном де Клермон-ан-Трев, состоявшейся в Валансе. А 8 июля она отправилась в Сен-Валье на

бракосочетание своего отца и Франсуазы де Шабанн, племянницы маршала де Ла Палис и вдовы Луи де Миолана, маршала Савойи^[61]. Сама она надеялась вскоре родить сына и подарить великому сенешалю наследника, но в январе 1518 года разрешилась от бремени дочерью Франсуазой, а три года спустя на свет появилась еще одна девочка — Луиза. Письмо, адресованное Луи де Брезе сыну маршала де Монморанси во время беременности Дианы, доказывает, что супруги жили в полнейшем согласии и пользовались дружеским расположением короля^[62].

Несмотря на то, что его родственники де Брезе вели относительно уединенный образ жизни, Франциск I и впрямь не забывал о вельможе и его молодой супруге. Возможность воздать им надлежащие почести выпала 9 и 12 мая 1517 года во время церемоний по случаю коронации и миропомазания королевы Клотильды в Сен-Дени и ее торжественного въезда в Париж. Чета де Брезе занимала почетное место, а после празднеств король предпринял путешествие по всем своим владениям^[63]. Гигантский «королевский кортеж» двинулся в путь через Экуан и Компьень, дабы посетить Атьен, Аббевиль, Монтрей и Сен-Кантэн. После Пикардии королевской свите открылась Нормандия, и вереница карет растянулась от Арка до Дьеппа. 2 августа короля наконец принимал Руан, а на следующий день — и королеву.

Прием был поистине роскошен. Об этом позаботился Луи де Брезе. Среди гобеленов, шпалер и цветов на перекрестках и площадях города двигались живые картины. На мосту Робек Геракл и Атлант поддерживали Земной шар, а тот, разверзшись, являл взору картину победы саламандры над медведем и быком, намекая на триумф в битве при Мариньяно. Из лилии выпархивали три юные девы, облаченные в национальные костюмы — итальянский, немецкий и миланский, олицетворяя победы, одержанные королем. На Павлиньем перекрестке Юпитер поражал молниями Титанов, а на перекрестке Кросс Паллада чествовала короля и добивалась для него у Юпитера места на звездном небе. В Книжных дворах среди роз и виноградных лоз Дева, окруженная музыкантами и юными девушками в цветочных венках, ласкала коленопреклоненного агнца — символ города, преданного своему королю. Наконец, перед собором, была воздвигнута конная статуя Франциска I.

Луи де Брезе обогнал суверена, дабы в качестве управляющего Руана вручить ему ключи от города. Он превосходно выглядел в камзоле из парчи, с золотой орденой цепью на шее и восседал верхом на бесценном скакуне под чепраком, подобранным в тон одеждам хозяина. А следом двигалась

блестящая свита всадников, «детей города», сыновей буржуа, облаченных в роскошные платья. Под перезвон колоколов всех церквей великий сенешаль присоединился к кортежу прославленных вельмож — коннетаблю Бурбону, Жану Стюарту, герцогу Олбани, графу Сен-Поль, Лотреку, Людовику Клевскому, Артуру де Гуффье, Людовику де Ла Трему, Жаку Шабанну, Людовику Вандомскому и Карлу Алансонскому, сводному брату короля, только что назначенному губернатором Нормандии. Диана принимала короля в Руанском дворце, а потом — в сельском имении Мони, где Франциск предавался наслаждениям охоты, пока его министры обсуждали с штатами Нормандии размеры финансовой помощи. После двухдневных переговоров 26 августа нормандцы согласились с планом, предложенным канцлером Дюпра: уплатить в королевскую Казну 123 тысячи ливров 15 сентября и еще 627 тысяч — чуть позднее^[64].

Удовлетворенный сговорчивостью провинции, король отправился на отдых в Гайон, потом через Эврё, Берне и Лизьё поехал в Аржантен, резиденцию своего сводного брата герцога Алансонского. Там он узнал о рождении у коннетабля Бурбона сына и изъявил намерение отправиться на его крестины. Таким образом, король подчеркнул свое твердое желание сблизиться с родичем, чья чувствительность уже несколько раз затрагивалась самым неприятным образом, особенно когда на посту губернатора Миланского его заменил маршал Лотрек, Оде де Фуа, брат королевской любовницы Франсуазы де Шатобриан. Диана и все семейство Сен-Валье, столь тесно связанное с Бурбонским двором, могли только радоваться перспективе грядущего примирения.

Глава III

ВЕРНОСТЬ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО

Крестины сына коннетабля состоялись 27 октября 1517 года в Мулене. Король, как и было обещано, держал ребенка на крестильных пеленах. Он нарек крестника своим именем, а Байяр перепоясал младенца-рыцаря прямо в колыбели. В честь короля Шарль Бурбон устроил празднества и пышные турниры. Однако эта демонстрация богатства не помешала ему напомнить Франциску I о том, что тот так и не возместил коннетаблю значительных вложений, сделанных в Италии сразу после битвы при Мариньяно, дабы укрепить гарнизоны и надстроить стены фортификационных сооружений^[65]. Разумеется, Шарль Бурбон мог бы получить со своих земель много больше того, что истратил, однако его

возмущала необходимость выплаты столь крупной суммы из собственных средств, в то время как все расходы полагалось бы нести Короне. Требования коннетабля не были удовлетворены ^[66].

Отнюдь не обескураженный, Шарль Бурбон вновь выдвинул их на следующий год в Амбуазе на крестинах дофина Франциска. И снова получил отказ. Раздосадованный коннетабль возвратился в свой замок Монлюсон, где узнал о смерти сына и болезни жены, вызванной очередным выкидышем, случившимся уже после того, как «она потеряла еще двух зачатых ею прежде сыновей» ^[67]. Сюзанна де Бурбон составила завещание 15 декабря 1519 года, в котором объявила мужа единственным наследником всех своих имений, а после него — детей, которые могли родиться у него от другого брака ^[68].

Успокоенный таким образом насчет сохранности семейного достояния, коннетабль принял участие во встрече, организованной в июне 1520 года королем Франции в Лагере Золотого Покрова, чтобы заручиться поддержкой Генриха VIII против Карла V, избранного императором в июле 1519 года. Камзол его украшала дивная жемчужина стоимостью 10 тысяч экю, и это так поразило короля Англии, что он прошептал на ухо Франциску I: «В лице господина коннетабля брат мой имеет подданного, чьим сюзереном мне бы никоим образом не хотелось быть». Столь откровенная роскошь вызывала зависть Луизы Савойской, Бонниве и канцлера Дюпра, которые то и дело старались выставить коннетабля в невыгодном свете в глазах короля. Зато Жан Сен-Валье, соратник и confident Шарля Бурбона, великолепную свиту последнего и выказываемую им надменность, приличествующую принцу крови, воспринимал, напротив, лишь как дополнительный предмет гордости. Родство с Бурбонами, достигнутое благодаря брачному союзу, льстило его самолюбию. И в самом деле, его дядя по материнской линии Жан де Ла Тур д'Овернь женился на Жанне де Бурбон-Вандом, и от этого брака родились две дочери, которых при французском дворе считали принцессами королевской крови. Старшая, Анна, графиня д'Овернь, в 1505 году вышла замуж за Джона Стюарта, родича короля Шотландии и герцога д'Олбани. Младшую, Мадлен, Франциск I отдал в супруги герцогу Урбино Лоренцо Медичи, который от имени своего дяди, папы Льва X, стал крестным отцом дофина Франциска. Церемония состоялась 2 мая 1518 года, а 13 апреля 1519 года родилась Екатерина, родственница и Бурбонов, и де Сен-Валье. Впрочем, родители девочки умерли вскоре после ее рождения, и, казалось, судьба сироты осталась навеки связана с Италией. Диана де Брезе и

вообразить не могла в те времена, чем в один прекрасный день обернется для нее это отдаленное родство. Не могла она предвидеть и насколько отразится на ее будущем появление на свет 31 марта 1519 года второго сына короля, Генриха, герцога Орлеанского.

Королевская семья росла, к величайшей радости королевы-матери, Луизы Савойской, почти каждый год обзаводясь новым отпрыском. Луиза отмечала каждое пополнение семейства в своем дневнике, с огромным удовлетворением противопоставляя плодовитость королевы Клотильды неудачным попыткам коннетабля и Сюзанны де Бурбон обзавестись потомством.

Весной 1521 года, когда его жена умерла, Шарль Бурбон, вполне естественно, рассчитывал воспользоваться теми пунктами завещания Сюзанны, где он был объявлен единственным хозяином и господином, вольным по своему усмотрению распоряжаться громадным состоянием Бурбонов, и заключить новый брачный союз. Однако он не учел вмешательства могущественного противника, вознамерившегося во что бы то ни стало получить свою долю наследства Бурбонов, — матери короля Луизы Савойской, доводившейся покойной Сюзанне двоюродной сестрой. Она оспаривала права вдовца на всю совокупность наследства, требуя себе те владения, что передавались в роду по женской линии, такие, как сеньория Божоле и княжество Домб. Прочие земли, полученные коннетаблем в качестве уделов, подлежащих передаче по мужской линии, должны были бы, по ее мнению, вновь отойти к королевскому домену.

Однако, прежде чем оспаривать права наследования, Луиза предложила сделку: пусть Бурбон на ней женится, и она прекратит судебный процесс^[69]. Королеве-матери было 44 года, коннетаблю — 31. В объяснение подобного демарша выдвигалась даже версия, будто некогда у них была любовная связь. Тем не менее коннетабль отверг предложение Луизы как постыдное, сочтя его гнусной попыткой грабежа^[70]. Анна де Божё подогривала его волю к сопротивлению. А чтобы ее поддержка не была голословной, 1 июля 1521 года герцогиня передала Шарлю Бурбону все свои владения, как наследственные, так и нажитые совместно с супругом^[71], более того, посоветовала заручиться поддержкой Карла V, постоянного противника Франциска I и единственного, кто мог оградить коннетабля от королевского произвола. Таким образом восстановился бы традиционный альянс Бурбонов и Бургундского дома. Впрочем, между ними и без того сохранялись добрые отношения: за возвращение герцогства Сесса, принадлежавшего отцу коннетабля Жильберу де Монпансье как

часть Неополитанского королевства, Карл V обещал уплатить компенсацию, а после смерти Сюзанны передал через своего посла при французском дворе Филибера Натурелли, что у него есть сестра на выданье и Шарлю неплохо бы было об этом поразмыслить ^[72].

Королева-мать, раздосадованная сговором Анны де Божё с бывшим зятем и уязвленная тем, что тот отверг ее авансы ^[73], поручила канцлеру Дюпра в январе 1522 года опротестовать право наследования Бурбона в Парижском парламенте ^[74]. Потом добилась, чтобы его отстранили от командования авангардом королевской армии, отбывающей в Италию. Эта мера, по сути равная опале, избавила коннетабля от большого стыда, ибо таким образом его имя не фигурировало в числе побежденных в битве при Да Бикоке 27 апреля 1522 года. Зато Жану Сен-Валье, несмотря на довольно серьезную болезнь, пришлось участвовать в этом сражении. Он привел в Италию отряд численностью в 7 тысяч человек, которых вынужден был экипировать и оплачивать из собственного кармана ^[75]. При Ла Бикоке Жан Сен-Валье потерял пасынка, сына своей жены, Луи де Миолана. У последнего осталась дочь-наследница по имени Клотильда, выросшая при Савойском дворе, которую Сен-Валье хотел выдать за родного сына, Гийома. Анна де Божё не благоволила этому плану — у нее был другой претендент на руку Клотильды. Однако все зависело от решения герцога Савойского, опекуна девушки. Дабы склонить его на свою сторону, требовалось немало пожонглировать связями в высшем свете. Вернувшись из Италии, Сен-Валье, естественно, просил коннетабля добиться для него согласия герцога. Шарль Бурбон согласился послать в Савойю кавалера Сен-Бонне, но Сен-Валье, сочтя посланца слишком «незначительным дворянином», воспользовался пребыванием королевского двора в Лионе летом 1522 года, чтобы встретиться с Луизой Савойской. Он попросил королеву-мать о заступничестве, потом упомянул о судебной тяжбе с Короной из-за графств Диуа и Валентинуа. Предложенную компенсацию в виде трех тысяч ливров ренты Сен-Валье полагал недостаточной. «Не заботьтесь об этом и положитесь на меня, — отвечала ему мать короля. — Я велю покончить с вашей тяжбой». Сен-Валье напомнил ей, что за время последней итальянской кампании он потерял более 40 тысяч ливров, а со дня восшествия на престол Франциска I потерял на королевской службе порядка 100 тысяч экю.

Тут же последовало предложение: Сен-Валье возместят все расходы, если он вместе с коннетаблем согласится предпринять карательную экспедицию против бандитов, опустошающих все королевство. Вельможа

высокомерно отказался: «Уж не хочет ли король сделать из меня сержанта на службе у префекта полиции?»

Разговор с Луизой Савойской убедил и Сен-Валье в том, что ему нечего ждать ни от суверена, ни от его матери, и граф пожаловался на их бесцеремонность коннетаблю. Тот пригласил его в гости. Приехав в июле 1522 года в Бутеон-ан-Форс, он увидел потрепанного жизнью, «очень старого и меланхоличного» господина. Шарль Бурбон милостиво принял молодых куропаток, привезенных Сен-Валье к ужину, поблагодарил и в свою очередь преподнес флакон бальзама и арбалет. Заодно коннетабль пообещал отправить к герцогу Савойскому епископа дю Пюи, двоюродного деда юной Клотильды де Миолан, дабы тот устроил желаемый брачный союз. Потом он перешел к излияниям и признался давнему сподвижнику, что возмущен поведением короля, который грозит секвестрировать его владения ^[76].

В августе 1522 года, отбросив последние колебания, Шарль Бурбон перешел под покровительство Карла V. Франсуа де Перюс де Кар, сеньор де Ла Вогийон и сенешаль Бурбоннэ должны были встретиться от его имени с Адриеном де Круа, сеньором де Борэн, вторым камергером императора. Узнав о планах захвата Франции Генрихом VIII и Карлом V, коннетабль обязался в мае 1523 года присоединиться к ним с 500 всадниками и 8–10 тысячами пехотинцев, чье жалованье уплатят союзники ^[77].

Франциск I не знал о подробностях этого договора, но, поскольку до него дошли слухи о предполагаемой женитьбе Шарля Бурбона на сестре Карла V, король прилюдно обратился к родичу, горько упрекнул его в скрытности и даже назвал лжецом. Разобиженный коннетабль покинул двор в ярости и укрылся в своих владениях. В середине июля 1523 года он собрал всех преданных ему людей в Монбризоне ^[78].

Собрание получилось многолюдным. Его составили дворяне и крупные служители церкви, такие, как Антуан де Шабанн, епископ дю Пюи, брат маршала де Ла Палис и Жак Юро, епископ Отэна. Среди вельмож, примчавшихся на его зов, коннетабль особенно доверял Жану Сен-Валье. Заставив его принести клятву на ковчежце с кусочком Истинного Креста в том, что он никому не расскажет об услышанном, Шарль Бурбон пригласил Сен-Валье на тайную встречу с Борэном ночью в субботу 18 июля 1523 года, во время которой был составлен окончательный текст договора с Карлом V ^[79].

В ряде статей оговаривалось, что Шарль Бурбон возьмет в супруги

одну из сестер императора — вдову португальского короля королеву Элеонору или инфанту Екатерину — и получит в приданое 200 тысяч экю. Он присоединится к альянсу императора с Генрихом VIII Английским против Франциска I и будет споспешествовать их вторжению. Уточнялось, что император войдет во Францию через Нарбонн с 18 тысячами испанцев, 10 тысячами немецких ландскнехтов, двумя тысячами тяжелой и четырьмя тысячами легкой кавалерии. Король Англии высадится на западном побережье королевства с 15 тысячами пехотинцев и 500 всадниками, к которым присоединятся еще 3 тысячи пехотинцев и 500 всадников из Нидерландов. Оба монарха начнут военные действия в середине августа, как только Франциск I отправится из Лиона в Италию. Через 10 дней герцог де Бурбон предпримет собственную кампанию. В виде подкрепления он получит из Франш-Конте 10 тысяч ландскнехтов, которые будут набраны для него в Германии и чье жалованье должно быть уплачено из 200 тысяч экю, авансированных Карлом V и Генрихом VIII. Тот факт, что Сен-Валье знал условия договора в таких подробностях, достаточно ясно показывает, насколько он был приближен к коннетаблю и разделял его взгляды.

Договор, составленный секретарем Борэна Шато — ради пущей сохранности тайны чиновники к этому делу не привлекались, — был написан в двух экземплярах. Один предназначался для Карла V, второй оставил себе коннетабль. Оба подписаны Бурбоном и Борэном, на Евангелии поклявшимися соблюдать все условия. Копию договора секретарь Шато доставил в Англию. А дабы окончательно скрепить узы с императором, коннетабль одновременно с Борэном отправил в Испанию господина Сен-Бонне испросить для него у Карла V руку его сестры^[80].

На следующий день после подписания договора Сен-Валье вдруг осознал, сколь суровые обязательства связали их со злейшим врагом Франции. В ужасе он примчался к коннетаблю. «Монсеньор, — сказал Сен-Валье, — из-за этого союза вы станете виновником вторжения во Францию императора и короля Англии, немцев, испанцев и англичан. Подумайте, сколько это принесет зла, кровопролития, разрушенных городов, домов, церквей, изнасилованных женщин и прочих бед, проистекающих от войны. Вы ведь член королевского дома Франции, один из самых влиятельных ныне принцев, вы всеми любимы и уважаемы. Но, способствуя гибели сего королевства, вы станете самой одиозной фигурой из всех, когда-либо существовавших на свете, а проклятия в ваш адрес не смолкнут и через тысячу лет после смерти. Подумайте также, сколь великую измену вы

совершаете. После того как король отбудет в Италию, а Францию, доверяясь вам, оставит вашему попечению, вы нанесете ему удар в спину, сгубив вместе с королевством. Умоляю, хоть из любви к Богу, примите все это в расчет, и пусть вы не испытываете почтения к королеве и ее царственным сыновьям, молю вас, не чините погибели сему королевству, чьи враги, после того как вы откроете им дорогу, и вас самого изгонят отсюда».

Бурбон не позволил себе растрогаться. «Брат мой, — ответил он Сен-Валье, — а чего бы ты от меня хотел? Король и его мать жаждут меня уничтожить. Они отняли большую часть того, что я имею, а теперь добиваются моей смерти». «Монсеньор, молю вас, оставьте эти недобрые замыслы, — продолжал увещевать Сен-Валье. — Доверьтесь Богу и поговорите с королем откровенно»^[81]. Возвратись на службу ко двору, вельможа, верный принесенной на кресте клятве, остерегался возбудить у короля подозрения. Франциска I в то время полностью занимали приготовления к походу в Италию и разработка диверсионных операций против Испании, возложенных на Лотрека в Гаскони и Лекуна в Лангедоке. А коннетабль укреплял две свои главные твердыни — замки Шантель и Карла. Он призвал к себе капитана Ла Клайетта с конным отрядом, а капитана Сен-Сафорэна, служившего под его началом еще в Италии, отправил набирать 4 тысячи пехотинцев в Во и Фосиньи. В Савойю он послал Антуана де Шабанна, епископа Пюи. На сей раз прелату было поручено кое-что поважнее, чем подготовка брачного союза Сен-Валье: ему предстояло уговорить своего родича герцога выступить на стороне коннетабля. В Дижоне Эймар де При получил приказ подкрепить свои силы еще тысячью пехотинцев. Более двух тысяч дворян были обязаны присоединиться к коннетаблю как его вассалы.

Чтобы облегчить высадку английским войскам, Бурбон направил одного из своих агентов, некоего Люрси, к двум юным нормандцам, Жаку де Матиньону и Жаку д'Аргужу, воевавшим в Италии под его командованием. Однако в результате всей этой лихорадочной деятельности Шарль Бурбон заболел. Из Монбризона коннетабля на носилках перевезли в Мулен, где ему предстояло ждать отъезда Франциска I в Милан^[82].

Узнав о скором прибытии посланца от коннетабля, Матиньон и Аргуж в начале августа отправились на встречу с ним в Вандом. Каждый прихватил с собой пять-шесть всадников. В действительности все они воображали, будто Бурбон хочет взять их с собой в Италию. Дворян удивило, что Люрси пригласил их прийти в изолированную от прочих помещений комнату гостиницы «Три короля», где они остановились. Там,

заставив молодых людей поклясться в неразглашении того, что им предстояло услышать, посланец сообщил о скором браке коннетабля с сестрой императора и о договоре сражаться на стороне немецкой, испанской и английской армий, которые вторгнутся во Францию. От имени хозяина Люрси поручил нормандцам деликатную миссию: облегчить высадку и оккупацию Нормандии английскому адмиралу. Он пообещал Матиньону и Аргужу, что они будут управлять провинцией, когда коннетабль и император со своими войсками захватят Лион и первый из них встанет во главе королевства. Исполнение этого плана уже продвинулось очень далеко. Речь шла о том, чтобы схватить Франциска I, когда тот будет пересекать провинцию Бурбоннэ, и заключить его в замке Шантель. Люрси уточнил, что сам он советовал убить короля, но коннетабль не дал на это согласия^[83].

Совершенно неожиданно для Люрси от этих слов нормандские дворяне пришли в ужас. Аргуж сразу отказался вступить в сговор, заявив, что никогда не станет предателем своего короля и страны. Матиньон попросил дать ему одну ночь на размышления, однако на следующий день объявил, что лучше умрет, чем согласится участвовать в таком деле. Мучимые совестью, молодые люди, несмотря на данную клятву, были не в состоянии хранить тайну. Оба пошли на исповедь к епископу Лизье Жану Ле Венёру. Несмотря на то, что канон запрещает нарушать тайну исповеди, епископ тотчас уведомил о заговоре Луи де Брезе, великого сенешаля Нормандии. Последний, как только его ввели в курс дела, послал к королю двух курьеров. Текст письма у обоих был одинаков, но ехать им предписывалось разными дорогами, чтобы хоть один наверняка добрался до адресата. Произошло это 10 августа^[84]. Великий сенешаль предупреждал Франциска I о заговоре и готовящемся вторжении:

«Сир, от служителя Церкви мне стало доподлинно известно, что два дворянина в заботе о Вашем благе и чести поведали ему на исповеди о намерении короля Англии высадить на здешних землях войска приблизительно в десятый день сентября и хотел склонить означенных дворян к измене при пособничестве одного из влиятельных лиц королевства, но те оное предложение отвергли. По-видимому, означенный король Англии со своим войском намерен высадиться ближе к Пикардии.

Сир, от того же слуги Церкви стало мне ведомо, что император собирает войска поблизости от Ревийона (Руссильона),

дабы оттуда проникнуть в Лангедок. И надобно остерегаться одной из величайших персон Вашего королевства и Вашей крови, ибо лицо сие обязалось тому способствовать данной ему властью, и собирается пропустить 12 тысяч ландскнехтов через Брессе, дабы те проследовали непосредственно в Лион, а кроме того, открыть путь императору и его войскам в Лангедок.

Сир, надобно еще остерегаться Дижона, ибо среди тех, кому надлежит печься о граде сем, и глав тамошнего гарнизона есть состоящие в сговоре с упомянутым влиятельным вельможей. Необходимо также принять меры и к охране Вашей особы, так как упомянуто было о возможности попыток захватить Ваше Величество между Муленом и Лионом и поместить в крепость неподалеку от Мулена в провинции Бурбоннэ или же на границе Оверни.

Сир, служитель Церкви уверил меня, что исповедовавшиеся ему означенные дворяне предпочтут скорее погибнуть, нежели причинить Вам зло, и надеется побеседовать с ними вновь в течение ближайших двух дней. Я бы с радостью отдал всю кровь свою за то, чтобы оказаться ныне подле Вас и высказать самолично то, что вынужден излагать в письме, и дополнить сведения, каковые удастся почерпнуть от означенных дворян. Но, коли Вы сочтете, что обязанности, каковые Вам было угодно на меня возложить, не терпят ни малейшей отлучки, думается, имело бы смысл послать ко мне преданного Вам дворянина, через коего я смог бы оповестить Вас обо всем, что сумею разузнать о данном деле. По моему мнению, Сир, Вам не следует двигаться далее, не узнав прежде всех планов заговорщиков. Еще посылаю к Вам двоих курьеров из опасения, что один мог бы заболеть и не доехать. А содержания письма они не ведают, ибо подобные вещи надлежит хранить в тайне.

Сир, месье де Лизье и я по-прежнему пребываем в полном согласии и сообща печемся о здешних делах по мере сил своих и возможностей.

Благоволите изъявить мне Ваши пожелания, Сир, дабы мог я служить исполнению оных до конца дней моих, моля Всевышнего даровать Вам долгую и счастливую жизнь.

Писано в Арфлэре, 10 августа

Вашим низжайшим подданным и слугой де Брезе».

Один из курьеров с письмом сумел добраться в Клери 15 августа около 8 часов утра. Прочитав письмо, Луиза Савойская немедленно приказала великому сенешалю отправить к ней обоих дворян-нормандцев. Королева-мать поручила их допросить канцлеру Антуану Дюпра и казначею Флоримону Роберте, что те и выполнили в Блуа 8 сентября. Однако молодые люди сумели добавить к уже рассказанному очень немного.

В свою очередь Франциск I получил письмо великого сенешаля в Сен-Пьер-де-Мутье 15 августа — накануне того дня, когда собирался войти в Мулен. Коннетабль не выехал навстречу, а лишь просил передать, что прикован к постели болезнью^[85]. Король, преисполнившись подозрений, приказал незаконнорожденному отпрыску Савойского дома и великому мажордому Франции, уже успевшему покинуть Мулен, вернуться туда вместе со своими ландскнехтами, а сам вместе с отрядом во главе с герцогом де Лонгвилем отправился в замок требовать объяснений у Шарля Бурбона. Тот, не вставая с постели, заявил, будто император и впрямь делал ему кое-какие предложения, но он, коннетабль, их отверг. Он вновь отрицал, что вел переговоры насчет брака с сестрой Карла V и вступил в сговор с врагами Франции. Франциск I сделал вид, будто его это убедило. Вместо того чтобы арестовать коннетабля, он еще раз попытался завоевать его доверие и обещал вернуть все земли, даже если вердикт парламента оказался для него неблагоприятным. Вдобавок король предложил Бурбону разделить с ним командование итальянскими армиями. После этого Франциск I покинул Мулен, не сомневаясь, что укрощенный и преисполненный благодарности коннетабль вскоре последует за ним в Лион. Однако остатки сомнений побудили монарха, якобы для прикрытия, оставить в арьергарде Савойского бастарда вместе с его ландскнехтами^[86].

В действительности коннетабль вовсе не думал мириться с королем. Он слишком увяз в обязательствах по отношению к императору. Чтобы выиграть время, он на две недели затянул отъезд в Лион, где его поджидал Франциск I, объяснив, будто почувствовал себя дурно, пустившись в путь даже на носилках, а потому вместо путешествия в Лион вынужден был вернуться к родным пенатам^[87].

Отныне король более не сомневался в коварстве коннетабля и существовании заговора. Ночью 5 сентября монарх приказал арестовать Сен-Валье, о чьей дружбе с коннетаблем было известно решительно всем: арестовать его оказалось легко, так как Сен-Валье продолжал выполнять обязанности капитана Сотни дворян королевского дома^[88]. Под стражу были взяты также Эймар де При, командующий одним из королевских

отрядов адъютантов, и Антуан де Шабанн, епископ Пюи, который возвратился из Савойи, так и не сумев склонить герцога к участию в заговоре^[89]. Утром 6 сентября Франциск отправил коннетаблю еще одно послание, дав последний шанс оправдаться. Но одновременно король послал своего дядю, Савойского бастарда и великого мажордома Франции, а также Жака де Шабанна маршала де Ла Палис, с несколькими тысячами пехотинцев и четырьмя-пятью сотнями всадников с целью схватить бунтовщика и разогнать войско, призванное Бурбоном на основе вассальной присяги — оно как раз начинало собираться, и было самое время принять контрмеры. Захватчики расставили ловушку. В ночь с 6 на 7 сентября оборонительно-наступательный союз, подобный подписанному между Карлом V и Бурбоном в Монбризоне, тайно подписали в Гайете коннетабль и посланец Генриха VIII^[90].

Савойский бастард и маршал де Ла Палис готовились к осаде Шантеля, крепости, которую, по слухам, было взять не легче, чем Миланскую. Коннетабль укрылся в ней, ожидая начала военных действий союзников, то есть совместного нападения ландскнехтов в Божоле, англичан и фламандцев в Пикардии, испанцев в Лангедоке. В надежде задержать осаду своего замка коннетабль отправил к королю епископа Отэна с умиротворяющим письмом; Бурбон-де обязуется верно служить с условием, что, как и было обещано, получит обратно свои владения.

Однако коннетабль знал, что никакое двурушничество его уже не спасет. Во вторник 8 сентября около часу ночи Шарль Бурбон сел на мула и в сопровождении группы своих сторонников поднялся по горной тропе. Сделав остановку в Кромбрейе, чтобы послушать мессу в Монтегю, он заглянул ненадолго в замок Ла Файетт и наконец прибыл в Эрман. Посреди ночи коннетабль тайно покинул замок и, оставив свиту, галопом помчался на восток по холмам Канталя. Шарль Бурбон понимал, что отныне его могло спасти лишь участие в захватническом походе иноземцев. После ареста Сен-Валье и других преданных ему друзей он узнал о назначении на 11 сентября заседания парламентской комиссии для суда над ними, об издании королевского указа арестовать Шарля Бурбона с обещанием награды в 10 тысяч экю тому, кто его выдаст^[91], и предупреждением, что право судить коннетабля и вынести ему приговор принадлежит одному королю.

Миновав Лангедок, Шарль Бурбон поспешил навстречу императору, чьи войска должны были к тому времени войти в Руссильон. Не найдя союзника в условленном месте, он вынужден был податься на север. Так, 9

октября коннетабль добрался до Безансона, где рассчитывал застать 10 тысяч ландскнехтов, рекрутированных в Германии, и 4 тысячи уроженцев Во, которых поручил набрать для него капитану де Сен-Сафорэну.

Пока французская армия во главе с адмиралом Бонниве стояла под Миланом, англичане герцога Саффолка угрожали Парижу. Вокруг города копали траншеи и строили укрепления. Шабо де Брион и герцог Вандомский совместно руководили обороной. Чтобы усилить подкрепления, посылаемые королем парижанам, Франциск I приказал великому сенешалю Нормандии мобилизовать 6 тысяч пехотинцев и всех свободных дворян, присовокупив к оным сотню копейщиков. Из Орлеана в Париж он велел перебросить 25 крупнокалиберных артиллерийских орудий, что отвратило англичан от намерения продолжать поход. Граф де Гиз и граф д'Орваль, командующие войсками в Бургундии и Шампани, получили приказ воспрепятствовать продвижению ландскнехтов по этим провинциям. Им предписывалось опустошить земли перед врагом, разрушить лопасти мельниц и печи, при этом постоянно беспокоя противника, дабы вынудить его к отступлению ^[92].

К счастью, внешняя угроза рассеялась из-за недостаточной согласованности действий между союзниками. Поскольку коннетабль не успел вовремя на встречу с ландскнехтами, те повернули на запад, чтобы примкнуть к англо-фламандской армии. Они осадили и взяли крепость Куаффи неподалеку от Лангра, а потом разбрелись по Шампани, но там столкнулись с французами, которые оттеснили их до самой Лотарингии, пока англо-фламандская армия отступала в Кале, где и осела в ноябре. Планы союзников не осуществились ни в сердце королевства, ни на севере, ни даже на юге, где Карл V потерпел поражение под Байонной от охранявшего город Лотрека.

Покинув Франш-Конте, куда был вынужден отойти с войсками, Шарль Бурбон предпринял жалкое отступление к Генуе, рассчитывая оттуда плыть в Испанию и наконец жениться на сестре Карла V. Но у императора были для него иные планы: он хотел использовать бывшего коннетабля в Италии. Он назначил Шарля Бурбона своим главнокомандующим и отправил на подмогу к вице-королю неаполитанскому Ланнуа вести беспощадную борьбу с Францией за обладание герцогством Миланским ^[93].

Прежде чем наказать вероломного коннетабля, Франциск I решил покарать его сообщников и в первую очередь Жана Сен-Валье, чье участие в заговоре бросалось в глаза. А великий сенешаль, даром что выступил главным разоблачителем заговорщиков, и его молодая супруга Диана с

тревогой ждали судебного процесса, ибо его развязка рисковала пошатнуть их дотоле неизменно возроставшее влияние и доверие к ним короля.

Глава IV

ТАЙНА КОРОЛЕВСКОГО ПОМИЛОВАНИЯ

Жан Бринон, первый председатель Руанского парламента и хранитель малой печати, 6 сентября 1523 года получил приказ отправиться в Тарар, дабы вместе с помощником, докладчиком в Государственном совете Гийомом Люе, сеньором де Вем, приступить к допросу подозреваемых в сговоре с коннетаблем.

Первым 7 сентября допросили Антуана де Шабанна, епископа Пюи. Тот признал, что заметил недовольство коннетабля королем, и подтвердил, что ездил по его приказу в Савойю договариваться о брачном союзе своей внучатой племянницы мадемуазель де Миолан с сыном Жана Сен-Валье^[94]. Следующим вызвали графа. Как указано в протоколе, Жану Сен-Валье было в то время 48 лет или около того^[95]. Граф уверенно начал с заявления, будто никогда не слыхал ни об альянсе коннетабля с императором, ни о его планах, связанных с испанской женитьбой. Он признал, что по возвращении из Италии, будучи в Лионе, получил от Шарля Бурбона приглашение на празднества в Мулене, для которых посланец коннетабля просил доставить «артишоки» — «над чем означенный свидетель посмеялся, сказал, что Господин Коннетабль — славный малый и любит женщин, как герцог Жан; и действительно, послал оному коннетаблю дюжину артишоков и книгу из Германии со множеством картинок для развлечения дам».

Сен-Валье уточнил, что никогда не беседовал с епископом Пюи о чем-либо, кроме переговоров в Савойе насчет женитьбы его сына Гийома де Сериньяна на мадемуазель де Миолан. Жак Юро, епископ Отэнский, допрошенный следом за ним, подтвердил показания Сен-Валье^[96]. Эти первые допросы разочаровали короля. В нетерпении 10 сентября он приказал Бринону помимо главных свидетелей допросить всех слуг коннетабля от конюхов до мажордома, бывших свидетелями его бегства^[97].

Сен-Валье вместе с другими подозреваемыми перевели в крепость Лош под надзор его бывшего соратника, маршала Стюарта д'Обиньи.

11 сентября 1523 года король назначил комиссию в составе Жана де Сельва, первого председателя Парижского парламента, докладчика мэтра

Жана Салла, председателя следственной группы Франсуа де Лоина, советника парламента Жана Папийона. Этим чиновникам надлежало продолжить расследование, а затем судить обвиняемых.

И снова Жана Сен-Валье, епископа Пюи и епископа Отэнского. Эймара де При, канцлера провинции Бурбоннэ Папийона и мессира де Кара подвергли допросу. Дабы вырвать у них признания, членам комиссии были даны полномочия прибегнуть к чрезвычайной пытке^[98]. Условия заключения отца Дианы становились день ото дня все суровее, что следует из письма от 18 сентября, отправленного его слугой Рено де Ла Дюше госпоже Террнуар, супруге мажордома замка д'Ане^[99].

«Коли Вам угодно знать, хорошо ли обращаются с Господином моим хозяином, клянусь, с тех пор, как его забрали из рук г-на Обиньи, с несчастным еще никогда столь скверно не поступали, и сообщаю, что не было дня, когда бы он не выплакал всю душу. И я весьма опасаясь, что коли не воспрепятствует тому Господь, ему долго не прожить, потому как, мне кажется, господин мой чахнет все время и день ото дня, и уже так исхудал, что, увидев, Вы б его пожалели. Да еще, чтоб надежно удержать в сем городе, поместили его на самом верху башни — там, куда сажают преступников. Можете поверить, как только хозяину про то сказали, у него прямо-таки сердце разбилось».

Сен-Валье отравляли существование мелочными преследованиями. Он написал было несколько писем своей дочери Диане, но, когда лейтенант лучников пожелал прочесть их перед отправкой, предпочел порвать. Не смог Сен-Валье повидаться и с сыном, Гийомом де Сериньяном, поскольку тот заболел и вынужден был остаться в Лионе. Самого его постоянно мучила лихорадка, а кашель не давал спать. Вызванный из Тура врач объявил, что жизни Сен-Валье угрожает серьезная опасность.

Еще один слуга, некий Шабо, поселился у подножия замка Лош в гостинице «Черная голова». Он мог узнавать о пожеланиях своего господина и передавать их на волю. Так, 18 сентября он попросил секретаря Сен-Валье Пьера Гишарда как можно скорее приехать в Лош^[100].

Для собственной защиты узник использовал любые средства. Он приказал напечатать, что готов вызвать на дуэль всякого, кто заявит, будто он знал о заговоре. Просил мажордома королевы Месье де Борна прислать ему борзую для компании, что было всего лишь способом лишний раз напомнить о себе^[101]. В еще одной записке, адресованной сеньору Ла Ривьеру, он интересовался придворными новостями и спрашивал, что о нем говорят королева-мать и герцогиня Алансонская Маргарита, сестра

Франциска I ^[102].

Все надежды Сен-Валье возлагал на зятя, и в письме от 19 сентября просил его обратиться к королю:

«Господину великому сенешалю.

Господин сын мой!

Думаю, Вы достаточно осведомлены о моей участи: дело в том, что король повелел схватить меня безо всяких на то причин, клянусь в том спасением души, а только оттого, что господин Коннетабль уехал, и доставил сюда в замок Лош, словно какого вероломного изменника, что является для меня источником ужасных терзаний, от коих я гибну. Молю Бога, да благоволит даровать мне крепкое терпение, а Королю — осознание того, сколь тяжкий позор он на меня навлекает. Но коли ему то угодно, здравый смысл требует от меня набраться терпения. А поскольку Вы — тот, к кому я питаю наибольшую любовь и доверие, мне захотелось уведомить Вас о своих злоключениях с тем, чтобы Вы благоволили сжалиться надо мною и пожелали спасти от бедственного положения, в коем я пребываю. А если б сумели Вы изыскать возможность приехать для беседы, мы могли бы решить сообща, что тут следует предпринять. Ради всего святого, сделайте милость, пошлите сюда свою супругу. Она могла бы проехать через Блуа, дабы испросить отпуск у Мадам ради того, чтобы навестить меня, не вдаваясь в объяснения, а затем мы обсудили бы с нею, что надобно поведать Госпоже королеве-матери. Что касается Вас, то напишите королю и Мадам о моем деле так, как Вы умеете, со свойственным Вам блеском. Пуская в ход увещевания, постарайтесь добиться, чтобы месье де Лизьё прибыл сюда. Сердце мое сжимается так, что вот-вот разорвется, а я не знаю никого, к кому мог бы обратиться с просьбой. Заклинаю Вас поелику возможно скорее сообщить мне о своих новостях. Молю Бога, господин мой сын, даровать Вам то, чего Вы желаете.

Лош, 19 сентября.

Остаюсь Ваш преданный отец — Пуатье» ^[103].

В тот же день он обратился к дочери, умоляя ее приехать в Лош:

«Госпожа моя, супруга великого сенешаля!

С тех пор, как я к Вам писал в прошлый раз, успел переехать в замок Лош, где подвергаюсь самому дурному обращению, какое может испытывать несчастный узник, и, коли Бог мне не поможет, долго не сдвинусь отсюда, а поскольку все мои упования — на Вас с супругом, молю его прийти и поговорить со мной. Если же для него это невозможно, молю, чтобы сообразовали приехать Вы. Вы не могли бы доставить мне большей радости, чем явившись меня повидать. И мы смогли бы обсудить, о чем Вам следует сказать Мадам. Когда же Вы встретитесь с нею, уместно будет попросить отпуск, дабы меня навестить. Заклинаю Вас проникнуться такой жалостью к своему несчастному отцу, чтобы Вам захотелось его проведать, и, коли это для Вас возможно, привезите с собою г-на де Лизье, чьему доброму расположению я вверяю свою судьбу. У меня сердце разрывается оттого, что я смею молить Господа о чем-либо ином, нежели даровать Вам то, чего Вы пожелаете.

Лош, 19 сентября.

Ваш преданный отец — Пуатье»^[104].

Жан Ла Венёр, епископ Лизье, первым разоблачивший заговор, также получил послание от Сен-Валье, датированное тем же числом. Заключение молил его обратиться к великому сенешалю и его супруге, дабы те как можно скорее приехали в Лош^[105].

Тем временем следствие шло полным ходом. Члены комиссии распорядились в присутствии Сен-Валье прочитать текст его первого допроса, проведенного Жаном Бриноном, текст, в котором он сообщил об аудиенции у Луизы Савойской, имевшей место в Лионе летом 1522 года, затем — о его поездке в Бутеон-ан-Форс к коннетаблю. В ответ на вопрос следователей Сен-Валье отрицал, что ему было известно о содержании договора между Бурбоном и императором и что он встречался с Борэном^[106].

Однако 24 сентября один из участников заговора, Эктор Данжеруа, сеньор де Брюзон, известный также как Сен-Бонне, признал, что заметил Сен-Валье в комнате, где коннетабль вел переговоры с Борэном^[107]. 23 октября, после того как на это противоречие указали подозреваемому, он сознался, что и в самом деле видел представителя императора и

ознакомился со статьями договора^[108]. На следующий день он выдал все подробности^[109], а в ноябре полностью подтвердил свои показания^[110]. Пытаясь оправдаться, Сен-Валье уверял, будто если он не донес о заговоре, то лишь с целью узнать о нем побольше, а затем выдать королю. Но подобные ухищрения не пошли ему впрок. Франциск I уже в ноябре дал указания судьям:

«Мы не видим ни причин, ни оснований, каковые могли бы побудить нас даровать прощение Сен-Валье или сохранить его исповедь в тайне. И мы повелеваем озаботиться, дабы скорее покончить с этой историей, ибо она имеет особую важность и чревата последствиями, известными всякому и не попускающими действовать с прохладцей, но поступать мужественно и благочестиво, не щадя тех, кто проявил подобную злокозненность, трусость, бесчестность, измену, клятвопреступление, ведая о нашествии и о том, что ныне враги наши изо всех сил тщатся всеми средствами полностью разорить нас, наших детей, подданных и все королевство, не почли долгом поставить нас в известность. И когда бы ни один из наших верных и честных подданных не проник с отвагою в число заговорщиков и не поведал о заговоре, мы удалились бы в дальние края, оставив попечение об Отечестве Бурбону вкупе с госпожой нашей матерью, и коннетабль в полной мере исполнил бы злостный свой замысел, обратив в руины и обрекши гибели все наше королевство».

Следовало вынести «окончательный приговор виновным и поелику возможно скорее казнить, дабы те, кто мог бы участвовать в заговоре, видя сей пример, отказались от своих злокозненных намерений».

В результате 7 ноября судьи решили усовершенствовать расследование, учинив подозреваемым пытку, дабы убедиться, что те ничего не забыли рассказать о своих сообщниках. Сен-Валье предстояло претерпеть «умеренное дознание, буде врачи сочтут, что лихорадка тому не помехою»^[111]. На самом деле члены комиссии не спешили вынести заключение. Они ссылались на то, что параллельно ведут следствие в отношении лекарей коннетабля в Тулузе и Памье, дабы подтвердить двуручничество главного свидетеля^[112].

В декабре король, потеряв терпение, поручил Парижскому парламенту закрыть дело. В виде компенсации за сделанные ими признания наименее значительные подозреваемые были помилованы, и первым — Эктор Данжеруа. сеньор Сен-Бонне^[113]. Совсем иному обращению подвергся Сен-Валье: 23 декабря его перевели в парижскую тюрьму Шатле.

Парламент 8 января 1524 года получил недвусмысленный приказ короля начать судебный процесс^[114]. Приговор был вынесен 16 января^[115]. Уличенного в преступлении против короля, отца Дианы лишили всех титулов, прерогатив и приговорили к обезглавливанию на площади Парижа. Приговор не избавлял его от пыток, предшествующих казни: «Объявляется, *in mente Curiae*, что, прежде чем приступить к исполнению сего приговора, означенный суд приказывает подвергнуть упомянутого Сен-Валье пыткам и чрезвычайному допросу, дабы получить из его уст более обширные сведения о прочих сообщниках». Создается впечатление, что Сен-Валье избрали искупительной жертвой, поскольку других обвиняемых либо освободили, в обмен на их разоблачения, как Сен-Бонне, либо приговорили к недолгому тюремному заключению, и 23 января парламент распорядился привести приговор в исполнение^[116].

Луи де Брезе и Диана уже давно начали кампанию, пытаясь обелить своего тестя и отца в глазах короля, королевы и Луизы Савойской. Прибыв ко двору в Блуа, великий сенешаль мог рассчитывать лишь на собственные силы, в чем и признавался маршалу де Монморанси: «Если хотите знать, господин мой маршал, в каком положении я оказался, могу вас уверить, что мне пришлось говорить в одиночку, ибо я не сыскал никого, кто согласился бы помочь. Однако вера моя в доброту повелителя столь крепка, что, надеюсь, все закончится хорошо».

Тем временем финансовые трудности Короны и начало следствия по делу суперинтенданта Санблансе отодвинули преследования сообщников коннетабля на задний план^[117]. Франциск I чувствовал недовольство знати и парламента, считавших вчинение Бурбону иска из-за наследства неловким ходом, ибо именно этот процесс подтолкнул его к предательству. Вдобавок король не желал настраивать против себя де Брезе, коему поручил защищать границы Нормандии, в то время как опасность вторжения англичан оставалась весьма грозной. А потому в знак особого расположения через три дня после утверждения смертного приговора Сен-Валье Франциск I послал великому сенешалю 25 бутылок вина: 10 — белого и 15 — красного. Такая любезность, по-видимому, означала возвращение королевской милости, что возродило надежды великого сенешаля. «Уверяю вас, господин мой маршал, — писал он своему корреспонденту, — что без доброты и благоволения повелителя я был бы несчастнейшим из дворян на всем белом свете, однако упование на то, что ему ведомы истинно преданные слуги, сняло с души моей большую часть тяготившего ее бремени (...). Владыка оказал мне великую честь и

удостоил лучшей пищи, чем заслуживает человек в моем состоянии, ибо он пожелал, чтобы я и впредь принимал участие в Совете и споспешествовал деяниям оногo»^[118]. Итак, все изменилось, когда угроза вторжения англичан и имперских войск исчезла, а народ и парламент начали изъявлять симпатии к коннетаблю.

Канцлер Дюпра прибыл в парламент 15 февраля, но не для того, чтобы, как надеялись парламентарии, сообщить о желанном помиловании, а с требованием привести приговор в исполнение и казнить Сен-Валье. Оставалось лишь подчиниться. Утром 17 февраля двор направил своего первого судебного исполнителя, Жана де Сюри, посетить осужденного и выяснить, можно ли его подвергнуть допросу. Посланец констатировал, что Сен-Валье болел всю прошлую ночь и «так сильно страдал, что не мог подняться с постели»^[119].

Такое заключение избавляло Сен-Валье от пытки «испанским сапогом», но не должно было отсрочить казнь. В соответствии с обычной процедурой приговор огласили в присутствии всего двора и канцлера. Сделал это Жан де Виньоль, один из четырех нотариусов и секретарей короля, прикомандированный к парламенту. В тот же день осужденного должны были отвезти на Гревскую площадь и отрубить ему голову. Все имущество казненного подлежало конфискации и отходило королю.

Сен-Валье выслушал приговор в тюрьме Консьержери из уст Карла Люксембургского, графа де Русси. Ему надели на шею орден Святого Михаила, а затем сорвали. Приговоренному объявили также, что он лишается командования королевским отрядом Сотни дворян и звания ее капитана^[120]. Зато Сен-Валье предоставили несколько минут, дабы настоятель церкви Святой Магдалины Жан Марлен помог ему подготовиться к смерти. Потом вместе с Жаном де Виньодем прибыл секретарь суда по уголовным делам Жан Малон. В ответ на их требования новых признаний Сен-Валье заявил, что ему нечего добавить к уже изложенному, и разрешил священнику открыть все, сказанное им на исповеди^[121]. Сен-Валье попросил разрешения оставить кое-какие средства своим верным слугам, незаконнорожденному сыну Этьену и в приданое законной дочери Франсуазе, коли на то будет соизволение короля. При этом он напомнил, что поместье Сериньян не может быть отнято у его старшего сына, поскольку расположено в Папской области^[122].

Во время завтрака Сен-Валье продолжал упорно отказываться от еды, соблюдая зарок, данный им «с момента прочтения приговора в знак

протеста»^[123]. Наконец приговоренного, «с обнаженной головой и связанными руками, накинув плащ, подбитый лисьим мехом», усадили на лошадь «и повезли на Гревскую площадь. Позади Сен-Валье на ту же лошадь сел один из городских лучников и поддерживал его со спины, поскольку тот слишком ослаб». Духовник сопровождал его верхом на муле. Отряд как пеших, так и конных лучников, арбалетчиков и стражников Шатле окружил кортеж, а впереди следовали судебный исполнитель, королевский прокурор замка Шатле и секретарь Виньоль. Отряд оттеснил многолюдную толпу, запрудившую улицы и Гревскую площадь.

Послушаем одного из очевидцев, парижского буржуа, чье имя так и осталось неизвестным^[124]:

«Прибыв на Гревскую площадь, был он отдан в руки двух палачей, одного по имени Ротийон, а другого — Масэ, которые взяли его, раздели до камзола и в таком виде подняли на эшафот, все так же с непокрытой головой и связанными руками. Совершив сие, его поставили на колени, дабы просить у Господа прощения и правосудия, приготавливаясь к смерти, коей он ожидал. Так прошло около часу, и привязали его к скамейке, чтоб было, на что опереться на эшафоте, и он молился Богу, ожидая смерти с непокрытой головой. А затем прискакал на лошади один из помощников канцлера, бывшего тем временем в Париже, и принялся кричать громким голосом: „Эй-эй! Прекратите, прекратите! Вот королевский приказ о помиловании!“ И тогда взобрался на эшафот один из главных служителей уголовного суда по имени Матье Долле и слово в слово прочитал тот приказ, скрепленный зеленым воском. И сразу после того развязали приговоренному руки. А говорилось в том приказе, что король отменяет смертную казнь, снизойдя к мольбам великого сенешаля Нормандии, зятя приговоренного, а также других его родичей и друзей. Однако последний лишается королевского ордена, звания капитана Сотни дворян, а все имущество его подлежит конфискации. Всю оставшуюся жизнь проведет он запертым в надежном месте, в четырех стенах, и пищу будет получать чрез маленькое оконце, и в таком положении скончает свои дни там, где будет благоугодно королю. Тогда помилованный тотчас возблагодарил Бога, дважды облобызал эшафот, многократно осеняя себя крестным знаменем. Засим его на лошади доставили

в Консьержери, и был он куда веселее, чем выезжая оттуда. На следующий день, а выпало то на четверг, дело его вновь обсуждалось, дабы утвердить помилование парламентом, куда были призваны люди короля с целью проследить за утверждением одного помилования, что и было сделано на изложенных в приказе условиях».

Помилование не было полным. Однако оно предоставило осужденному спасительную отсрочку, благодаря мольбам великого сенешаля, как это явствует из текста королевской декларации:

«Поелику ныне Наш дорогой и преданный родич, советник и камергер граф де Молеврие, Великий Сенешаль Нормандии, а также родные и друзья Жана де Пуатье, сеньора Сен-Валье, смиреннейше молили сжалиться и проявить милосердие к означенному де Пуатье, в виде особой милости и из сочувствия к их страданиям, а также в благодарность за услуги, оказанные Нашим царственным предшественникам, Нашему королевству и Нам самим со дня восшествия на престол, а паче всех — Великим Сенешалем, явившим преданность и верность Нам и вышеуказанному королевству, открыв и разоблачив махинации и заговоры, направленные против Нашей особы, наших детей и упомянутого королевства, чем уберег от бедствий, каковые могли от оных впоследствии, своею волею и желанием Мы повелеваем смягчить приговор и смертную казнь отменить»^[125].

Такая мера наказания была вдвойне выгодна королю, так как позволяла заклеить позором главного сообщника коннетабля, вознаградив при этом великого сенешаля и его супругу. Парламент получил 22 февраля 1524 года приказ «содержать означенного Сен-Валье на прежнем месте дотоле, пока Мы не прибудем в Париж и не примем иного решения»^[126].

Капитан королевской гвардии сеньор де Во явился 23 марта за арестованным, «дабы препроводить его в место, удобное королю». Из Консьержери Сен-Валье доставили в Лош 10 апреля. На сей раз там с ним обращались наилучшим образом и даже позволили принимать друзей. В Лоше узник оставался до самого возвращения Франциска I из мадридского плена^[127]. А тогда, получив полное прощение, Сен-Валье был освобожден и удалился к себе в Дофинэ, где прожил еще 15 лет. Умер он 26 августа 1539

года в Пизансоне, успев в 1532 году выдать свою дочь Франсуазу за Антуана де Клермона, губернатора Дофинэ и двоюродного брата другого Антуана, супруга второй дочери, Анны де Пуатье. Сам Сен-Валье в тот же год сочетался третьим браком с Франсуазой де Полиньяк, вдовой Жана де Грамона, бывшего ее третьим супругом, и завещал ей всю обстановку замков Сериньян, Бом, Этуаль, Сен-Валье и Пизансон, причем последнюю сеньорию она получила в пожизненное владение. Что до наследника имени Сен-Валье Гийома де Пуатье, то он женился на Клотильде де Миолан 21 октября 1526 года, благополучно завершив тем самым матримониальные планы, столь тесно связанные с отношениями его отца и коннетабля Бурбона ^[128].

Почти чудесное избавление Сен-Валье от смертной казни не замедлило породить мрачную легенду, на которую тотчас откликнулся парижский буржуа: «И ходили слухи, будто означенный сеньор Сен-Валье угрожал королю в отсутствие оного убийством за то, что тот лишил девственности его дочь, принудив, как говорят, силой, и по этой же причине оказался он в подобном положении. И не вмешайся его зять, Великий Сенешаль Нормандии, быть бы тому Сен-Валье обезглавленным» ^[129]. По словам историка Этьена Паскье, отец Дианы якобы, несмотря ни на что, пал жертвой королевской ненависти от «горячки Сен-Валье», внезапно поразившей его прямо на эшафоте в тот момент, когда ему предстояло выслушать приказ о помиловании, и «от коей скончался он несколько дней спустя» ^[130]. Версия, разумеется, абсолютно ложная. Легенда об изнасиловании Дианы или, по крайней мере, о принесенной ею жертве оказалась весьма живучей и была увековечена не только в трудах Брантома, но также и в произведениях множества других писателей вплоть до эпохи романтизма ^[131].

Брантом был самым известным среди современных ему хроникеров. Он не сумел устоять перед такой скандальной историей: «Я слышал рассказы о знатном вельможе, приговоренном к отсековению головы и уже возведенном на эшафот, как вдруг пришло помилование, добытое его дочерью, одной из первых придворных красавиц. И вот, сойдя с эшафота, он изрек не что иное, как такую фразу: „Да упасет Господь благое лоно моей дочери, столь удачно меня вызволившее“» ^[132].

Позже Соваль повторил этот анекдот в своих «Любовных похождениях королей Франции» ^[133]. Но другие современники Брантома, как, например, Бельфоре, объясняли успех Дианы по-иному: «Ничто так не растрогало

короля, как слезы и мольбы Дианы де Пуатье, единственной дочери этого сеньора Сен-Валье, которая, выросши на службе как у королевы-матери, так и у королевы Клотильды, так расстаралась, что король даровал помилование отцу ради дочери, ибо она готова была от горя последовать за родителем, если бы правосудие лишило его жизни»^[134].

Протестант Ренье де Ла Планш, желая заклеить Диану, преследовавшую его единоверцев, склонялся к версии о ее испорченности: «В юные годы Диана ценой своего девства купила жизнь отца сеньора Сен-Валье»^[135].

Мезерей нимало не смущаясь повторил историю, изложенную Брантомом. Будучи сторонником Бурбонов, которые вовсе не стремились воспеть нравы семейства Валуа, он писал о помиловании Сен-Валье так: «Говорят, король предоставил оное после того, как взял у Дианы, его дочери, достигшей 14 лет, самое драгоценное, что есть у девушки. Обмен весьма необременительный для того, кто ценит жизнь превыше чести»^[136].

Большинство более поздних биографов считают это клеветой, распространенной, вне всяких сомнений, протестантами. Тем не менее Виктор Гюго в драме «Король забавляется» подхватил досужие домыслы Брантома, де Ла Планша и Мезерея, раздув их пуще прежнего. Он сделал седобородого Сен-Валье жертвой одиозного Франциска I, который «осквернил, заклеил, вывалял в грязи, обесчестил и погубил Диану де Пуатье, графиню де Брезе»^[137].

Историк Анри Мартен рискнул бросить тень сомнения. «Брезе, — пишет он, — первым разоблачил заговор. Мадам де Брезе, прекрасная, блестящая и ловкая Диана де Пуатье, сумела использовать эту услугу, чтобы повлиять на короля, и, несомненно, пустила в ход еще более эффективное оружие».

Мишле, хоть его и прельщала возможность поведать красивую историю, проявил осмотрительность: «Говорят, и это весьма вероятно, что дама, которой было 25 лет, и обладавшая притом немалым блеском, изяществом и в высшей степени мужественным складом ума, отправилась напрямик к королю и заключила с ним уговор. Спасая жизнь отца, она сумела устроить и свои личные дела, завоевав надежные позиции и политический статус подруги короля. Об этой дружбе свидетельствует целый том писем»^[138].

Гиффрей, издатель и исследователь переписки Дианы, смог доказать беспочвенность сплетни. Он обратил внимание на то, что великодушие

Короля-Рыцаря делает довольно неправдоподобным гнусную сделку, якобы предложенную им графине. Брезе не был снисходительным мужем. И разве его собственный отец не убил неверную супругу, хоть в той и текла королевская кровь? Великий сенешаль никогда не позволил бы жене ввязаться в авантюру, обесчестяющую как ее, так и его самого. И согласись Диана отдаться королю, уж наверняка сумела бы выпросить для отца чего-нибудь получше, чем пожизненное заключение с конфискацией всего имущества.

Долгое время в доказательство любовной связи между Франциском I и Дианой опирались на 17 любовных писем без адресата и подписи, опубликованных Эме Шампольоном-Фижаком и приписываемых Людовиком Лаланном Диане. Эта атрибуция, использованная Мишле, но подвергнутая сомнению Сен-Бёвом, была окончательно отвергнута благодаря Гиффрею. Конечно, на титуле этой стопки писем фигурирует надпись «17 писем г-жи супруги Сенешаля Дианы де Пуатье Королю Франциску I», однако она датируется XVII веком, а анализ документов доказывает, что они написаны рукой Франсуазы де Фуа, графини де Шатобриан, официальной любовницы Франциска I. Итак, это не Диана, а мадам де Шатобриан обращалась к плененному королю, вместо подписи начертав; «Писано рукой, что вместе со всем телом принадлежит Вам». Некоторые полагаются на свидетельство венецианского посла Лоренцо Контарини, сделанное в 1552 году: «Молодая, вдовая и прекрасная, она (Диана) была любима и ценима королем Франциском I и, по общему мнению, многими другими, а потом перешла в объятия короля Генриха II» ^[139].

Но Контарини писал через 21 год после смерти великого сенешаля и передавал клеветнические слухи, порожденные успехом женщины, которой все завидовали. Диана, по его словам, уступила домогательствам Франциска между 1531 годом, когда овдовела, и 1537-м, когда Генрих стал ее любовником. Однако это время — вершина славы герцогини д'Этамп, что делает гипотезу Контарини маловероятной. В крайнем случае ее можно считать отголоском рассказней времен суда над Сен-Валье.

Смягчение приговора Сен-Валье тем более подчеркивало монаршее расположение к дочери и зятю обвиняемого, что король продолжал требовать суровой кары для сообщников коннетабля. Франциск I считал судей не в меру снисходительными. Явившись в Париж и воссев в роскошное королевское кресло, установленное во Дворце правосудия, он перебрал одно за другим досье с результатами следствия и упрекнул

парламентариев в том, что Легьера и Бриона приговорили всего к трем годам тюремного заключения, камергера коннетабля де Кара и его канцлера Папийона не подвергли пыткам, а их имущество не было конфисковано. По его словам, Легьер и Брион после ареста ожидали, что их повесят. Монарх не мог допустить никаких поблажек и полумер в делах, столь близко касающихся его особы и королевства. Затем он потребовал вызвать в суд коннетабля Бурбона, дабы тот предстал перед его очами. Заместитель прокурора Лизе внес предложение, чтобы перебежчик и виновный в оскорблении величества мессир Бурбон, согласно воле короля, его пэров, принцев крови и членов Совета, был приговорен к обезглавливанию, его земельные владения отошли к Короне, а прочие блага подверглись конфискации. Суду были предоставлены три отсрочки с кратчайшим интервалом ^[140].

Из писем комиссии, отправленных из Блуа 17 мая 1524 года ^[141], следует, что суверен вызвал в Париж четырех советников и председателей четырех парламентов — Руана, Дижона, Тулузы и Бордо, дабы те провели судебный процесс над обвиняемыми, с которыми обошлись чересчур либерально, ибо «парламентский суд Парижа не усмотрел в их действиях никаких оснований для смертного приговора» ^[142].

Это отсутствие решимости у судей возвращало делу Сен-Валье его истинные пропорции, которые, в сущности, были ничтожны по сравнению с преступной изменой, совершенной коннетаблем.

Канцлер Дюпра и четыре пэра Франции: герцоги Алансонский и Вандомский, епископы Лангрский и Нойонский 8 марта 1524 года сопровождали короля, который поехал в парламент вершить правосудие. Среди прочих сановников фигурировали Савойский бастард, герцог де Лонгвиль, Ла Тремуай, Шабо де Брион и — в знак особой милости — великий сенешаль Нормандии. Это собрание олицетворяло сплочение знати вокруг суверена, сплочение, которое неблагоприятный ход итальянской кампании сделал особенно необходимым. После успехов в самом ее начале судьба и впрямь обернулась против адмирала Бонниве. Ему пришлось претерпеть поражение от коннетабля Бурбона, командовавшего имперскими войсками совместно с вице-королем Неаполя Карлом де Ланнуа и Фернандо д'Авалосом, маркизом Пескара. Вскоре французы, измученные чумой, голодом и холодом, были вынуждены отступить к Новаре.

Для Франции наступило время дать отпор. Король решил мобилизовать 12 тысяч швейцарцев и лично отправиться на подмогу

Бонниве, как только в ущельях Альп растает снег^[143]. Но прежде монарх поехал в Блуа, где его мать Луизу приковал к постели тяжелый плеврит, а королева Клотильда медленно угасала в окружении своих шести малолетних детей. Старший из мальчиков, дофин Франциск, казался беззаботным, кротким и мечтательным, в то время как Генрих, годом младше брата, производил впечатление непоседы и драчуна. Диана, с 1518 по 1531 год бывшая фрейлиной королевы-матери и королевы Клотильды, поддерживала обеих женщин своей спокойной преданностью и опытом молодой матери^[144], одновременно стараясь смягчить тягостное воздействие на обеих царственных особ катастрофических новостей из Италии. Получив ранение, главнокомандующий Бонниве уступил место графу де Сен-Полю. Отважный Байярд, в битве при Мариньяне посвятивший в рыцари короля, пал в ущелье Сузы утром 30 апреля, когда вместе с арьергардом прикрывал отступление армии. При дворе рассказ о его кончине был воспринят с большим волнением. Раненный в спину выстрелом из аркебузы, он попросил уложить его под деревом лицом к врагу. Там-то якобы и состоялась историческая встреча между Рыцарем без страха и упрека и вероломным коннетаблем. С восхищением передавали отповедь умирающего, записанную позднее, около 1540 года в «Мемуарах» Мартена дю Белле: «Мне нисколько не жаль себя, месье, ибо я умираю достойным человеком, но мне жаль вас, видя, что вы сражаетесь против своего короля, своей родины и в нарушение данной клятвы»^[145].

Самым могущественным подданным короля остается только одно: всецело отдать себя в распоряжение Короны и беспощадной войне, объявленной вероломным коннетаблем королю Франции. И если Луи де Брезе стал слишком стар, чтобы вернуться на поля сражений, то его присутствие было необходимо в Нормандии для подготовки сопротивления маневрам англичан, как без Дианы не могли обойтись при дворе. Она безотлучно оставалась рядом с Луизой Савойской, вновь обремененной обязанностями регентши, когда в июле 1524 года Франциск I в очередной раз отбыл в Италию. Супруге великого сенешаля выпала почетная и доверенная миссия опекать королевских детей, осиротевших после смерти матери, королевы Клотильды, скончавшейся 26 июля 1524 года.

Глава V

ДАМСКИЕ ИГРЫ

Весной 1524 года на Францию обрушилась безжалостная засуха. Тут и там вспыхивали катастрофические пожары, вроде того, что уничтожил Труа 24 мая 1524 года. В них усматривали знамение гнева Господня^[146]. А Бурбон, по-видимому, выступал как орудие последнего.

Карл V, возобновивший альянс с Генрихом VIII, поручил коннетаблю-изменнику завоевать Францию, встав во главе колоссальной армии численностью приблизительно в 20 тысяч испанских, немецких и итальянских солдат, 300 кавалеристов и 18 артиллерийских орудий. Узнав об этом, Франциск I вновь приказал отправить в тюрьму сообщников Бурбона, пока предатель неумолимо двигался в глубь Прованса. Ему сдались Антиб, потом Фрежюс, Драгиньян, Лорг и Бриньоль. Действия императорской армии поддерживал флот: он разорял побережье, ограбил богатое аббатство Лерэн, захватил Брегансон, расположенный на рейде Йера, а затем — массивную тулонскую башню. Бурбон с триумфом вошел в Экс, без сопротивления открывший ему ворота. Там он присвоил себе титул графа Прованского и принял присягу от магистрата. 19 августа коннетабль предпринял попытку осадить Марсель, но там его ждала неудача, и 24 сентября имперской армии пришлось отступить. Король отвоевал провинцию, а 20 октября, совершив молниеносный бросок, Франциск I достиг Милана. Войска императора были вынуждены укрыться в двух крепостях — Павии и Лоди. 27 октября Франциск I решил осадить первую из них, блокировав внутри капитана Антонио де Лейва. Но осада явно затянулась. 3 февраля 1525 года Бурбон, Ланнуа и Пескара пришли на помощь Павии, Франциск I превратился в осаждающего и осажденного одновременно. Императорские войска 24 февраля просочились в парк Мирабелло, находившийся у самых стен города, и нанесли королю Франции сокрушительный удар. Франциск I попал в плен, и для него начался долгий этап жизни в неволе. Король чувствовал себя униженным, выслушивая совершенно неприемлемые условия: передать Бургундию Карлу V, вернуть Бурбону все земли и титулы, а то и превратить его владения в королевство, да еще и отдать ему герцогство Миланское^[147]. Регентше, удалившейся в укрепленное аббатство Сен-Жюст близ Лиона, приходилось решать множество вопросов: вести переговоры с императором, поддерживать порядок в королевстве, не давать воли амбициям парламента и подавлять протестантское движение. В широком дипломатическом контрнаступлении Луиза Савойская использовала людей, чью преданность оценила во время судебных процессов против сообщников коннетабля: среди них фигурируют Жан Бриньон, первый

председатель Руанского парламента, которому Луи де Брезе и его жена были признательны за согласие допрашивать Сен-Валье, не прибегая к пыткам ^[148], и Жан де Сельв, председатель следственной комиссии. Де Сельв вместе с маршалом де Монморанси и сестрой короля Маргаритой принимал участие в переговорах с испанским двором.

Регентша оставила королевских детей на побережье Луары — в Блуа и Амбуазе ^[149]. Их осталось всего пятеро, поскольку маленькая Шарлотта умерла вскоре после своей матери. Тетка королевских отпрысков Маргарита, чей муж, герцог Алансонский, скончался 11 апреля вследствие ранений, полученных во время сражения при Павии, время от времени навещала племянников. Ее сопровождали всего несколько придворных дам, ибо время не подходило для парадов и дворцовых церемоний. Супруга великого сенешаля узнала о пленении короля, будучи в Руане. Луи де Брезе 10 марта 1525 года вместе с епископами Лизьё и Эврё явился сообщить печальное известие отцам города. Королевская канцелярия 5 июля составила грамоту, возводившую его в ранг губернатора Нормандии, так как после смерти герцога Алансонского это место оставалось вакантным. Именно в этом качестве 27 сентября де Брезе въехал в Руан, а 30-го получил от муниципалитета дары в виде ювелирных изделий: два блюда, два кувшина для воды и два позолоченных флакона ^[150].

Назначение на должность губернатора обычно оставалось прерогативой членов королевской семьи. Оно показывает, насколько Луиза Савойская доверяла де Брезе и рассчитывала, что он сумеет уберечь провинцию от угрозы английского завоевания ^[151]. Новый губернатор, чтобы купить нейтралитет Генриха VIII, предложил, хоть и тщетно, штатам Нормандии принять участие в ежегодной выплате в размере 100 тысяч экю в соответствии с условиями Мурского договора, подписанного 29–30 августа 1525 года ^[152].

Преданность Луи де Брезе исключила дурные последствия, которые могли бы навлечь на него и его супругу выдвинутое в это же время требование коннетабля Бурбона восстановить в правах всех его сообщников, и в особенности Сен-Валье:

«Требует мой упомянутый сеньор Бурбон, чтобы все его друзья, сторонники и слуги были поименованы и включены в договор и получили возмещение всех потерь и доходов от домов или замков. Равно как графства Валентинуа и Диуа, принадлежащие Жану Сен-Валье, истинному преемнику и наследнику мессира Эймара де Пуатье, должны быть оному

возвращены и восстановлены вкупе с надлежащими правами и всеми доходами, извлеченными из указанных графств с тех пор, как они были отчуждены и узурпированы, и до сего дня»^[153].

Действительно, в окончательном тексте Мадридского договора, подписанном 14 января 1526 года Франциском I, говорится, что друзья, союзники и вассалы, которые служили дому Бурбонов, будут полностью восстановлены в правах. Судебные разбирательства и вынесенные в результате их приговоры будут объявлены упрядненными и не имевшими места. Те, кто находится под арестом, в частности епископ Отэнский и Сен-Валье, получают свободу и смогут либо остаться в королевстве, либо покинуть его и поступить на службу к императору^[154]. Таким образом Мадридский договор увенчал усилия Дианы и ее мужа, предпринятые в пользу отца и тестя. Однако если он восстанавливал Сен-Валье в правах, то отнюдь не положил конец разногласиям между ним и Коронай по поводу дофинуазских графств, как это предполагалось в подготовительных пунктах договора. За них еще предстояло побороться.

Статья, в которой идет речь об обмене заложниками, свидетельствует о том, что де Брезе занимал место среди первых сановников королевского двора Франции^[155]. И в самом деле, император предложил Франциску I выбирать между отправкой в Испанию двух старших сыновей или дофина и 12 вельмож: герцогов Вандомского и Олбани, графов Сен-Поля и Гиза, господ де Лотрека, де Лаваль де Бретань, маркиза де Салюза, месье де Рие, великого сенешаля Нормандии, маршала де Монморанси, Филиппа Шабо де Бриона и Робера Стюарта д'Обиньи.

Регентша, получив такое предложение, предпочла первый вариант второму, ибо в соответствии с комментариями к договору «Франциск I, лишась последних хороших военачальников, оказался бы бессилён вести войну».

Выбор великого сенешаля в королевские заложники — опасная честь, которая могла привести к длительному тюремному заключению в Испании, поскольку 14 января 1526 года накануне подписания договора Франциск I тайно объявил о намерении его не соблюдать. А чтобы скрыть таковые планы, король согласился отдать в заложники детей, живших в то время в Амбуазе. Дофину Франциску должно было исполниться 8 лет в конце месяца, а Генриху в феврале — 7. Посол Генриха VIII нанес им визит и от имени короля Англии передал в дар кобылиц и догов. Кардиналу Уолси он хвалил прекрасное воспитание мальчиков: «Оба взяли меня за руки и расспрашивали о Его Величестве короле и о вашей милости (...). Право же,

оба ребенка прелестны, а крестник короля (герцог Орлеанский) весьма сообразителен и, как мне показалось, смелее» ^[156].

Вскоре после того за детьми приехала их бабушка регентша, дабы отвезти к Пиренеям. 15 марта при свете факелов кортеж прибыл в Байонну, и Луиза Савойская попрощалась с внуками: по условиям договора она должна была отправить их к границе в одиночестве. Смущенные маленькие принцы получили прощальное напутствие фрейлин регентши. Одна из них, супруга великого сенешаля Нормандии, чьи две дочери — почти ровесницы королевских детей, по-матерински поцеловала в лоб юного Генриха. Наступила пора расставания. Эскорт принцев возглавил почтенный 70-летний господин, гувернер обоих мальчиков Рене де Коссе, носивший титул сеньора де Бриссака с тех пор, как купил это имение у Луи де Брезе в 1502 году. Ему предстояло давать отчет обо всех подробностях повседневной жизни маленьких принцев маршалу Анну де Монморанси, которого в тот момент назначили великим мажордомом, то есть сюринтендантом королевских домов. Помимо Шарлотты де Бриссак, гувернантки дофина, и мадам де Шавиньи, гувернантки Генриха Орлеанского, лишь десять дворян во главе с маршалом Лотреком сопровождали детей к пограничной реке.

В 7 часов утра 17 марта в путь тронулись две большие лодки, одна — от Фонтараби, вторая — от французского берега Бидассоа. На понтоне, закрепленном якорем посреди реки, отец встретился с сыновьями. Об этой встрече рассказывает председатель де Сельв: «Добрый господин при виде детей своих от жалости, что им в столь нежном возрасте надобно ехать в заточение, не смог ничего вымолвить и лишь советовал поберечься от всяческого зла и хорошо питаться, да пообещал весьма скоро просить о их возвращении. И слезы катились у него из глаз. Умолкнув, господин осенил их крестным знаменем и отечески благословил».

Пока королевские дети ехали в изгнание, король Франции, забыв обо всех печалях, встречался с матерью в Байонне и находил утешение в объятиях новой фаворитки, Анны д'Эйи, мадам де Писселе. Водоворот развлечений и дипломатических маневров, захвативший Франциска I, конечно, не мог заставить его позабыть о судьбе двух маленьких заложников. Однако ради блага государства король решил нарушить данное им слово. Прежде всего, он отказался выполнять статьи договора, в частности вернуть Карлу V Бургундское наследство, а коннетаблю и его сообщникам — земли и титулы. Более того, 22 апреля 1526 года он заключил союз, получивший название Коньякской лиги, объединивший

Францию, Англию, Венецию и папу Климента VII. Цель альянса — изгнать Карла V из герцогства Миланского и Неаполитанского королевства. В конце апреля штаты Бургундии отказались от раздела. 21 июня в Ангулеме король торжественно объявил о лиге, недавно созданной в Коньяке. На следующий день перед Королевским советом, собравшимся в полном составе, канцлер Дюпра категорически заявил вице-королю Неаполя Шарлю де Ланнуа и послу де Праэту, что Мадридский договор аннулирован и утратил силу.

В июле 1526 года возобновилась война. Герцог Бурбон захватил Милан, и маленьким заложникам пришлось расплачиваться за то, что их отец не сдержал слово. Находясь в заточении в крепости Вильальба, они влачили довольно жалкое существование, в то время как в Сен-Жермен-ан-Ле шли чередой пышные празднества: в январе 1527 года король справил там вторую свадьбу своей сестры Маргариты, на сей раз вышедшей замуж за короля Наварры Генриха д'Альбре, потом отпраздновал бракосочетание старого друга Филиппа Шабо де Бриона со своей племянницей Франсуазой де Лонгви и, наконец, женитьбу Анна де Монморанси на Мадлен Савойской. За этими увеселениями последовал арест за взяточничество великого королевского сюринтенданта Жака де Бона де Самблансе.

Имперская армия 5 мая 1527 года во главе с Бурбоном подошла к стенам Рима, но, пока войска осаждали город, вероломный коннетабль получил смертельную рану. Сначала его смерть ничего не изменила в соотношении сил. Рим был опустошен и разграблен. К счастью, 6 декабря папе Клименту VII, объявленному врагом Карла V, удалось бежать, и мало-помалу французы под командованием Лотрека стали брать верх на Севере Италии. В отместку император в январе 1528 года лишил своих маленьких пленников всех французских слуг и поместил их в тесном узилище Вилальпандо, потом — в Берланге на Дуэро и, наконец, в Педрацце, изолированной крепости, расположенной в Сьерра-Гуадаррама. Эти грустные новости скупно просачивались ко французскому двору. Но они, по-видимому, не слишком трогали короля, озабоченного только тем, как бы взять реванш за недавние унижения да наверстать упущенные удовольствия. Вновь обретя придворных дам, он не замедлил дать отставку своей прежней любовнице, Франсуазе де Шатобриан, посвятив ей довольно бесцеремонное двустихие:

О проведенном с тобой времени

Могу сказать поистине «да почит в мире» ^[157].

Король нашел женщину себе под стать. Ее называли «белянкой белизны ослепительной», и, как говорили, Франциск I избрал ее в любовницы из ненависти к Испании и темноволосой смуглой Элеоноре, сестре Карла V, на которой он обещал жениться, чтобы скрепить мир с императором. Избранница — остроумная барышня, «самая красивая из ученых дам и самая ученая из красавиц» — Анна де Писселе, известная как мадемуазель д'Эйи. У нее голубые глаза, высокий крутой лоб, длинный нос и прелестный рот, нежный и юный овал лица — в общем, это была дама, привлекательная во всех отношениях. Впрочем, как свидетельствует поэт Клеман Маро, фаворитка обладала и практической сметкой, куда более острой, чем то позволял предположить ее возраст:

Десять и восемь лет я вам даю,
Красивая и добрая,
Но по вашей рассудительности —
Тридцать пять — тридцать шесть
Предписал бы ^[158].

Читая стихи Франциска I, можно подумать, что монарх завел с ней интригу уже в 1523 году. Тогда эта барышня, лет пятнадцати от роду, принадлежала к числу фрейлин Луизы Савойской и, следовательно, была хорошо знакома Диане. У кормила власти мадам де Писселе продержалась 21 год. Ее авторитет могло поколебать разве что влияние Маргариты, любимой сестры короля, но вдовая герцогиня Алансонская влюбилась в суверена Наварры, королевства, которое по сути дела ограничивалось лишь пределами Беарна, и, уехав со вторым мужем в его владения, уступила место новой фаворитке.

Бывая у регентши, Диана присутствовала при этом возвышении. Сама она не оставляла равнодушными любителей прекрасного пола, и, если верить легенде, когда мадам де Брезе было лет 24–26, за ней ухаживал поэт Клеман Маро.

Автор предисловия к сборнику стихов Маро, Лангле-Дюфренуа, полагает, что именно Диане адресованы следующие очаровательные стихи:

Как часто мне хотелось бы быть Фебом,
Не для того, чтобы божественно разбираться в травах,

Так боль, убивающую мое сердце.
Травами никак не излечишь.
Не для того, чтобы оказаться среди небожителей,
Ибо мои желания обитают на земле
И моему королю я покорен.
Я хотел бы быть Фебом лишь для того,
Чтобы меня любила прекрасная Диана.

Но супруга великого сенешаля, разгневанная дерзостью поэта, якобы донесла на него Великому инквизитору, обвинив в поедании сала в самый разгар Великого поста. Арестованный в феврале 1526 года и заточенный в тюрьму Шатле, которую в мстительной поэме назовет «адам», Маро только чудом избежал казни, благодаря заступничеству своего друга Лиона Жамэ, а потом и Франциска I: по возвращении из испанского плена король защитил его от гонений, назначив в 1527 году, следом за отцом, королевским камердинером. После этого поэт какое-то время пребывал в безопасности, пока новые высказывания вновь не навлекли на него подозрения ^[159].

В легенде о любви, якобы связывавшей поэта и Диану, все выглядит неправдоподобным. Если супруга Луи де Брезе и создала себе определенную репутацию, то именно ту, что выражает надпись под портретом в альбоме рисунков, озаглавленном «Франциск I у мадам де Буази», где изображена задумчивая молодая дама с кротким и слегка улыбающимся лицом:

Она ласкает взгляд,
Честная в общении ^[160].

Тем временем парламент, узнав о смерти коннетабля, 29 июля 1527 года вынес приговор ^[161]. Ворота дворца Бурбонов в Париже, где некогда праздновали свадьбу Луи де Брезе и Диана, выкрасили в желтый цвет, дабы народ вспомнил, что там жил предатель.

Под влиянием этого приговора принцы из дома Бурбонов, герцог Шарль де Вандом и граф Франсуа де Сен-Поль, впали в немилость. Зато величайшие блага и почести посыпались на верных Короне вассалов, тех, что на всех этапах заговора поддерживали короля. Пусть шпагу коннетабля

пока никому не вручили, но Филипп де Шабо де Брион стал адмиралом, Теодор Тривульцио и Робер III де Ла Марк — маршалами. Пост великого мажордома Франции получил Анн де Монморанси. Этот спутник короля по плену в Испании, а по возвращении оттуда — главный уполномоченный на переговорах, грубый и жестокий сеньор, первый барон королевства, вскоре стал одним из наиболее влиятельных членов Королевского совета. Мать короля, с тех пор как выдала за Монморанси свою незаконнорожденную племянницу Мадлен Савойскую, прилюдно назвала его «племянником». Вскоре он добился и поста губернатора Лангедока.

Достигнув к 33 годам вершины почестей, Монморанси предстояло еще пройти школу государственного мужа. Таковым он и стал впоследствии с помощью де Брезе.

Они были близкими друзьями. 30 сентября 1527 года, после того как Диана перенесла тяжелую болезнь, де Брезе писал другу: «Моя жена, благодаря Богу, чувствует себя хорошо, и, думаю, она вне опасности. Уверяю вас, Диана была в таком состоянии, что никто не знал, выживет она или умрет»^[162].

В мае 1527 года мадам де Брезе принимала в Ане приехавшего поохотиться Франциска I. Возможно, она присутствовала при беседах своего мужа и Монморанси, которых объединяли общие идеалы. Оба ради того, чтобы бороться против новых веяний, желали примирить короля с императором. Монморанси считал Европу достаточно просторной, чтобы два венценосных принца могли ее поделить. А примирившись, Габсбург и Валуа общими усилиями сумели бы покончить с национальными войнами, дабы все силы употребить на борьбу с неверными, еретиками и смутьянами.

При этом возобновить войну означало бы подвергнуть дурному обращению королевских сыновей, томившихся в отдаленных испанских тюрьмах. Такое положение было невыносимо и для бабушки принцев Луизы Савойской, и для их тетки, Маргариты Наваррской. Кое-кого из высокопоставленных дам императорского двора тоже волновала эта драма. Они сделали первый шаг к восстановлению отношений с Францией. Тетка Карла V Маргарита Австрийская и обещанная в супруги Франциску I Элеонора приняли в Камбре Луизу Савойскую. Регентшу сопровождали канцлер Дюпра, великий мажордом Анн де Монморанси, а также ее дочь, Маргарита Наваррская. 5 августа был подписан договор, получивший название Камбрейского, или «Дамского мира», где были реалистически переосмыслены пункты Мадридского соглашения^[163]. Франциска I он

обязывал отречься от своих прав на герцогство Миланское и Неаполитанское королевство, отдать Турнэ и Эсден, отказаться от сюзеренитета над Артуа и Фландрией. Кроме того, он должен был реабилитировать Шарля Бурбона и, поскольку тот погиб при осаде Рима, передать наследство коннетабля его старшей сестре, Луизе де Бурбон, принцессе де Ла Рош-сюр-Ион, и ее сыну Людовику. Королю Франции предстояло жениться на сестре Карла V Элеоноре. Зато он сохранял герцогство Бургундское, графства Оксерр и Макон, а также виконтство Оксон. Наконец, ему возвращали сыновей — правда, в обмен на колоссальный выкуп: 2 миллиона золотых экю, причем 1 миллион 200 тысяч — наличными, 510 тысяч — за счет доходов герцогини Вандом, Марии Люксембургской, в Нидерландах, а остальное, то есть 290 тысяч экю, выплатить Генриху VIII Английскому в возмещение сумм, которые ему был должен Карл V. Вдобавок Франциск I обязался за 50 тысяч экю выкупить Цветок лилии, знаменитую драгоценность, переданную императором Максимилианом королю Англии в виде гарантии под заем.

Пока дело двигалось к улаживанию международного конфликта, Диана и ее супруг делили время между Ане и Руаном, где заседали землевладельцы Нормандии, но, благодаря своему другу Монморанси, не упускали ни единой подробности переговоров в Камбре. Так, они с радостью узнали, что окончательный текст договора частично удовлетворял их собственные чаяния, снимая с Бурбонов клеймо изменничества и окончательно восстанавливая в правах сподвижников коннетабля.

И в самом деле, в статье о восстановлении имущества, конфискованного у Рене, графа Пентьева, уточнялось: «Также прочие друзья, союзники и слуги означенного сеньора Бурбона, равно служители церкви и миряне, здравствующие и поныне, а с ними наследники и преемники покойных, могут в полной мере спокойно и свободно пользоваться имуществом, возвращенным по вышепоименованному Мадридскому договору, и всем, что имеет к тому касательство, по проведении некоторых процедур и объявления указов, сделанных совокупно и по отдельности как до, так и после подписания оного Мадридского договора; и будут лица сии полностью восстановлены в правах в течение шести недель после утверждения данного документа и в согласии с договором Мадридским»^[164].

Не ожидая восстановления в правах, заявленного договором, Сен-Валье уже воспользовался соответствующими статьями Мадридского — Королевской грамотой от июля 1526 года, где Франциск I даровал ему

прощение за побег из тюрьмы и бегство в Германию: Сен-Валье мог возвратиться в королевство и получить обратно имущество и титулы ^[165]. Восстановив прежний статус, он принялся за коммерческие операции: 9 апреля 1528 года продал Луи де Сальвену пять своих поместий за 4 тысячи экю, потом возбудил процесс против Маро де Гроле, сеньора де Вервиля и вдовца своей племянницы Маргариты де Леви-Мирпуа ^[166]. После подписания договора в Камбре он добился решения еще нескольких тяжб в свою пользу: одно завершало процесс против Гроле приговором Парижского парламента от 14 августа 1531 года, второе, исходящее от Великого совета, 8 марта 1532 года признало его права на мостовые пошлины Прива и Шалансона. Урегулировав таким образом финансовые дела, Сен-Валье получил возможность, несмотря на то, что ему уже стукнуло 57 лет, заключить 26 сентября 1532 года третий брачный союз — с богатой вдовой Франсуазой де Полиньяк, принесшей в приданое 10 тысяч экю. Наконец 26 августа 1539 года он скончался, по завещанию оставив супруге замок Пизансон вместе с правом взимать дорожные пошлины, а также всю мебелировку остальных своих замков. Мадам де Сен-Валье, овдовев в третий раз, вышла замуж за барона Жана де Линьи ^[167].

В то время как Сен-Валье без всякого блеска завершал жизнь дворянина-помещика, Диана и ее супруг присоединились к тем, кто в великом порыве солидарности сумел набрать сумму, необходимую для уплаты гигантского выкупа за детей короля. При посредничестве великого сенешаля город Руан выплатил 4 тысячи экю. Передача выкупа длилась два месяца, поскольку испанцы проверяли стоимость каждой монеты и оценивали денежный эквивалент ценностей, представленных вместо золота. Наконец 10 июля в руках дона Альвареса де Луго скопилась огромная сумма — 1 миллион 241 тысяча 175 экю, или около четырех с половиной тонн золота.

Монморанси выпала честь отправиться в Фонтарабию, дабы обеспечить возвращение заложников и встретить королеву Элеонору. Обмен принцев на сокровище, к которому присовокупили знаменитую реликвию Цветок лилии, где хранилась частица Истинного Креста, произошел в Бидассоа 1 июля 1530 года. Новая королева Элеонора присоединилась к принцам, и 7 июля король отпраздновал свадьбу в аббатстве Сен-Лоран-де-Бейри близ Вильнев-де-Марсана ^[168].

Оставив в Блуа свою беременную дочь Маргариту Наваррскую, Луиза Савойская, несмотря на сильнейший приступ подагры, в сопровождении фрейлин двинулась в путь в апреле. В начале июля ей пришлось

остановиться в Туар-ле-Бордо, так как болезнь приковала ее к постели. Регентша поручила Диане де Пуатье и своим фрейлинам проводить новую королеву и детей Франции до замков Луары, чтобы они могли провести там осень, а в декабре — добраться до Сен-Жермен-ан-Ле. Анна д'Эйи тогда достигла апогея королевских милостей^[169], но король считал себя обязанным почтить вниманием новую супругу: ее коронация праздновалась с великой пышностью. Диана присутствовала на ней в Сен-Дени 5 марта 1531 года вместе с супругами сановников, фрейлинами королевы-матери и королевы Наваррской^[170].

Элеонора была усыпана драгоценностями, алмазами, рубинами и изумрудами, по оценкам, более чем на миллион золотых экю. После литургии три дамы приблизились к алтарю, чтобы поднести королеве дары: то были супруги великого мажордома Монморанси, адмирала Шабо де Бриона и великого сенешаля Нормандии. Первая поднесла два хлеба — золотой и серебряный, вторая — вино, а Диана — девственно-белую восковую свечу. Во время миропомазания королеве помогали регентша, ее дочь Маргарита Наваррская и внучка, юная принцесса Мадлен Французская. Когда Элеонора заняла поставленный на возвышение трон напротив алтаря со скипетром и десницей правосудия, дофин Франсуа и герцог Орлеанский Генрих, приблизившись, подняли над ее головой корону. Таким образом, дома Габсбургов и Валуа как бы соединились, отринув прежнюю вражду.

Въезд королевы в Париж 16 марта стал еще одним праздником примирения. По пути следования кортежа королева и сопровождавшие ее дамы видели театрализованные представления и аллегорические картины, полные намеков на злобу дня. В воротах Сен-Дени символические фигуры Мира и Согласия, окруженные различными Добродетелями, вручили царственной особе ключи от города. Прочие фигуры изображали явления природы и различных персонажей: у фонтана Понсо — сатиры, у Трините — пастухи, у врат Художественной галереи — 9 муз. Богиня у фонтана Невинных младенцев напоминала, что королева несет с собой мир для всех. Наконец, у Шатле было инсценировано освобождение детей Франции. Мост Нотр-Дам украсили тысячами зеленых гирлянд, гербовых щитов, медальонов и огромных позолоченных лилий. Перед каждым домом у моста королеве улыбались красивые девушки. В соборе Нотр-Дам ее принимал кардинал-канцлер, а вечером в большом зале дворца новая государыня и дети короля присутствовали на пиру и танцах.

Король устроился у окон одного из домов на пути следования кортежа,

прижав к себе любовницу, чем (во всяком случае, внешне) весьма шокировал английского посла. Правда, контраст между молодой женщиной, красивой и свежей, и испанкой, которую народ находил «широкой в талии с чересчур длинным туловищем и короткими ногами»^[171], оказался впечатляющим.

Со дня освобождения юные принцы жили среди роя фрейлин. И всю неделю празднеств и непрерывных увеселений одетые в ослепительные наряды дамы продолжали заботиться о них^[172]. Было чему потрясти души двух мальчиков 12 и 13 лет, долгое время лишенных любви и ласки. В годы плена они убегали от действительности в мечту, вынужденно довольствуясь иллюзорной жизнью. В Испании их излюбленным чтением стал роман «Амадис Галльский» Гарсии Ордонеса де Монтальво. Там описывались вымышленные приключения, весьма сходные с их собственной историей. Двое старших сыновей короля Галлии Периона — Амадис и Галаор — были покинуты и сосланы в чужие земли. В плену у волшебника оба принца стойко выносили испытания, которым тот их подвергал. Амадис рано возмужал — в 12 лет он казался 15-летним. Влюбившись в дочь короля Великобритании Ориану, ради своей любви он вынужден был прибегнуть к колдовству феи Урганды. Воинственная дева-воительница, нежная и по-матерински готовая утешить и успокоить, дала юному герою волшебное копье, сделавшее его непобедимым. В совершенстве постигнув колдовское искусство, она владела тайной, позволявшей влюбленным навеки сохранить молодость^[173].

Узрев в фантастическом убранстве Парижа обстановку романа, баюкавшего их грустный плен, оба принца, одетые паладинами, приняли участие в турнире, которым увенчались празднества, посвященные въезду королевы в столицу^[174]. Они прибыли на ристалище, устроенное на улице Сент-Антуан перед особняком Турнель, на лошадях, украшенных золотом. По традиции пажы паладинов склонили знамена перед дамами, в честь которых выступают юные рыцари. Дофин избрал королеву, а Генрих — супругу великого сенешаля, пребывавшую тогда во всем блеске красоты и молодости. Этот поступок принца можно было истолковать как обычный знак благодарности: именно Диане король Франциск поручил приобщить его к нравам двора по возвращении из Испании^[175].

В Ане Генрих вместе с ней выезжал на охоту. Супруги де Брезе обсуждали с юношей план, суливший ему блестящее будущее. Благодаря браку с Екатериной Медичи, его однолеткой из дома правителей

Флоренции и племянницей папы Климента VII, Генрих мог стать итальянским принцем. Вдобавок девушка была родственницей Дианы по линии де Ла Тур д'Овернь.

Король, узнав об этих планах, дал согласие: такой брак был наилучшим средством окончательно привязать к себе Святой престол в противовес возраставшему могуществу императора.

В эйфории празднеств коронации и прибытия королевы Элеоноры супруга великого сенешаля рисовала перед взором Генриха ослепительные перспективы будущего союза с *дукессиной*. Во-первых, девушка была очень богата: даже во Франции у нее много владений и еще немало их предстояло унаследовать. Диана умела точно оценить доход с земельного удела, а потому прекрасно представляла себе, какую выгоду сулили графства Овернское, Лорагэ и Кастр, а также многочисленные баронства и сеньории Лимузена, Ла Марша и Ниверне, не считая нескольких имений в Пикардии, унаследованных Екатериной по линии де Ла Тур д'Овернь от своей матери Мадлен и тетки Анны (последняя умерла в 1524 году, оставив мужу, Жану Стюарту, герцогу д'Олбани, лишь право пожизненного пользования). В совокупности все эти земли представляли собой целое княжество.

Кроме того, принцесса отличалась прекрасным происхождением. Мадам де Брезе знала, что, как и она сама, Екатерина по женской линии была связана с династией Каролингов: среди членов ее семьи, Булонского дома, был знаменитый Годфруа де Буйон, предводитель Первого крестового похода, вдобавок через бабуку, Жанну де Бурбон-Вандом, Екатерину Медичи связывало родство с Людовиком Святым.

Однако лучшим аргументом в пользу брака для юного принца стали слова Дианы о том, что таким образом он получит средства следовать по пути королей-завоевателей — Карла VIII, Людовика XII, Франциска I. Папское государство и Тоскана предоставят для ведения войны и содержания армии военный резерв сокровищниц банка Медичи и Ватикана. Благодаря этому принц сможет взять реванш у тюремщика, так долго гноившего его в невыносимых условиях испанских узилищ.

В ноябре 1530 года король послал к папе Клименту VII герцога д'Олбани, дядю Екатерины с материнской стороны, просить руки принцессы. Через месяц 24 апреля 1531 года, после торжественного въезда в Париж королевы Элеоноры, в зале замка Ане он диктовал условия брачного контракта. Своему сыну Генриху Франциск обещал обеспечить 30 тысяч экю ренты с доходов герцогства Орлеанского, а кроме того, передать причитающуюся ему часть наследства матери, королевы Клотильды. Екатерина же приносила в приданое доходы от имений в Оверни и Италии,

то есть приблизительно 10 тысяч экю ренты. Король дарил ей замок Жьен со всей обстановкой — бывшую резиденцию тетки жениха, Рене Французской, герцогини Феррары. Папе предлагалось дать племяннице приданое в серебре и драгоценностях. В отдельных статьях контракта содержались общие черты плана соглашения между Францией и Папской областью.

Пиза, Ливорно, Реджо д'Эмилия, Модена и Рубьера, Парма и Пьяченца отходили к Франции, а если эти города как имущество Церкви неотторжимы, то могла быть предоставлена компенсация, равная доходам от них. Екатерина получала право управлять вместе с Генрихом, а папа должен был помочь последнему отвоевать Милан, Геную и герцогство Урбино — номинально титул правительницы последнего продолжала носить его будущая супруга, но Урбино еще предстояло отобрать у семейства Делла Ровере^[176].

Для Генриха мечты о славе, которыми тешила его Диана, наконец обрели реальные очертания.

Папа в общих чертах одобрил контракт 14 июня 1531 года. Он соглашался дать Екатерине в приданое 100 тысяч экю при условии, что девушка откажется от своих владений во Флоренции. Из осторожности Климент VII оттягивал ее приезд во Францию — в случае перемен в планах насчет союза помолвка могла быть внезапно расторгнута. Под тем предлогом, что Екатерина еще не достигла зрелости, папа предлагал перенести церемонию на май 1532 года, так как тогда молодым людям исполнится по 13 лет, и они смогут вступить в супружеские отношения. Кардинал де Грамон покинул Рим 17 июня, чтобы доставить королю согласие папы в виде письма, запечатанного двумя сердоликовыми печатями на красном воске. 2 июля прелат появился при дворе. Познакомившись с предложениями главы Церкви, Франциск I объявил их приемлемыми, о чем поставил в известность де Брезе, как вдохновителей этого брака и родичей невесты. В свою очередь Жан Сен-Валье получил у себя в провинции послание от папы Климента VII с благодарностью за то, что помог герцогу д'Олбани подготовить этот союз^[177]. Большой победы и желать было нельзя. Но супруг Дианы, заболевший в Ане, не успел насладиться ею: 23 июля в возрасте 72 лет он скончался^[178]. Вдове великого сенешаля в это время был 31 год, но она вела себя, как зрелая матрона. Оставшись вдовой одного из самых влиятельных сановников королевства, она обставила похороны с невероятной пышностью. Семье де Брезе принадлежала усыпальница в часовне Девы, воздвигнутой в апсиде

Руанского собора. Здесь, 18 августа и упокоилось тело великого сенешаля^[179]. Двое дворян несли желто-черно-красное знамя усопшего с начертанным на нем девизом: «Не буди лихо, пока спит тихо». Еще один размахивал штандартом королевской Сотни дворян, капитаном которой был де Брезе: на желто-красно-лиловом фоне выделялись Святой Михаил, саламандра и солнце. Далее следовали другие дворяне, несшие его латы, шпагу, позолоченный шлем, кольчугу, личный флаг, а также геральдические щиты, латные рукавицы и стремяна покойного. Над гробом возвышалась богато одетая восковая фигура, которой были приданы черты Луи де Брезе. После целой ночи скорбного бдения тело предали земле. Офицеры один за другим сложили в могилу знаки отличия и оружие великого сенешаля, за исключением одеяний и оружия посмертного подобия покойного — их получил клир: позже Диане предстояло заключить с храмом сделку и получить драгоценные ткани и вещи в обмен на 300 золотых экю с изображением солнца.

После этих, столь запоминающихся похорон Диана повелела воздвигнуть для мужа гробницу. Работы, начатые в 1535 году, завершились только в 1544 году. Диана представлена там в виде безутешной вдовы, коленапреклоненной у смертного одра великого сенешаля. Над ней, по изначальному замыслу, возвышалась его статуя в полный рост. В центре памятника изображен Луи де Брезе в форме военачальника и на боевом коне.

Добродетели покойного были воплощены в виде кариатид, причем все они поименованы: Победа, Верность, Осмотрительность и Слава, а венчала памятник статуя, символизирующая Силу. Те же качества на протяжении всей жизни вдохновляли и саму Диану. Она и впрямь приказала выбить на памятнике золотыми буквами трогательное изъяснение любви:

О, Луи де Брезе, эта гробница воздвигнута
Дианой де Пуатье, опечаленной смертью супруга.
Она была тебе неразлучной и очень верной женой.
Таковой она была на брачном ложе
И останется за гробом.

Дабы обеспечить усопшему вечное спасение, в 1534 году она отписала капитулу Руана ежегодную ренту в размере 40 ливров на торжественные мессы и еще 35 ливров на молитвы без песнопений, причем и те и другие должны были повторять ежедневно.

Для Дианы начиналось новое время — время независимости. В своем вдовстве она не отказалась ни от своих прав, ни от обязательств по отношению к супругу, удалясь в имения, она наисуровейшим образом соблюдала траур. Ходила, закутанная в черные покрывала. Со временем Диана мало-помалу стала допускать в своих траурных одеждах помимо черного гармоничные сочетания серого и белого цветов. Впрочем, и для траурного наряда она выбирала красивейшие шелковые ткани, тут и там скромно украшенные драгоценными камнями, дабы никто не запомнил о ее ранге.

С наступлением осени на страну обрушились великие горести, вызванные скудным урожаем. Голод погнал толпы несчастных в города. Повсюду вспыхивали эпидемии чумы. Король укрылся в своем замке Фонтенбло, откуда в середине сентября пустился в паломничество к святыню Нотр-Дам-де-Льес молить об исцелении своей матери, Луизы Савойской, страдавшей многочисленными недугами — печеночными и почечными коликами, мочекаменной болезнью и подагрой. Однако, едва успев тронуться в путь, 23 сентября в Шантильи у своего верного Монморанси Франциск I узнал, что накануне королева-мать скончалась в Грэ-сюр-Луан, где, бежав из Фонтенбло, затворилась в надежде спастись от чумы.

Диана де Брезе возвратилась ко двору, чтобы присутствовать на похоронах. Она преклонила колена перед выставленным в церкви аббатства Сен-Мор-де-Фоссе гробом и восковым подобием в королевских одеждах, со скипетром и в короне, расprostертым на погребальном ложе. По улицам, затянутым черным крепом, погребальный кортеж с факельщиками двинулся 17 октября в Нотр-Дам. Следуя за тремя кардиналами, 13 епископами и принцами крови, двор и парламент провожали пустую карету королевы-матери, окруженную верными фрейлинами.

На следующий день под серым, затянутым дождевыми тучами небом кортеж свернул к Сен-Дени, где 19 октября после трех торжественных богослужений гроб с телом Луизы Савойской опустили в королевскую усыпальницу.

В судьбе Дианы миновал еще один этап. Последняя из великосветских дам, определявших ее судьбу при дворах Бурбонов и короля Франции, ушла в небытие.

Сердце и внутренности регентши, вынутые во время бальзамирования, были переданы в собор Парижской Богоматери. В память об этом установлена простая бронзовая табличка, на которой Франциск I повелел выгравировать аллегорические эмблемы: сердце, лилию в натуральную

величину, королевскую корону и жезл. Латинский дистих над ними напоминает, что это сердце, осуществившее благородные и великие деяния, и это лоно, выносившее короля, упокоились в земле, но дух усопшей присоединился к силам небесным ^[180].

Многочисленный штат регентши, насчитывавший более 260 человек от дворян и фрейлин до самых незначительных слуг, перешел к королю или к королеве Элеоноре. Отныне Диана стала придворной дамой монархини.

Сказочное состояние Луизы Савойской, которое Монморанси оценивал в «14 или 15 сотен тысяч как в золотых экю, так в мебелировке и иных вещах», пополнило королевскую казну. В ближайшие месяцы король присоединил к Короне и владения своей матери — герцогства Ангулемское и Анжуйское, графство Роморантен, а также герцогства Бурбоннэ, Овернь, Шательро, графства Форэ, Монпансье, Клермон, то есть имущество коннетабля Бурбона. Впрочем, это не повредило памяти о Луизе Савойской, остававшейся несравненным примером возвышения женщины в государстве.

Вместе с жизнью главного действующего лица закончился и судебный процесс, едва не разоривший королевство и семью Сен-Валье. Диана, мужественно переносящая все его перипетии, всей душой окунулась в купель честолюбивых помыслов. Отныне ей предстояло выйти из тени, где эта женщина осмотрительно держалась подле мужа, и в одиночестве вести сражение при ярком свете дня, дабы завоевать среди придворных первое место.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ВРЕМЯ ТАЙН

Глава I УДАЧА ПРИНЦА ГЕНРИХА

Став вдовой, Диана никоим образом не собиралась отказываться от преимуществ, которые извлекала из положения и сана своего супруга. В первую очередь она добилась выплаты остатков его жалованья. Казначейство выдало ей 6942 ливра, что полагались Луи де Брезе как губернатору Нормандии с 1 января по 23 июля, то есть до дня кончины, при общей сумме жалованья 8942 ливра в год ^[181]. Позднее, в 1539 году, Диана добьется ратификации Счетной палатой расписок на получателя в Лизье на 10 тысяч ливров, выданных ее мужу штатами Нормандии после его назначения губернатором ^[182]. Помимо того, она заставила королевского сборщика налогов в виконтстве Руанском уплатить 292 ливра 18 су и 3 турских денье за 107 дней исполнения обязанностей великого сенешаля (с Пасхи и до дня смерти) при годовом жалованье тысяча ливров ^[183]. Хорошо разбираясь в процедурных тонкостях и окружив себя законниками, вдова великого сенешаля отстаивала свои права и ловко избегала капканов, которые ей могли быть расставлены. Она бдительно следила, чтобы имущество ее предков оставалось в неприкосновенности. Диана 1 августа 1531 года убедила короля верить ей «благородное попечительство» над двумя своими несовершеннолетними дочерьми, «никому не давая в том отчета, пока длится ее вдовство» ^[184]. Таким образом, Диана получила право управлять их имуществом и взимать доходы. Однако существовала одна опасность: земли, входившие в апанаж великого сенешаля, за неимением потомка мужского пола, по логике вещей должны были бы вновь отойти Короне. Королевский прокурор потребовал возврата сеньорий Ножан-ле-Руа, Ане, Бреваль и Моншове. Бальи Шартра отправился на место, чтобы официально известить о наложении на них ареста. В Парижском парламенте начался судебный процесс. Диану и ее дочерей защищал опекун Франсуазы и Луизы де Брезе епископ Лизье Жан Ла Венер. Король, в знак особой милости, предоставил им пользование и взимание доходов с этих земель до тех пор, пока право собственности не будет установлено ^[185].

Процесс закончился в пользу Дианы лишь в 1548 году. При этом прочие земли Луи де Брезе в Нормандии, Анжу, Перигоре и Керси по-прежнему были в руках вдовы и детей великого сенешаля, что обеспечивало им неоспоримые и более чем достаточные доходы для поддержания достойного образа жизни.

По-королевски проводив в последний путь супруга, вдова Луи де Брезе вновь заняла подобающее место при дворе в окружении королевы Элеоноры.

К своему гербу она присовокупила символ траура — перевернутый факел, олицетворявший вдовство. Отныне она стала держаться подчеркнуто сурово, с особым достоинством. Два карандашных рисунка, сохранившихся в Шантильи и приписываемые Жану Клуэ (один — от 1530 года, а второй — от 1535 года), показывают изменения, произошедшие в ее облике за эти пять лет. Глаза слегка прищурились, взгляд стал более расчетливым, а губы — тоньше. Это весьма точно характеризовало линию поведения, избранную Дианой: она высказывала свое мнение лишь в том случае, когда питала полное доверие к собеседнику, а в безжалостном придворном мирке ей приходилось проявлять массу изворотливости ^[186].

В конце сентября 1531 года в Компьени король объявил о своем намерении совершить вояж по всему королевству с целью показать подданным новую королеву и дофина ^[187].

Диану, как и всех представителей высшей знати, пригласили участвовать в путешествии. Ей надлежало исполнять почетные обязанности придворной дамы при королевских особах, как в лишенных комфорта случайных пристанищах, так на приемах и церемониях.

Забота о повседневных нуждах возлагалась на великого мажордома Анна де Монморанси. Зимой короля и его семейство после Пикардии принимала Нормандия. Провинция Пьера де Брезе оказала им роскошный прием ^[188]. 13 января в Дьеппе живые картины повествовали об экспедициях великих нормандских корабелов. Наиболее известный и богатый из них, Жан Анго, подарил королю и его сыновьям птиц, обезьян, рептилий и даже дикарей, привезенных из дальних стран. Он же устроил для венценосных особ краткие прогулки на борту своих кораблей. Анго заявлял, что Франция призвана взять свою долю богатств Нового Света, невзирая на монополию использования недавно открытых земель, установленную Испанией и Португалией.

Но самые великолепные торжества происходили в Руане с 25 января по 6 февраля 1532 года. Статуи богов-олимпийцев, воздвигнутые на площадях,

символизировали мир. установленный благодаря союзу Франциска I и Элеоноры. После четырех торжественных въездов и всех связанных с ними церемоний король, прежде чем отправиться инспектировать новый порт Гавр, решил побывать в Мони. В начале марта он мог обсуждать с Дианой развитие выработанных в Ане планов насчет женитьбы Генриха Орлеанского на Екатерине Медичи ^[189].

Недавнее сближение между Карлом V и Климентом VII создавало благоприятные условия для переговоров. Во исполнение Булонского договора от 27 февраля 1533 года император наградил Александра Медичи, бастарда, поселенного папой во Флоренции, герцогским титулом и отдал ему руку своей незаконнорожденной дочери Маргариты Австрийской. Успех этой договоренности предполагал удаление из Флоренции законной наследницы по линии Медичи Екатерины, и брак с французским принцем позволял изящно устранить девушку с дороги. Таким образом, союз Генриха Орлеанского с Екатериной был в равной степени выгоден и для папы, и для короля Франции. Секретные статьи договора гарантировали соблюдение их интересов в соответствии могуществу императора. Спеша извлечь из этой ситуации выгоду, Генрих VIII Английский, как только его оповестили о происходящем, прибыл в Булонь для встречи с Франциском I, дабы уверить его в самом искреннем расположении. Король Франции, в свою очередь, обещал помочь Генриху добиться от Рима расторжения брака с Екатериной Арагонской, теткой Карла V.

В марте, когда королева совершала торжественный въезд в Реймс, переговоры продвинулись достаточно далеко, чтобы объявить о скором бракосочетании принца с девушкой из рода Медичи. В апреле Королевский совет выразил одобрение, а папа дал обещание приехать во Францию и благословить новобрачных.

В мае королеву принимали в Лионе. Там живые картины по случаю этого торжества изображали триумф Юноны, намекая и на брак самой Элеоноры, и на соединение сына короля с итальянской принцессой. Губернатор Оверни Жан Стюарт, герцог Олбани, дядя Екатерины и родич Дианы, устроил великолепные празднества от имени своей провинции, где будущая супруга герцога Орлеанского унаследовала поместья от своих предков из семейства де Ла Тур ^[190].

Затем королевский кортеж пересек Веле. 18 июля в Пюи посол Хайреддина Барбароссы, предводителя берберских пиратов, враждовавших с флотами Карла V, от имени султана Сулеймана Великолепного передал в залог будущего альянса ручного льва: животное, предназначенное в дар

флорентийцам, следовало вместе с двором до Марселя. Далее они ехали через Руэрг и Альбижуа, потом Тулузу и Лангедок, где губернаторствовал Монморанси. Наконец, миновав Авиньон и Арль, королевский кортеж приблизился к Провансу ^[191].

8 октября король прибыл в Марсель. Там он обосновался в просторном временном дворце, построенном Монморанси. Папа и его свита уже вышли в море. 11 октября Климент VII в окружении 13 кардиналов вступил в город ^[192]. В беседе с глазу на глаз они с королем уточнили статьи брачного контракта. Приданое невесты обогатилось дивными драгоценностями, подаренными папой, — «Неаполитанским Яйцом», «Миланским Пиком» и «Генуэзской скрижалю». Их названия напоминали о территориях, которые через 18 месяцев папа обязался помочь отвоевать королю Франции. В обмен последний обещал подавить протестантизм. По достижении договоренностей Екатерина, в свою очередь, вступила в Марсель, и Диана впервые увидела свою итальянскую родственницу.

Екатерине, как и ее будущему супругу, было четырнадцать с половиной лет. Она оказалась маленькой, худенькой, белокожей, с иссиня-черными волосами и круглым личиком. Нос был довольно крупным, а нижняя губа — толстовата. Темные глаза — слегка навывкате, но в них сверкали ум и сообразительность. Пусть девушке не хватало представительности, но она восполняла это элегантностью нарядов. Рано повзрослев от перенесенных во Флоренции испытаний и привыкнув к обществу принцев и высшей знати при дворе в Риме, она старалась произвести благоприятное впечатление и говорила по-французски с живописным итальянским акцентом.

В присутствии всего двора 28 октября Климент VII благословил союз юной пары. Вечером после бала-маскарада и пиршества королева и ее фрейлины проводили Екатерину в опочивальню. Генрих лег в постель в присутствии короля, и тот наблюдал за первой брачной ночью. Утром папа лично пришел убедиться, что супружество состоялось де-факто.

Перед отъездом 7 ноября Климент VII по просьбе Франциска I назначил четырех новых кардиналов: Клода Живри, дядю жены адмирала и друга короля Шабо де Бриона, епископа Лизье Жана Ле Венера, который после смерти Луи де Брезе стал опекуном и наставником дочерей Дианы, Одэ де Шатийона, племянника великого мажордома Монморанси и, наконец, Филиппа де Ла Шамбра, единоутробного брата герцога Олбани.

Зимой 1533 года в соответствии с секретными статьями брачного договора с семейством Медичи Франциск I заявил о правах принца

Генриха, как супруга Екатерины Медичи, на герцогство Урбино. Он знал, что император будет эти слова оспаривать. Чтобы отвлечь его от Италии, король стал поддерживать в Германии врагов Карла V, и прежде всего ландграфа Гессенского и герцога Филиппа Вюртембергского. Франциск также подталкивал пирата Барбароссу к нападениям на испанские корабли в Средиземном море. И сам он готов был перейти к действиям: 24 июля 1534 года по указу короля были сформированы 7 провинциальных легионов, насчитывавших 42 тысячи человек. Оставалось окончательно доработать план кампании, который позволил бы вновь укрепиться в Италии. Для этого требовалось, чтобы Климент VII публично объявил об альянсе с Францией. Однако 25 ноября 1534 года глава Церкви внезапно умер, и его смерть перечеркнула политические стороны брачного контракта. Не стоило и надеяться на признание их новым папой Павлом III Фарнезе, ибо он принадлежал к имперской партии ^[193].

В то же время договоренности Франциска I с немецкими князьями-протестантами были сильно скомпрометированы чрезмерным рвением французских сторонников Реформации ^[194]: ночью с 17 на 18 октября 1534 года отпечатанные в типографии пасквилы против «папистской мессы» внезапно наводнили Париж, Орлеан и Амбуаз, где их приклеили даже к дверям королевской опочивальни. Это превратило вызов традиционным верованиям в такое серьезное преступление, как оскорбление величества. Подозреваемые были немедленно арестованы, а 13 ноября начались казни, которые продолжались до 1 января 1535 года, когда шестеро еретиков в Париже были сожжены после церемонии искупления, в которой участвовали облаченные в глубокий траур королева, принцессы и их фрейлины, а 25 января 1535 года 73 человека, подозреваемых в принадлежности к реформатской церкви, а стало быть, и к заговору против особы короля, предстали перед судом. Среди них оказался и Клеман Маро, к которому вдова великого сенешаля не испытывала особого почтения из-за слишком легкомысленных намеков, которыми пестрели его стихи. Впрочем, поэт сумел сбежать и укрыться в Ферраре при дворе Рене Французской. Вне всяких сомнений, ему помогли скрыться сестра короля Маргарита Наваррская и любовница Франциска Анна д'Эйи.

Это суровое время, однако, было и временем расцвета Возрождения. Старинное феодальное обиталище королей, Лувр, обречено на разрушение. Суверен забросил городскую резиденцию Турнели ради лесных замков в Фонтенбло и Шамборе. Там он окружил себя писателями и художниками. В 1531 году он принимал Россо, в 1533-м — Приматиччо, а вскоре пригласил

и Бенвенуто Челлини. При этом во дворе властвовала новая фаворитка — Анна д'Эйи^[195]. Почести на нее так и сыпались. В 1534 году Франциск выдал мадемуазель д'Эйи за Жана де Бросса, графа Пентьевра, и таким образом сделал графиней, а в 1536 году возвел мужа своей подруги в ранг герцога. Фаворитка превратилась в герцогиню д'Этамп. Чтобы удалить от нее обременительного супруга, Франциск назначил его губернатором Бурбоннэ, Оверни, а в 1542 году — и Бретани. Анна забирала жалованье мужа, с выгодой использовала свое влияние и собирала доходы с многочисленных владений. У нее были особняк в Париже на улице Ласточки и два замка, Этамп и Лимур. Всегда одетая в платья из золотой парчи, подбитые горностаем, «корсажи из золотистых тканей с глубоким вырезом и украшенные множеством драгоценных камней», живая и смешливая, она воплощала при дворе свободу нравов и открытость ума.

Диана являла собой ее полную противоположность. Придворная дама королевы Элеоноры, подобно госпоже, постоянно подчеркивала свою набожность и с элегантностью носила черные с белым одеяния вдовы, и этот строгий наряд вполне соответствовал роли, которую играла мадам де Брезе — роли советницы принца Генриха. Устроив его брак с Екатериной Медичи, она сделала все, чтобы Генрих мог стать герцогом в Италии. Исполнение ее замыслов включало в себя восстановление союза короля с Папским престолом и его деятельное участие в борьбе против реформатской церкви на стороне римской ортодоксии. У Дианы такой выбор соответствовал глубокому внутреннему убеждению. Она с удовлетворением наблюдала, как расследование дела пасквилянтов толкало короля Франциска I к репрессивной политике по отношению к протестантам. Теперь, когда Церковь возглавлял папа, близкий к императору, лучшим способом помочь Генриху завоевать себе княжество в Италии было договориться с Карлом V.

Итак, в начале 1535 года Диана присоединилась к Монморанси, отстаивая необходимость примирения с императором^[196]. Оба предлагали королю отказаться от альянса с протестантскими принцами Германии и неверными, что представлялось довольно трудной задачей. И в самом деле, совсем недавно, зимой 1534 года в Шательро принимали берберское посольство, и Жан де Ла Форе был послан в Стамбул в феврале 1536 года обсуждать договор с Сулейманом. Весной, проводя время с королем в Ане и Мони, Монморанси неоднократно предпринимал напрасные попытки убедить Франциска I оставить императора в покое, пока тот занят экспедицией в Тунис против Хайреддина Барбароссы: в Совете его мнение

мало кто разделял. Подписанным в Куси эдиктом король даровал прощение сторонникам Реформации и возобновил переговоры с немецкими протестантами. Более того, он предложил Филиппу Меланхтону и Йоганну Штурму приехать в Париж и устроить диспут с богословами Сорбонны ^[197]. Всем было абсолютно ясно, что эти действия явились первыми шагами к новой войне с Карлом V. После того как королева Элеонора попыталась найти общий язык со своей сестрой Марией Венгерской, правительницей Нидерландов, возник инцидент, спровоцировавший возобновление военных действий. После смерти герцога Миланского Франциска Сфорца 1 ноября 1535 года король просил императора отдать это герцогство его второму сыну Генриху Орлеанскому, но Карл V в ответ предложил вручить его третьему сыну Франциска Карлу Ангулемскому, достигшему к тому времени 13 лет, если тот женится на вдове Сфорца, чтобы обеспечить легитимность своих прав. При французском дворе это предложение было воспринято как издевка и очередная демонстрация нежелания императора расстаться с герцогством Миланским: он-де просто хотел выиграть время, пытаясь поссорить сыновей короля. А потому 14 января 1536 года Франциск I окончательно склонился к мысли начать войну. Он перебрался в Лион и там под командованием адмирала Шабо де Бриона собрал весьма внушительную армию — около 40 тысяч человек. В феврале она захватила Бресс, потом Савойю и Пьемонт, то есть все владения дяди Франциска Карла III, принявшего сторону императора. По приказу короля Шабо де Брион остановился на границе герцогства Миланского, которое Франциск все еще надеялся добыть путем переговоров. В конце марта в руках герцога осталось лишь графство Ницское. Этот захват территорий, по сути, был аннексией. Король, действуя как законный владыка, учредил в Шамбери парламент и по всей Савойе и Пьемонту разместил свои гарнизоны: обе провинции подпали под управление Франции на четверть века, до подписания договора в Като-Камбрези в 1559 году ^[198].

Узнав о захвате Пьемонта и Савойи, Карл V, как и следовало ожидать, пожаловался папе Павлу III на действия Франциска I, несоблюдение им данной в Мадриде клятвы и вступление в союз с лютеранами и турками. Он даже бросил королю вызов, предложив выйти на турнирное поле и сразиться один на один, дабы Божьим судом решить, кто из них прав. Наконец 2 июня 1536 года, после того как Франциск выдворил из Франции имперского посла, Карл V дал своим генералам приказ начинать наступление. Граф Нассауский захватил Пикардию, Антонио де Лейва, сделав молниеносный бросок, изгнал французов из Пьемонта и на галерах

Андреа Дориа отплыл в сторону Прованса.

Поскольку Шабо де Брион не сумел остановить врага, Франциск заменил его на Монморанси, назначив того главнокомандующим на время кампании. Теперь главной целью стала защита королевства от имперской агрессии. Бывшая партия мира объединилась с партией войны, а религиозные споры отошли на второй план. 31 мая 1536 года король издал указ о прощении для всех, кто отречется от ереси в течение шести месяцев, а затем 30 июля объявил об отмене всех ранее вынесенных приговоров еретикам. Этим воспользовался Маро: в декабре он прибыл в Лион и под руководством кардинала де Турнона вернулся в лоно католической церкви.

Летом весь двор сопровождал короля в Лион, штаб-квартиру военных операций в глубоком тылу. Юные принцы, скучая от безделья, предавались обычным для них забавам и упражнениям. 2 августа дофин Франциск на равнине Эйне разыгрывал партию в лапту. На город опустился тяжелый зной — предвестник грозы. Сильно вспотевший принц выпил ледяной воды, поднесенной ему одним из дворян — итальянцем Себастьяно де Монтекуккули. Вскоре после этого ему стало дурно. Однако, несмотря на сильный жар, дофин вместе с отцом и братьями сел в лодку, чтобы спуститься в долину Роны. Но три дня спустя в Турноне его пришлось срочно доставить на берег. В ночь со среды на четверг 10 августа Франциск скончался.

Боль короля была безмерна. В старшем сыне он узнавал свой собственный темперамент, желание нравиться, особый вкус к жизни. Теперь ему приходилось сделать наследником следующего по старшинству сына, Генриха, юношу замкнутого, которого он плохо понимал. В пятницу 11 августа он призвал сына в Валанс и, едва успев объявить его дофином де Вьеннуа и герцогом Бретани, отправил в Прованс к армии.

Монморанси с величайшими изъявлениями радости 4 сентября 1536 года встретил нового дофина в Авиньоне ^[199]. Он вполне свободно чувствовал себя рядом с молодым человеком, блиставшим скорее спортивными подвигами и победами на турнирах, чем литературными и художественными пристрастиями. И в самом деле, Генриху куда больше подходила жизнь в военном лагере, нежели участие в чопорных и ритуализированных церемониях двора. Брак ни ему, ни Екатерине не принес полного расцвета — молодая женщина выглядела такой же робкой и скованной, как и ее супруг. По правде говоря, оба еще не достигли зрелости. В эпоху, когда детей рожали очень рано, брак часто бывал бесплодным. По наблюдениям врачей, дофин страдал гипоспадией, то есть

неправильным расположением семенного отверстия.

В этой атмосфере сомнений отъезд на фронт представлял для Генриха своего рода освобождение. В громадном укрепленном лагере под Авиньоном войска ожидали столкновения с имперской армией, которая без сопротивления вошла в Прованс, ибо Монморанси предпочел сеять опустошения на пути следования врага и приказал прибегнуть к тактике выжженной земли. Крестьяне собрали урожай и покинули дома, предварительно устроив пожар. Даже из городов все ушли. Перебравшись через Альпы 25 июля, Карл V беспрепятственно проследовал до Экса и вошел в него 10 августа. Там он присвоил себе титул короля Арльского, некогда принадлежавший Карлу Великому, и принялся раздавать своим военачальникам поместья. Затем император двинул войска к укрепленному лагерю Монморанси, но так и не смог переправиться на другой берег Роны. Под летним солнцем в опустошенной местности солдатам не хватало продовольствия, фуража и воды. Они вынуждены были питаться зеленым виноградом. Крестьяне не давали покоя отставшим отрядам. В середине сентября императору пришлось начать отступление. Его армия сократилась наполовину и потерпела поражение, так и не вступив в бой.

Для Монморанси и принца Генриха это было великой победой. Король прибыл в Прованс благодарить подданных за мужественное сопротивление. На севере королевства граф Нассауский отступил перед Перонном. Предприимчивый принц Лотарингии Клод де Гиз, послав подкрепления осажденному городу, помешал взять его осадой и благодаря этому подвигу снискал немалую популярность. Отблески славы озарили и его семью, младшую ветвь герцогов Лотарингских.

Выиграв на всех фронтах, Франциск I мог, наконец, предаться отмщению за смерть дофина, несмотря на то, что при вскрытии обнаружили признаки болезни легких и ни малейшего намека на яд. Король, тем не менее, был убежден, что принца отравил итальянец Монтекукули, приехавший во Францию в свите Екатерины Медичи, а до того служивший у Карла V. По высочайшему приказу 7 октября в Лионе начался судебный процесс. Подвергнутый жесточайшим пыткам, молодой дворянин в конце концов признался, что подлил мышьяку в принесенную принцу воду, и заявил, будто сделал это по наущению имперских агентов. Несмотря на то, что вскоре несчастный отказался от этих слов, его приговорили к четвертованию. Кошмарная казнь происходила в присутствии короля и его семьи на площади Гренет в Лионе ^[200].

Карл V, которому передали вырванные у Монтекукули признания, с

возмущением отверг всякую ответственность в этом деле, но повелел напечатать пасквиль, где указывались истинные виновники. По мнению императора, таковыми были второй сын короля Франции Генрих и его жена Екатерина Медичи. Подобная клевета больно ранила короля. К счастью, свадьба его дочери Мадлен и короля Шотландии Якова V разрядила атмосферу. Брачная церемония состоялась 1 января 1537 года в соборе Парижской Богоматери в присутствии королевы Элеоноры и дофины Екатерины Медичи, окруженных фрейлинами и восседавших на почетных местах. Совсем юная королева Шотландии принимала поздравления двора в Луврском дворце. Ради такого события были устроены поединки и турниры. Дофин Генрих выступал там как победитель в недавней военной кампании. Принца окружала свита дворян, разделявших его вкусы, которых Генрих выбрал из числа офицеров, ранее служивших всем троим детям Франции. То были нахрабрейшие из придворных, и все они вместе с дофином мечтали присоединиться к армии. Их звали Сент-Андре, Дампьер, де Кар, д'Андуэн и Ла Ну. Карл, носивший теперь титул герцога Орлеанского, чтобы не обескровить свой дом, отказался сообщить о его составе. Король, которому пришлось мирить братьев, прилюдно выразил предпочтение младшему, более обаятельному, чем дофин. И вместе с тем он был вынужден оставить все почести за Генрихом. Дофин и его супруга присутствовали на судебном заседании под председательством короля 15 августа 1537 года: Франциск I отобрал у Карла V графства Фландрское, Артуа и Шароле, а также объявил недействительным отречение от сюзеренитета, к которому его принудили договоры, подписанные в Мадриде и Камбре. Убийство 6 января 1537 года герцога Александра Медичи, бастарда папы Климента VII и зятя Карла V, внесло новый элемент в развитие конфликта между Францией и императором. Дофина имела право требовать себе Флоренцию. Убийца, Лоренцаччо, нашел прибежище в Венеции у дяди принцессы Филиппо Строцци. Сторонники Екатерины, изгнанные из Флоренции — *fuorusciti*^[201], — были готовы использовать свое влияние в Тоскане, чтобы обеспечить ей возвращение законного наследства. Их посланец, Бартоломео Кавальканти, явился ко двору, чтобы уверить принцессу в совершеннейшей преданности, а заодно попросить у короля Франции финансовой и военной помощи во избежание возврата Флоренции в сферу влияния императора усилиями очередного преданного ему герцога.

Франциск I в тот момент была занят в Пикардии, где в начале 1537 года возобновились военные действия. Строцци пришлось в одиночку сражаться против Комо Медичи, дальнего родственника Екатерины,

которого Карл V сделал герцогом. Не получив помощи из Франции, дядя дофины потерпел поражение при Монтемурло 1 августа 1537 года. После этого рухнули и надежды Генриха и Екатерины занять трон в Тоскане ^[202].

За неимением лучшего дофин, по крайней мере, мог снискать в Италии славу полководца. В июле король, больной и расстроенный известием о смерти своей дочери Мадлен, недавно ставшей королевой Шотландии, поручил Генриху вместе с Монморанси выступить из Пьемонта во главе авангарда, отправлявшегося навстречу императорским войскам. Так вновь объединились двое мужчин, проникшихся друг к другу симпатией годом раньше в Провансе: номинальное командование было доверено Генриху, но реальная власть принадлежала Монморанси, как генерал-лейтенанту ^[203]. Дофин не без удовольствия оставил молодую супругу, которая слегла с тяжелой лихорадкой. В 18 лет он мечтал порезвиться на воле. В промежутках между военными операциями Генрих проводил время в развлечениях вместе с веселыми приятелями. Монморанси сообщал об этом королю. И не только ему, но и вдове великого сенешаля, которую не без основания считали менторшей принца. Однажды, писал он, «затеяв возню у себя в спальне, Генрих поранил бедро кинжалом, выскользнувшим из ножен, да так, что острие вошло на два пальца, а то и поболее» ^[204]. Дофин отделался всего-навсего тем, что вынужден был путешествовать в карете, а не верхом. Вскоре, однако, они прибыли в зону военных действий. Монморанси, покинувший Безансон 23 октября, направился к ущелью Суз. С шестью тысячами пехотинцев и сотней легкой кавалерии он форсировал проход и освободил такие города Пьемонта, как Салиньяно, Турин, Пиньероль. Дофин впервые участвовал в сражении. 1 ноября он взял в осаду замок Авильяна. Два дня солдаты дрались «с такой яростью, что взяли крепость приступом и предали мечу четыре десятка солдат и многих укрывшихся там местных жителей, оставив лишь капитана и еще троих, которые были потом повешены на зубцах крепостной стены в назидание тем, кто упорствует в обороне столь незначительных крепостишек» ^[205].

В то время как маркиз Дель Васто пенял на излишнюю жестокость принца, король одобрил действия сына, и Диана — тоже: она гордилась этим ратным подвигом, доказавшим, что принц Генрих сумел преодолеть сомнения и юношескую робость.

Французы 11 ноября окружили имперские войска в Монтекальери, заняв окрестные деревни. В Фоссане дофина принимал один из его пьемонтских конюших — Джан Антонио Лучи. Он представил принцу свою сестру Филиппу. Прием получился более чем радушным, ибо Генрих

закончил ночь в объятиях девушки. Но их идиллия длилась недолго. Утром войска снялись с лагеря и поспешили в Кариньян, куда прибыл король, пожелавший присоединиться к авангарду^[206]. Франциск I был счастлив, что ему удалось отвоевать Савойю и Пьемонт, которые он рассчитывал использовать в переговорах с Карлом V как обменный фонд, дабы заполучить герцогство Миланское. Вскоре после этого, 16 ноября, в Монзоне (Испания) было подписано трехмесячное перемирие. Для Пьемонта и Пикардии оно продлилось до 1 июня 1538 года. Монморанси и кардинал Иоанн Лотарингский в течение трех недель вели переговоры с посланцами Карла V на берегах озера Левкат^[207]. Договорились, что герцогство Миланское перейдет Карлу, герцогу Ангулемскому и Орлеанскому, младшему брату дофина. Франциск I хотел оставить за собой управление герцогством на пять лет, а император настаивал на трех. Таким образом, в конце декабря стороны расстались, так ничего и не решив. Ожидая подписания настоящего мирного договора при посредничестве папы Павла III, король вознаградил за труды своего верного Монморанси. В Монпелье 31 января 1538 года великий мажордом получил возмещение сумм, вложенных им в недавние военные кампании, что в итоге составило 158 тысяч ливров. Затем в Мулене, бывшей столице изменника Шарля Бурбона, Франциск I вручил ему шпагу коннетабля. Церемония происходила в воскресенье 10 февраля 1538 года в присутствии дофина, герцога Орлеанского, канцлера, адмирала, кардиналов, а также всех принцев и принцесс^[208].

Великий мажордом получил и своего рода вице-королевство. Как во Франции, так и вне ее он оставался главнокомандующим королевскими войсками и по значимости занимал первое место после принцев королевской крови. На той же церемонии удостоились назначения и два новых маршала: Клод д'Аннебо и Рене де Монтежеан — бывшие братья по оружию великого мажордома.

Дофин воспринимал это возвышение Монморанси как свой собственный триумф. Во время недавних кампаний новоиспеченный коннетабль стал его другом и конфидентом. Принц относился к нему, как к отцу (Монморанси в то время исполнилось 45 лет, а Генриху — всего 19). Их объединяло столь же глубокое доверие друг к другу, как и с Дианой. У дофина не было тайн от своих двух ближайших друзей. Монморанси, узнав о приключении принца в Монкальери, попросил Монтежеана проследить за возможными последствиями короткой интрижки дофина. Маршал отправился в Пьемонт. Там он обнаружил, что Филиппа беременна.

Новость быстро достигла королевского двора. Монморанси приказал маршалу приглядывать за девушкой до рождения ребенка^[209]. Сам он держал дофина в курсе дела, сообщая во всех подробностях о развитии беременности, которой Генрих весьма гордился, так как она доказала, что он вполне способен иметь потомство. Зато принцесса Екатерина всерьез забеспокоилась, и не без оснований, поскольку ее кажущееся бесплодие могло породить новые расчеты и планы. «Нашлось немало таких, — пишет Брантом, — кто убеждал короля и Его Высочество дофина, супруга Екатерины, отвергнуть ее, ибо Франция нуждалась в наследнике». Герцог Клод де Гиз даже предлагал заменить дофину своей младшей дочерью Луизой, девушкой поразительной красоты. А почему бы и нет? Ведь вышла же старшая, Мария, замуж за короля Шотландии, овдовевшего после смерти дочери Франциска I! Монморанси, хоть и опасался, что Лотарингский дом оттеснит его от кормила власти, не смел, однако, выступить против рассмотрения на Королевском совете вопроса о возможности развода. Диана хотела избежать замены своей итальянской родственницы новой дофиной, принадлежавшей к весьма предприимчивому клану, и, несомненно, плодовитой. Это стало бы триумфом соперницы, герцогини д'Этамп, которая только и мечтала удалить ее от двора. Перед лицом такой опасности мадам де Брезе предложила Екатерине пустить в ход единственное, надежное средство: попытаться завоевать расположение короля. А что касается дофина, то его Диана обещала взять на себя.

Екатерина оказалась достойной ученицей и без лишних споров бросилась королю в ноги. Франциск I благоволил невестке: он допустил ее в «малый кружок» кавалеров и дам, сопровождавших его на охотах. Кроме того, король ценил Екатерину как собеседницу, поскольку она была весьма эрудирована в истории, географии, науках, а также астрологии и, более того, пыталась писать новеллы в подражание «Гептамерону» Маргариты Наваррской, с которой великолепно ладила, как, впрочем, и с королевской фавориткой. Убедившись, что король не останется глух, Екатерина сквозь рыдания проговорила, что знает о своей обреченности и готова уйти хоть в монастырь, хоть стать фрейлиной новой дофины, только бы не выслушивать приговор о разводе. Она, мол, до конца дней своих будет гордиться тем, что принадлежала, пусть совсем недолго, к королевскому дому Франции. Это трогательное заявление привело короля в умиление. Он поднял Екатерину с пола и заключил в объятия: «Дочь моя, коли Господу было угодно сделать вас моей невесткой и супругой дофина, я не желаю

поступать наперекор его воле. Возможно, Бог снизойдет к нашим упованиям»^[210].

От этой победы больше всего выиграла подготовившая ее Диана. Дофина знала, что слова короля не значили бы равным счетом ничего, вздумай ее муж присоединиться к тем, кто громко сетовал на отсутствие у королевского дома Франции наследников. Меж тем было совершенно ясно, что молчание Генриха зависело от Дианы, которая сумела убедить дофина, что он не должен поддаваться маневрам, направленным ему во вред. Видя позицию дофина, Клод де Гиз поспешно отступил и выдал свою дочь Луизу замуж за Рене Нассауского. В благодарность за помощь великая подательница добрых советов ожидала от Екатерины крепкого союза, дабы сообща противостоять интригам двора. Отныне дофине придется сообщать мадам де Брезе все, что она сумеет узнать в окружении короля, принцев и от герцогини д'Этамп.

Для Екатерины это была весьма невысокая плата за твердое положение при дворе с перспективой в один прекрасный день стать королевой Франции. К тому моменту она не могла оставаться в неведении насчет того, что отношения между Дианой и дофином удивительно продвинулись. Пьемонтская кампания сделала Генриха совсем другим человеком. Изумленный и обрадованный горячими поздравлениями и комплиментами своей дамы сердца, дофин наконец рискнул признаться ей в любви. Диана, не колеблясь, поощрила его к дальнейшим дерзаниям. Она понимала, что пришло время привязать к себе наследника престола любовными узами, ибо только они, наложившись на многолетнюю душевную привязанность, могли сплотить их надолго.

Юнцу, не знавшему ничего, кроме неумелых супружеских ласк да мимолетных объятий во время военных походов, Диана открыла безмерную притягательность женской красоты и утонченность чувств^[211].

Смятение и восторг сквозят в стихах, либо сочиненных самим Генрихом, либо переписанных им откуда-то собственной рукой. Они говорят об истинном откровении, своего рода инициации, когда подросток стал превращаться в зрелого мужа, и одновременно — это посвящение в рыцари богини Дианы: именно так отныне принц будет воспринимать свою даму сердца. Свою судьбу он видит в полном подчинении возлюбленной.

Увы, мой Боже, как я сожалею
О времени, потерянном в юности:
Сколько раз я мечтал.

Чтобы Диана стала моей единственной любовницей,
Но опасался, что она, будучи богиней,
Не снизойдет так низко.
Чтобы заметить меня, который без этого
Не ведал ни наслаждений, ни радостей, ни удовольствий
До решающего часа, сулившего мне
Во всем подчиняться ее велениям ^[212].

Глава II ТАЙНЫЙ ТРОЙСТВЕННЫЙ СОЮЗ

Победы в Пьемонте и возведение его друга Монморанси в ранг коннетабля придали дофину отваги утвердиться в противостоянии с отцом. Сначала он избрал эмблемой серп восходящей луны с девизом «*Cum plena est, étula solis*» («Став полной, она равняется с солнцем»). Второй девиз отражал ожидания: «*Donec totum impleat orbem*» («Донеже не станет полным кругом»).

Разумеется, в этом восхождении ко всей полноте власти Генрих мог рассчитывать на советы и дружбу коннетабля. А чтобы с честью преодолеть препятствия и обойти ловушки двора, у него была опытная союзница в лице Дианы. Даже в худшие минуты соперничества с герцогиней д'Этамп любовница дофина умела весьма ловко пускать в ход припрятанные козыри. Будучи придворной дамой королевы и родственницей дофины, она опиралась на свой древний род и постоянно это подчеркивала, гордо подписываясь именем де Пуатье. Не позволяла она забывать и о своем родстве с семейством де Брезе. На всех геральдических эмблемах Диана приказывала изображать перевернутый гаснущий факел — символ ее вдовства, и делать надпись, выражающую ее верность усопшему: «*Qui te alit me extinguit*» («Кто питает меня, тот и гасит»). Этот образ изящно намекал на королевскую саламандру, которая и питает и гасит огонь. Что до огня самой Дианы, то он мог быть лишь супружеской любовью. А вот Генрих же, в отличие от своей возлюбленной, и не думал что-либо скрывать. Монограмма, которую дофин приказывал изображать повсюду — в вышивке на одежде, в чеканке на оружии, на переплетах книг и в декоративных мотивах своих апартаментов, — как будто бы являла собой символ его брака с Екатериной: две заглавные буквы «С» внутри буквы «Н», соединенные и элегантно развернутые в разные стороны, в овале,

разделенном поперечной чертой, прорезающей вертикальные линии буквы «Н». При этом литеры начертаны таким образом, что, пересекаясь с вертикалями «Н», «С» превращаются в «D», первую букву имени Дианы. Поистине то было шедевром двусмысленности, поскольку супруга, любовница и любовник оказывались тесно сплетены и заключены в единое пространство. Чуть позднее другой символ воплотит образ триединства, которое представляла собой семья дофина: пересечение трех букв одинаковой величины, отображающее равенство каждого из троих и их взаимную привязанность.

По сравнению с этой исступленно-страстной символикой личная эмблема дофина выглядела очень скромно. Она представляла собой посланницу богов Ириду, раскинувшую в небесах радугу. Эту изящную сцену поясняла надпись: «Она несет с собой радость и надежду».

И в самом деле, Екатерина, третий член тайного тройственного союза, играла роль посланницы, вечно снующей между небом и землей. Она всем льстила и увивалась вокруг каждого — короля, королевы, фаворитки, сановников и коннетабля. Она вечно улыбалась и хотела понравиться. А вечером передавала Диане сведения, добытые за день. Дофина готова была смириться с чем угодно, лишь бы упрочить свои позиции в будущем: охотно позволяла мадам де Брезе действовать под прикрытием любовника, командовать и управлять домом и даже блистать на празднествах, как если бы это она была истинной дофиной.

Естественно, наблюдая все это, герцогиня д'Этамп задыхалась от ярости. Фаворитка короля чувствовала себя ущемленной и отодвинутой на второй план. Обороняя собственные позиции, она задумала соблазнить юного брата Генриха, герцога Карла Орлеанского. В отличие от дофина тот не познал прелестей испанского плена и в 17 лет отличался обаянием, легким характером, веселостью и блеском. Анне д'Этамп не составляло труда подпитывать предпочтение, оказываемое ему отцом. А чтобы обеспечить будущность молодого человека, фаворитка, до сих пор поддерживавшая партию войны, вдруг стала высказываться за примирение с Карлом V, поскольку герцог Орлеанский от этого только выигрывал. Женись Карл на дочери императора и получи в приданое королевство Нидерланды или герцогство Миланское, дофину пришлось бы с ним считаться, а Диане — волей-неволей вести себя осторожнее ^[213].

Герцогиня не только старалась склонить короля к подобной политике, но и вела тайную подспудную войну против соперницы. Понимая, что возраст — наиболее уязвимая точка Дианиной брони, фаворитка до

бесконечности разыгрывала эту карту. Она заявляла, будто родилась в тот день, когда вдова великого сенешаля праздновала свадьбу, хотя на самом деле их разделяло всего девять лет. В окружении герцогини Диану называли «Старухой».

Некий поэт из Шампани, Жан Вультэ, получив щедрую мзду от мадам д'Этамп, сочинил на латыни сатиру «*In Pictaviam anum aulicam*» («Против Пуатье, придворной старухи»). Тщетно, писал он, мажет она лицо румянами, напрасно вставляет искусственные зубы и красит седые волосы ^[214]. Вывод был ужасен:

Раскрашенная наживка не притягивает дичь.
И даже если бы ты купила все, необходимое женщине,
Не добилась бы от любовника желаемого,
Потому что надо быть живой, а ты уже мертва.

Век спустя историк Мизаре повторил эти диатрибы от собственного лица и добавил к ним другие клеветнические сплетни. «Весьма жаль было смотреть, — писал он, — как юный принц делает предметом обожания поблекшее лицо, изъеденное морщинами, седую голову, полуугасшие глаза, порой красные и гноящиеся, — короче говоря, гнусные останки того, чем успели насладиться многие другие» ^[215].

Клеман Маро, вновь войдя в милость и поселившись в Париже за счет Короны, благодаря хлопотам Маргариты Наваррской и королевской фаворитки, в 1538 году уплатил долг благодарности новогодним поздравлением в стихах, прославлявшим герцогиню д'Этамп:

Без всякого пристрастия
Я вам даю
Золотое яблоко за красоту,
А как верный подданный —
Венец ^[216].

Этот комплимент делал еще более ядовитой стрелу, выпущенную им в «мадам Великую Сенешальшу»:

Чего бы вы хотели в дар от меня,
Добрая Диана?

Насколько я понимаю, ваша осень и так
Длится куда дольше, чем весна ^[217].

Оскорбленная красавица не снисходила до ответа на все эти нападки, вызванные завистью к ее растущему влиянию. Диана довольствовалась тем, что рассказывала байку о старом нечестивце, которого спасла от смерти, будучи еще ребенком, и о полученном от него в благодарность эликсире вечной юности. Однако в ее безжалостной памяти запечатлевалась каждая эпиграмма и каверза, дабы в один прекрасный день воздать за все сторицей.

А пока страстная преданность дофина в достаточной степени тешила ее гордость. Юный атлет скрывал под мощной физической оболочкой столько нерастраченной нежности и обманутых надежд, что обрел уверенность лишь в крепких и ласковых объятиях любовницы: для Генриха в ней воплотились все прелести героинь, населявших в испанских тюрьмах его грезы и сны, вдохновленные героическими поэмами и «*Амадисом Галльским*».

Дофин поклонялся ей, как своей владычице, о чем и заявлял самым торжественным образом:

Более твердой веры никогда не сулило
Ни одному принцу (о, моя единственная принцесса!),
Чем моя любовь, которая будет вам до бесконечности
Обеспечена, вопреки времени и смерти.
Ни во рву, ни в укрепленных башнях
Не нуждается крепость моей веры,
Дамой, владычицей и хозяйкой которой я вас сделал.
Потому что она вечна!
Никакими сокровищами ее не купить,
Столь низкой ценой не завоевать доброго сердца,
Равно как милостями и величием происхождения.
Что ослепляют глаза черни.
И никакая красота, способная взволновать
Слабое сердце, не сможет нравиться мне так, как вы ^[218].

Диана была польщена, но предпочитала сдержанность и тайну. Их она требовала и от своего любовника. Послы и придворные, конечно, заметили,

что между вдовой великого сенешаля и дофином возникла некая новая близость, но, трактуя сомнение в ее пользу, оставили Диане роль вдохновительницы и друга ^[219].

Самой большой опасностью, которая могла угрожать Диане, продолжала оставаться угроза развода, все еще висевшая над Екатериной. Разумеется, нападки на молодую женщину, начавшиеся после любовных подвигов дофина в Монкальери, уже поутихли. Но избавиться от них раз и навсегда можно было, лишь покончив с бесплодием дофины.

В 1542 году венецианский посол Маттео Дандоло выразил общие симпатии к Екатерине:

«Светлейшая дофина прекрасно сложена. Конечно, в том, что касается ее способности иметь детей, поскольку до сих пор таковых не удалось зачать, неизвестно, сможет ли она родить впоследствии, хотя и принимает с этой целью всевозможные лекарства и снадобья, так что рискует даже заболеть. Дофин, супруг Ее Высочества, любит ее и всегда с нею ласков. Мадам Екатерина пользуется любовью короля, всего двора и народа. Думаю, не нашлось бы ни единого человека, кто не согласился бы отдать свою кровь ради того, чтобы она смогла произвести на свет наследника» ^[220].

Екатерина изучала всевозможные средства, предлагаемые магами и колдунами. По мнению Альберта Великого, трава, называемая пастушьей, и барвинок, истолченные и смешанные с порошком из дождевых червей, рождали у женщины стремление зачать ребенка. То же действие оказывал пепел сожженной лягушки и кабаньих клыков. По Фотию, стакан мочи мула, выпиваемый раз в месяц, делал бесплодную женщину плодовитой. Большой палец и кожа с анального отверстия зародыша считались прекрасными амулетами против бесплодия. Другой автор уверял, будто в подобных случаях весьма эффективны заячья кровь и вытяжка из вымоченной в уксусе задней левой лапки ласки. Наконец, пояс из козьей шерсти, омытой молоком ослицы, если женщина, желающая зачать дитя, носит его над пупком, поможет обзавестись ребенком мужского пола ^[221].

Дофина соглашалась испробовать что угодно. Однако наиболее надежное средство исходило от Дианы, которая, по словам Брантома, ежевечерне посылала Генриха в супружескую опочивальню, снабдив множеством полезных советов, так что позднее король Генрих II назначил ей вознаграждение в размере 5500 ливров за «добрые и пользительные услуги, оказанные ранее королеве».

Вновь обретя надежду, Екатерина присоединилась к Генриху и Диане в

путешествии королевского двора к границам Прованса. Папа Павел III Фарнезе предложил свое посредничество в переговорах короля и императора и пригласил их встретиться в Ницце. Сам он поселился в аббатстве кордельеров вне стен города, поскольку герцог Савойский, у которого осталась только одна эта крепость, из подозрительности не желал открывать врата своего города ни святому отцу, ни королю, похитившему его земли, ни императору. Франциск I поселился в замке Вильнев. Карл V жил на борту своей галеры, причаленной у рейда Вильфранш. Ведя переговоры, Павлу III приходилось ездить от одного к другому. Дебаты длились с 15 мая по 20 июня 1538 года. Неофициально святой отец и император принимали французскую знать. Диана вместе со свитой королевы Элеоноры была допущена к Павлу III и императору. Эту честь она делила с дофиной, королевой Наваррской и герцогиней д'Этамп ^[222].

Вмешательство папы оказалось отнюдь не напрасным. Результатом его стало десятилетнее перемирие, причем Франциск I оставлял за собой Бресс, Бюже и часть Пьемонта, а Карл V — герцогство Миланское и другие пьемонтские города. Герцог Савойский в ожидании нового договора от всех своих владений сохранял лишь графство Ницское.

Через месяц двор собрался в Эг-Морте, дабы присутствовать на встрече Франциска I и Карла V. Последний сам просил о ней короля, желая конкретизировать результаты переговоров в Ницце. Рядом с отцом стоял дофин, ему предстояло впервые увидеть того, кто держал его в плену. Прошло восемь лет, и страх, внушаемый ему именем императора, несомненно, изгладился. Утром 15 июля при виде сходящего с галеры невысокого человека с орлиным профилем и тяжелой нижней челюстью Генриха на миг охватило отвращение. Но королева Элеонора, радуясь возможности повидать брата, увлекла дофина за собой. Король обнял императора, представил ему дофина, дофину, герцога Карла Орлеанского и королеву Наварры, а Карл V раскрыл объятия королевскому семейству. «Великое несчастье и для нас, и для наших подданных, — воскликнул он, — в том, что мы не познакомились раньше, ибо тогда война не продлилась бы столь долго».

На самом деле это была игра в «кто кого одурачит». Франциск I, соблазнившись обещанием вернуть герцогство Миланское, бросил своих союзников — немецких протестантов, итальянских принцев и Великого Турка. Встреча завершилась вполне мирно, во всяком случае на вид. На самом деле оба партнера будут самым беззастенчивым образом продолжать холодную войну. Так, в 1538 году после смерти Карла Эгмонта его

племянник Вильгельм IV де Ла Марк, герцог Клевский и родич курфюрста Саксонского, унаследовал герцогство Гельдерн, охватывающее низменность долины Рейна и Мааса. Франциск I признал Вильгельма наследником, потом отступился от него, сочтя справедливыми претензии императора, который, надеясь прибрать к рукам Гельдерн, отказал герцогу Клевскому в инвеституре. Однако вскоре король вновь сблизился с Вильгельмом, а женитьба Генриха VIII на сестре герцога Анне Клевской еще более спутала карты ^[223].

После встречи в Эг-Морте двор вернулся в долину Луары, затем перебрался в Сен-Жермен и, наконец, в Шантийи, к Монморанси. В это время Генрих узнал, что Филиппа Дучи родила девочку, и распорядился привезти новорожденную во Францию. Он решил, что Диана станет ее крестной и проследит, чтобы девочка приобрела воспитание, достойное принцессы. Мать, Филиппа, получив внушительное приданое, нашла удобное и приятное убежище в одном из монастырей Пьемонта. Таким образом, приключение завершилось без всяких скандалов, что не помешало злопыхателям распространить слух, будто матерью незаконнорожденной дочери дофина в действительности была вдова великого сенешаля.

Осенью двор принимал правительницу Нидерландов королеву Марию Венгерскую, от имени своего брата явившуюся просить, чтобы Франциск I не помогал ни миланцам, ни герцогу Гельдерна, ни Генту, поскольку у императора имелись основания на них жаловаться. В обмен на это Карл V обещал принять предложение французов об урегулировании спорных вопросов. Эти предложения он ратифицировал 1 февраля 1539 года. Милан переходил младшему сыну короля Карлу Орлеанскому-Ангулемскому, но тот должен был вступить в брак с племянницей императора, дочерью короля Римского Фердинанда, а Маргарита Французская, младшая дочь Франциска I, — выйти за сына Карла V Филиппа.

Призрак войны как будто отступил. В январе, пока король оставался в Париже, Диана отпраздновала свадьбу своей старшей дочери Франсуазы со знатным вельможей, Робером IV де Ла Марком, принцем Седанским ^[224]. У новобрачной — великолепное приданое: она принесла супругу главные владения де Брезе, графство Молеврие, баронства Бек-Креспэн и Мони, а также сеньории Ножан-ле-Руа и Бреваль. Новоиспеченного мужа, родственника герцога Гельдерна, ждала блестящая карьера: в 1547 году он станет маршалом Франции, а в 1552 году — герцогом Буйонским. Пышное венчание состоялось 19 января 1539 года в часовне Лувра в присутствии короля. Само время, казалось, благоприятствует свадьбам принцев, что

открывало череду грандиозных празднеств, вроде бракосочетания племянницы короля Жаклин де Лонгви, дочери его сводной сестры Жанны Орлеанской, с Людовиком Бурбоном, родичем коварного коннетабля, получившим титул герцога Монпансье. И вновь начались странствия двора. В Фонтенбло, где король с гордостью показывал недавно отделанные апартаменты и галерею, все заметили отсутствие одной из самых значительных персон: дофин Генрих, отбросив притворство, последовал за Дианой, чтобы вместе отпраздновать свадьбу ее дочери. Нунций Филиберто Ферренио счел эту новость достаточно важной, чтобы сообщить о ней в Рим^[225]. Однако ее отодвинуло в тень куда более неожиданное и чреватое серьезными последствиями событие — опала адмирала Филиппа Шабо де Бриона. Брион был другом юности короля, который осыпал его милостями и дал в жены старшую дочь Жанны Орлеанской Франсуазу де Лонгви. Фаворит мог похвастать и дружбой герцогини д'Этамп. Но, в отличие от последней, он был сторонником войны против Карла V и союза с Генрихом VIII Английским — позиция в тот момент более чем предосудительная, с точки зрения Монморанси. Чтобы удалить Бриона из Королевского совета, тот донес о его злоупотреблениях и растратах. Великому мажордому удалось убедить Франциска, и 16 февраля 1539 года открылось уголовное расследование по иску против адмирала^[226]. Клан Монморанси торжествовал. Герцогиня д'Этамп, несмотря на все ее попытки вмешаться, не сумела спасти Бриона от этого испытания, а Диана радовалась унижению соперницы. Монморанси же тем более ликовал, что 12 февраля узнал от епископа Тарба, французского посла в Испании, что Карл V хотел бы пересечь Францию по пути в Нидерланды^[227].

Ожидая, пока император официально сформулирует просьбу, король в промежутках между охотами на оленя и птицу находил время заниматься законотворчеством. Эдиктом, подписанным в Шато-Ренар в начале мая 1539 года, он учредил первую лотерею, великолепное изобретение итальянцев и отличный способ пополнить государственную казну. В августе указом, составленным в Вилье-Коттре, он институировал гражданское состояние и упразднил обычай использовать латынь при составлении судебных документов и регистрации дарственных грамот. К удовлетворению Дианы и сторонников жесткого порядка в государстве, король возобновил преследования протестантов: эдикт от декабря 1538 года позволил парламенту Тулузы принять против них решительные меры. Главные подозреваемые — печатники и продавцы сочинений, проникнутых еретическим духом. Тщетно рабочие-печатники пытались протестовать и

объявили забастовку в Лионе по призыву «Трик», вдохновленного немецким «Штрейком» («забастовка»): 24 июля 1539 года указом, распространенным по всей стране, было объявлено о преследовании всех, кто станет уклоняться от ортодоксии ^[228].

Меж тем в конце лета Франциск страдал от сильных болей, вызванных повторным абсцессом в промежности вследствие венерического заболевания. В сентябре прикованный в Компьене к ложу страданий король получил подтверждение, что император хотел бы пересечь территорию Франции, чтобы утихомирить мятежных жителей Гента, отказавшихся платить налог, установленный Марией Венгерской. Тронутый этим официальным прошением, Франциск I послал 7 октября Карлу V пригласительное письмо, изъявив готовность дать все необходимые гарантии. Сановников и принцев просили поступить так же. Карла V, однако, не удовлетворило обещание, данное ему дофином Генрихом, к которому обратились за подтверждением: поскольку император узнал, что король тяжело болен и может от болезни умереть, необходимо было, чтобы наследник трона более твердо поручился за безопасность гостя. К счастью, неделю спустя абсцесс прорвался, и король возвратился к жизни ^[229].

В начале ноября Генрих и Монморанси с эскортом из 300 всадников отправились навстречу императору. Диане надлежало вместе с другими придворными участвовать в торжественном чествовании Карла V, но ей пришлось покинуть двор и поехать в Сен-Валье, чтобы 31 октября помолиться на могиле отца, Жана де Пуатье, умершего в Пизансоне и погребенного в семейной часовне. По завещанию от 26 августа 1539 года он оставлял поместья и титулы своему сыну Гийому, а если бы последний умер, не произведя на свет наследника мужского пола, — старшей дочери Диане:

«В том случае, коли сын наш и полноправный наследник не породит дитя мужеска полу, прямого потомка от честного и законного брака, и мужская линия рода угаснет, тогда мы устанавливаем и собственными устами называем единственной наследницей всего имущества Диану де Пуатье, нашу дражайшую и горячо любимую дочь, а после кончины оной устанавливаем мы и называем наследниками нашими потомков по прямой линии от честного брака детей мужеска пола ее старшей дочери Франсуазы де Брезе, а за неимением таковых — детей ее сестры Луизы де Брезе» ^[230].

Диана пристально следила за урегулированием вопросов, связанных с наследством Сен-Валье. Покойный оставил вдову, свою третью супругу, Франсуазу де Полиньяк, которой отписал солидную вдовью часть

наследства. Она получила всю обстановку замков Сериньян, Бом, Этуаль, Сен-Валье и Пизансон и, более того, саму сеньорию Пизансон с правом пожизненного пользования доходами. Франсуаза де Полиньяк, изрядно разбогатев благодаря наследству от трех усопших мужей, включая и Жана Сен-Валье, вскоре вновь сочеталась браком, на сей раз — с бароном Жаном де Люньи. Чтобы не допустить распыления семейного имущества, Гийому де Пуатье пришлось 5 декабря 1539 года заключить с ней сделку, выплатив стоимость приданого и вдовьей доли. По документам мы видим, что вскоре он принес королю вассальную клятву как сеньор земель Альбон, Этуаль, ла Ваш, Куэнт, Понтуаз, Пизансон, Клерье и Шентемерль ^[231].

Диана унаследовала от отца сеньорию д'Арси-сюр-Об в Шампани. Меж тем местные жители по собственному почину выстроили стены и выкопали рвы на подступах к замку. Диане пришлось подать на них в суд, дабы заставить возместить ущерб и признать, что именно ей принадлежат плата за охрану и мостовая пошлина, которую должны платить возчики за проезд и товары ^[232]. Сестры Анна и Франсуаза, в свою очередь, вчинили Диане иск, полагая, что отец слишком облагодетельствовал ее за их счет. Они вынудили сестру вести и другие тяжбы. Именно этот момент выбрала герцогиня д'Этамп, чтобы опротестовать права мадам де Брезе на Ане. Однако тут весьма вовремя подвернулось путешествие Карла V через Францию, заставив двор на какое-то время забыть о склоках.

Император пересек Бидассоа 27 ноября 1539 года, взяв с собой только двадцать пять дворян и десятков пять всадников. Дофин и герцог Орлеанский сопровождали его в пути по землям королевства ^[233]. Весь сентябрь превратился в череду торжественных церемоний у ворот городов. Король принимал императора в Лоше, за ним последовали Амбуаз, Блуа, Шамбор, Орлеан, и повсюду знаменитому гостю воздавали почести. По дороге устраивались иллюминации и народные гуляния с фонтанами вина и скачками. Императора привели в восторг Фонтенбло и недавно законченная королевская галерея.

Принцы Генрих и Карл изо всех сил старались развлечь Карла V, чтобы тот позабыл об усталости, вызванной главным образом состоянием здоровья: император и в самом деле страдал хроническим геморроем и вдобавок простудился. Но шутки молодых людей не всегда отличались хорошим вкусом. Как-то раз Карл неожиданно прыгнул на лошадь императора и, обхватив его руками, крикнул: «Сир, вы — пленник!» Карл V, и без того бледный, совсем помертвел и затрясся. С этой минуты он еще старательнее скрывал свои намерения.

Торжественный въезд императора в Париж состоялся 4 января 1540 года. Роскошно одетый дофин скакал рядом с Карлом V, а тот, соблюдая траур по усопшей супруге, был облачен в строгий черный костюм. Над ним возвышался балдахин с вышитым золотым орлом. А впереди ехал коннетабль, высоко над головой подняв обнаженную королевскую шпагу ^[234].

Эта церемония как будто отмечала триумф партии мира, которую в тот момент составляли Монморанси, герцогиня д'Этамп, герцог Карл Орлеанский, но также дофин и Диана. В Валансьене принцы простились с Карлом V 24 января и получили великолепные брильянты, а коннетабль — бесценный изумруд. Император обещал решить вопрос о герцогстве Миланском к полному удовлетворению короля, как только накажет своих непокорных подданных. Но стоило Карлу V подавить мятеж, как выяснилось, что он передумал. 2 апреля 1540 года последовало контрпредложение: император соглашался выдать свою дочь Марию за герцога Орлеанского, а в приданое дать Нидерланды, Бургундию и Шароле. О том, чтобы вернуть королю Милан, и речи не шло, более того, Карл V уточнял, что Савойя и Пьемонт должны вновь отойти герцогу Савойскому, их законному владельцу ^[235].

Удивление короля сменилось возмущением, едва он осознал, что император хочет не только лишить его всех завоеваний, но и восстановить герцогство Бургундское, что стало бы серьезной угрозой интересам Франции: можно было предвидеть, что, когда дофин станет королем после смерти отца, его брат Карл развяжет междоусобную войну. Франциск, не желая признать, что его обманули, в апреле начал переговоры. Но Монморанси, постоянно советовавший королю примириться с императором, все более отодвигался в тень и был лишен суперинтендантства. Впрочем, Диана немилости избежала: король продемонстрировал это, проведя переговоры в Ане 5 и 6 мая 1540 года ^[236].

Намечающийся разрыв между Францией и империей радовал короля Англии Генриха VIII, а также протестантских князей Германии, вольные города, республику Венецию и даже Святейшего папу, ибо все они опасались усиления могущества императора после заключения им союза с Францией. 1 июня 1540 года, опубликовав новый, весьма суровый эдикт против протестантов, Франциск I показал, что способен по собственной инициативе, не ожидая советов из-за границы, наказывать преступников, злоумышляющих против его власти и безопасности государства. Накануне, 31 мая, он назначил специальную комиссию в парламенте Экса, повелев

возбудить дело против водуазцев ^[237].

Такая демонстрация строгой ортодоксии не помешала заключению 17 июля 1540 года союза между Франциском I и Вильгельмом IV де Ла Марком, герцогом Гельдернским и Клевским и одним из вождей немецких протестантов ^[238]. Это произошло в Ане у Дианы, чья старшая дочь Франсуаза годом ранее вышла замуж за Робера IV де Ла Марка, у которого были общие предки с герцогами Клевскими.

Герцог пообещал предоставить солдат, а король согласился отдать в залог будущего альянса руку своей племянницы Жанны д'Альбре: брачный контракт даже был составлен, к великой досаде короля Наваррского Генриха д'Альбре и его жены Маргариты, ибо они хотели выдать дочь за Филиппа Испанского, наследника Карла V. Заключение этого брака, связующего де Ла Марков родственными узами с королевским домом, вызывало у Дианы законную гордость, тем более что сестра герцога Клевского Анна за год до того стала королевой Англии. Правда, она недолго просидела на троне (всего шесть месяцев), а потом развод по обоюдному согласию позволил Генриху VIII жениться в пятый раз — на Екатерине Говард, дочери одного из своих советников.

После недолгого пребывания в Ане король направился в свой нормандский замок Ватвиль, а оттуда поехал осматривать работы в порту Вильфрансуаз-де-Грас (иначе говоря — Кале), а также укрепления, строительством которых руководил генуэзский военный инженер Жеро Беллармато ^[239]. Тем временем на Нормандию обрушилась страшная жара, не спадавшая до конца августа, что вызвало эпидемию дизентерии. Болезнь не минула и короля. А Генрих д'Альбре, и без того хворавший из-за планов насильственного замужества дочери, едва не умер. Дофин тоже не избежал общей участи и, по-видимому, перенес болезнь тяжелее других, судя по тому, как преданно за ним ухаживала Диана. Память об этом эпизоде увековечена в анонимном стихотворении, написанном позже, в 1547 году, по восшествии Генриха II на престол:

Когда король был болен в Сен-При,
Где по достоинству тебе было воздано
За милосердие: ибо без тебя жестокая смерть
Лишила бы нас дофина, ставшего королем ^[240].

Столь пылкая преданность не преминула вызвать лавину язвительных

шуток, когда сам король приехал поохотиться в Мони в начале сентября. Задержавшись в Руане, король ежедневно совещался с канцлером Пойе, кардиналом Турноном и герцогиней д'Этамп. Королевская любовница не упускала случая возобновить нападки на коннетабля: «Это великий плут. Он обманул короля, убедив, будто император отдаст ему герцогство Миланское, хотя сам был уверен в обратном»^[241]. Король пока не хотел этому верить. Он дал аудиенцию 4 сентября канцлеру императора Гранвелю и принял его весьма любезно, затем, приняв во внимание многочисленные жалобы на членов магистратуры Руана, запретил местному парламенту заседать. После этого Франциск поехал инспектировать свою нормандскую провинцию, а в начале октября возвратился в Париж в Сен-Жермен-ан-Ле. Тут его поджидал удар в самое сердце: пришло известие, что 11 октября 1540 года в Брюсселе Карл V передал герцогство Миланское своему сыну Филиппу. Итак, случилось именно то, чего опасался Франциск I. Отныне разрыв с императором стал неизбежным. Отставка Монморанси — тоже. Впрочем, предлогов, чтобы ее оправдать, хватало: коннетабль передал Карлу V письма, адресованные королю немецкими принцами; поссорился с графом Вильгельмом Фюрстенбергом, бывшим полковником ландскнехтов на службе Франции; вызвал недовольство английского монарха, поддерживая короля Шотландии; разозлил папу Павла III, помешав переговорам о брачном союзе между графом Омалем, старшим сыном герцога де Гиза, с племянницей папы Викторией Фарнезе и потребовав передачи Авиньона своему племяннику Одэ де Шатийону, в то время как папа прочил этот город своему внуку кардиналу Александру Фарнезе. Не украшала Монморанси и свойственная ему жестокость — коннетаблю ставили в вину, что он одобрил зверское подавление Карлом V гентского мятежа^[242].

В октябре 1540 года король приказал своим секретарям больше не пользоваться шифром, данным им Монморанси, и не передавать ему корреспонденции от послов и принцев. Монморанси понял, в чем дело, и на Рождество по собственному почину уехал в свой замок Шантйи. Эта отставка возымела неприятные последствия для дофина, он перестал получать сведения о текущих делах. Герцогиня д'Этамп старательно воздвигала препятствия между ним и отцом. А чтобы надежнее удалить Диану, она нарочно поддерживала отношения только с Екатериной, за что заработала от дофина обвинение в двурушничестве. В январе 1541 года нунций Иеронимо Дандино сообщил, что супруг приказал дофине прекратить всякие отношения с герцогиней д'Этамп^[243].

При дворе все более и более ощущалась атмосфера войны. Получив с подачи Дианы напоминание о необходимости слушаться супруга, Екатерина переселилась в апартаменты Генриха. Очевидно, совместная жизнь пошла им во благо: в начале мая у дофины как будто бы появились признаки беременности. Нунций уведомил об этом кардинала Александра Фарнезе^[244]. Но, увы, надежды не оправдались.

Влияние партии дофина, а следовательно, и Дианы можно было восстановить, лишь поколебав позиции герцогини д'Этамп. Исход процесса против Бриона мог предоставить такую возможность. Адмирала признали виновным в злоупотреблениях и значительных растратах, в вымогательстве крупных сумм у судовладельца Анго и пренебрежением интересами своего господина в пользу короля Португалии. Бриона объявили виновным в превышении власти. Вынесенный ему 8 февраля приговор был крайне суров: адмиралу предписывалось уплатить крупные штрафы как королю, так и частным лицам. Кроме того, он лишился всех чинов и званий, как неспособный справляться с обязанностями, а также права получать новые. Изымалось у него и все имущество, подаренное сувереном. Верная защитница адмирала герцогиня д'Этамп со слезами молила короля о снисхождении. И она сумела добиться, чтобы за Брионом сохранилось звание кавалера ордена Святого Михаила. На семью приговоренного немилость не распространилась. Более того, 1 марта его племянник Ги де Жернак женился на Луизе де Писселе, сестре герцогини д'Этамп. Уступая мольбам фаворитки и своей собственной племянницы, 12 марта король простил Бриону долги, которые тот должен был уплатить^[245].

Последовательное сближение с врагами императора турками и немецкими принцами свидетельствовало о возобладании политики, противоположной той, что поддерживали Монморанси и Генрих вместе с Дианой.

В марте 1541 года Франциск I направил опытного дипломата Анторио Ринкона возобновить переговоры с султаном Сулейманом. Одновременно он решил осуществить задуманный в Ане прошлым летом брак между герцогом Вильгельмом Клевским и своей племянницей Жанной д'Альбре. Жанне было 18 лет, герцогу — 24. Генрих д'Альбре и его жена Маргарита отказались одобрить этот союз, ссылаясь на то, что должны испросить согласие у независимых провинций Беарна, но король ничего не желал слушать и запер юную невесту в Плесси-ле-Тур под надежной охраной. Церемонию договорились провести в июне в Шательро. Жених прибыл в Париж 20 апреля. С Франциском I он встретился в Амбуазе на празднествах

в честь благополучного прибытия.

Король и герцог Клевский выехали в Турень 9 мая, где жениха и невесту должны были представить друг другу. Однако Жанна в присутствии короля дерзко отказалась выйти за герцога Киевского, заявив, что предпочтет броситься в колодезь, чем согласится на это замужество. В ответ дядя приказал выпороть принцессу, а сам уехал в Шательро, где предполагалось устроить свадьбу^[246].

Замок, принадлежавший сначала изменнику Бурбону, а потом Луизе Савойской, в то время перестраивали, поэтому король остановился во дворце Ла Берландьер, в полулье оттуда. В течение двух недель он гулял и охотился в окрестностях. Тем временем во дворе замка Шательро воздвигли большой круглый павильон с галереями и трибунами. Поблизости устроили ристалище и театр, «искусно и преизобильно украшенный зеленью, а вокруг него — комнаты, кабинеты и большие галереи».

Празднества открыли 9 июня конные парады и вольтижировка, затем последовали игра в кольцо и сражение на шпагах. Всадников и лошадей нарядили в золотую, серебряную парчу и бархат. Шлемы украшали плюмажи. На торжества собрался весь двор. Призвали и Монморанси — возможно, нарочно, чтобы он собственными глазами увидел крушение своей политической карьеры.

В понедельник, 13 июня, день обручения, король приехал в замок в сопровождении принцев, кардиналов, послов, королевы Элеоноры и ее фрейлин. Все расселись в круглом павильоне под звуки труб и барабанов. Появился герцог, и его триумфальное шествие во славу дома де Ла Марков, с которым отныне связана родством и семья де Брезе, преисполнило гордости Диану де Пуатье. Король взял за руки герцога Клевского и маленькую Жанну и представил кардиналу де Турнону, дабы тот провел церемонию.

На следующий день, 14 июня, в павильоне, превращенном в часовню, устроили венчание^[247]. В 11 часов прибыл король. Герцог подошел к алтарю, но Жанна д'Альбре застыла на месте, словно и шевельнуться не могла под тяжестью платья из золотой и серебряной парчи, усыпанной драгоценными камнями. Тогда король повелел коннетаблю де Монморанси отнести ее к алтарю. И коннетабль Франции волей-неволей взял на руки девочку, разукрашенную, как идол, и поставил рядом с герцогом. Кардинал де Турнон благословил новобрачных. Стоя под балдахином из золотой парчи, они прослушали мессу, после чего герольд, трижды выкрикнув

«Изобилие и щедрость!», стал пригоршнями швырять в толпу золото и серебро.

В том же павильоне, столь удобном для самых разнообразных мероприятий, после праздничного пиршества сам король открыл бал. Далее следовали выступления «мимов», многочисленные маскарады и торжества. Эти увеселения, где смешивались персонажи гротеска, античные воители, гигантские страусы и турки, не могли изгладить из памяти коннетабля унижение, которому его подвергли, заставив, как простого слугу, лакея, нести маленькую принцессу. А ведь он считал себя самым значительным лицом после короля и первым бароном Франции! Вечером его вынудили вместе с королем, знатнейшими вельможами и сановниками присутствовать при символическом осуществлении брачного союза, когда герцог Клевский лишь одной ногой ступил на брачное ложе. Однако на следующий день Монморанси покинул двор Франциска I навсегда.

Неудовольствие коннетабля разделяли дофин и Диана, но тем не менее они не могли уклониться от присутствия на последующих торжествах. Праздник Тела Господня отмечали 16 июля, а 17-го устроили традиционные турниры. Начинались они играми странствующих рыцарей. Четыре «платформы» были установлены для «чемпионов» — дофина, его брата Карла, герцога Наваррского и графа д'Омаля, которым предстояло защищаться от любого вызвавшего их рыцаря. Расположенные вокруг беседки и галереи из зелени украшали их цвета. «Платформу» дофина раскрасили чередующимися полосами черного и белого цветов — цвета Дианы. Вставленные в рамку стихи Клемана Маро ясно указывали на даму сердца дофина ^[248]:

Это возвышение
Доброй и честной любви,
Где слышатся удары шпор
И звенят мечи.
Царственный всадник
Раскинул здесь шатер
И служит преданным сердцем
Великолепной даме,
Чье изящное имя
Нет смысла писать:
Оно начертано на небесах
И может быть прочитано ночью.
Сей уголок леса

Ни один кавалер не минует,
Не признав, что она
Превосходит всех дам.
Если он сомневается или спорит,
Пусть не надеется
Уйти без боя,
Ибо таков обычай.

Желающих сразиться странствующих рыцарей спешивали одного за другим. Генрих превзошел остальных хозяев турнира — герцогов Орлеанского и Наваррского и графа д'Омаля. Спокойная и невозмутимая Диана, в честь которой сражался дофин, принимала почести от храбрейших кавалеров двора, побежденных ее рыцарем.

По окончании празднеств герцог Клевский вернулся в свои земли. Он ехал в Дюссельдорф один, а его маленькая супруга вновь отправилась в обитель Плесси-ле-Тур. Этот брак обеспечивал королю поддержку, необходимую в случае возобновления военных действий на границе с Нидерландами. Восстановлен был и альянс с немецкими лютеранскими князьями Шмалькальденской лиги^[249]. В Италии Франция нуждалась в помощи Папского престола. Чтобы скрепить договор с папой, старшему сыну герцога де Гиза графу Франсуа д'Омалю предстояло жениться на Виктории Фарнезе, внучке Павла III. Первосвященник надеялся таким образом ускользнуть от тирании Карла V, несмотря на то, что еще до этого ему пришлось дать императору залог дружбы, женив своего внука Оттавио на его незаконнорожденной дочери и вдове Александра Медичи Маргарите. Шло обсуждение приданого Виктории: Гизы требовали суммы, превышающей 100 тысяч экю, а также кардинальской шапки для Карла, брата графа д'Омаля, в 15 лет ставшего архиепископом Реймским. Столь непомерные амбиции погубили все планы. Однако по настоянию герцогини д'Этамп Франциск I вскоре возобновил переговоры, на сей раз — в пользу собственного сына Карла. Вне зависимости от того, состоялась бы свадьба или нет, договор о союзе с папой казался практически достигнутым: явным свидетельством добрых отношений было то, что Павел III отправил на воспитание ко французскому двору своего второго внука двенадцатилетнего Горацио Фарнезе^[250].

Дабы замкнуть кольцо врагов вокруг императора, Франциску I помимо договоренности со Святым престолом пришлось вновь воззвать к Великому

Турку. Он отправил в Стамбул Антонио Ринкона, чтобы тот объяснил Сулейману Великолепному, по каким причинам король Франции позволил их общему врагу Карлу V пересечь территорию своего государства. Султана, хоть и не без труда, удалось убедить. Как союзник Франции Сулейман согласился возобновить военные действия против императора и пообещал захватить Венгрию. С этим предложением 5 марта 1541 года он отправил Ринкона. Несколько недель спустя посол, заручившись согласием Франциска I, вновь отбыл в Константинополь. Его сопровождал еще один агент Франции — генуэзский капитан Чезаре Фрегозо. По пути они предполагали остановиться в Венеции и добиться союза со Светлейшей республикой. Оба так никогда и не прибыли туда: 3 июля под Павией они были убиты по приказу маркиза Дель Васто, управлявшего Миланом от имени Карла V ^[251].

Это убийство являло собой казус белли. Но Франциск I не был готов начать войну. Сделав вид, будто принял извинения Дель Васто и его сюзерена, в сентябре-октябре король отправился в путешествие по захваченным провинциям — Савойе, Бресс и Бюжи, колыбели семьи Валуа. Появление вернувшегося ко двору адмирала де Бриона для всех знаменовало триумф герцогини д'Этамп. Дофину, по совету Дианы, пришлось терпеть его присутствие и, хуже того, последовать в его земли за человеком, который, вернув себе расположение короля, пытался занять при дворе место Монморанси. В октябре Брион принимал двор в Паньи, принесенном ему в приданое женой, Франсуазой де Лонгви. Проведя две недели за пиршествами и охотой в Паньи и Лонгви, король пересек Бургундию и 16 ноября вернулся в Фонтенбло. Там он узнал о сокрушительном бедствии, испытанном императором под Алжиром: едва Карл V начал осаду этого гнезда берберских корсаров, ночью с 24 на 25 октября сильнейшая буря рассеяла и уничтожила большую часть его флота, вынудив обратиться в паническое бегство.

Таким образом, турки сохранили власть над Средиземным морем, а союзник султана Франциск I выглядел предателем, поэтому капитан Полен де Ла Гард получил приказ срочно плыть в Стамбул с посланием, которое так и не смог доставить Ринкон ^[252].

Франциск I неторопливо обзаводился новыми союзниками. Так, он склонил на свою сторону королей Швеции и Дании, потом сблизился и с Португалией, предложив выдать за герцога Карла Орлеанского Марию, дочь королевы Элеоноры Французской от первого брака — с португальским королем Иммануилом. Эти переговоры не помешали ему

одновременно просить у Генриха VIII Английского руки его старшей дочери, еще одной Марии, для того же Карла. Но английский монарх, только что быстро и эффективно разрешивший вопрос об измене своей жены, Екатерины Говард, отрубив ей голову, уже втайне выбрал, на чью сторону стать, и предпочел императора.

Капитан Полен де Ла Гард вернулся в Париж 8 марта 1542 года с обещанием Сулеймана вступить в войну. Турок мог пустить в море и направить против империи 400 парусников и 200-тысячную армию. Получив такие заверения, Франциск испустил «боевой клич». Произошло это 10 июля в Линьи-ан-Барруа ^[253].

Никто не сомневался, что новая война будет долгой и упорной. Король сделал крупные займы у банкиров Лиона, а также приказал расплавить множество золотых и серебряных драгоценностей, хранившихся в башне Лувра. При этом он возобновил гонения на протестантов, желая пресечь их деятельность внутри королевства. Эдикт от 30 августа 1542 года и впрямь стал сигналом к широчайшим преследованиям протестантов и сжиганием на кострах еретических книг. На юге судебные процессы над водуазцами из деревень Мериндоль и Кабриер, начатые в 1540 году, были продолжены в 1543-м и особенно — в 1545 году, когда первый председатель парламента Прованса Жан Майнье, барон д'Оппед, приступил к исполнению вынесенного им обвинительного приговора. Отряды Полена де Ла Гарда опустошили деревни и предали казни несколько тысяч водуазцев ^[254]. Военное положение объясняло, хотя ни в коей мере не могло оправдать, жестокость мер, принятых против сторонников новых религиозных учений, которых преследовали как бунтовщиков, угрожающих целостности государства.

Теперь, когда Генрих перестал зависеть от политических пристрастий Монморанси, Диана с удовольствием предвкушала, как ее любовник стяжает славу на полях сражений с императором. Полагая, что ради победы над внешним врагом необходимо поддерживать порядок внутри страны, она одобряла гонения, обрушившиеся на протестантов, тем более что не раз обвиняла свою соперницу, герцогиню д'Этамп, в потворстве еретикам. А дофину, окруженную друзьями, изгнанными из Флоренции, интересовало лишь возвращение ее итальянского наследства. Осуществления этих давних надежд она и ждала от новой войны. Так, под предводительством Дианы в ожидании воинской славы дофина Генриха вновь сплотился тайный тройственный союз, в лоне которого вызревало грядущее Французской Короны.

Глава III

БУРИ ПРИ ФРАНЦУЗСКОМ ДВОРЕ

В том же 1542 году венецианский посол Маттео Дандоло отметил, что оба королевских сына во всем подражают отцу^[255]. И в самом деле, несмотря на болезнь, периодически валившую его с ног, монарх продолжал путешествовать, устраивать празднества и выезжать на охоту. Меж тем охота на оленя была опаснейшим занятием: не олень ли спёшил Франциска I и пробил ему рогами бедро, едва не прикончив? Таким же образом чуть не погиб и дофин, не отступавший ни перед какими опасностями.

«Светлейшему дофину — 23 года. Он весьма удачно сложен, скорее высок, нежели мал ростом, ни худ, ни тучен, но крепко скроен, так что мнится, будто весь он составлен из одних мускулов. Неутомим дофин как в охотничьих, так и в воинских забавах, и держится во время оных прекрасно — быть может, лучше, чем любой другой французский кавалер. Я много раз наблюдал, как он подолгу фехтует с одинаковым блеском, творя чудеса дерзновения и ловкости, насколько вообще-то выдержать способны рука и шпага. Однако по характеру он скорее молчалив, меланхоличен и скрытен. Он смеется или делает вид, будто весел, крайне редко, так что многие при дворе утверждают, что никогда не видели дофина смеющимся. Волосы у принца черные, лицо бледное, почти мертвенное, и однако среди друзей он слышет бонвиваном. Несколько раз я видел, как он шутит и подтрунивает над братом скорее по-приятельски, чем по-родственному.

Доходы свои дофин тратит неизменно и с размахом. Жалованье всем своим людям платит в урочное время, а число оных, надобное для подобающего обслуживания его дома и личной охраны, таково, что вполне достало бы на хороший отряд лучников. Принц получает доходы от Дофинэ и Бретани, и только одна последняя приносит 520 тысяч франков в год.

Что до отношений с братом, то, по-видимому, дофин его очень любит. Нередко он помогает герцогу Орлеанскому, одаривая десятками тысяч экю, ибо тот расточителен более, чем следовало бы, и вдобавок имеет лишь сто — сто двадцать тысяч экю дохода. Этот принц всегда весел, боек и непоседлив. Ему лет 19–20, зрение слабовато, как и у отца, а внешне не особенно хорош, ибо не в меру высок и худ. Впрочем, с каждым днем принц Карл обретает все большую индивидуальность, так что есть основание надеяться, коли будет жив-здоров, то и ладным сложением, и приятной наружностью со временем похвастать сможет. Кожа у него красновата, как это свойственно полнокровным мужчинам, волосы —

золотисто-рыжие. Он весьма ценит обращение и вкусы своего отца и сопровождает его повсюду куда охотнее, чем дофин. А потому король очень его любит, но тратит немало сил, дабы воспрепятствовать всякого рода экстравагантным выходкам, вроде ночных прогулок в доспехах. Все его так любят, что королева Наваррская как-то призналась мне, будто не видывала ни одного принца, наделенного большею отвагой и темпераментом и коему было б суждено достигнуть еще большего величия. Принц весьма расположен к итальянцам, которых приглашает к себе, даже не будучи знакомым, и принимает самым милостивым образом».

Чуть ниже дипломат набросал портрет дофины, особенно подробно останавливаясь на том, как ее огорчает отсутствие потомства и какие средства, порой опасные для здоровья, она использует для того, чтобы победить это несчастье. Однако летом 1542 года дофина и его предусмотрительную любовницу Диану не столько заботило законное потомство, сколько репутация Генриха.

Завершенный в июле ^[256] план кампании оставлял Италию в стороне, поскольку Пьемонт был укреплен сильными гарнизонами. Предполагалось открыть два фронта — на юге и на севере королевства. Герцогу Орлеанскому при поддержке герцога Клода де Гиза и его сына Франсуа д'Омаля предстояло атаковать Люксембург, герцогу Вандомскому — Фландрию, а герцогу Клевскому — Брабант. Дофин Генрих вместе с маршалом д'Аннебо должен был отвоевать Руссильон, переданный Карлом VIII, Фердинанду Арагонскому в обмен на так и невыполненные обещания. Генрих собрал в Авиньоне 40-тысячную армию. Большую часть солдат отозвали из Пьемонта и присоединили к ним 14 тысяч швейцарцев и 6 тысяч ландскнехтов. Кавалерия насчитывала 2 тысячи рыцарей и 200 рейтар.

Дофина окружали друзья. Среди них — Шарль де Бриссак, ставший в мае 1542 года командующим французскими войсками за пределами гор, а пока под его началом было 6 тысяч человек. С 1540 года Бриссак унаследовал от своего отца Рене де Коссе, губернатора Анжу и Мэна, должности великого хлебодара и сокольничего короля. В генеральный штаб дофина входил и еще один близкий друг — Жак д'Альбон де Сент-Андре, постельничий и конфидент Генриха. Как уроженец Дофинэ, Сент-Андре был связан с Дианой ^[257].

Пока его брат Карл с помощью Гиза и д'Омаля совершал подвиги на севере, захватывая один за другим Ивуа, Арлон, Люксембург, дофин двигался к Перпиньяну. Он бросился на штурм города 23 августа, но был

отброшен сильным артиллерийским огнем. Пришлось окружить лагерь траншеями, которые осажденные пытались захватить во время вылазок, причем одна из последних едва не стала роковой для Бриссака.

Меж тем, как только начались первые сентябрьские дожди, французы уже не могли сидеть в траншеях, и король приказал играть отступление. Тут на помощь брату явился принц Карл, оставив свои войска в герцогстве Люксембург. Он жаждал войти в Перпиньян вместе с Генрихом. Но принца постигло глубокое разочарование, которое еще усугубило известие о том, что, пользуясь его отсутствием, имперцы вновь отбили Люксембург. Король Франциск I обрушил свой гнев на младшего сына, вина его в потере важного завоевания. Что до Генриха, то он отнюдь не гордился результатами своей кампании, тем более что зарядившие над Руссильоном дожди привели к разливу рек и обратили низины в болота, непоправимо рассеивая его войска. Оставалось лишь собрать их остатки. Король отстранил Генриха от командования и послал солдат к Пьемонту под началом маршала д'Аннебо ^[258].

Дофин был в ярости. Он не сомневался, что это герцогиня д'Этамп из ненависти к нему убедила короля прекратить осаду Перпиньяна, ибо эта дама, не церемонясь, строила из себя стратега: якобы именно она в мае посоветовала Франциску I восстановить в прежнем качестве всех губернаторов и королевских уполномоченных в провинциях, за исключением коннетабля. Генрих страдал от затянувшейся ссылки своего ментора. Он твердо верил, что Монморанси сумел бы избежать неудачи, постигшей кампанию. Однако недовольство дофина только еще больше раздражало короля. Осенью Франциск I покинул Лангедок, а к концу декабря прибыл в Ла Рошель, дабы наказать жителей, не согласных с новыми ставками налогов на соль с их соляных копей. Но в конце концов король объявил о прощении. В этом путешествии его сопровождал младший сын Карл. Отсутствие дофина было замечено и воспринято как знак высочайшей немилости ^[259].

В январе 1543 года двор собирался в долине Луары, в Амбуазе и Шамборе, потом — в Париже и Фонтенбло. Интриги герцогини д'Этамп и нападки на Диану достигли апогея, в то время как на небосклоне международных отношений сгущались тучи. Генрих VIII объявил о своем отказе от альянса с Францией и желании договориться с императором 12 февраля 1543 года. Он упрекал Франциска I в затягивании обещанных выплат и полном их прекращении девять лет назад. Кроме того, английский король ставил Франциску в вину слишком скоропалительное признание

прав на престол маленькой королевы Марии Стюарт 14 января 1542 года после смерти ее отца Якова V, когда девочке было всего восемь дней от роду ^[260].

Генрих VIII начал военные действия 22 июня 1543 года, опустошив деревни вокруг Кале ^[261], но губернатор Пикардии герцог Вандомский не дал ему продвинуться на восток, где французы осаждали Люксембург. И вновь отец отстранил дофина от военных операций. Однако сын герцога де Гиза Франсуа д'Омаль, поставленный во главе передового отряда, который должен был заминировать крепостные стены, согласился взять с собой сотню дворян из свиты Генриха, в том числе его лучших друзей Жака де Сент-Андре, Дампьера, Лавалья и Ла Шатеньрэ. Основной частью армии командовал герцог Карл при поддержке маршала д'Аннебо. Герцогиня д'Этамп, несомненно, сыграла важную роль в таком выборе командующих, однако она не смогла помешать Шарлю де Бриссаку, еще одному другу дофина, возглавить легкую кавалерию, так как он был ее полковником.

Кампания принесла славу Франсуа д'Омалю, тяжело раненному пулей в щиколотку, а также и другим дворянам из дома дофина. Люксембург капитулировал 10 сентября, и Карл Орлеанский по-хозяйски расположился в городе. В сентябре он писал ландграфу Гессенскому, что расположен ввести на отвоеванных территориях реформатскую церковь. До сих пор, уверял он, его удерживало от этого шага почтение к отцу и брату, дофину, но отныне он считает вправе действовать как имперский принц и просить, чтобы его приняли в Шмалькальденскую лигу. Франциск I дал на это согласие под влиянием герцогини д'Этамп, все более враждебной к Генриху. Неучастие дофина в военной кампании красноречиво свидетельствовало о том, что он в немилости.

Тем временем союзника Франции герцога Клевского разгромил Карл V, но под Ландреси императора остановили французы. Победы и поражения уравнивали друг друга, тем более что турки поддерживали Францию действиями на Средиземном море. Флот Хайреддина Барбароссы совместно с французской флотилией терроризировал жителей побережий, подданных или союзников Карла V. Берберам дали разрешение перезимовать в Тулоне, откуда предварительно вывезли всех жителей. Корсары отбыли лишь в мае 1544 года, получив от короля немалое вознаграждение ^[262].

Скрывая обиду за то, что его удалили от армии, Генрих после своей неудачной кампании 1542 года нашел при дворе жену и любовницу, все более озабоченных отсутствием наследника. Диана де Пуатье помогала

дофине экспериментировать со всякими средствами, способными помочь ей избавиться от бесплодия, вроде талисманов, волшебных эликсиров и снадобий, в том числе и предложенных опальным коннетаблем. Обе дамы советовались с астрологами, алхимиками и колдуньями, но прибегали и к помощи королевских лекарей Луи де Буржа и особенно Жана Фернеля. Рекомендации этого знаменитого врача и стали решающими. Изучив интимные особенности обоих супругов и не имея возможности исправить врожденный порок дофина, он посоветовал попробовать несколько поз, благоприятных для зачатия. Диана следила за регулярностью супружеских отношений молодой четы, не допускала ни малейшего пренебрежения ими со стороны Генриха и заставляла его проводить ночи с женой^[263].

Наконец чудо свершилось: в мае 1543 года Екатерина забеременела. Слух об этом тотчас распространился при дворе. Но король и его окружение ожидали подтверждения новости, чтобы объявить о ней во всеуслышание. К лету исчезли последние сомнения. Нунций Иеронимо Дандоло 3 августа написал в Рим, что дофина на третьем месяце беременности^[264]. Пока его брат гонялся за славой на полях сражений, дофин одержал куда более ценную победу — династическую. Диана торжествовала вместе с опекаемой ею четой. Екатерину она окружила вниманием и заботой. Весь период ношения ребенка протекал нормально, и наконец, 19 января 1544 года, в Фонтенбло дофина разрешилась от бремени сыном. Король присутствовал при родах. Боли начались утром, но младенец появился на свет лишь к вечеру. Королевские астрологи тотчас составили небесную карту и сочли расположение звезд в высшей степени благоприятным. Король передал эти наблюдения нунцию, чтобы папа мог посоветоваться с римскими астрологами, так как их считали наиболее сведущими^[265]. Если верить звездам, ребенок должен был проявить особое расположение к церкви и взять ее под покровительство. В свою очередь король, изучив «то, что выходит вместе с ребенком», пришел к выводу, что его внук вырастет весьма здоровым и крепким, а у дофины родится еще много детей, по меньшей мере шестеро.

Нунций пришел поздравить Екатерину и полюбоваться новорожденным. Крестины состоялись 10 февраля в 5 часов вечера в капелле Тринитариев. Таинство совершал кардинал Бурбон. Крестными отцами стали король и дядя новорожденного, герцог Карл Орлеанский, крестной матерью — принцесса Маргарита Французская, тетка младенца и подруга Екатерины. В течение нескольких дней один за другим следовали пиры, балы, турниры и даже морское сражение между тремя галерами,

спущенными на воду в пруду, где обычно разводили карпов^[266]. Как и молодая мать, Диана ожидала, что столь счастливое событие побудит Франциска I вернуть дофину подобающее ему положение, и в первую очередь — звание командующего армиями от имени короля в кампаниях против Карла V и Генриха VIII, предстоявших весной 1544 года.

Диана высказала королю свое мнение на сей счет в марте, когда тот, объезжая замки Нормандии, завернул к ней в Ане. Вскоре после того Генриха вновь призвали в Королевский совет: благодаря этому он присутствовал при аудиенции, данной Блезу де Монлюку, посланному из Италии главнокомандующим Пьемонта Франсуа Бурбоном, графом Энгьенским, дабы попросить приказа о захвате герцогства Миланского. Граф де Сен-Поль и адмирал д'Аннебо этому воспротивились и сумели отстоять свою точку зрения вопреки воле дофина. И все же 14 апреля 1544 года Энгьен разбил имперцев в Серизоле^[267].

Генрих умирал от желания помчаться в Италию, однако и на сей раз ему пришлось удовольствоваться отправкой туда фаворитов: Сент-Андре, Дампьера, Жарнака, Колиньи и Франциска Вандомского. Зато он помогал родичу Екатерины Пьеро Строщи добыть солдат для небольших стычек в Тоскане, но 4 июля Строщи был разбит при Серравале принцем Салерно.

Вскоре стало очевидно, что исход войны решится на севере Франции. Вице-король Сицилии Ферранте Гонзаго сумел отбить у французов 25 мая Люксембург и осадил главную крепость округа Сен-Дизье. Карл V тронулся в путь, чтобы присоединиться к нему с громадной армией, насчитывавшей 40 тысяч пехотинцев и 10 тысяч всадников при мощной артиллерии. По пути император 24 июля взял приступом и сжег Витри-ан-Пертуа. Жестокость врага вызвала ужас населения и подхлестнула дух сопротивления французов. Но короля в очередной раз поразил приступ терзавшей его время от времени болезни, и он слег в постель в Сен-Море. Только тогда Франциск I решил наконец послать вместо себя дофина и, возложив на него обязанности главнокомандующего, повелел обеспечить защиту королевства.

Прежде всего приказано было не допустить переправы противника через Марну. Казалось, положение вполне можно исправить. Крепость Сен-Дизье оборонялась настолько успешно, что Карл V уже подумывал снять осаду. Но тут в руки ему попал шифр, которым пользовались французы. Император не упустил возможности и в подложном письме приказал защитнику крепости графу де Сансерру капитулировать, что тот и сделал 17 августа. Всеобщее изумление не знало границ. Тотчас пополз слух,

будто шифр Карлу V передали герцогиня д'Этамп и ее предполагаемый любовник граф де Лонгваль. Диана способствовала распространению этого слуха. Она была в ярости из-за того, что кампания оборачивалась не в пользу дофина: последнему никак не удавалось остановить врага, и тот проник глубоко в сердце Шампани ^[268].

Генрих располагал войском численностью в 30 тысяч пеших солдат и восьмитысячной кавалерией. Граф Энгьенский, де Сент-Андре и Бриссак, поспешно вернувшись из Италии, присоединились к дофину. Но тактика Карла V состояла в том, чтобы тщательно уклоняться от прямых столкновений. Пополнив продовольственные запасы в Эпернее, он двинулся к Шато-Тьерри и спалил его. Вскоре всего 20 лье отделяло имперцев от Парижа. Дофин решил 9 сентября перекрыть ему путь к дальнейшему продвижению в направлении Ла Ферте-су-Жуар и Мо ^[269].

В столице царил полная паника. Несмотря на обнадеживающее присутствие герцога Клода де Гиза, парижане, прихватив имущество, удирали из города. Богатые аббатства спешили упрятать свои сокровища в надежное место. Дофин должен был позаботиться о спасении королевства. Но судьба не позволила ему вступить в сражение. Имперские солдаты, давно не получавшие жалованья, начали разбегаться. Генрих VIII тоже не хотел бросаться в бой. И тут вмешалась королева Элеонора. Приняв во внимание страхи парижан и панику при дворе, король позволил ей начать мирные переговоры с братом. Император охотно согласился, сообщив сестре, что за неимением средств был не в силах вести войну дольше, чем до 25 сентября.

Адмирал д'Аннебо 12 сентября встретился с Карлом V в Суассоне, в аббатстве Сен-Жан-де-Винь, а 16-го вопрос о мире был решен, к неудовольствию дофина, чувствовавшего себя весьма уверенно на занятой им позиции и считавшего, что он в состоянии полностью уничтожить имперскую армию. Но враги Генриха при дворе жаждали во что бы то ни стало лишить его ореола победителя, а потому изо всех сил старались поскорее заключить мир. Герцогиня д'Этамп, покровительница брата дофина Карла, с такой энергией подталкивала переговоры, что император выразил ей признательность. Нетрудно представить, какое недовольство поведение герцогини вызвало в окружении Генриха, и особенно — у Дианы ^[270].

Мирный договор был подписан 18 сентября 1544 года в Крепи-ан-Лаонна ^[271]. Он знаменовал собой триумф Карла Французского, так как ему предстояло войти в императорскую семью. Карл V дал слово в течение

четырёх месяцев назвать имя принцессы Австрийского дома, на которой женится Карл. Избранницей могла стать либо родная дочь императора инфанта Мария, чье приданое составили бы Нидерланды или Франш-Контре, либо принцесса Анна, вторая дочь Римского короля Фердинанда Австрийского — она принесла бы супругу герцогство Миланское. Франциск I обещал помимо герцогства Орлеанского дать сыну герцогства Ангулем, Бурбон и Шательро. Согласился он также вернуть Пьемонт и Савойю в обмен на отказ императора от претензий на Бургундию. Король Франции в таком случае помог бы Карлу V победить турецкого султана.

Секретные статьи договора обязывали Франциска I присоединиться к императору в борьбе за единство веры, как путем всеобщего примирения, так и на поле брани и, если возникнет в том нужда, выступить против немецких протестантов. Франциск согласился поддержать Фердинанда Австрийского и герцога Савойского против швейцарцев, своих недавних союзников. Разумеется, завоевания каждой из сторон впоследствии предлагалось поделить.

Мадам д'Этамп была в восторге. Она покинула Париж 22 сентября вместе с королевой, чтобы отправиться в Брюссель, где к ним присоединился герцог Карл. В течение месяца заключение мирного договора праздновали роскошными увеселениями, в которых участвовали император, его сестра, наместница Нидерландов королева Мария Венгерская, и ее полководец Ферранте Гонзаго. Недавние враги заключали друг друга в объятия. Королеву Франции и Карла Орлеанского чествовали во время торжественного вступления в Брюссель в среду 22 октября. Герцогиня д'Этамп также красовалась в королевской карете рядом с королевой Элеонорой^[272].

Дофин был возмущен и не побоялся выразить недовольство вслух. Советники парламентов королевства разделяли его мнение: так, парламент Тулузы выступил с протестом против договора, Парижский — лишь получив от короля повторный приказ, согласился его зарегистрировать. Недовольный тем, что ему смеют противиться, Франциск I удалил от двора старшего сына: 14 сентября он послал его попытаться отбить порт Булонь, переданный англичанам Жаком де Куси, сиром де Вервен, однако экспедицию пришлось отложить из-за плохой погоды.

Надеясь на возобновление военных действий весной, Генрих рискнул проявить инициативу. Он высказал королю свои взгляды насчет новой кампании и, по свидетельству посла Феррары Альваротто, посоветовал заменить адмирала д'Аннабо на посту главнокомандующего более

опытным военачальником. Изрядно удивленный король передал записку дофина мадам д'Этамп, как только она вернулась из триумфального вояжа по Нидерландам. Герцогиня пришла в ужасную ярость и обвинила Диану в том, что та навела дофина на мысль устранить одного из ее протеже. Она убедила короля, что Генрих и его любовница хотят заставить его вновь призвать коннетабля де Монморанси. А Франциск I не терпел попыток принудить его к чему бы то ни было. Он прогнал Диану от двора, причем дофин, удерживаемый в Пикардии обязанностями командующего, не мог этому помешать ^[273].

До сих пор Екатерина Медичи неизменно выказывала Диане доброе расположение, тем более что та всегда давала ей хорошие советы. Позднее, в 1559 году, Гийом Кретъен, врач детей Генриха и Екатерины, посвящая Диане перевод латинского трактата Жака Сильвиуса «*Книга о природе и пользости месячных у женщин*» ^[274], восславил ее интерес к гинекологии: Диане нравилось «узнавать о тайнах, обычно мало кому ведомых, дабы, милосердно используя их, помогать женщинам». Она была весьма практична и открыта всему, что касалось гигиены, комфорта и здоровья, как это и надлежало фрейлине принцессы. Ее каждодневная помощь и заботы о новорожденном наследнике французской короны нельзя было не оценить по достоинству. Однако Екатерина, несомненно, считала усердие Дианы чрезмерным.

Удаление от двора мадам де Брезе, изгнанной в Ане, раскрепостило дофину. В отсутствие мужа она смогла проявить свой темперамент, любовь к искусствам и словесности. Она проводила целые дни, изучая латынь и греческий, разбирая музыкальные пьесы и занимаясь вокалом ^[275]. Зимой 1544 года в Фонтенбло дофина без всякой обиды принимала бывшего противника французов в Серизоле и Серравале принца Салернского Фердинанда де Сан-Северино. Поссорившись с императором, тот решил окончательно перебраться во Францию. Благодаря Брантому, до нас дошли воспоминания о том, как дамы заставляли его исполнять неаполитанские и испанские любовные песни, а сами аккомпанировали ему на гитаре. Вернувшись из Булони, где испытывал все тяготы лагерной жизни, дофин Генрих был возмущен этой атмосферой праздника и обвинил двор в легкомыслии, тем более недопустимом, что война с Англией отнюдь не закончилась. Однако больше всего дофина задело недостойное обращение его отца с Дианой. Он потребовал немедленно вернуть его любовницу, но ничего не добился. В бешенстве Генрих умчался в Ане утешать Диану. Там он держал совет с ней и ее сторонниками. В результате дофин решил

выразить протест против навязанного договором отречения от всех претензий на герцогство Миланское, Неаполитанское королевство, графства Асти, Фландрию и Артуа, ибо полагал, что его права недопустимым образом были ущемлены в пользу младшего брата, герцога Орлеанского. Посоветовавшись с законниками, Генрих выполнял их рекомендации.

Протест дофина в Фонтенбло 12 декабря был составлен в надлежащей форме и передан двум нотариусам. Герцог Вандомский, графы д'Энгьен и д'Омаль подписали его в качестве свидетелей. Герцог Клод де Гиз, столь же честолюбивый, как и его сын, но более осторожный, отказался поставить свою подпись из опасения, как бы, став всеобщим достоянием, этот документ не навлек на него гнев короля. Однако протест удалось сохранить в тайне ^[276].

Король дал Диане время почувствовать наказание и раскаяться, а потом вновь призвал ко двору и даже сблизился со старшим сыном и снохой. Франциск I, раздавая придворным дамам новогодние подарки, 1 января 1545 года вручил дофине прекрасный брильянт, а также рубин стоимостью 10 тысяч экю в благодарность за живой ум, добрый нрав и материнство, обеспечившее династии будущность. Подобно Диане, Екатерина выезжала вместе с королем охотиться на оленя. В апреле во время такой охотничьей прогулки неудачно взнузданная лошадь понесла, и дофина упала, сильно разбив правый бок. Король приказал устроить ее в своей карете и окружил нежной заботой ^[277]. В королевской семье вновь установилась гармония, по крайней мере внешне. Немаловажную роль в этом обретении домашнего мира и покоя сыграло внешнее давление. И в самом деле, Франции предстояло возобновить и привести к благополучной развязке военные действия против Генриха VIII Английского. И после неудач прошлой осени дофин должен был явить доказательство, что умеет побеждать.

Действовать решили на три фронта: первый — в Шотландии, где предполагалось высадить армию для захвата севера Англии; второй — в Нормандии: там 27 июня тридцати тысячам солдат предстояло подняться на борт кораблей и галер, переведенных из Средиземного моря (21 июля они высадились на острове Уайт, а потом и в самой Англии, в Дувре, но так и не смогли там удержаться). Морское сражение 15 августа могло бы дать Франции преимущество, но адмирал д'Аннебо, командовавший флотом вопреки предупреждениям дофина, оказался недостаточно опытным на воде, а потому вынужден был ретироваться к Гавру ^[278].

Третий фронт открыли в Пикардии. Здесь армию возглавляли сам король, дофин и его младший брат. Задача состояла в том, чтобы поддержать операции маршала дю Бье, осаждавшего Булонь. Каждый старался привлечь к себе внимание государя каким-нибудь подвигом. В авангарде, под командованием Бриссака, граф д'Омаль, граф д'Энгьен, герцог Неверский, граф де Лаваль и Ла Тремуай наперебой рисковали жизнью ^[279].

Во время очередной стычки д'Омаля тяжело ранили копьем. Острие вошло над правым глазом, ближе к переносице, и, проникнув в кость, отломилось. Д'Омаля доставил в тыл его младший брат Клод, маркиз де Майенн, и хирург Амбруаз Паре сделал операцию. За неимением подходящего инструмента хирург вооружился кузнечными клещами. В присутствии его офицеров Амбруаз Паре спросил лотарингского принца, рискнет ли он подвергнуться операции таким недостойным образом и дозволит ли упереться ногой в свое лицо. «Я согласен на все, действуйте», — ответил д'Омаль. Спокойствие ни на секунду не оставило его во время этой мучительной процедуры, и, «хотя дело не обошлось без повреждений кости, нервов, вен, артерий и прочего», принц держался так, «будто ему всего лишь вырвали волосок», — писал хирург. О том, что ему больно, свидетельствовало лишь восклицание «Ах, Боже мой!» ^[280].

Такое мужество привело в восхищение дофина Генриха, и прежде восторгавшегося ратными подвигами Франсуа д'Омаля. У дофина возникло чувство, что столь несравненному храбрецу можно слепо доверять. Раненый четыре дня провел между жизнью и смертью, однако могучее здоровье в конце концов победило. Вместе со славным шрамом от этого ранения д'Омаль получил прозвище «Меченый» — нечто вроде почетного титула за отвагу.

Тем временем осада Булони продолжалась. Маршал дю Бье надеялся покончить с ней и обратить все силы на Гин и Кале. Лагерная жизнь сблизила Генриха с братом. Они никогда не ссорились всерьез, но со времен Крепи почти не виделись. Секретный документ с изъяснениями недовольства по поводу договора не был направлен лично против Карла, но осуждал то, как им манипулировали. Зато теперь некоторая натянутость отношений, подогреваемая герцогиней д'Этамп и ее друзьями, исчезла.

Осадная война, которой не видно конца, побуждала принцев искать развлечения в играх, порой довольно глупых. Так, в начале сентября Карл с компанией веселых спутников забрался в дом, чьи обитатели недавно погибли от эпидемии. Молодые люди резвились, потроша перины и

матрасы. Вскоре после того, когда Карл вместе с отцом и братом жил в аббатстве Фоне-Монтье, приблизительно в десяти лье от Булони, ему стало плохо. У принца началась лихорадка, сопровождаемая приступами рвоты и судорогами в конечностях. Ему сделали кровопускание. Опасаясь, что болезнь заразна, дофину, приходившему справляться о здоровье брата, восемь раз запрещали входить в комнату больного. Потом наступило слабое облегчение. Но оно оказалось обманчивым. Карл скончался 9 сентября в 3 часа пополудни. Ему было 23 года. Отец и брат горько его оплакивали. Тело принца набальзамировали и оставили в аббатстве Сен-Люсьен де Бове в ожидании последующего захоронения в королевской усыпальнице Сен-Дени ^[281].

Смерть Карла разрушила надежды Франциска I на объединение французской и австрийской династий. Правда, он пытался спасти положение, предложив сочетать браком свою последнюю незамужнюю дочь Маргариту с принцем Филиппом Испанским. Однако этот план просуществовал очень недолго, поскольку король Франции медлил с передачей Савойи законному герцогу и между двумя венценосцами вновь возникло недоверие, что делало заведомо невозможным согласие между ними.

Смерть любимого сына погрузила государя Франции в глубокое уныние. Несмотря на пошатнувшееся здоровье, он кочевал из замка в замок, пытаясь найти забвение в непрерывных охотах, где его сопровождали лишь несколько самых близких людей. Дофин следовал за отцом из чувства долга, но не мог не злиться от того, что его оттеснили от вершения государственных дел фавориты герцогини д'Этамп адмирал д'Аннебо и кардинал де Турнон. Генрих выразил свое недовольство, отказавшись возглавить Личный совет. Диана поощряла его в этом вопросе ^[282]. Она по-прежнему занимала рядом с дофином место, некогда принадлежавшее коннетаблю, но поскольку не могла обойтись без союзников, решила опереться на Гизов, чьи могущество и влияние все возрастали. Эти удачливые военачальники или высокопоставленные прелаты обладали громадным состоянием и вдобавок носили престижный титул иностранных принцев ^[283].

Шарль Лотарингский, 20-летний архиепископ Реймский, сумел снискать расположение и даже привязанность Дианы. Он был обаятелен, остроумен, красноречив и хорош собой. «Широкий, хорошо развитый лоб, лицо, довольно смуглое и румяное, имеет скорее продолговатую форму, то смешливый, то задумчивый взгляд, высокий рост, стройная и весьма

пропорциональная фигура, глубокий и звучный голос, исходящий из уст с крепкими, ровными, тесно посаженными зубами, — все выдавало в нем превосходство», — писал историк Буйе. Молодой человек скрывал вспыльчивость, гордыню и тщеславие за такой внешней обходительностью, что сумел обмануть даже Диану. Его брат, Франсуа д'Омаль, благодаря знаменитому ранению обрел славу полубога. Получив от короля щедрое вознаграждение, он предстал перед ним в Фонтенбло вместе с отцом и пятью братьями. «Родич! — воскликнул Франциск, обращаясь к герцогу Клоду. — Вы сумеете защититься от любого, кто вздумал бы оспаривать вашу кардинальскую шляпу!»

На самом деле главой семьи была Антуанетта де Бурбон, герцогиня де Гиз. Это она приказала своим домашним укрепить дружеские отношения с дофином, чтобы защититься от тайной враждебности короля. Не колеблясь ни минуты, герцогиня попросила у Дианы руки ее младшей дочери, Луизы де Брезе, для своего третьего сына Клода, маркиза Майеннского. Диана пришла в восторг, но ей пришлось скрывать свои матримониальные планы в ожидании лучших времен, поскольку король никогда не дал бы согласия на подобный союз.

Скрытность пышно цвела при дворе, где оба лагеря шпионили друг за другом, стараясь обмануть всех и вся, презирали противника и не упускали случая напасть исподтишка.

Генриху приходилось улаживать ссоры между своими товарищами по оружию — например, между Франсуа Бурбоном, графом д'Энгьен, победителем в битве при Серизоле, и Франциском Лотарингским, графом д'Омаль, героем Булони. Они приходились друг другу двоюродными братьями, поскольку герцогиня де Гиз, Антуанетта де Бурбон, доводилась сестрой герцогу Вандомскому, отцу д'Энгьена. Обоим исполнилось по 26 лет, и молодой задор не успел растратиться и угаснуть. Энгьен присоединился к дофину во время подписания договора в Крепи, но растущее влияние д'Омаля настроило его против Генриха и привело во враждебный лагерь. Столь видная фигура снижала авторитет Генриха и Гизов, что помогало королю поддерживать равновесие между придворными фракциями.

Той зимой 1546 года, когда двор пребывал в Ла Рош-Гюйоне, буйная молодежь предавалась любимому развлечению, которое, за неимением настоящей войны, в какой-то степени ее имитировало. Выстроили форт, который защищали и атаковали с помощью снежков. Генрих и Омаль командовали нападающими, а Энгьен — защитниками. Однако игра превратилась в ссору, произошел обмен оскорблениями и даже ударами.

Когда мир наконец был восстановлен, усталый д'Энгьен присел отдохнуть на скамью у самой стены замка. Внезапно у него над головой открылось окно, и упавший оттуда ларец сломал ему шею. Через несколько дней герой Серизоля умер ^[284].

Кто совершил это убийство? Следы привели к фавориту дофина и другу Гизов итальянцу Корнелио Бентиволио. Тот уверял, что не виновен и все произошло случайно — из-за обычной неловкости. Мало кто этому поверил, но Франциск I запретил какие бы то ни было преследования, опасаясь, что тут замешаны Омаль и дофин.

Этот трагический эпизод стал прелюдией к сведению счетов между кланами, на которые разделился двор в тревожной атмосфере конца царствования. Герцогиня д'Этамп стала излюбленной мишенью друзей Дианы и Генриха. Ее сестра Луиза де Писселе вышла замуж за «щеголишку, куда больше озабоченного красотой собственных нарядов, чем воинскими подвигами». Так они описывали Ги де Шабо, барона Жарнака, родича адмирала де Бриона. Не обладая значительным состоянием, он блистал костюмами и драгоценностями, у многих возбуждавшими зависть. В окружении Дианы кое-кто нашептывал, что барон будто бы любим сестрой своей супруги и получает от нее деньги. У Дианы возник замысел использовать молодого человека, чтобы уязвить соперницу. Как-то раз дофин вдруг спросил у Жарнака, как тому удастся «тратить столько денег и вести подобный образ жизни». Тот простодушно ответил, что мачеха (вторая жена отца) очень к нему добра и «содержит» его. Донельзя обрадованный таким признанием, Генрих поспешил разнести повсюду известие, что «щеголишка», по его собственным словам, — любовник своей мачехи. Сообразив, что такое оскорбление бесчестит его семью, Жарнак публично поклялся, что «тот, кто так солгал, — злопыхатель, негодяй и трус».

Эти слова метили непосредственно в Генриха. Но принц крови не мог драться на дуэли с обычным дворянином, зато другие имели полное право выступить вместо него. Франсуа де Вивонн, сир де Да Шатеньрэ, взял на себя честь выступить от имени Генриха. «Это мне, — заявил он, — Жарнак сделал признание и пусть только попробует утверждать обратное» ^[285].

Жарнак, по воле обстоятельств ставший защитником герцогини д'Этамп и короля, был хрупким изящным молодым сеньором. А сторонник дофина отличался телосложением настоящего борца. Коротконогий и широкоплечий де Вивонн мог похвастать недюжинной силой и утверждал, что способен одолеть двух атлетов одновременно. Мог он и, ухватив за

рога, опрокинуть быка, а свои дуэли давно перестал считать. Теперь же он просил у короля разрешения на поединок.

«Сир, — писал де Вивонн, — прослышал я, что Ги де Шабо был недавно в Компьене, где назвал того, кто сказал, как он хвастал любовной связью со своей мачехой, злопыхателем и негодяем. Так вот, Сир, с соизволения Вашего я на это отвечу, что Шабо бессовестно солгал и солжет всякий раз, как станет уверять, будто я сказал нечто такое, чего бы он мне не говорил: ибо он сам мне неоднократно повторял и хвастался, что спал с упомянутой своей мачехой».

Встревоженный таким поворотом дела, Франциск категорически запретил поединок. Дофин, Диана и их друзья отомстили, засыпав Жарнака остротами, насмешками и оскорблениями, так что через некоторое время несчастный умолял его величество отменить запрет. Но король и слушать ничего не желал.

Вскоре, однако, произошел другой инцидент, вынудивший монарха принять меры. В тесном кругу доверенных лиц дофин сказал, что скоро настанет его черед царствовать, объявил, что вернет коннетабля, и стал делить важнейшие посты королевства между своими друзьями ^[286].

Никто не обратил внимания на сидевшего в уголке шута Брианда. Как только распределение чинов и званий окончилось, дурачок побежал к королю. Тот сидел за столом.

— Храни тебя Господь, Франциск де Валуа! — молвил шут.

Король вздрогнул:

— Эй, Брианда, что ты хочешь этим сказать?

— Клянусь кровью Господней, ты уже не король, а ты, месье де Те, больше не командующий артиллерией, теперь это Бриссак. А ты, господин мой, уже не Первый Камергер, это Сент-Андре. А ты...

Шут продолжил перечень, а потом снова вернулся к королю.

— Черт возьми, скоро ты увидишь тут господина коннетабля. А уж он научит тебя плясать под свою дудку и валять дурака. Беги! Спасайся! У-лю-лю! Ты уже помер!

Мадам д'Этамп испуганно вскрикнула, а разгневанный король заставил шута перечислить имена всех, кто окружал дофина во время этой скандальной сцены. Услышав их, он едва не задохнулся от ярости, вызвал капитана шотландской стражи и во главе тридцати солдат бросился в апартаменты сына. Однако там успели вовремя заметить, как из комнаты выскользнул шут, и собрание разбежалось. Король никого не нашел, кроме слуг. С досады он отколотил их и в щепки разнес мебель.

Дофин почел за благо на время покинуть двор. Отсутствовал он целый месяц. Потом придворные начали переговоры о примирении. Франциск I все больше ненавидел сына и даже побаивался его, но Генрих был его преемником, он дал Франции наследника династии и вскоре ожидал появления еще одного ребенка. Королю ничего не оставалось, как простить, и дофин вновь занял свое место при дворе, поклявшись, впрочем, не призывать к себе ни Сент-Андре, не Дампьера, ни любого другого из неосторожных молодых людей, присутствовавших при чересчур преждевременном дележе достоинства Короны. Бриссак от греха подальше отбыл в свое Анжуйское губернаторство, Диана же осталась при дворе, оправдывая это тем, что должна позаботиться о дофине, только что, 2 апреля 1546 года, родившей в Фонтенбло девочку. Ее рождение как будто ознаменовало двойное примирение короля — с сыном и английским монархом^[287]. И в самом деле, вскоре после рождения маленькой принцессы, 7 июня 1546 года, в Ардре был подписан мирный договор с Англией. По этому соглашению Франциск I в обмен на уплату в течение восьми лет суммы в размере 800 тысяч золотых экю или 2 миллионов ливров получал обратно Булонь. Король Франции тут же великодушно предложил Генриху VIII стать крестным отцом его внуки. Крестины устроили 4 июля в часовне Троицы замка Фонтенбло. Церемония была грандиозной. Посол Томас Чейни держал младенца над купелью. Девочку нарекли Елизаветой. В крестные матери выбрали королеву Элеонору и наследницу Наваррской короны Жанну д'Альбре. Английский посол вручил дофине дары крестного отца: кубок из яшмы, часы и золотую солонку с выгравированными на крышке оленями и ланями. После крестин Екатерина покинула Фонтенбло, чтобы отвезти маленькую Елизавету в Блуа, где ей предстояло воспитываться вместе со своим братом Франциском. Детей вверили попечению месье и мадам д'Юмьер, но под руководством Дианы де Пуатье, уже обремененной заботами о незаконнорожденной дочери Генриха, маленькой Диане Французской.

Дофин отпраздновал крестины дочки, устроив в Париже пышный турнир. Для состязания с облаченным в алые цвета графом Лавалем и его рыцарями Генрих и его соратники избрали белые одежды и украсили латы серебряным полумесяцем. Молодая луна тогда была в особой чести. Она предвещала скорый восход на небосводе королевской звезды под знаком богини Дианы.

Глава IV

ПРЕЛЮДИЯ К СЛАВЕ

Отчет, адресованный Сенату Венеции в 1546 году послом Марино Кавалли, завершавшим третий срок пребывания во Франции, рисует на редкость выразительную картину состояния королевства и двора ^[288].

52-летний Франциск I держится благородно и величественно. Он крепок телом и духом. Природа наградила короля фонтанелью, благодаря которой он каждый год избавляется от скапливающихся в организме вредоносных жидкостей и, таким образом, способен прожить еще очень долго. Он много ест и пьет, а спит и того лучше и вдобавок помышляет об одних увеселениях. Любит изысканно одеваться, все его наряды отделаны галунами, вышивкой и драгоценными камнями. Королевские колеты отлично скроены и блистают золотым шитьем. Рубашки — из тончайшего полотна и по французской моде виднеются сквозь прорези колета.

Насколько легко король выдерживает физические нагрузки, настолько умственная работа его тяготит, и почти всю ее он возложил на кардинала де Турнона и адмирала д'Аннебо. Однако «нет ни предмета, ни ученого труда, ни искусства, о коих он не мог бы рассуждать со знанием дела». Франциск I тратит на свое содержание 300 тысяч экю в год, из них 70 тысяч предоставляет королеве, хотя в прежние годы она имела 90 тысяч. Дофин, в свою очередь, получает доходы с Бретани и Дофинэ, что приносит ему 300 тысяч экю в год. Эти деньги он использует для оплаты 150 копейщиков личной охраны, содержания жены и детей, а также покрытия обычных и чрезвычайных расходов своего дома. Помимо трат на повседневные нужды король немало денег вкладывает в строительство: он уже возвел восемь великолепных дворцов и не намерен останавливаться на достигнутом.

Охота, включая довольствие, кареты, сбрую, собак, соколов и прочее, обходится более чем в 150 тысяч экю. Мелкие радости вроде пиров, маскарадов и прочих «подвижных игр» — в 50 тысяч экю. Одежда, ковры, личные подарки — во столько же; швейцарская, французская, шотландская стража — более чем в 200 тысяч экю; пенсии и подарки дамам — почти в 300 тысяч экю. По общему мнению, содержание короля вместе с его семьей, домом и королевскими дарами тем или иным лицам съедает полтора миллиона в год. Французский двор держит обычно 6–8, а то и 12 тысяч лошадей. Расточительство не знает границ, а путешествия увеличивают расходы по меньшей мере на треть, если считать мулов, кареты, повозки, лошадей, прислугу, причем все это требуется в удвоенном количестве.

Судя по личным качествам дофина, тот обещает дать Франции самого достойного короля за последние две сотни лет.

«Принцу 28 лет. Он весьма крепкого телосложения, но по складу характера несколько меланхоличен. Дофин необычайно ловок в обращении с оружием: быть может, не слишком блистает в обороне, зато держится *mordicus*^[289]. Умом не очень скор, но именно такие люди часто преуспевают более прочих — так, поздние плоды осени лучше и долговечнее весенних и летних.

Дофин стремился неизменно сохранять опору в Италии и никогда не соглашался с отдачей Пьемонта. Из этих соображений он постоянно держит при себе итальянцев, недовольных тем, как идут дела у них на родине.

Деньги принц тратит разумно и достойно, женщинами почти не увлекается, видимо, довольствуясь женой. Что до беседы, то дофин превыше всего ценит общество вдовы великого сенешаля Нормандии, 48-летней мадам де Брезе. К ней он испытывает истинную привязанность, однако полагают, что в их отношениях нет ничего сладострастного, как если бы они были матерью и сыном. Утверждают, будто эта дама взяла на себя труд опекать, воспитывать и направлять дофина, побуждая свершать достойные его деяния. И это ей в самом деле замечательно удалось. Из пустого насмешника, не слишком привязанного к супруге, принц превратился в совсем иного человека. Избавился он и от нескольких других мелких недостатков юности. Он любит присутствовать при военных учениях, ибо все высоко ценят его отвагу, свидетельство коей он явил в Перпиньяне и Шампани».

В общем и целом венецианский дипломат составил Генриху неплохой панегирик. Намек на скорое возвышение дофина столь же тактичен, как и строки, относящиеся к Диане: доклад Кавалли показывает, что дофину удалось скрыть любовную подоплеку своих отношений с нею. Оценил посол и улучшения, достигнутые усилиями вдовы великого сенешаля, в том, что касалось политеса и галантного обращения с супругой. Диана и впрямь оказала немало услуг Екатерине, будучи посредницей между нею и Жаном д'Юмьером, отвечавшим за воспитание маленьких принцев^[290]. Он же в свое время заботился о сыновьях Франциска I, а потом стал камергером Генриха. Вполне естественно, что этому достойному дворянину последний поручил в 1546 году и воспитание собственных

детей. Диана, смотревшая на д'Юмьера почти как на родственника (она называла камергера «мой союзник»), постоянно поддерживала с ним контакт.

Осенью 1546 года, когда гувернер вез в Роморантен маленького Франциска, герцога Орлеанского, и его сестру Елизавету, дети простудились, и их пришлось уложить в постель. Д'Юмьер написал об этом Диане, в то время вместе со всем двором пребывавшей на востоке Франции. Диана тотчас известила о болезни детей дофина и Екатерину, а также и Франциска I, которому передали мнение д'Юмьера, что принцам надобно подыскать более здоровую местность, «такую, как Ла Бурдесьер или иной замок в благоприятном климате, дабы избежать осложнений». Дети довольно быстро поправились, зато мадам д'Юмьер, в свою очередь, слегла, и ее супруг через Диану испросил дозволение вместе с воспитанниками вернуться ко двору 11 ноября. Дофин был разгневан: как смел гувернер вообразить, будто жизнь при дворе, кочующем из одной резиденции в другую, может быть для детей предпочтительнее житья в деревенском замке? Нет, принц и принцесса останутся в Солони и на берегах Луары.

У Дианы были собственные осведомители и гонцы. Путешествуя вместе со двором, она брала с собой личный штат: священника, врача, казначея, клерка, надзирающего за расходами. Сводный брат Дианы Жак де Пуатье проверял все счета вместе с секретарем. К ним еще надо добавить конюшего, двух пажей и трех лакеев. Все они скакали рядом, ибо Диана очень долго продолжала ездить верхом, или окружали карету, когда она, утомившись, пересаживалась в экипаж. Там вместе с хозяйкой ехали Жанна — не только горничная, но и портниха, а также карлики Шарль и Барб — последнюю во время поездки двора по Бургундии Диана приказала обрить наголо, очевидно, из соображений гигиены. Питанием ведали три мажордома, в чьи обязанности входили покупка продуктов и сервировка стола госпожи. Особый носильщик занимался перевозкой спинета, с которым Диана никогда не расставалась. Некоторые из слуг мадам де Брезе состояли и на королевской службе: так, ее казначей отвечал также и за строительный фонд короля, а интендант Шенонсо был одним из поставщиков хлеба в доме его величества ^[291].

Переписка Дианы показывает, что она вела множество дел, касавшихся крупных сановников королевства или ее собственных родичей. В зависимости от обстоятельств она бывала то милостивой и заботливой, то требовательной и жесткой мастерицей в вопросах крючкотворства. Диана

бдительно следила за своим кузеном дю Бушажем и сестрами: разногласия с ними не колеблясь улаживала через суд, но и так же упорно добивалась для них бенефиций. Заботилась Диана и о благе королевства. Так, когда король, желая поощрить строительные работы в новом городе Гавре, на три года освободил тех, кто пожелал бы заняться там строительством, от уплаты тальи и налога на продукты, Диана предложила своей подруге Элен де Лонгваль принять финансовое участие в этом проекте и, более того, пообещала одолжить деньги, чтобы мадам де Лонгваль могла поддержать столь полезную финансовую операцию. «Буде королю понадобится большая сумма, — писала она, — я ему охотно предоставлю ее через вас» ^[292].

Эта процедура косвенного займа напоминает нам, что Диана хорошо знала мир банков и банкиров. Среди последних итальянцы нередко перехватывали инициативу у французов. Финансисты «флорентийского происхождения» из Лиона Тома Гуаданьи и Антуан Гонди и в самом деле часто бывали при дворе. Гонди, сеньор де Перрон, женился на Мари-Катрин де Пьервив, предприимчивой особе родом из Пьемонта: в 1533 году она познакомилась с дофиной, когда та проезжала через Лион, и стала ее подругой. Екатерина, ценя деловые качества этой дамы, пригласила ее ко двору, чтобы поручить финансовый контроль над домом своих детей, а позднее передала надзор за строительными работами и возведением зданий.

Флорентийский банкир из Лиона Робер Строщи — двоюродный брат Екатерины Медичи и сын Филиппо Строщи, разбитого Комо ди Медичи под Монтемурло в 1537 году. Трое его братьев, изгнанных из Флоренции, нашли приют в окружении дофина и короля: старший, Пьеро, в 1541 году стал камергером его величества. Это был храбрый воин, отличившийся при осаде Люксембурга в 1543 году. Опытный моряк Леоне был мальтийским рыцарем и приором Капуанским. А Лоран, приняв постриг, получил епископство Безье.

Заняли прочное место при дворе и другие родственники Екатерины по фамилии Сальвиати. Джованни, сын Джакомо и Лукреции Медичи, стал епископом Олорона, а затем — Сен-Папу, где его впоследствии сменил младший брат Бернардо. Оба они удостоились кардинальского сана.

В отношениях с Екатериной Диана де Пуатье принимала в расчет все шире распространяющуюся моду на Италию и итальянцев, чье влияние Франциск I сделал главенствующим в искусстве, архитектуре и словесности. Вдове великого сенешаля приходилось подчиняться

требованиям моды и радушно принимать новые лица — банкиров, артистов, художников и писателей — ибо они развлекали дофина.

Среди поэтов, посещавших их узкий круг, наиболее знаменитым был изгнанный из Флорентийской республики Луиджи Аламанни. В 1543 году он вторым браком сочетался с Мадаленой Бонайути, дамой, ведавшей одеванием Екатерины. В 1532–1533 годах поэт опубликовал в Лионе сборник любовной лирики, посвященный Франциску I. Дофину же он посвятил поэму о приключениях странствующего рыцаря «*Gyrone il Cortese*»^[293]. Генрих был счастлив видеть, как там под другими именами воскресли герои «*Амадиса Гальского*». Зная его вкусы, итальянцы умело пускали в ход лесть: в 1542 году венецианец Габриель Джолито ди Феррари выпустил в его честь издание «*Неистового Роланда*» Ариосто; в 1543 году архиепископ Бенивента Джованни Делла Каза передал принцу каллиграфически выполненную копию манускрипта своего труда «*Галатес, или Трактат о манерах*», настольной книги для пажей. Сложные ритуалы придворных церемоний и турниры в промежутках между войнами воссоздавали фантастическую атмосферу куртуазных романов, порой сближая враждебные группировки, что, однако, не уменьшало напряженности в их отношениях.

Нравственные искания современности не могли остаться чуждыми Диане и Генриху, пусть внешне они и выказывали приверженность строжайшей ортодоксии. Конечно, глашатаи новой духовности, Маргарита Наваррская и Клеман Маро, вследствие их дружбы с герцогиней д'Этамп, были исключены из окружения дофина, но это не мешало принцу распевать переведенные на французский псалмы. Нравилось ему, впрочем, и слушать, как его капеллан Меллен де Сен-Желе, поэт традиционного склада, декламирует свои манерные стихи. Интересуясь античностью, дофин требовал, чтобы ему читали труды Лефевра д'Этапля, Гийома Бюде и Эразма. Высоко ценил он и Франсуа Рабле, который вопреки усилиям Сорбонны только что закончил шутливую эпопею «*Гаргантюа и Пантагрюэль*». Итак, атмосфера, окружавшая наследника трона, менялась. Любовь к Диане, привязанность к Екатерине, лесть придворных, удовольствие от спортивных состязаний, возбуждение интеллектуальных схваток, в которых блистали итальянцы, — все это в целом предвляло тенденции и вкусы грядущего царствования.

В начале 1547 года, как отмечал посол Марино Савалли, несчастья, войны, неурожай и эпидемии оставили Францию. Генрих VIII Английский, выступавший то союзником и братом, то противником короля Франциска, внезапно умер. Получив известие об этом, французский государь, по

свидетельству имперского посла Сен-Мориса, обрадовался: «Было замечено, что он громко смеялся и шутил со своими дамами во время бала». Но вскоре Франциск и сам заболел ^[294]. Король простудился 11 февраля, у него начался жар, а потом, когда приступы лихорадки стали терзать его реже, Франциск на носилках принялся выезжать на охоту то в один, то в другой замок. Он все больше слабел, но, не желая в том признаваться, не давал себе отдыха и продолжал в одиночку, не спрашивая совета дофина, принимать решения, от которых зависело будущее государства: так, Франциск распорядился продолжить строительство укреплений в Дофинэ и оснащение военных галер в расчете на новую кампанию против императора.

Король прибыл в Рамбуйе 12 марта, и у него, как это случалось время от времени, вновь начался абсцесс в промежности. Пришлось лечь в постель. Однако болезнь прогрессировала, и 20 марта духовник короля Пьер Дюшатель, епископ Макона, уговорил его собороваться. Дофин Генрих, которого в первые дни болезни король не пускал на порог, прибыл из Ане, куда удалился на время, так как Диана и Гизы настояли, чтобы дофин присутствовал у отцовского одра. Хирурги вскрыли нарыв. Ненадолго состояние больного улучшилось, но 29 марта последовало общее ухудшение. Франциск решился дать сыну последние наставления: позаботиться о королевстве и быть справедливым к народу; достойно обходиться с королевой Элеонорой и герцогиней д'Этамп, но не поддаваться влиянию женщины, как сам он уступал воле фаворитки. 31 марта около двух часов пополудни Франциск I отдал Богу душу. Сразу после этого новый государь, миновав приемную, где плакала Екатерина, отправил гонцов к вдове великого сенешаля Нормандии и коннетаблю Монморанси. Он назначил им свидание в Сен-Жермен-ан-Ле и сам поспешил туда же. Кроме того, Генрих поручил монахиням-фонтеврисккам монастыря От-Брюйер принять 2 апреля набальзамированные останки короля и ларцы с его сердцем и внутренними органами. Тело Франциска I недолго пробыло в монастыре и уже 11 апреля было перевезено в Сен-Клу, резиденцию епископа Парижского, где оставалось до 21 мая, чтобы проследовать до Нотр-Дам-де-Шан в Париже, где его ожидали гробы сыновей: дофина Франциска, чьи останки привезли из Турнона, и герцога Карла Орлеанского, за которым послали в Бове. Тройное погребение в королевской усыпальнице Сен-Дени состоялось 24 мая 1547 года ^[295].

Пока тянулась неторопливая подготовка этих похорон, на вершине государственной власти произошла настоящая революция ^[296]. Генрих

встретился 2 апреля в Сен-Жермене с Монморанси и два часа провел с ним тет-а-тет, называя «отцом и главным советником». Это уязвило Диану. Она хотела бы единолично управлять волей своего любовника. Но, как ни велика была досада, Диана поостереглась ее выказывать, сочтя опасным устраивать внутренние склоки, вместо того чтобы свести счеты с прежними царедворцами и поделить добычу. Зато ей показалось важным найти противовес непомерному влиянию коннетабля. Осуществить это можно было только одним способом — наводнив Королевский совет своими ставленниками и клиентами.

Для осуществления этой операции Диана поспешила заручиться поддержкой Гизов. Пока они вместе следили за agonией Франциска I, архиепископ Реймский Шарль предложил способ избавить Генриха от неприятной перспективы нарушить данную отцу у смертного одра клятву не допускать в Совет лотарингских принцев. Достаточно было внушить Генриху, будто речь шла лишь о старом герцоге Клоде де Гизе, воине, обремененном полунемецким происхождением, а отнюдь не о его брате кардинале и утонченных сыновьях последнего, ставших истинными французскими принцами. А в один ряд с ними король мог бы поставить своего ненаглядного друга детства Жака д'Альбона Сент-Андре. Между сообщниками быстро установилось согласие.

Ночью 2 апреля они расчистили себе поле деятельности. Тех, кто служил Франциску I, с благодарностью отправили на покой. Кардинал де Турнон, адмирал д'Аннебо, Николя де Лонгваль, Жильбер Байяр и многие другие, обязанные возвышением герцогине д'Этамп, лишились должностей, а некоторые угодили в тюрьму.

Параллельно в Деловой, или Малый, совет, истинное правительство королевства, вошли коннетабль де Монморанси, старый кардинал Иоанн Лотарингский, граф Франсуа д'Омаль и его брат архиепископ Реймский, отец и сын Сент-Андре, граф Клод д'Аркур, зять Дианы Робер де Ла Марк и ее кузен Жан д'Юмьер. Канцлер Франсуа Оливье представлял там магистратуру. Секретари ведомства финансов Гийом Боштель и Клод де Л'Обепин лишь вдвоем остались от старого состава Совета, в то время как два принца королевской крови — Генрих д'Альбре, супруг тетки короля Маргариты, и Антуан Вандомский — получили всего-навсего почетные назначения.

Частный совет, в котором обсуждались административные вопросы, составили кардиналы Бурбон, де Ферраре и дю Белле, старый герцог де Гиз и епископ Суассонский. К ним присоединились кардинал де Шатийон, племянник Монморанси, герцог Неверский, сводный брат Вандома, Филип

де Коссе-Бриссак и герцог д'Этамп, который попал в большой фавор за то, что усадил жену под замок где-то в Бретани.

Непрерывность работы обоих Советов помимо Боштеля и Л'Обепина должны были обеспечить два новых государственных секретаря — фаворит коннетабля Монморанси Жан дю Тьер и Ком Клосс де Маршомон, личный секретарь Генриха II.

Основанное на амбициях противостояние Гизов и коннетабля, оспаривавших друг у друга влияние в Советах, могла не без удовольствия поддерживать в равновесии Диана. Современники считали, что она на равных делила власть с Монморанси. Вот мнение Клода де Л'Обепина: «Как мы видим на небосводе две величайшие звезды — солнце и луну [...], так Монморанси и Диана в полной мере владели абсолютной властью в сем королевстве: первый — над Короной, вторая — над Персоной»^[297]. А «Мемуары» Таванна добавляют: «Коннетабль был кормчим и хозяином корабля, у руля коего стояла мадам де Валентинуа»^[298]. Ее положение в государстве иллюстрирует и другой образ: Диана была как бы осью весов, чаши которых являли собой Гизы и коннетабль.

Но пока этим трем могущественным силам пришлось договориться, дабы извлечь выгоду из своего положения у кормила власти. Разумеется, дела королевства при всем его процветании шли отнюдь не блестяще. Франциск I, вынужденный тратить огромные суммы на военные расходы, содержание двора и строительство, увеличил размер тали с 2 миллионов 400 тысяч экю в 1515 году до 4 миллионов 600 тысяч — в 1545-м, но так и не сумел погасить дефицит. Так что приходилось делать займы под имущество столицы и ренты ратуши. Десятина, уплачиваемая духовенством, мгновенно истощалась. Незадолго до смерти Франциск вынужден был продать алтарные украшения и даже серебряную решетку, поставленную вокруг гробницы святого Мартина Людовиком XI. Тем не менее он так и не сократил расходы на содержание двора, и новый монарх тоже не собирался этого делать^[299].

Склонный к щедрости Генрих II не только не думал урезать и экономить, но и раздавал своим друзьям имущество и должности, отобранные у прежних царедворцев^[300]. Монморанси, вновь утвержденный в звании коннетабля и великого мажордома, как губернатор Лангедока получил 100 тысяч экю жалованья по недоимкам и 25 тысяч экю годовых. Его племянник Одэ де Шатийон, уже бывший архиепископом Тулузским, заимел епископство Бове, а вскоре и кардинальскую шапку. Другой племянник. Гаспар де Шатийон-Колиньи, стал генерал-полковником от

инфантерии.

Гизы, которым благодаря Диане досталось имущество, отнятое у бывших фаворитов (Марше — у графа де Лонгваля, Медон — у кардинала Антуана Сангэна, дяди герцогини д'Этамп, Дампьер — у Жана Дюваля, казначея Ссудных касс), тоже отхватили лакомый кусок.

Немало выиграл и Франсуа Лотарингский: его графство д'Омаль стало герцогством и пэрией, к этому присовокупилось губернаторство в Нормандии, Дофинэ и Савоие, что делало его равным по положению первому принцу крови Антуану де Бурбон-Вандомскому. Шарлю Лотарингскому в июле была обещана кардинальская шапка, и с тех пор он носил имя кардинала де Гиза. Помимо контроля над судебными делами он получил несколько аббатств и возможность взимать доходы с церковного имущества. Жаку д'Альбону Сент-Андре отошли многочисленные должности, без счета земель, а вскоре и громадные губернаторства Лионское, Овернское, Бурбоннэ и, наконец, жезл маршала Франции. Коннетабль, д'Омаль и Сент-Андре поделили между собой доходы с двух церковных десятин, составлявшие 600–800 тысяч ливров.

По сравнению с ними королеве достались крохи — всего лишь рента в размере 200 тысяч ливров. Еще король оставил ей доходы с имущества, унаследованного от Булонского дома, в том числе графств Овернского и Лорагского. Впрочем, Екатерина добилась и кое-каких милостей для своих кузенов Строцци: Пьеро стал генералом итальянской инфантерии, Леоне — командующим галерами, а Лоран — епископом Безье.

Дары, принесенные королем Диане, полностью соответствовали ее высочайшему положению при новом дворе^[301]. Прежде всего это самые прекрасные драгоценности Короны, к которым присоединился и брильянт стоимостью 50 тысяч экю, с боем вырванный у мадам д'Этамп^[302], замок Лимур и парижский особняк бывшей фаворитки на улице Сент-Антуан, а в 1553 году — и герцогство д'Этамп^[303]. Подтверждены были ее права на доходы с имений Ане, Ножан-ле-Руа, Бреваль и Моншове^[304]. В 1552 году Диане была оказана неслыханная милость: по традиции при каждой смене царствования все должностные лица должны были платить «за подтверждение», и на сей раз плоды этого чрезвычайного налога (по Брантому — 100 тысяч экю, по Сен-Морису — 300 тысяч экю) вручались Диане де Пуатье^[305]. Получала она и часть налога на колокольни, на что Рабле намекнет в истории о том, как Гаргантюа подвесил на шею своей кобыле парижские колокола^[306]. Этот налог сильно ударил по духовенству,

после того как оно выплатило в качестве «дара милосердия» четыре десятины, что составляло 1 миллион 260 тысяч ливров или 20 процентов своего годового дохода. Патентные письма от 11 марта 1552 года ^[307] уточняют, что король, дабы не обременять более прелатов, установил эту таксу «на производство звонницы колоколен нашего королевства» из расчета 20 турских ливров на каждую колокольню. Епископам надлежало создать комиссии, которые бы способствовали распределению и уплате налога таким образом, чтобы «сильный поддерживал слабого». В первый год после этого 26 829 колоколен королевства принесли 536 580 ливров. Точно неизвестно, ни какая часть попала в руки Дианы, ни получала ли она ее ежегодно, ибо налог на колокольни, задуманный как временная мера, стал постоянным и вскоре начал приносить почти миллион ливров ежегодно.

Но это не все. Во Франции существовало множество «неопределенных земель», то есть тех, что не имели бесспорного владельца и чья принадлежность могла оспариваться через суд. Диана присвоила право пользоваться ими, равно как и имущество, конфискованное у протестантов или отнятое у евреев. Бенефиции она передала Франсуа д'Омалю, а тот, в свою очередь, — Жану Бурбону, графу д'Энгьену. Таким образом, Диана без особых хлопот сумела выступить благодетельницей как Гизов, так и Бурбонов, при этом сколотив столь мощную финансовую собственность, что при всей своей скрытности могла соперничать с самыми богатыми людьми своего времени ^[308].

После этого Диане оставалось лишь увенчать свое могущество приобретением престижного имения: таковым стал замок Шенонсо, полученный ею от королевских щедрот в июне 1547 года ^[309]. Этот очаровательный замок, перестроенный финансистом Тома Бойе в 1513 году и переданный его сыном Антуаном Франциску I в 1535 году в счет уплаты долгов, принадлежал с тех пор Короне, чьей неотторжимой собственностью считался по королевскому указу от 30 июня 1539 года. Поэтому Генрих, желая как-то оправдать свой дар, вспомнил о выдающихся заслугах великого сенешаля и о том, что покойный король, «нынешнего государя достопочтенный сеньор и отец, да помилует его Господь, обремененный тяготами и великими войнами до самой кончины, не успел воздать Луи де Брезе достойной награды». Эту награду Генрих II предназначил своей «дражайшей и любимейшей родственнице, вдове великого сенешаля». А чтобы уберечь Диану от требований вернуть часть королевского домена, в документ был вписан пункт, позволявший ей

оспаривать договор, заключенный в 1535 году между Франциском I и Антуаном Бойе, наследником Тома. В случае, если бы оказалось, что доходы от имения не достигают базовой оценки стоимости при его передаче, то есть 90 тысяч ливров, мадам де Брезе могла оспорить состоятельность первоначальной сделки.

Успокоенная на сей счет, 3 июля Диана принесла вассальную клятву как владелица замка Шенонсо, а потом, выждав несколько лет, аннулировала сделку от 1535 года, благодаря которой Шенонсо стал частью королевского домена, вынудила Бойе забрать замок и выставить на продажу, чтобы в 1555 году приобрести его за 50 тысяч ливров, которые, естественно, выложил король.

Оставалось обеспечить надежный альянс с Гизами, и он был торжественно скреплен браком между Луизой де Брезе и Клодом Лотарингским, маркизом де Майенном, а в недалеком будущем — и графом д'Омалем, после того как его старший брат станет главой семьи. Церемония состоялась 1 августа 1547 года. Насчет этого брака Франсуа д'Омаль советовался с племянником коннетабля Колиньи, и тот дал неопределенный ответ, «что, мол, больше ценит немного доброй славы, чем много богатства». Но несмотря на подобную сдержанность, Гизы решились сделать шаг навстречу и, таким образом, привлечь на свою сторону всемогущую Диану. Впрочем, супруг, молодой Клод де Гиз, был уступчивым и хорошим мужем, снискав тем благосклонность и дружбу королевской любовницы. С тех пор итальянские послы среди важнейших событий придворной жизни отмечали, что Шарль Лотарингский, архиепископ Реймский, обедает за столом Дианы и оба они вместе с Франсуа д'Омалем составляют нечто вроде тайного совета. Диана относилась к ним почти как к сыновьям, в которых хороший дом всегда нуждается, для того чтобы обрести величие ^[310].

Собрав за несколько недель внушительную добычу, Диана все еще не была удовлетворена. Ее притягивала государственная казна, над которой она во что бы то ни стало хотела заполучить контроль. После смерти казначея Ссудных касс Жана Дюваля Диана добилась назначения на эту должность одного из своих ставленников — Андре Блонде: теперь она каждое утро могла узнавать о поступлениях, тратах, сделках и судебных процессах, чреватых штрафами и конфискациями ^[311].

Так, мало-помалу истинные рычаги власти попали в ее руки. Через своих ставленников и союзников мадам де Брезе участвовала в политических спорах, постоянно беседуя с монархом, следила за

выполнением намеченных ею планов, умела извлекать из этого немалые прибыли, ибо каждый, зная о влиянии фаворитки короля, старался найти к ней подход. Однако Диана была не из тех женщин, кого удовлетворяет закулисная власть, она хотела во всей славе предстать перед глазами всего мира и занять надлежащее место, то есть высочайшее в королевстве, ибо и сам новый монарх склонялся перед нею.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

БОЛЕЕ-ЧЕМ-КОРОЛЕВА

Глава I

ПУБЛИЧНЫЕ ПОЧЕСТИ И ТАЙНЫЕ НАСЛАЖДЕНИЯ

Диане хотелось стереть все следы прежнего царствования. Стремясь сделать опалу герцогини д'Этамп громкой и безвозвратной, она отправила ее в изгнание, лишив всех пожалований; очистила Советы от ее протезе; аннулировала судебный процесс, открытый по инициативе герцогини, дабы лишить ее, Диану, права собственности на четыре сеньории — Ане, Ножан-ле-Руа, Бреваль и Моншове — под тем предлогом, что они некогда принадлежали Короне. Но для полноты триумфа мадам де Брезе надо было публично взять реванш.

Анна д'Эйи была ветреной, расточительной, легкомысленной женщиной и любила роскошь. Диана, демонстрируя образ безупречной вдовы, добилась от нового короля, чтобы он наставил государство, и в первую очередь двор, на путь нравственности. Целая серия мер, направленная на установление экономии и аскетизма, ясно показывает, что под управлением «дамы из Ане» и контролем ее друзей, державших в руках пружины государственной власти, Францию ждет обновление.

Особое предписание устанавливало, что балы и концерты более не будут устраиваться ежедневно; бархат, атлас, золотая и серебряная парча, позументы и вышивка должны исчезнуть с одежды под угрозой штрафа в тысячу экю^[312]. Придворный штат был изрядно урезан. Королеве Екатерине дозволялось иметь лишь четырех фрейлин, дам «серьезных и порядочных». Первой из них стала сама Диана, остальные — дамы де Монпансье, де Невер и де Сен-Поль. Дворянам запрещалось находиться в спальнях фрейлин утром — при вставании, а вечером — при отходе ко сну^[313].

В то же время канцлер Оливье готовил суровые эдикты против святотатцев, убийц и злоумышленников, устраивающих засады. Король предусматривал также и социальные меры: он организовал в Париже общественную благотворительность, предписал монастырям в определенные дни раздавать милостыню в виде денег или продуктов. Жители каждого квартала должны были сообща заботиться о пище бедных семей. Для поддержания порядка на улицах Генрих приказал эшевенам

использовать здоровых нищих на городских работах, а больных и увечных содержать в больницах^[314]. Была предложена и парламентская реформа: отныне советником мог стать только человек старше тридцати лет и после тщательной проверки на предмет добродетельного и нравственного образа жизни^[315].

Вдовствующая королева Элеонора, ободренная столь милосердной и высокоморальной политикой, прежде чем перебраться из Франции во владения своего брата императора, публично выразила презрение герцогине д'Этамп, а заодно и второстепенной любовнице своего покойного мужа мадам де Канабль: последнюю Элеонора изгнала от двора, несмотря на возражения Дианы — та считала эту даму своей подругой, но смогла спасти ее лишь от заточения в монастырь^[316].

Однако в обществе, тяготевшем к символам, важно было воплотить радикальные перемены, вносимые новым царствованием, в конкретные образы. При дворе основным знаком перемен стала опала Анны д'Эйи. А чтобы показать это народу, устроили своеобразный турнир между защитником старого режима и сторонником нового. По совету Дианы Генрих позволил Франсуа де Вивонну, сеньору де Ла Шатеньрэ, вызвать на Божий суд Ги Шабо де Жарнака, родственника герцогини д'Этамп. Речь шла о том, чтобы, воззвав к Божьему суду, доказать, будто обвинение в нравственной распущенности, выдвинутое против последнего Вивонном, полностью обосновано^[317].

Диана и ее друзья полагали, что поражение хилого Жарнака могучим Ла Шатеньрэ не оставит никаких сомнений и, таким образом, будет провозглашен триумф добродетели (то есть Дианы) над пороками прежнего режима.

Гизы и тут не упустили случая подольститься. В апреле Франсуа д'Омаль предложил себя в секунданты Ла Шатеньрэ. Однако Монморанси, вынужденный выступать арбитром на этой встрече, не мог настолько явно принять сторону короля и назначил секундантом Жарнака главного стремянного Клода Туффье, сеньора Буази. Каждый готовился к поединку на свой лад. Жарнака тренировал итальянец Кэз, фехтовальщик, стяжавший репутацию мастера. Ла Шатеньрэ пользовался советами кузена королевы Пьеро Строчи. Встреча должна была состояться 10 июля на опушке леса Сен-Жермен-ан-Ле. Для короля, королевы и всего двора возвели трибуны. Накануне схватки туда хлынула огромная толпа из столицы и окрестных деревень, ибо впервые со времен святого Людовика король разрешил дуэль со смертельным исходом во исполнение Божьего суда.

Доступ на ристалище был открыт с шести утра. Вокруг арены столпился народ. Ближе к полудню придворные заняли места на возвышении. Генрих сидел между королевой и вдовой великого сенешаля. Герольд Гиенн выкрикнул истца, бросившего вызов. Ла Шатеньрэ, ведомый своим секундантом Омалем, обошел площадку. Их сопровождали 300 юношей, облаченных в белый и пурпурный атлас. Поборник добродетели удалился в роскошный шатер, где велел приготовить все для пира, который рассчитывал устроить для двора после победы.

Жарнак, в свою очередь, вышел на ристалище. При виде его скромного и немногочисленного эскорта, одетого в черное, в толпе зашептались. Месье де Буази представил молодого человека суверену, а потом от имени своего протеже приступил к выбору оружия. Ко всеобщему изумлению, он потребовал массивные мечи, тяжелые щиты и, наконец, броню, вышедшую из употребления более века назад, — с литыми наручами, вынуждавшими рыцаря держать оружие в вытянутой и негибнущей руке. Такой выбор создавал Ла Шатеньрэ серьезные неудобства, поскольку тот во время одной давней перестрелки был ранен из аркебузы в правую руку. Герцог д'Омаль пытался оспорить выбор противника, но трибунал по оружию признал его правомерным и утвердил.

По знаку короля противники яростно бросились друг на друга. Жарнак, более легкий, чем его враг, сумел отскочить и зайти противнику в тыл. Ему дважды удалось нанести удар под колено, не защищенное сзади никакой броней, и рассечь мышцу. Ла Шатеньрэ упал. Колосс, которого все считали непобедимым, неподвижно валялся в пыли. Генрих с королевской трибуны недоверчиво созерцал столь неожиданное зрелище. Оно потрясло короля: что это, злая судьба или перст Господень, утвердивший правоту человека, которого он, тогда еще только дофин, оскорбил? Генрих был настолько смущен, что не сразу расслышал просьбу подошедшего к трибуне Жарнака избавить его от необходимости прикончить поверженного противника. Наконец, стряхнув оторопь, король принял предложение и медленно изрек приговор: «Вы исполнили свой долг, и ваша честь должна быть восстановлена». И он пригласил Жарнака к себе на трибуну. Но тут бешеный гнев охватил толпу юных приверженцев Ла Шатеньрэ, и они накинулись на друзей Жарнака. Пользуясь общей свалкой, народ повалил ограждения и, захватив шатер Ла Шатеньрэ, принялся грабить буфеты, растаскивать припасы и драгоценную посуду, а тем временем побежденный, вне себя от досады и ярости, сорвал повязку и умер от потери крови. Так печально обернулся вызов, брошенный Дианой да и

самим королем прежнему двору ^[318].

Единственным настоящим триумфатором стал коннетабль, который не проявил никакой инициативы в организации этого поединка и чей родственник Буази был секундантом Жарнака: в результате Монморанси прослыл мудрецом и его престиж еще более вырос. А до крайности уязвленный король поклялся впредь никогда не разрешать дуэлей. Диана сумела скрыть досаду и вместе с королем отбыла в Вилье-Коттре и Компьень, где они на несколько дней остановились поохотиться в ожидании, пока в Реймсе подготовят все необходимое для церемонии миропомазания.

Венецианский посол Маттео Дандоло, вернувшийся во Францию через пять лет после своего первого посольства, с удивлением отметил перемены, происшедшие в облике и манерах Генриха ^[319].

«Его Величеству — 29-й год и, хотя я собственноручно описывал его Вашим Сиятельствам как принца с мертвенно-бледным лицом и настолько меланхоличного, что многие из знакомых уверяли, будто им ни разу не доводилось слышать, как он смеется от всего сердца, ныне уверяю вас, что король стал румяным, жизнерадостным и чувствует себя превосходно. Борода у его величества не слишком густа, однако он ее подстригает, глаза — довольно большие, но обычно опущены, лицо от скулы до скулы и лоб недостаточно широки, а потому и голова не особенно велика. Король высок ростом и весьма пропорционально сложен. Держится величаво, на редкость храбр и решителен, а физические упражнения любит настолько, что не пропускает и дня, разве только в дождь, ибо играет он под открытым небом, и зачастую — после того, как во весь дух преследовал одного или двух оленей, а эта забава, как известно Вашим Сиятельствам, является одной из наиболее утомительных. В тот же день после всех поименованных экзерсисов король по два-три часа посвящает фехтованию и по праву сльвет в этом спорте одним из лучших: еще во время последнего своего посольства я неоднократно видел, как он без остановки фехтует часами, подвергая себя немалой опасности, поскольку противники непрерывно бегают вдоль берега, ничего не видя: к примеру, отец, выступавший против сына, так хватил его по лбу, что спустил куда поболее шкуры, чем если бы учинил серьезную

трепку. Помимо таковых спортивных подвигов следует воздать королю хвалу как хорошему солдату и военачальнику, по свидетельству тех, кто сопровождал его в минуты опасности, коим он неустрашимо себя подвергает».

25 июля Диана с гордостью присутствовала при торжественном вступлении короля в Реймс^[320]. Генрих миновал первые ворота, украшенные его собственным гербом, а также гербами королевы, дофина и герцога Неверского, губернатора Шампани и города Реймса. Лилии и серебряные полумесяцы украшали свод арки, а на фризе был начертан королевский девиз: «*Donec totum impleat orbem*»^[321]. Генрих принял ключи от города. Затем он наблюдал забавное сражение сатиров и дикарей — символ непокоренной природы, затем достиг вторых ворот, откуда выехали навстречу двенадцать эшевеннов и подняли над головой балдахин, опять-таки украшенный полумесяцами и королевским девизом. Кортеж въехал под триумфальную арку и двинулся по улице, украшенной символическими фигурами тринадцати Добродетелей, чьи инициалы составляли имя Генриха де Валуа: Честь, Надежда, Благородство, Добродетельность, Справедливость, Прилежание, Беспристрастие, Правдивость, Любовь, Щедрость, Послушание, Ум и Мудрость^[322].

Королева наблюдала за этим зрелищем из окна. Проезжая мимо, король приветствовал и ее, и дам, выглядывавших из соседних окон, в том числе, естественно, и Диану: в те минуты она с удовлетворением видела, что народ приветствует ее возлюбленного принца, как идеал и пример для подражания.

Перед епископским дворцом среди фонтанов, из которых били вода и вино, высокая пирамида возносила к небесам золотую сферу, увенчанную огромным серебристым полумесяцем в окружении еще четырех: в убранстве города значительная роль повсеместно отводилась нарождающейся луне — это было как символом грядущей славы короля, так и намеком на имя античной богини, чье имя носила Диана.

Эту же общую эмблему король повелел изобразить на ковчеге Воскресения, чуде ювелирного искусства XV века, и вставить в оправу, дабы он мог принести его в дар Реймскому собору^[323]. Ковчежец, где хранится камень от Гроба Господня, был выполнен в виде усыпальницы, из которой устремляется ввысь воскресший Христос. Надпись поясняла: «Король Генрих II принес меня сюда в 1547 году в день своего миропомазания». На увенчанной зубцами стене ограды был инкрустирован

личный шифр суверена: буква «Н», прочеркнутая двумя заглавными «С», одной — из белой эмали, второй — из черной. Над кругом, символизирующим полную луну, соединились три сплетенных полумесяца, два — белых, один — черный. Это украшение точно воспроизводило вышитые жемчугом мотивы на королевской тунике.

На следующий день, 26 июля, Диана слушала в соборе торжественную литургию^[324]. Вместе с фрейлинами она сидела справа от главного алтаря возле возвышения, где расположилась королева. У нее на глазах над королем совершили таинство. Впоследствии он признавался Диане, что, прежде чем взять в руки королевские регалии, молил Бога, «если Корона, которую он примет, ознаменует доброе правление и пойдет народам во благо, милостиво даровать ее надолго, в противном же случае, поскорее взять обратно». Однако на следующий день после церемонии, по словам посла Альваротто, монарх уже не думал ни о чем, кроме удовольствий. «Помимо игры в мяч и охоты он постоянно ухаживает за своей любовницей. Навещает ее король после каждой трапезы и, таким образом, в среднем проводит в ее обществе не менее восьми часов. Если дама в это время находится у королевы, он велит ее вызвать. Сие обстоятельство у всех вызывает сожаления. Замечают, что нынешний государь ведет себя хуже, чем покойный... Отсюда делается вывод, что суверен лишен всякого зренья и его, так сказать, водят за нос»^[325].

Посол Карла V Жан де Сен-Морис в депеше, датированной июнем 1547 года, подтверждает это свидетельство. Франсуа д'Омаль, молодой Сент-Андре и коннетабль, писал он, имеют огромное влияние на монарха, однако меньшее, чем Диана де Пуатье, упомянутая в письме под кодовым обозначением «Сильвиус». Конечно, у короля были и собственные политические амбиции: «Он хочет сохранить все, что имеет, и вернуть все, что, по его мнению, принадлежит Французской Короне, не претендуя на чужую собственность. Каждый день он по два часа проводит на Малом совете, а потом обедает. В первое время правления король сразу после этого давал аудиенцию своему народу, но советники убедили его отказаться от такого обыкновения, дабы он не слышал жалоб подданных». Отныне единственным человеком, с которым король, кроме своих советников, обсуждал дела, была Диана. «Дав ей отчет во всем, что обсуждалось утром и позднее либо с послами, либо с иными значительными персонами, король усаживается у ее колен с гитарой в руках и, поигрывая на оной, спрашивает у коннетабля, если тот окажется рядом, или у Омаля, не правда ли, у означенной Сильвиус хороший страж, касаясь при том собственной груди и

внимательно разглядывая свою даму с таким видом, будто изумлен ее дружбою»^[326].

Сен-Морис слышал об этом от Мадлен де Майи, мадам де Рой, описавшей такую сцену вдовствующей королеве Элеоноре. Но ее свидетельство по меньшей мере сомнительно, ибо посол стремился дискредитировать короля в глазах Карла V. Он и в самом деле слишком подчеркивал слепоту Генриха в подчинении своей любовнице, указывал на отрицательные черты характера нового суверена, его легкомыслие и «неуверенность в себе», из-за которой тот позволял фаворитам управлять государством, а сам предавался играм и вульгарным увеселениям. «Означенный сеньор король еще в значительной степени сохранил в себе молодость, каковая побуждает его совершать многие легкомысленные поступки; в числе прочих он заставляет играть с ним в мяч лакеев и других незначительных лиц, нередко — из своей же прислуги». Сен-Морис называет два таких «незначительных лица», не скрывая пренебрежения к ним: Ком Клосс де Маршомон и Клод де Л'Обепин. Меж тем оба они — секретари по делам финансов, а это доказывает, что, даже развлекаясь, король думал о делах. Посол придерживался иной точки зрения, упорно не желая видеть в поведении Генриха ничего, кроме мальчишества: «Некогда в Ане он развлекался тем, что спихивал в воду людей, стоявших на берегу реки, так что едва не утопил одного пажа, швырнув его в воду...»^[327]

Однако такие шуточки были вполне во вкусе самых именитых сановников. Диане приходилось с этим мириться, так как король охотно присоединялся к весельчакам. Так, посол Феррары Альваротто рассказывал, что однажды вечером в октябре 1547 года старый кардинал Лотарингский, коннетабль де Монморанси и другие гранды предавались этакому «сарданапальству»^[328]: попарившись в бане и обильно поужинав, король и коннетабль улеглись в одну постель. «Я не могу, — подчеркивал посол, — смириться с мыслью о подобном бесчинстве... Однако таковы факты: они спали вместе и уже не в первый раз». Впрочем, и не в последний — тоже.

Как-то раз в декабре 1548 года во время очередной охоты король снял уздечку с лошади Монморанси и заставил его мчаться галопом по лесу, не имея возможности управлять скакуном и рискуя сломать себе шею. В Сен-Сильвестре Генрих врвался в частные владения и стегал их жителей ремнем в соответствии с традицией, которая и впрямь позволяла суверену пороть тех, кого считал виновными в каком-либо проступке. Так, в декабре 1552 года Генрих избил кнутом епископа Систерона Эмерика де

Рошешуара и епископа Альби Людовика Лотарингского, силой вломившись в их дома: наказание прелатов происходило на глазах окружавших короля придворных дам. Однажды вечером монарх лично наблюдал за тем, как Монморанси парит ноги. Коннетабль весьма возгордился этим обстоятельством и похвастал им маршалу де Сент-Андре, а тот поспешил коварно сообщить новость Франсуа де Гизу. По словам посла Феррары, тот был сильно уязвлен. «Он едва не умер с горя и столь явно выказывал свою боль, что она ни для кого не осталась тайной: за столом герцог сокрушался, что у него нет иного выхода, кроме как вернуться домой и отправиться на охоту»^[329].

Часто буффонады разыгрывали профессиональные шуты, подвизавшиеся при королевском дворе. Трибуле, дурачку Франциска I, в должности придворного шута наследовал Жан-Антуан Ломбар. Бывший помощник хирурга, он благодаря королевской милости избежал смертной казни, к которой приговорил его коннетабль де Монморанси. Ломбар получил кличку Брюске (Торопыга). Этот пройдоха ловко выманивал у знати драгоценности и дорогие вещицы и вдобавок превосходно умел устроить собственные дела: к примеру, добился для себя места начальника королевских почтовых лошадей. Брантом подробно рассказывает о многочисленных шутках Ломбара. Как-то во время пиршества Брюске разрезал вертелом с наколотыми на него ломтиками сала парадный плащ Пьеро Строцци, кузена королевы. Тот отомстил, стащив у шута серебряную посуду. В другой раз Брюске предложил Строцци гротескное угощение в виде пирога, начиненного кусочками старой лошадиной сбруи. В отместку кузен королевы заставил шутника отведать блюдо из его же собственного любимого мула. Шут позвал двух монахинь и попросил изгнать дьявола из лежавшего в постели Строцци. Последний не остался в долгу и приказал трубить в охотничьи рога над ухом у мадам Брюске, отчего та целый месяц пребывала в некотором отупении. Последнюю выходку спровоцировало то, что Брюске в шутку представил свою супругу Екатерине Медичи как глухонемую^[330].

Придворные хронисты упоминают и о многих других розыгрышах. Шут Тони тоже не боялся подшучивать над вельможами. При виде виселиц, установленных коннетаблем де Монморанси, шут с благочестивым видом воскликнул: «Да сохранит нас Господь от четок господина коннетабля!»^[331]

Диана привыкла возвращаться в этом живописном мире. При ее собственном малом дворе тоже были шуты, карлик, карлица и музыкант. В этом мадам де Брезе соперничала с королевой Екатериной, тоже

окружавшей себя шутами, карликами, карлицами, мартышками и попугаями. Была у нее и любимая дурочка Ла Жардиньер.

Но вокруг Екатерины толпилась и целая стая придворных дам и фрейлин. Среди них были и confidentки, державшие сторону своей госпожи против любовницы ее супруга, ибо при всей своей внешней сдержанности Екатерина безумно ревновала короля к Диане. Тут имеет смысл напомнить знаменитый эпизод, рассказанный Брантомом в «Сборнике для Дам», где он выводит на сцену королеву и ее подругу Жаклин де Лонгви, герцогиню де Монпансье ^[332].

«Один из владык мира сего крепко любил очень красивую, честную и знатную вдову, так что говорили даже, будто он ею околдован, ибо король мало внимания обращал на других, включая и свою супругу, разве что время от времени, а дама сердца всегда получала лучшие цветы его сада. Сие изрядно сердило королеву, ибо она считала себя столь же красивой и любезной, сколь услужливой и достойной лакомых кусочков, что сильно ее манили. Пожаловавшись на такое обращение своей любимой придворной даме, королева сговорила с ней дознаться, чем так прельщает короля та вдова, и даже подглядеть за играми, коими тешились король и его возлюбленная. Ради того над спальнею означенной дамы было проделано несколько дырочек, дабы все увидеть, подсмотреть, как они живут вместе, и посмеяться над таким зрелищем, но не узрели ничего, кроме красоты и изящества. Они заметили весьма благолепную даму, белокожую, деликатную и очень свежую, облаченную лишь в коротенькую рубашку. Она ласкала своего любимого, оба смеялись и шутили, а любовник отвечал ей столь же пылко, так что в конце концов они скатились с кровати и, как были в одних рубашках, улеглись на мохнатом ковре, что был рядом с постелью, дабы избежать душных перин и понежиться в прохладе, ведь стояли очень жаркие дни. Я знавал и еще одного весьма знатного принца, который именно таким образом вкушал наслаждение с супругой, красивейшей дамой на свете, как он сам говорил, — убегая от летнего зноя.

Итак, королева, увидев и заметив все, с досады принялась плакать, стонать, вздыхать и печалиться, считая и говоря, что муж никогда так с нею не поступает и не позволяет себе безумств, как с этой, другой женщиной. Ибо, по ее словам, между ними ни разу подобного не было.

А дама, сопровождавшая королеву, стала ее утешать и убеждать, что не стоит так огорчаться, ведь если ей так любопытно было взглянуть на сего рода вещи, никак не следовало ожидать меньшего. А королева только и твердила в ответ: „Увы, я пожелала увидеть то, чего не следовало, ибо

зрелище это причинило мне боль“. Однако, утешившись и смирясь с положением, она более о том не думала и, сколько могла, продолжала подглядывать, превращая все это в посмешище, а то и во что-нибудь похуже».

Вспоминая о той эпохе, Брантом не раз восторгался преданностью «величайшего принца и суверена, так пылко любившего знатную вдову зрелых лет, что покидал и жену, и прочих, сколь бы ни были они молоды и красивы, ради ее ложа. Но к тому имел он все основания, ибо это была одна из самых красивых и любезных дам, какие только рождались на свет. И ее зима, несомненно, стоила дороже, чем весны, лета и осени других»^[333].

Впрочем, любовники были достаточно тактичны в своих амурных делах. Благодаря этому Диана хотя бы внешне могла сохранять с королевой добрые отношения и продолжала оставаться незаменимой, предлагая услуги, бесценные в повседневной жизни.

В год миропомазания в королевской семье ожидали появления третьего ребенка, и 12 ноября 1547 года в Фонтенбло родилась Клотильда, прозванная «Мадемуазель д'Ане», поскольку была зачата, когда венценосные супруги гостили в этом замке Дианы. Герцогиня и в самом деле была членом семьи, всегда внимательно наблюдала за развитием беременностей королевы и окружала детей самой нежной заботой со дня появления на свет и до того момента, как они выходили из-под женской опеки. Десять раз она помогала королеве перенести родовые муки, потом выбирала кормилиц, изучая их сложение и качество молока. Все эти подробности фигурируют в письмах Дианы гувернеру королевских детей Жану д'Юмьеру и его супруге. Если кормилица не справлялась с обязанностями, Диана находила ей замену. Именно она определяла, когда ребенка пора отнимать от груди. Король и королева целиком полагались на ее заботы и осмотрительность. Чтобы уберечь маленьких принца и принцесс от эпидемии, она подыскала более подходящее для их здоровья место. Она же следила за внутренним обустройством замков, где малышам предстояло жить: как уточняет Сен-Морис, зимой это был Фонтенбло, весной — Блуа, Амбуаз и Тур, летом — Ла Миет или Сен-Жермен-ан-Ле, а в остальное время — Компьень. Но в какую бы резиденцию ни перевозили детей, Диана решала все касавшиеся их вопросы. Стоило на горизонте появиться какой-нибудь болезни — будь то простуда, краснуха или бронхит, — она мигом приказывала привести врачей и раздобыть лекарства. Диана позаботилась даже о том, чтоб были написаны портреты маленьких принцев для передачи родителям, часто жившим очень далеко

от них.

Две записки, адресованные Генрихом Диане, показывают, что король беспокоился о ее здоровье не меньше, чем о состоянии собственных детей.

«Любовь моя, умоляю вас написать мне о вашем здоровье, так как, услышав, что вы больны, пребываю в великой горести и не ведаю, что предпринять. Если вам по-прежнему плохо, я не хотел бы манкировать долгом вас навестить, дабы служить вам, как обещал, и еще потому, что для меня невозможно жить, столь долго не видя вас. И, коль скоро я и в старые времена не боялся утратить расположение покойного короля ради удовольствия побыть рядом с вами, то уж теперь-то и говорить не стоит, как тягостно мне не иметь возможности быть вам полезным. И, поверьте, мне не будет покоя, пока податель сего письма не вернется с ответом. А для того молю вас правдиво поведать, каково ваше состояние и когда вы сможете ехать.

Думаю, вам нетрудно будет вообразить, сколь мало удовольствия я получу в Фонтенбло, не видя вас, так как, будучи удален от той, в ком все мое благо, и помыслить не смогу ни о каких увеселениях. Заканчиваю это письмо из страха, что оно и так вышло чересчур длинным и вам наскучит его читать. Смиренно поручаю себя вашему доброму расположению с единственным упованием навеки его сохранить».

Получив утешительные новости, обрадованный любовник вновь взялся за перо: «Госпожа души моей, смиреннейше благодарю за труд, который взяли вы на себя, дабы послать мне весточку о своих новостях, ибо она стала для меня наименее приятным событием. Молю только сдержать обещание, так как я не могу без вас жить, и, если б вы знали, сколь мало времени я тут провожу в развлечениях, несомненно, прониклись бы жалостью. Не стану более занимать вас своими излияниями, позвольте лишь уверить, что вы никак не сможете приехать так скоро, как мне бы того хотелось. Остаюсь навеки ваш ничтожный слуга...»^[334]

В глазах общества дары Генриха любовнице в начале царствования могли быть оправданы преданностью Дианы королевской семье. Порой эти награды выглядели как меры, восстанавливающие справедливость. Право собственности на четыре сеньории — Ане, Бреваль, Ножан-ле-Руа и Моншове — оспаривались королевским прокурором, а доходы с них были арестованы. Генрих вернул эти владения Диане и ее дочерям 19 июня 1547 года^[335]. Дарственная на замки Шенонсо и Уд тоже могла восприниматься как монаршее воздаяние за оказанные услуги^[336].

Дети и родственники Дианы делили с ней королевские милости. Ее

зять Робер IV де Ла Марк, супруг Франсуазы де Брезе, в июне 1547 года был утвержден в правах на замки Шато-Тьерри и Шатийон-сюр-Марн с соответствующими владениями ^[337]. Выдавая вторую дочь, Луизу де Брезе, замуж за Клода Лотарингского, Диана отписала в приданое две бретонские сеньории — Рюи и Сюсинио. Король поспешил возместить убытки: 14 апреля 1547 года он предоставил Диане право получать доходы с сеньорий Фужер, Базуж, Риму и Антрэн, к которым 22 апреля 1553 года присовокупил права на дотоле спорные земли и ланды ^[338]. Брат Дианы Гийом де Пуатье, граф д'Альбон и сеньор Сен-Валье, 9 мая 1547 года тоже ощутил на себе королевскую милость: Генрих II назначил его генерал-лейтенантом провинций Дофинэ и Савойя, где Гийому Сен-Валье предстояло действовать совместно с тамошним губернатором Франсуа д'Омалем ^[339].

Вскоре Диана получила еще одно приятное известие: перед ее крестницей Дианой Французской, рожденной от краткой связи дофина Генриха с Филиппой Дучи, вырисовывались блестящие перспективы. Девочке, с колыбели доверенной попечению Дианы де Пуатье, исполнилось девять лет. Уже в конце правления Франциска I было решено, что она выйдет замуж за Горацио Фарнезе, внука папы Павла III, отправленного ко французскому двору на воспитание в качестве будущего жениха незаконнорожденной принцессы.

В присутствии папского легата кардинала де Сен-Жорж Иеронимо Каподиферро 30 июня 1547 года приступили к подписанию брачного контракта: кардинал Ипполито д'Эсте и нунций Иеронимо Дандино подписали его вместе с представителями Генриха II — Анном де Монморанси, Франсуа д'Омалем и канцлером Франции Франсуа Оливье.

Павел III обещал внуку в день свадьбы 200 тысяч экю, которые тот мог использовать во Франции, плюс 25 тысяч экю ренты с итальянских земель, право на старинную вотчину его семьи и герцогство де Кастро ^[340]. Юная невеста, одетая на итальянский лад и появившаяся при дворе вместе с еще более юным Горацио, являла собой живой залог возобновления военных действий Франции в Италии. Папа готовился к ним, скрепив союз с Гизами, — 27 июля он возвел архиепископа Реймского Шарля в ранг кардинала. Удовлетворенный союзом двух семей, прелат выразил свою радость, послав 24 августа благословленную им золотую розу Екатерине Медичи и нитку жемчуга — мадемуазель Диане. Меж тем вскоре после этого, 10 сентября, отец Горацио Пьер Луиджи Фарнезе пал у себя в Пьяченце от рук убийц, посланных Ферранте Гонзаго по приказу императора Карла V. Этот акт

насилия показал, что Рим, более чем когда бы то ни было, нуждается во вмешательстве французов. Для подготовки к нему Горацио Фарнезе, удостоенный 21 сентября звания кавалера королевского ордена Святого Михаила, был отправлен в Италию ^[341].

В предшествовавшие миропомазанию месяцы король осыпал милостями, дарами и привилегиями сеньоров, чья помощь могла ему пригодиться в случае весьма вероятного возобновления военных действий против императора. В июле адмирал Франции Клод д'Аннебо был заново утвержден в должности губернатора Нормандии и возвращен в Королевские советы благодаря протекции фаворита Генриха II де Сент-Андре ^[342], однако, чтобы удержаться, ему пришлось стать глашатаем волеизъявлений Дианы. Что до Франсуа д'Омаля, то в июле его графство обрело статус герцогства с правом передачи младшему брату Клоду, маркизу де Майенну, после смерти их отца ^[343]. Так, добиваясь от короля милостей для своих близких и подопечных, Диана заручилась поддержкой со всех сторон. Первая плеяда кавалеров ордена, принятых на Троицын день 1547 года, помимо величайших имен Франции, включала в себя Клода де Майенна, будущего зятя Дианы, и ее брата Гийома де Пуатье: этому последнему как военачальнику губернаторств Дофинэ и Савойи, управляемых герцогом д'Омалем, предстояло занять почетное место, когда король преодолет горы по дороге в Пьемонт. Военным казначеем был дан приказ 31 октября 1547 года выплатить жалованье солдатам и аванс четверем новым полкам, два из которых — его собственный и подчиненный Клоду де Майенну — направлялись в Италию. Однако серьезная болезнь уложила Гийома в постель ^[344]. Он составил в Этуаль завещание 14 апреля, обеспечив порядок наследования фамильных владений. Гийом де Пуатье сделал наследницей всего своего имущества сестру Диану, а после ее смерти — внучатого племянника Анри Робера де Ла Марка, сына своей племянницы Франсуазы де Брезе, за неимением же у последнего потомства мужского пола земли и состояние должны были перейти первому по старшинству потомку мужского пола его сестры Франсуазы де Пуатье, супруги Антуана, виконта де Клермон. В июне 1547 года после смерти Гийома, похороненного в семейном склепе приорства Сен-Валье, Диана заключила сделку с его вдовой, Клотильдой де Миолан, передав ей вдовью часть ^[345].

В восстановлении своего наследства, равно как и в расширении земельных владений благодаря подаркам короля и покупкам (например,

баронства д'Иври, приобретенного в сентябре 1547 года у Людовика Люксембургского, графа де Руси^[346]) Диана всегда опиралась на потворство Генриха: она знала, что получит какие угодно дары в обмен на счастье, которое сама дарила монарху как в тиши алькова, так и при дворе, и в повседневных перипетиях семейной жизни.

Глава II

ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ВЫЕЗДЫ КОРОЛЯ

Диана знала, что благоволение короля ей обеспечено, и теперь ей хотелось играть настоящую политическую роль. Сен-Морис сообщал о появлении у нее таких амбиций с самого начала нового царствования: «Что до Сильвиуса, то, войдя в силу, он совершенно переменялся в характере и обхождении, и взыскующие его милостей при дворе стали роптать на высокомерие его и дерзость. Притом у него достает хитрости, благодаря своим приманкам и прелестям, удерживать расположение короля и добиваться от него, чего ни пожелает»^[347].

Глашатаем Дианы в Королевском совете был совершенно преданный и переполненный рвения канцлер Франсуа Оливье, через руки которого проходили все важнейшие государственные дела. А когда Оливье разбил паралич, его сменил другой ставленник Дианы, Жан Бертран, первый президент парламента Тулузы. В 1556 году он получит официальный статус Хранителя Печатей^[348]. Таким образом, Диана могла высказывать свое мнение и непосредственно, и через третье лицо. Бертран, по словам Сен-Мориса, не пользовался особым расположением коннетабля, а Гизы ему не доверяли. Но внешняя политика примирила все кланы Королевского совета. Урегулирование серьезных разногласий между Францией и Англией вынуждало их выступать единым фронтом против англичан, занимавших Булонь, а в Шотландии неотступно преследовавших регентшу Марию де Гиз, добиваясь выдачи малолетней королевы Марии Стюарт, племянницы Франсуа д'Омаля, Клода де Майенна и кардинала Карла Лотарингского. Диана поддерживала намерения короля продолжить в этой области политику своего отца, но не упускала из виду и собственные интересы: когда коннетабль и герцог д'Омаль приказали построить под Булонью осадную башню, она вчинила иск итальянскому инженеру Иерониму Марино, которому для этих строительных работ понадобилось огромное количество дерева из принадлежащего ей леса^[349]. Фаворитка обвинила

инженера в том, что он действовал без ее дозволения и вдобавок украл часть древесины. Перепуганный итальянец, остановив все работы, укрылся в Безансоне: чтобы вернуть его на место, королю пришлось посылать гонца с особой охранной грамотой. Урегулировав сей инцидент и, несомненно, возместив Диане убытки, Генрих в июне 1548 года, живя в Ане, занялся подготовкой экспедиции к берегам Шотландии. Шарль д'Юмьер, владетельный сеньор де Контэ, сын гувернера королевских детей, должен был возглавить ее совместно с камергером Филиппом де Майе-Брезе.

В Шотландии лучшим способом помочь королеве-регентше Марии де Гиз было переправить шестилетнюю Марию Стюарт в надежное убежище^[350]. В августе мать доверила девочку заботам де Майе-Брезе, и тот, преодолев тысячу опасностей, доставил ее во Францию. В середине октября она прибыла в замок Карьер-Сен-Дени неподалеку от Сен-Жермен-ан-Ле, где воспитывались королевские дети — Франциск, Елизавета и Клотильда. Марии Стюарт предстояло воспитываться вместе с ними под надзором месье и мадам д'Юмьер, а также под контролем своих дядей Гизов и Дианы. Как невеста дофина Франциска, она гарантировала союз двух королевств — Франции и Шотландии в дополнение к альянсу Франции с Папской областью, скрепленному браком Горацио Фарнезе и Дианы Французской. Мария располагала услугами всего дома Детей Франции, но имела собственную свиту, состоявшую из ее кормилицы Дженет Синклер, гувернантки — красавицы Джейн Стюарт, носившей титул леди Флеминг, незаконнорожденного брата Джеймса Стюарта и четырех девочек-ровесниц из лучших семей Шотландии.

Одновременно с шотландской экспедицией король решил устроить демонстрацию силы в Италии: для начала он готовился проинспектировать укрепленные города Пьемонта. Двор сопровождал его в поездке через Шампань. В июне Генрих остановился у Гизов в Жуанвиле, а в июле распрощался с придворными дамами. В тот момент к королевскому эскорту должен был присоединиться Гийом де Пуатье. Но его войска не были готовы двинуться в путь — все офицеры с апреля по июнь 1548 года оставались у одра своего больного господина. А в начале лета Гийом умер. Диане едва хватило времени принести вассальную присягу от имени оставленных ей братом в наследство земель. При этом она рассудила, что король уточнит протяженность земель и связанные с ними титулы по возвращении из Италии.

Генрих объехал Пьемонт за две недели^[351]. В Турине по этому случаю были устроены грандиозные празднества. Однако скоро король узнал, что в

Аквитании — бунт: в июле 1548 года толпы мятежников набросились на офицеров, охранявших соляные склады, умертвили сборщиков габели и губернатора Бордо. Генрих вознамерился сурово наказать бунтовщиков и тайно поручил коннетаблю и герцогу д'Омалю отправить против них войска. Однако монарх отложил исполнение этого приказа до того времени, когда сам он по возвращении из Италии войдет в Лион.

Муниципалитет совместно с Жаком и Жаном д'Альбон де Сент-Андре (один из них был военным, другой — гражданским губернатором города) подготовили нечто вроде триумфа в античном стиле ^[352]. Празднества открыли процессии иноземных купцов 23 сентября, поскольку именно они сделали Лион одним из крупнейших финансовых центров того времени. Купцы также вместе с городскими чиновниками внесли щедрый вклад в великолепное убранство площадей и улиц. Больше всего короля восхитил обелиск, изукрашенный инициалами и символами: там можно было увидеть букву «Н», составленную из двух переплетенных «D», луки с порванной тетивой и серебряный полумесяц.

На барельефах олицетворения Победы изничтожали фурий, а крылатые Амуры гасили пожарища, разожженные Раздором. Гуманисты Морис Сев и Бартелеми Ано, выбиравшие темы декора, славили таким образом благое влияние любви на ведение дел в королевстве.

Сцена, разыгрываемая напротив обелиска, изображала лес с резвящимися оленями, ланями и оленятами. Потом раздался звук рога, и король увидел, что из леса навстречу ему выезжает со спутницами богиня Диана. Ее нарядили в тунику из темно-золотой парчи, усыпанную серебряными звездами, с рукавами и подолом из пурпурного атласа, прошитого золотой нитью. Юбка доходила до середины икры, оставляя на виду пурпурные римские сандалии, расшитые жемчугом. Волосы богини стягивали «перевитые нити крупного жемчуга со множеством колец и драгоценных камней огромной цены», а надо лбом сверкал маленький серебряный полумесяц. Сопровождавшие ее нимфы тоже оделись на античный манер, то есть были задрапированы в яркие ткани самых жизнерадостных расцветок. Одни вели на черно-белых шелковых поводках маленьких борзых и спаниелей, другие размахивали дротиками из черного дерева с позолоченными наконечниками, украшенными ниспадающими черно-белыми кисточками. На шеях красовались поддерживаемые серебристо-черной шелковой лентой рога, инкрустированные золотом и серебром. Это первое явление миру Дианы-охотницы не оставляло у зрителя ни малейших сомнений насчет личности ее прототипа. Цвета

прямо указывали на мадам де Пуатье. Сцена воспроизводила придворный балет и в то же время напоминала об охоте — любимом развлечении короля и его любовницы.

Поймав выскочившего из леса механического льва, Диана связала его плетеным черно-белым шнуром и преподнесла королю. При этом она декламировала стихи, пояснявшие, что лев, символ города, покинул лес прирученным. Сознавая, что он целиком и полностью принадлежит королю, богиня все же приносила зверя в дар: «Итак, я предаю его в ваши руки и вверяю вашим заботам». Король оценил деликатное внимание лионцев, сумевших в этой сцене не только принести вассальную клятву верности королю, но и вспомнить об узах, соединявших его с возлюбленной. Когда нимфы и богиня сделали ему реверанс, король в свою очередь отвесил поклон и удалился, «довольный их приятной охотой и милой изобретательностью».

В нескольких шагах от «театра Дианы» кортеж миновал портик, украшенный двойными колоннами с каннелюрами. Здесь изображалась встреча Верности и Послушания — добродетелей, которые любили признавать за собой как город Лион, так и сама Диана. Небольшой храм на площади Бурнеф нес на себе аллегорические изображения Войны и Мира. На самой вершине его, над Марсом и Юпитером, восседала на троне Диана. Она протянула королю Генриху серебряный полумесяц, обрамленный девизом «Вечный свет». Один из трех сидящих львов держал королевский герб, второй — герб королевы, а третий — большой серебряный полумесяц.

Аллегии сопровождали Генриха на всем его пути следования до центра города: Франция, Добродетель, Бессмертие, Честь, Паллада и Нептун, Удача и Богатство, Вера, Религия, Надежда, разнообразные силы природы, танцы сатиров и фавнов, нимфы рек Соны и Роны. Глазам короля представал некий грандиозный вселенский спектакль. Было замечено, что доминируют в убранстве города цвета Дианы, черный и белый, в то время как на следующий день для торжественного въезда королевы черно-белые тона заменили зеленым, излюбленным цветом Екатерины. В королевской карете, покрытой серебристым кастором, государыня и ее золовка Маргарита «настолько густо усыпаны драгоценными камнями, что кажутся скорее двумя звездами, чем женщинами». В нарядах чередовалась золотая и серебряная ткань с вышивкой. Следом, в открытом экипаже, обитом черным бархатом, ехала королева Наваррская со своей дочерью Жанной д'Альбре. Рядом на коне гарцевал жених принцессы Антуан Вандомский. Далее следовали дамы и фрейлины.

Столь продуманный порядок прохождения кортежа ловко отодвигал Диану на третье место после королевы и принцесс королевской крови. Впрочем, ее удаление было весьма относительным. У ворот города вновь появилась богиня Диана. Облаченная на сей раз в тафту и зеленый атлас, она поднесла своего механического льва Екатерине, и «зверь вскрыл себе грудь, показывая герб королевы в глубине сердца».

Мадам де Пуатье присутствовала на всех празднествах, театральных постановках, пирах и битвах кораблей на Соне, фейерверках и сражениях гладиаторов. Однако она страдала от того, что не может занять место, которое соответствовало бы ее истинному могуществу. Быть вдовой крупного сановника — недостаточно. Диане хотелось большего — получить собственный титул. Король мог его даровать, признав права Дианы на герцогство Валентинуа, которое Людовик XII некогда создал для Чезаре Борджа, объединив графства Ди и Валанс, проданные ему семейством Сен-Валье. Таким образом, Диана вновь завладела бы не только наследством, оставленным ее братом Гийомом, но и всеми землями, принадлежавшими когда-то ее семье. Такая милость была ей оказана во время празднеств в Лионе, однако, для того чтобы Диана могла в полной мере распорядиться этими владениями, Генрих приказал составить два патентных письма: оба документа, датированных 8 октября 1548 года, были вручены Диане в замке Сент-Андре-ан-Роаннэ, колыбели семьи королевского фаворита, принимавшего там двор ^[353].

Король начинал с напоминания о том, что вынесенный Парижским парламентом 16 января 1524 года против Жана де Пуатье, графа д'Альбон и Сен-Валье вердикт о конфискации всего имущества был аннулирован Франциском I. Диана де Пуатье, вдова Луи де Брезе, графа де Молеврие, — законная наследница своего отца вступала во владение этими землями. В том, что касалось поместий, оспариваемых Коронай, а именно графств Валанса и Ди, Генрих велел изучить права Дианы: Королевский совет признал их законными, равно как и превращение этих объединенных графств в герцогство Людовиком XII. Посему означенное герцогство было ей «дано, уступлено, оставлено, отведено», дабы в мире и покое пользоваться им до конца своих дней «без отчуждения какой-либо части, не требуя ничего взамен, кроме феодальной присяги и выполнения обязательств по отношению к суверену». Королевским чиновникам был дан приказ никоим образом тому не препятствовать.

Получив дарственные, Диана поспешила ознакомить с ними губернатора Дофинэ Франсуа д'Омаля, дабы ее право собственности

зарегистрировал парламент Гренобля, что и произошло 6 ноября. Помимо титула герцогини королевская фаворитка добилась, чтобы ее именовали также графиней д'Альбон и мадам де Сен-Валье, а ради пущей сохранности своих завоеваний она убедила короля подтвердить дар другими документами, составленными в Сен-Жермен-ан-Ле 28 апреля 1550 года и зарегистрированными Королевской палатой счетов 5 сентября 1551 года.

А еще ранее, 8 августа 1549 года, король объявил, что все вакантные должности королевских служащих в герцогстве Валентинуа будут замещаться по выбору герцогини.

Для управления своими дофинуазскими землями Диана отправила собственных представителей: Жану Валерне под руководством «капитана замка» Гийома Амазана было велено обеспечить ее восстановление в феодальных правах; двум нотариусам, Матье Крозе и Жаку Брюше, поручалось наблюдать за арендными соглашениями; судье-наместнику и прокурору-секретарю суда надлежало разбирать спорные дела. Во всем, что касалось ее прав, Диана была на редкость взыскательна: она устанавливала налоги как для купцов, привозивших товары на ярмарку в Сен-Николя, так и для простых возчиков; подтвердила свободы, дарованные общине Монтелимар; настаивала на возвращении земель, оставшихся без наследника; создала соляной склад в городе Сен-Валье в 1549 году ^[354].

Мало-помалу герцогство Валентинуа стало существенным источником доходов помимо тех, что приносили другие семейные владения. Денежные поступления, о которых Диана требовала подробнейших отчетов, позволяли ей поддерживать при дворе образ жизни, достойный столь высокого ранга. Уже получив титул герцогини, 20 октября она присутствовала в Мулене на свадьбе кузины короля Жанны д'Альбре и Антуана Бурбона ^[355]. После разрыва помолвки с герцогом Клевским принцессе предлагали немало выгодных партий, в том числе и старшего сына герцога де Гиза Франсуа д'Омаля. Но слишком гордая Жанна д'Альбре отвергла этого претендента на ее руку, ибо, по свидетельству посла Сен-Мориса, в этом случае ее золовкой стала бы дочь Дианы де Пуатье.

К своему удовольствию, герцогиня де Валентинуа вскоре могла наблюдать, как подобная гордыня была наказана: король Генрих отпраздновал свадьбу Франсуа д'Омаля и Анны д'Эсте, дочери Рене Французской и Эрколе II д'Эсте, герцога Феррары. Бракосочетание, сопровождавшееся пирами и турнирами, произошло 4 декабря 1548 года в

Сен-Жермен-ан-Ле. По контрасту со свадьбой Жанны д'Альбре, отмечавшейся весьма скромно, эти празднества были великолепны. Диана, родственница и союзница новобрачного, торжествовала^[356]. Коннетабль де Монморанси, не желая отставать, добился для своего племянника Франсуа д'Андело руки одной из самых богатых наследниц королевства — Клотильды де Рие. Эту свадьбу отпраздновали 9 декабря^[357]. И снова двор увлек вихрь развлечений, охот и игр. Король переезжал из одного замка в другой, по очереди принимая приглашения Гизов, коннетабля и Дианы. Королева не следовала за мужем. Она донашивала четвертое дитя. В воскресенье 3 февраля 1549 года в 4 часа утра она произвела на свет в Сен-Жермен-ан-Ле Людовика, который тотчас получил титул герцога Орлеанского. Крестили младенца 29 мая, и его крестным отцом стал король Португалии Хуан III, супруг сестры императора Екатерины Австрийской. Таким образом, церемония представила Габсбургам и Валуа возможность сблизиться^[358].

А в Риме блюститель интересов Франции кардинал дю Белле решил отпраздновать рождение маленького принца как событие, предвещавшее наступление новой эры — примирения и согласия^[359]. Он повелел устроить символическое сражение у стен деревянного замка 15 марта на площади Святых Апостолов. Одной группой войск командовал Горацио Фарнезе, другой — Асторре Бальони. После схватки вдруг явилась стайка юных женщин, по свидетельству хрониста Гийома Парадэга, «одетых, как нимфы». Они олицетворяли мирные радости, приходящие на смену воинским трудам. Эту прелестную группу вела за собой Диана. На лбу богини сверкал серебряный полумесяц. Белокурые волосы, рассыпавшиеся по плечам, украшал венок из лавра, роз, фиалок и других прекрасных цветов. Туника из алой узорчатой ткани пестрела вышивкой. Через грудь шла перевязь из леопардовой шкуры, поддерживавшая рог из слоновой кости и покрытый эмалью колчан, усыпанный драгоценными камнями. Богиня размахивала «посеребренным копьем», а нимфы натягивали тетивы своих «турецких луков». Девушки обошли всю площадь, держа на поводках борзых и дуя в рожки. По-видимому, это была попытка повторить охоту Дианы, показанную во время триумфального вступления короля в Лион. Внезапно, уточняет хроника, «одна из нимф, отстав от подруг, чтобы завязать ремешок сандалии, была похищена какими-то солдафонами, неожиданно выскочившими из замка». Диана и ее свита принялись сокрушаться. Их жалобы достигли слуха Горацио Фарнезе. Тот примчался вместе со своими войсками и, вняв стенаниям богини и нимф, осадил

замок, откуда в солдат швыряли «огненные горшки и копья». В конце концов пленную нимфу освободили, а на деревянной башне взвились знамена с гербами Генриха II, герцога Орлеанского и Горацио Фарнезе. Нельзя было с большей очевидностью показать, что все могущество короля — к услугам Дианы.

Итак, даже вдали от королевства польстить герцогине де Валентинуа считалось хорошим политическим ходом. Но и во Франции не было недостатка в предложениях воздать ей почести. В середине июня 1549 года предполагалось отметить торжественное вступление короля в Париж. Но сначала, как это предусматривалось традицией, надлежало устроить миропомазание и коронацию королевы, чтобы она могла вслед за своим супругом предстать перед жителями столицы со всеми атрибутами власти ^[360].

Генрих II и Екатерина отправились в Сен-Дени 8 июня, где королевскую чету принимал старый кардинал Луи Бурбон. На Троицу, в воскресенье 9-го числа, король исцелял золотушных в пределах аббатства. Неф главной церкви был великолепно расписан Филибером де Л'Ормом. В его середине 19 ступенек вели к возвышению, где расставили скамьи, а на самой вершине на платформе под балдахином установили трон для королевы. Трибуны были затянуты золотистым кастором, а балдахин и трон — голубовато-зеленым бархатом, усыпанным золотыми лилиями, ступени — алым бархатом с вышитыми на нем инициалами королевы, балюстрады — золотой и серебряной тканью.

Ближе к хорам над королевскими усыпальницами высились другие трибуны. Специальная эстрада предназначалась для дам, которым надлежало подавать во время мессы Святые Дары — вино, хлеб и серебро. Особая ложа с окнами, прикрытыми плетенкой из ивовых побегов, была обустроена так, чтобы позволить Генриху II наблюдать за церемонией незаметно для присутствующих: внутри этот маленький павильон украсили богатыми коврами и гобеленами, а снаружи — серебряной тканью и алым бархатом, на котором выделялись вытканные золотом и увенчанные короной инициалы Екатерины Медичи. Эта помпезная мизансцена имела целью почтить королеву и придворных дам, ибо церемония была поистине их праздником.

В первые послерассветные часы 10 июня Екатерина Медичи облачилась у себя в апартаментах в одеяния, приличествующие столь пышному ритуалу — впоследствии королева распорядится, чтобы именно такой ее представили на парадном ложе над гробницей: в горностаевой

накидке, в сверкающем брильянтами, рубинами, изумрудами и жемчугом корсаже, широкой юбке и длинной королевской мантии из сине-зеленого бархата, усыпанной золотыми королевскими лилиями.

В 11 часов молодые кардиналы Шарль Вандомский и Шарль де Гиз в сопровождении блестящего кортежа принцев и принцесс отправились за королевой в аббатство, дабы проводить ее в церковь. Коннетабль де Монморанси открывал шествие, помахивая изукрашенным золотом жезлом великого мажордома. По обе стороны от королевы шли кардиналы. Два принца крови, герцог Вандомский и граф д'Энгьен, поддерживали углы мантии. Две герцогини де Монпансье, «старшая и молодая», и принцесса де Ла Рош-сюр-Ион несли шлейф платья. Сразу за ними шествовала сестра короля Маргарита, затем — вдовствующие герцогини Вандомская, д'Эстутвиль и де Сен-Поль, потом — герцогини де Гиз и де Невер. В третьем ряду — Диана, герцогиня де Валентинуа, вместе с Анной д'Омаль. Виконт де Тюрэнн поддерживал шлейф плаща герцогини д'Омаль, а младший сын коннетабля де Монморанси Анри де Данвиль — шлейф плаща Дианы. Следующий ряд составляли супруга коннетабля и «Мадемуазель», Диана Французская, которой к тому времени исполнилось 11 лет. Последний ряд принцесс замыкали мадемуазель де Немур и маркиза де Майенн, то есть не кто иная, как Луиза де Брезе, дочь Дианы и супруга Клода де Гиза. Головы дам украшали герцогские и графские короны. На всех — плащи из сине-зеленого бархата, горностаевые накидки и множество драгоценных камней. Но Диана, как и вдовствующие герцогини, выделялась на общем фоне скромностью наряда «без каких-либо прикрас». Ее старшая дочь Франсуаза де Брезе, супруга маршала де Ла Марка, замыкала кортеж принцесс, как первая фрейлина королевы. Она была одета с особой роскошью, так как готовилась сыграть в предстоящей церемонии важную роль.

Королева взошла на хоры и преклонила колени перед главным алтарем. Кардинал Луи Бурбон, сопровождаемый архиепископом Вьенским и 22 епископами, поднес к ее губам реликварий. Екатерина заняла трон, а принцессы уселись на скамьи по обе стороны от нее: Диана и ее дочь маркиза де Майенн — на вершине возвышения справа от королевы, маленькая Диана Французская — слева, супруга маршала де Ла Марка — перед королевским тронном. После молитвы королева вновь опустилась на колени у главного алтаря. Кардинал Бурбон нанес священное миро на ее лоб и грудь, а затем передал кольцо, скипетр и десницу правосудия, а далее вместе с герцогом Вандомским и графом д'Энгьеном вознес над ее головой большую королевскую корону. Поскольку ритуальная корона слишком

тяжела, ее заменили более легкой, «сплошь покрытой брильянтами, рубинами и жемчугом величайшей цены и прелести». Принцы крови опять подвели королеву к трону, а юный принц де Конде, Людовик Вандомский, положил большую королевскую корону на скамеечку, поставленную перед супругой маршала де Ла Марка.

Кардинал Бурбон и помогавшие ему четверо епископов начали торжественную мессу. Мадам де Ла Марк передала «Мадемуазель» часослов королевы, а супруге коннетабля — молитвенник, и те поднесли их Екатерине. После «Credo»^[361] на возвышение поднялись три дамы со Святыми Дарами: это — супруга маршала де Сент-Андре, дочь верного итальянского союзника Франции графа Галеоццо Пико де Ла Мирандола и графиня де Сент-Эньян. Мадам де Ла Марк встретила их под королевским балдахином, дабы руководить вручением даров: супруга маршала де Сент-Андре передала позолоченный хлеб герцогине де Гиз, а посеребрянный — молодой герцогине Неверской; Сильвия Пико вручила сосуд вина герцогине д'Омаль, а графиня де Сент-Эньян протянула свечу из девственного воска с прикрепленными к ней 13 золотыми монетами герцогине де Валентинуа. Четыре дамы окружили Екатерину, и все вместе они прошествовали к столику у главного алтаря, дабы возложить дары.

Эта часть церемонии — единственный момент во время мессы, когда дамы выполняют квазилитургические обязанности. Их избрание, как и выбор пэров при коронации короля, — знак высочайшей милости. Диана де Пуатье, оказавшаяся в числе счастливых, удостоилась тем более высокой чести, что рядом с ней стояли две дочери, тоже вознесенные на самую вершину аристократической иерархии, к самому трону королевы. Таким образом, миропомазание Екатерины Медичи стало и триумфом Дианы. С притворной скромностью герцогиня де Валентинуа в элегантных черно-белых одеждах — цветах ее вдовства, но также и цветах короля — величаво плыла к главному алтарю, с хорошо продуманной медлительностью мимо ложи с зашторенными окнами, откуда, как ей было известно, наблюдал король. После финального благословения кортеж вновь собрался за спиной коннетабля и вернулся в аббатство. Один из герольдов-щитоносцев воскликнул: «Щедрость!», а казначей королевы начал швырять в сторону толпы, собравшейся в нефе, золотые и серебряные монеты.

За миропомазанием королевы 16 июня последовал торжественный вход короля в Париж^[362]. Начинаясь он, как и лионский, процессиями представителей разных ремесел и чиновников, а затем последовал большой королевский парад во главе с коннетаблем и двумя маршалами, Жаком де

Сент-Андре и Робером де Ла Марком, зятем Дианы. Второй ее зять, Клод де Майенн, обладал привилегией вместе со своим братом Омалем идти подле короля вместе с принцами королевской крови.

Вдоль пути следования королевского кортежа изобиловали символы, напоминавшие об узах, что связывают суверена с народом. Это и галльский Геракл у ворот Сен-Дени, и Юпитер возле фонтана Понсо, и Франция, торжествующая над фавнами перед церковью Сен-Сепюлькр. Разумеется, убранство фонтана, установленного у стены кладбища Невинных младенцев, могло содержать деликатный намек на Диану. Но если античные туники нимф ручьев и напоминали одеяния спутниц богини, приветствовавших двор в Лионе и Риме, то на этом сходство кончалось. На мосту Нотр-Дам фигуры Солнца и Луны — короля и Дианы — сопровождал образ Ириды, посланницы богини Юноны, чей атрибут — радугу — королева Екатерина повелела начертать на своем гербе.

Возможно, парижские эшевены нарочно проявили осмотрительность в воплощении особ королевской триады. Впрочем, на следующий день после торжественного входа короля в столицу тот же путь проделала королева, и в ее свите можно было увидеть Гизов, Монморанси и Диану. Коннетабль скакал верхом рядом с королевской каретой, а Диана — на белой кобылице — в восьмом ряду. Перед ней ехала герцогиня д'Омаль, а следом — «Мадемуазель» Диана Французская. Супруга маршала де Ла Марка, будучи первой фрейлиной королевы, опережала десять дам из знатнейших семейств.

Желание парижан побережь чувствительность королевы проявилось и в убранстве ристалищ, подготовленных для турниров у дворца Турнель. Королевскую трибуну украшали буква «Н» и двойное «С», хотя всадники въезжали во двор под триумфальной аркой в форме гигантской «Н», усеянной полумесяцами и другими «Н», пересеченными двойными «D».

Вступление в Париж совпало с ужесточением королевской политики. Генрих II решил покончить с протестантами: главным инструментом их преследования стала созданная в Парижском парламенте Огненная палата. Вскоре оправдание виновников водуазской резни барона д'Оппеда и Антуана де Ла Гарда, капитана Полена, ознаменовало окончательный поворот Короны к репрессивной политике, которую поддерживала Диана. Дабы недвусмысленно выразить свое мнение, она участвовала в торжественной процессии 4 июля, завершившей парижские празднества, и присутствовала при поджигании костров, уготованных еретикам. Одним из протестантов, которым предстояло сгореть на глазах короля, был портной, принадлежавший к ее собственному дому. За несколько дней до того

Генрих присутствовал при допросе его епископом Маконским Пьером де Шателем. Диана попыталась выступить в защиту своего челядинца и в ответ услышала от него сокрушительную отповедь: «Довольствуйтесь тем, мадам, что отравили всю Францию, но не пытайтесь смешивать яд свой и грязь с такими святыми вещами, как истинная религия и правда Господа Нашего Иисуса Христа». Король не простил оскорбления и предал этого человека суду за преступление против религии. Сохранив мужество до самого конца, портной так и не изменил своей вере. Когда с вершины костра он заметил Генриха II, то вперил в него такой пристальный взгляд, что королю пришлось покинуть окно, откуда он наблюдал за происходящим. Эта сцена настолько смутила монарха, что образ казненного преследовал его повсюду и несколько ночей подряд его терзали кошмары ^[363].

Диана отнюдь не проявила подобной чувствительности. Не собиралась она скорбеть и о судьбе несчастного, капитулировавшего перед англичанами, защитника Булони маршала Удара дю Бие: разве не его маршальский жезл унаследовал Клод де Майенн? Дю Бие был приговорен к смерти вместе со своим зятем Жаком де Куси, сеньором де Вервеном. В тот самый момент, 1 июля 1549 года, когда заканчивались празднования в честь торжественного входа короля и королевы в Париж, на рыночной площади бедняге Вервену отрубили голову, которую отвезли в Булонь и насадили на кол, обратив лицом к городу. Тело же разрубили на четыре части и тоже отправили в провинцию Булонне, дабы выставить на укреплениях важнейших городов — Ардра, Корби, Дуллана и Монтрей-сюр-Мер. Дю Бие, к счастью, не казнили ^[364]. Вскоре после казни Вервена король узнал, что тот был осужден на основе ложных показаний. Признав истинность новых фактов, монарх повелел освободить дю Бие и вернуть сыну Вервена конфискованное у его отца имущество. Эта трагическая судебная ошибка побудила Генриха возобновить осаду Булони и попытаться одержать победу там, где он тщетно сражался, будучи дофином. Победа не только прославила бы его важным свершением, но и доставила бы удовольствие королеве Екатерине, так как графство Булонь в 1477 году уступил Людовику XI один из предков Екатерины Медичи граф Бертран II Овернский в обмен на графство Лораге и пользование «правом сбора» (то есть таможенных сборов, взимаемых в Каркассоне). Королева не забывала о славных булонских корнях, соединявших ее с династией Каролингов и Годфруа Буйонским, а потому могла лишь поддержать намерение Генриха отправиться в поход. Диана же считала, что это дело

касается ее лишь в той мере, в какой даст возможность дому Гизов в лице Франсуа д'Омаля стяжать военную славу. Однако она не хотела вкладывать в кампанию деньги и, как мы помним, даже подала в суд на военного инженера, посмеявшего рубить деревья в одном из ее лесов для строительства осадной машины. Однако волей-неволей приходилось признать, что король считает это дело невероятно важным, и ради него королевская армия и ее вожди, Монморанси и Омаль, равно как и флот под командованием кузена королевы Екатерины Леоне Строцци, отважно тратили силы и средства.

Военные операции, проводившиеся с августа 1549-го по весну 1550 года, порой — под непосредственным командованием короля, по счастью, привели к благополучному разрешению ^[365]. Англичане согласились на переговоры о возвращении Булони за крупную сумму — 400 тысяч экю, как частичное возмещение займа в 2 миллиона, данного Генрихом VIII Франциску I для уплаты выкупа Карлу V. Кроме того, предполагалось, что Елизавета, старшая дочь Генриха II, выйдет замуж за Эдуарда VI, принеся в приданое 300 тысяч экю и ежегодную выплату еще в 50 тысяч экю.

Мир был подписан 24 марта 1550 года, причем договор включал и Шотландию. Для Генриха II это стало крупным успехом. В обмен на уплату половины оговоренной суммы англичане покинули Булонь 25 апреля. Антуан де Ла Рошпо, брат коннетабля, и его племянник Гаспар де Колиньи приняли ключи от города и крепостей. А вот Франсуа д'Омаль не принимал в этом участия. 17 марта его срочно вызвали в Жуанвиль. Отец Омалья Клод де Гиз умер, хотя ему исполнилось всего 53 года. Франсуа, в свою очередь, получил 12 апреля титул герцога Гиза. Другого великого организатора победы, Монморанси, тоже не было в Булони. Он сопровождал короля в Амьен, где им предстояло ратифицировать договор с англичанами. Генрих II передал 3 апреля заложников, которым предстояло оставаться в Англии до полной уплаты суммы, обещанной их монархом. То были шестеро знатных вельмож: два принца крови — Жан Бурбон, граф Энгьенский, и Луи де Вандом, видам Шартрский; два представителя семейства Монморанси — Франсуа де Монморанси, старший сын коннетабля, и Луи де Ла Тремуй, его зять: наконец, Ла Юнода, сын адмирала д'Аннебо, и Клод де Майенн, зять Дианы, представлявший своего брата Франсуа де Гиза ^[366].

Наконец, 15 мая 1550 года, в день Вознесения, король торжественно вступил в отвоеванную Булонь. По обету, данному еще в 1547 году, он почтил подношениями Пресвятую Деву. На месте древней часовни для

паломников, разрушенной англичанами, поспешно раскинули шатер. Генрих установил там образ Божией Матери, сидящей в лодке, сделанный из литого серебра, высотой около метра и весом 120 марк^[367]. Это изображение должно было заменить статую, увезенную англичанами. У ног Девы Генрих поставил четыре большие серебряные лампы, золотое сердце и закрытую корону, сработанную из 17 золотых колец.

Екатерина не сопровождала супруга, так как близилась к концу ее очередная беременность, но она тоже принесла церкви дары: полный набор церковной утвари из чистого золота, массивную серебряную лампу, литургические украшения и алтарные ризы из золотой и серебряной парчи. Придворные поспешили присовокупить к королевским подношениям свои: Диана пожертвовала лампу, а маркиза д'Эльбеф — серебряную табличку. Маршал де Сент-Андре, коннетабль де Монморанси и Франсуа Лотарингский, новый герцог Гиз, поднесли серебряные лампы, украшенные их гербами. Было замечено, что дар Гиза — наиболее роскошен, возможно, во исполнение обета, принесенного в тот день, когда герцог заработал свой прославленный шрам^[368].

Вскоре после этого заложники вернулись из Англии, с триумфом везя с собой древнюю статую часовни пилигримов. Ей предстояло украсить новую церковь — памятник сопротивления французам иноземным захватчикам. Возблагодарив Пресвятую Деву за победу, Генрих вернулся в Сен-Жермен-ан-Ле 29 мая, а 27 июня 1550 года он присутствовал при рождении там своего пятого ребенка, Карла-Максимилиана^[369]. Во время полуторамесячного пребывания в замке (для короля — исключительно долгий срок оседлой жизни) Генрих часто навещал детей. На самом деле его притягивало туда очарование гувернантки маленькой королевы Шотландии.

Джейн Флеминг, незаконнорожденная дочь Якова IV Шотландского, деда Марии Стюарт, была красивой женщиной лет тридцати и матерью троих детей: Джона, Анны и Марии. Генриха весьма прельщали ее белокурые волосы и бело-розовая кожа. Леди Флеминг могла свободно отвечать на авансы короля в Сен-Жермен, когда ни королева, ни Диана не наблюдали за ними^[370]. Первая еще не оправилась после родов. Вторая в Роморантене лечила перелом ноги, вызванный неудачным падением с лошади.

Переписка герцогини де Валентинуа показывает, что она никак не ожидала неверности со стороны короля, а, напротив, со спокойной душой радела о своих собственных делах. Диана сообщила 5 июня о своих

пожеланиях послу в Риме Клоду д'Юрфе и кардиналу Жану дю Белле: ей хотелось, чтобы папа признал существовавшие у нее права на графство Кьюзи, расположенное вдоль берега озера Перуза^[371], и поспешил с отправкой буллы на бенефиции от аббатства Сен-Дезир в Лизье для ее маленькой племянницы Марии де Бриквиль. После несчастного случая Диане пришлось безвыездно сидеть в Роморантене, и она занималась проверкой счетов за вырубку леса и поступлениями арендной платы вместе со своим кузеном Рене де Батарне, графом де Бушаж, которому незадолго до того купила имение Рувере в Турени^[372]. Она послала соболезнования мадам д'Юмьер 18 июля по поводу смерти мужа^[373], потом вернулась в Ане, где к ней на десять дней присоединился король, прежде чем снова в одиночку уехать в Сен-Жермен-ан-Ле.

Вскоре после этого Диана узнала от Гизов, что коннетабль Монморанси часто видится в Сен-Жермен с гувернанткой их племянницы, маленькой королевы Шотландии: по-видимому, Монморанси ухаживает за ней «и даже заходит намного дальше». Диана тотчас передала герцогу и кардиналу ключ от двери, «каковую надобно миновать, дабы проникнуть к этой особе». В тот момент, когда Гизы рассчитывали поймать коннетабля с поличным, обнаружилось, что он не один посещает эти апартаменты: вместе с ним приходит и король. Стало быть, Монморанси служил лишь наперсником. Это было уже серьезно. Узнав новость, герцогиня де Валентинуа решила собственными глазами взглянуть, что происходит. Она поспешно прибыла в Сен-Жермен и ночью спряталась у двери. Как только Генрих и Монморанси переступили порог, она внезапно предстала перед ними. «Ах, сир! — воскликнула герцогиня. — Откуда идете вы? Что это за предательство и какое оскорбление наносите вы господам де Гизам, вашим столь преданным и любимым слугам, королеве и своему сыну, которому предстоит жениться на девушке, что состоит под опекой сей дамы! О себе я не говорю ни слова, поскольку люблю вас, как всегда любила, с честью». Этот рассказ и обмен репликами действующих лиц были воспроизведены в депеше, отправленной в Феррару послом Альваротто, человеком, всегда отлично информированным.

Генрих уклонился от прямого ответа: «Тут нет никакого зла, сударыня, я пришел всего лишь ради приятной беседы». Эти слабые возражения свидетельствовали о крайнем смущении короля и ставили Диану в наиболее выгодное положение. Она почувствовала, что может этим воспользоваться. И тут ее гнев обрушился на коннетабля: «А вы? Неужто вы настолько злы, что не только попустительствуете греху, но и толкаете

короля к подобным поступкам! И не стыдно ль вам так оскорблять господ Гизов и меня, притом сколь ревностно содействовали мы вашему успеху во мнении его величества!» Диана осыпала Монморанси проклятиями. Она более не желала слышать от него ни единого слова. Запретила показываться на глаза. Король робко пытался успокоить возлюбленную, но она кричала, что гнусный поступок коннетабля наносит вред самой Короне. Разве не может случиться, что, когда речь пойдет о браке дофина с Марией Стюарт, принц отвергнет этот союз, сославшись на то, что девушку воспитывала потаскуха?

Король вдруг осознал, что рискует настроить против себя Лотарингский клан, и принялся настоятельнейшим образом умолять Диану ничего им не рассказывать. Та, естественно, и не думала признавать, что именно они и обнаружили его тайну. Куда выгоднее было представить своих союзников невинными жертвами.

Слишком верный дружбе, чтобы надолго лишиться общества Монморанси, одного из творцов Булонской победы, король вскоре попытался примирить герцогиню и коннетабля. Но, несмотря на скандал, он не покинул и леди Флеминг. Просто в течение нескольких дней Генрих чередовал визиты к шотландке с посещениями супружеской опочивальни. Екатерина выиграла от этой истории, получив раскаивающегося мужа, от которого понесла в декабре, почти одновременно с Джейн Флеминг: в свое время шотландка родит сына и назовет его Генрихом в честь отца, а случится это весной 1551 года, незадолго до рождения нового законного сына Генриха и Екатерины — Эдуарда-Александра, плода королевских стараний загладить вину перед женой и Дианой ^[374].

По свидетельству Брантома, Джейн Флеминг не могла скрыть торжества: «Я сделала все, что могла, и так хорошо, что, благодарение Богу, забеременела от короля, чем безмерно счастлива, ибо усматриваю в том великую честь. И я могла бы сказать, что королевская кровь имеет, уж не знаю, какой более пленительный и лакомый вкус, нежели любая другая, настолько хорошо я себя чувствую, не говоря уже о всяких милых маленьких подарках, которые из сего проистекают». Но как бы Джейн ни гордилась своим положением, удачи оно не принесло: Диана и королева дали ей возможность родить, а потом добились изгнания от двора, где, однако, остался маленький бастард Генрих де Валуа. Последний стал шевалье д'Ангулемом, великим приором Франции, и воспитывался вместе с прочими королевскими детьми ^[375].

Вскоре после того как обнаружилась связь короля с шотландкой, весь

двор по высочайшему приказу отбыл в Руан: этот дорогой Диане город Генрих избрал для празднования Булонской победы над англичанами.

Король прибыл на место 27 сентября в сопровождении королевы, принцев и принцесс. В числе последних была и Диана с дочерьми ^[376]. В пригороде Сен-Север 1 октября началось традиционное дефиле представителей разных ремесел, клерков, буржуа и членов магистратуры. Носильщики, наряженные как античные воины, передвигали макеты фортов, отвоеванных у англичан. «Колесница Славы» являла собой аллегорическое изображение победы короля. На троне второй колесницы восседала «Веста, богиня религии», а за ней следовал гигант-носильщик со статуей Пресвятой Девы, дабы напомнить всем о восстановлении святилища в Булони. Наконец, «Колесница Счастливой Судьбы» везла двойника Генриха II в окружении детей. За ними на коне ехал молодой человек, выбранный за внешнее сходство с дофином Франциском.

Так Руан подчеркнул истинно патриотические ценности — религию и семью. Живые картины, которыми далее восхищался король, — «Аполлон и Музы», «Геракл», «Бразильцы на берегу Сены», «Морское сражение», «Благие деяния короля-законодателя», — прославляли Францию, мировую монархию, мать искусств, воинской доблести и законов. В последней сцене превозносился «Апофеоз, или Канонизация Франциска I». Само собой, если в этой сцене изображался его отец, Генрих мог усмотреть и намек на самого себя, явленного в образе монарха в окружении двух персонажей: Достопамята (воспоминание о добрых и добродетельных поступках) и нимфы Эгении — «тайной советницы, — как говорилось во вводной брошюре, — римского короля Нумы Помпилия». Эта фигура многомудрой девы могла быть аллегорическим воплощением Дианы, которая таким образом из скромных фавориток возносилась до положения августейшей вдохновительницы престола.

Следом за королем 2 октября в город торжественно вступила Екатерина. В окружении своих придворных дам, среди которых заняла свое место и Диана де Пуатье, королева шествовала под балдахин, украшенным ее эмблемой — радугой вестницы Ириды под греческим девизом, который брошюра переводит следующим образом: «От отчаяния — к доброй надежде». Диана могла бы присвоить этот девиз с тем же основанием, что и королева. И в самом деле, недавняя история с любовными играми короля и леди Флеминг позволила обеим дамам, словно повинувшись воле Провидения, заключить весьма эффективный союз, что дало им возможность сообща управлять слабохарактерным сувереном.

Глава III

ВЫГОДЫ ОТ ИНТРИГ И СРАЖЕНИЙ

Провал стратегического плана коннетабля, то есть попытки заменить Диану красавицей леди Флеминг, вынудил короля держать его в отдалении, дабы потрафить герцогине Валентинуа. Придворные трусливо отвернулись от побежденного. Во время путешествия по Нормандии кардинал Вандомский устроил пир в честь короля. По свидетельству посла Феррары Альваротто, Генрих II отправился на охоту, проскакал за оленем десять лье и вернулся лишь около девяти вечера. Гости кардинала сели за стол, но никто не пригласил коннетабля, и тот удалился в свою комнату. Там Монморанси пришлось ждать государя, который по возвращении соблаговолил разделить с ним ужин ^[377].

Так коннетабль, избегаемый всеми, кроме короля, жестоко расплачивался за неудачу. Власть Дианы, судя по всему, достигла апогея. Альваротто в письме от 15 декабря 1550 года объясняет, каким образом она управлялась с делами:

«Гизы узнают обо всем благодаря мадам де Валентинуа, от которой король не имеет секретов, и коннетабль, несмотря на все свои старания, никогда не мог добиться, чтобы его величество не рассказывал ей обо всем. Герцогиня не может почти ничего делать своею властью, но суцая правда, что король ее боится. Королева с ней очень дружна и желает только добра, ибо по настоянию герцогини король спит в супружеской постели куда чаще, чем делал бы это по собственной воле» ^[378].

Существовали и другие причины, объясняющие сближение двух женщин. Екатерине пришлось прибегнуть к услугам Дианы в организации похорон маленького герцога Орлеанского, умершего в октябре 1550 года. Правда, как великий мажордом королевских замков, ими занимался и Монморанси. Но именно в Мони, у дочери Дианы Луизы де Брезе, король и королева укрылись в ноябре, дабы погрузиться в тиши. А тем временем герцогиня Валентинуа взяла на себя заботы о дезинфекции мебели, вещей и слуг юного усопшего в доме его брата дофина ^[379].

Вскоре у Дианы появился надежный корреспондент, сообщавший ей все новости о королевских детях: это был Клод д'Юрфе, в 1550 году назначенный гувернером дофина. Бывший посол при консуле Тренто, высокопоставленный сановник посольства при Святом престоле, он был душой и телом предан герцогине, чьи права на графство Кьюзи и

побережье озера Перуза некогда отстаивал^[380]. Тогда, в 1550 году, Диана главным образом блюла как собственные интересы, так и выгоды своих дочерей, особенно в том, что касалось наследства ее брата Гийома. Но охотно принимала и все, что доставалось ей сверх того. Король 17 января 1551 года подарил Диане 5500 ливров из доходов владения Малеон-де-Суль и сенешальства Ланд «в награду, — как писал он, — за добрые, приятные и полезные услуги, оказанные ею ранее нашей дражайшей и любимейшей спутнице королеве»^[381]. О получении этой суммы свидетельствуют две квитанции, подписанные Дианой 31 января 1551 года^[382]. Этот дар вознаграждал Диану за то, что она выступала посредницей между королевой и гувернанткой детей мадам д'Юмьер во всем, что касалось здоровья и развития принцев. Так, 11 мая 1551 года она передала мадам д'Юмьер мнение Екатерины о том, что «ночью мадам Клотильда почувствовала себя дурно из-за кашля... Эта болезнь совсем не опасна, учитывая то обстоятельство, что у госпожи ее старшей сестры [Елизаветы] бывали такие же приступы»^[383]. Диана, узнав 20 мая от мадам д'Юмьер о трудностях с питанием годовалого Карла-Максимилиана, сочла, что виной тому качество молока кормилицы: «Мне кажется, если бы вы давали ей сидр или пиво, это бы весьма освежило ее [...]. Думаю, врачи согласятся с таким мнением»^[384]. В конце концов решили сменить кормилицу, и Диана полностью поддержала тут королеву. В июне перемена произошла, и ребенок стал чувствовать себя настолько хорошо, что новую кормилицу оставили и для других маленьких принцев^[385].

Такую заботу герцогиня Валентинуа проявляла не только об отпрысках королевского дома, но и о своих собственных потомках, равно как и о чадах «свойственника» герцога Франсуа де Гиза: Антуанетте де Бурбон, вдове герцога Клода де Гиза, она послала поздравления по поводу появления на свет ее внучки Катрин-Мари 18 июля 1551 года^[386]. А в сентябре Диана даже возобновила отношения с коннетаблем, когда тот принимал в Экуане маленьких принцев^[387]. Король с королевой жили в то время в Ане, где Генрих предавался радостям охоты, пока Диана надзидала за своими каменщиками, ибо строительство ее нового жилища шло полным ходом. В октябре суверен, счастливый примирением двух ближайших друзей, покинул Ане, чтобы провести несколько дней в Шантийи, о чем Монморанси любезно уведомил Диану. «Вы пишете мне, — отвечала она, — что нашли короля пополневшим. Думаю, в Ваших руках он отнюдь не станет худее, принимая во внимание добрую пищу, которой, насколько мне

стало известно, Вы его потчуете» ^[388].

Это показательное примирение совпало с новым потоком королевских милостей к Монморанси: последний изо всех сил старался наверстать все, как он полагал, упущенное, на пути к почестям по сравнению с Гизами.

Успехи соперников коннетабля и впрямь впечатляли. Франсуа д'Омаль после смерти своего отца 12 апреля 1550 года стал герцогом Гизом и пэром. Шарль, кардинал Гиз, получил титул кардинала Лотарингского после смерти своего дяди Иоанна, скоропостижно скончавшегося 18 мая 1550 года. Оба старших брата передали прежние титулы младшим. Так, с 1550 года зять Дианы Клод, маркиз де Майенн, стал именоваться герцогом и пэром д'Омалем. Вскоре после этого его брат Людовик, архиепископ Санский, избранный кардиналом в 1552 году, в свою очередь, получил титул кардинала Гиза. Франсуа в 1549 году стал великим приором Мальты, а в 1552 году — назначен генералом и получил командование всеми галерами Франции. Еще один брат — Рене, маркиз д'Эльбеф, впоследствии унаследовал эту должность. Столь стремительное возвышение не заслоняло того факта, что их сестра Мария была вдовствующей королевой Шотландии, а ее дочери Марии Стюарт предстояло в один прекрасный день стать французской королевой ^[389].

Наиболее зримым и трудно переносимым свидетельством успеха Гизов для Монморанси было то, что старшие из них все активнее прибирали к рукам престижные чины и звания. Так, Франсуа был обер-егермейстером, великим камергером Франции, губернатором Дофинэ и Савойи, а Клод — губернатором Бургундии. Честолюбие толкало Гизов к тому, чтобы добиваться признания их принцами как членов иностранного правящего дома. Монморанси этому противился, опираясь на магистрат.

Разумеется, упомянутый титул уже был им предоставлен за любезности, как принцам Клевским-Неверским, Савойским-Немурским или Орлеанским-Лонгвилям. Однако лотарингцы хотели еще, чтобы парламент признал их законные права на этот титул, которыми обладали принцы королевской крови Франции — Валуа и Бурбоны. Когда первый президент парламента, друг Монморанси Лизе, отклонил это требование, Гизы добились его смещения и замены президентом Ле Мэтром, будущим гонителем гугенотов. Потом, сочтя недостаточно податливым канцлера Оливье, они под предлогом приступа гемиплегии добились в мае 1551 года передачи печатей Жану Бертрану, чиновнику, преданному Диане ^[390].

Маневры Гизов велись при поддержке герцогини. Однако коннетабль вскоре вернул себе достаточную власть, чтобы их провалить. И в самом

деле, как следствие Булонского договора, он установил основы прочного согласия с англичанами. Монморанси сумел убедить англичан в мирных намерениях Франции как в Шотландии (несмотря на связи Короны с Марией Стюарт), так и на территории Кале. Вследствие этого примирения весной 1551 года короли Франции и Англии обменялись пышными посольствами, дабы посвятить друг друга в кавалеры высших орденов своих государств. Маршал де Сент-Андре доставил Эдуарду VI ленту Святого Михаила, а маркиз Нортгемптон передал Генриху II знак кавалера ордена Святого Георгия — Подвязку.

Все церемонии устраивал Монморанси. В июне 1551 года он принимал у себя в замке Шатобриан и двор, и английского посла. Коль скоро англичане не могли получить маленькую королеву Шотландии, воспитываемую во Франции и обрученную с дофином, лорд Нортгемптон добился для своего короля руки мадам Елизаветы Французской, тогда — шестилетней девочки, чье приданое достигало 200 тысяч крон. Об условиях этого брака договорились в Анжере 19 июля 1551 года. А так как Екатерина была в шестой раз беременна, король Англии согласился стать крестным отцом будущего ребенка. Последний родился 20 сентября 1551 года и при крещении был наречен Эдуардом-Александром ^[391].

В награду за столь плодотворную дипломатическую деятельность Монморанси получил от короля титул пэра, наконец уравнивший его с Гизами: в июле ему вручили патентные грамоты, составленные Генрихом II в Королевском совете, где присутствовали кардинал Лотарингский, Хранитель Печатей Бертран и маршал де Ла Марк, то есть представители Гизов и Дианы ^[392].

Баронство де Монморанси, первое баронство королевства, было возведено в ранг герцогства-пэрии Франции. Оно включало в себя громадные земельные владения коннетабля, за исключением Экуана, удела, зависимого от аббатства Сен-Дени. Новое пэрство было девятым во Франции, и его появление вызвало некоторое смятение в рядах чиновников, которым надлежало ревностно хранить обычаи. Между тем по обычаю могло быть лишь шесть мирских пэрств. Но королева Наваррская и император, каждый из которых имел по два пэрства, не могли рассматриваться как пэры собственно Франции, одна — из-за принадлежности к слабому полу, другой — из-за статуса иностранного суверена и врага. А поскольку младший из герцогов Клевских в одиночку владел двумя пэрствами — Неверским и д'Ё, Монморанси и впрямь становился шестым пэром-мирянном после герцогов Вандомского,

Неверского, де Гиза, де Монпансье и д'Омаля^[393].

Возвышение коннетабля принесло немалые выгоды целой веренице родственников ему знатных дворян: в том числе его родным племянникам кардиналу Одэ де Шатийону, Гаспару де Колиньи, в то время — генерал-полковнику от инфантерии, и младшему Франсуа д'Андело, а также и другим племянникам — со стороны супруги: графу Танду, губернатору и адмиралу Прованса, и графу де Виллару, военачальнику при губернаторе Лангедока. Сестры коннетабля вышли замуж: одна — за графа де Бриенна из Люксембургского дома, вторая — за Рене де Батарне, графа де Бушажа, родственника Дианы де Пуатье, с которым та постоянно вела те или иные дела^[394].

Новый поток милостей основывался как на старой дружбе и братстве по оружию, связывавших коннетабля с Генрихом II, так и на теплых отношениях, которые он сумел установить с королевской семьей. По примеру Дианы Монморанси бдительно следил за благополучием королевских детей. Такая преданность обернулась тем, что в 1554 году коннетабля вместе с кардиналом Лотарингским избрали крестным отцом восьмого сына короля, Франсуа-Эркюля д'Алансона. Его переписка с гвернером и гвернанткой детей в точности совпадает с корреспонденцией герцогини де Валентинуа^[395]. Как в свое время он давал Екатерине советы насчет снадобий от бесплодия, так теперь Монморанси рекомендовал способы лечения краснухи мадам Елизаветы и насморка дофина. Его рассуждения насчет смены кормилицы или медицинские рекомендации чередовались с назиданиями: впрочем, коннетабль имел немалый опыт отцовства, поскольку вырастил 11 детей. Он прекрасно понимал, что эти труды обеспечивают ему доверие короля, очень любящего родителя, и Екатерины, очень заботливой матери. В то время как Диана брала на себя хлопоты о повседневных нуждах, он старался принести маленьким принцам радость и комфорт. Во время путешествий коннетабль снабжал их лошадьми, каретами, повозками. Портному своей жены он поручал шить корсажи для маленьких принцесс. В ответ коннетабль получал свидетельства нежной привязанности. Одни называли его «мой муж», другие «моя жена». Мадам Клотильда требовала у Монморанси «маленьких куколок» — кавалеров и дам. Дофин просил его назначить командующего для своих войск: коннетабль выбрал сына господина д'Юмьера. Стараясь развлечь детей, он приглашал к ним пожить молодых иностранных вельмож — например, сына графа де Ла Мирандола, сына герцога Мантуанского Луиса де Гонзаго, которому предстояло унаследовать

герцогство Неверское, а еще маленькую королеву Шотландии Марию Стюарт. Так ради блага королевской семьи между Дианой и Монморанси снова установилось согласие.

Венецианский посол Лоренцо Контарини в конце своего трехлетнего пребывания во Франции набросал портреты важнейших персон двора ^[396].

«Генрих II, — писал он, — которому сейчас 32 года и восемь или девять месяцев, — высок ростом и в меру толст, а волосом черен. У него красивый лоб, живые черные глаза, крупный нос, рот ничем не примечательный и борода клинышком длиной не более двух пальцев. Купно сие являет собою весьма представительный облик и дышит спокойным величием. Сложения он могучего, а потому — большой любитель телесных упражнений [...]. Короля отличает столь явная природная доброта, что в сем отношении с ним невозможно сравнить ни одного принца, даже если поискать такового во временах крайне отдаленных. Король жаждет добра, много над ним трудится и никому не отказывает в аудиенции. Во время трапезы ему постоянно рассказывают о личных делах, государь же выслушивает всех и на все отвечает самым куртуазным манером. Никто не видит его во гневе, разве что иногда во время охоты, когда приключится нечто досадное, да и то король не употребляет грубых слов. А потому можно сказать, что благодаря своему характеру он и впрямь очень любим [...].

Отличается он и определенной воздержанностью, ибо в том, что касаясь до наслаждений плоти, коли мы сравним нынешнего монарха с покойным его отцом или некоторыми другими ныне усопшими владыками, то с твердостью заявим, что Генрих II весьма целомудрен и вдобавок обставляет свои дела так, чтобы никто не мог болтать лишнего, — достоинство, коим никак не отличался король Франциск. Впрочем, и двор, который был тогда одним из самых беспутных, ныне довольно-таки благопристойен [...].

Его Величество ест и пьет очень умеренно... Еще он слывет гораздо менее щедрым и блестящим монархом, чем был его отец, — возможно сие проистекает оттого, что Генрих II дарует многое немногим. Так единым махом он предоставил герцогине де Валентинуа право надзора за всеми должностями королевства, получаемыми от нового короля за определенную плату, благодаря

чему она извлекла 100 тысяч экую прибыли, а то и больше. Также и месье де Гизу, коннетаблю и маршалу де Сент-Андре король отписал две церковные десятины, приносящие 800 тысяч франков [...].

Его Величество жаждет расширить свои земли... Надо сказать, что многочисленность потомства порождает честолюбивые мечты о новых завоеваниях, дабы каждому оставить великий удел, не урезав владений Короны, в противном случае при обычном порядке наследования сии вельможи стали бы довольно бедными сеньорами [...].

Не пренебрегает король и религиозным долгом, ежедневно посещает мессу, в праздники присутствует на вечерней службе и в определенное время года участвует в процессиях, и каждый из основных праздников приносит пожертвования, всякий раз с бесконечным терпением и преданностью прикасаясь к бесчисленным больным, страдающим золотухой, которые уверяют, будто одно прикосновение короля дарует им исцеление [...]. Король обладает природным умом и обширной памятью. Он прекрасно говорит по-французски, по-итальянски и по-испански, однако не слишком великий грамотей и разве что умеет читать и писать [...].

Король-отец при жизни не очень его любил и не только не приобщал к тонкостям управления государством, но и в тайный совет не приглашал, так что четыре года назад Генрих II получил трон, с позволения сказать, не имея никакого надлежащего понятия о том, как управлять столь обширным королевством. А потому король полностью доверился коннетаблю, который и делал, и делает все.

Коннетабль, вне всяких сомнений, для того чтобы удержаться на подобной высоте, старается не давать королю повода чрезмерно вникать в дела управления^[397], паче того, обращается с ним в столь своеобразной манере, что в результате монарх не слишком уверен в своих способностях. А потому доселе в обычае (коннетабль установил его сразу), чтобы послы, желающие побеседовать с королем, прежде шли к его министру и объясняли бы, с какой целью просят аудиенции. После чего онный коннетабль отправляется к Его Величеству, излагает тему беседы и подсказывает, что надобно отвечать. Министру явно желательно

таким образом держать короля как бы под опекою, чего ради он побуждает монарха к постоянным телесным экзерсисам, уверяя, будто сие помешает ему не в меру растолстеть, чего король сильно опасается. Тем не менее видно, как день ото дня Генрих II все более стремится действовать по собственному почину».

Далее следовали портреты королевы Екатерины, дофина, принцессы Маргариты, важнейших сановников государства — коннетабля и кардинала Лотарингского, герцога де Гиза и маршала Сент-Андре и наконец — Дианы.

«Но более всех король, несомненно, любит и предпочитает мадам де Валентинуа^[398]. Эта женщина пятидесяти двух лет, некогда супруга великого сенешаля Нормандии и внука господина Сен-Валье, которая, оставшись молодой и красивой вдовой, была любима и ценима королем Франциском I и, по общему мнению, многими другими. Затем она перешла в руки нынешнего короля еще в те дни, когда тот был дофином. Он очень ее любил и любит до сих пор, так что, хотя мадам де Валентинуа сейчас уже в возрасте, она остается его любовницей. Правда, несмотря на то, что она никогда не употребляла румян, а, быть может, благодаря тщательному уходу, дама сия отнюдь не выглядит на свои годы. Она очень умна и всегда была вдохновительницей короля, а в те времена, когда тот был еще дофином, помогала ему и из своего кошелька. Его Величество сохранил с тех пор огромную признательность и в первые же дни своего царствования сделал ее герцогиней де Валентинуа, даровал все, о чем я уже упоминал, и продолжает осыпать подарками, а паче того, неизменно поступает так, как ей желательно. Герцогиня — в курсе всех дел, и каждый день, обычно после обеда, король идет к ней и проводит часа полтора в беседе, делясь всем, что случилось за день».

Посол придерживался мнения, что, несмотря на внешнее соблюдение конвенансов, соперничество между коннетаблем и Дианой отнюдь не угасло.

«Некоторое время при дворе гадали, к кому король наиболее привязан, к коннетаблю или к мадам де Валентинуа^[399]. Но теперь

по множеству признаков стало ясно, что дама более любима, с той сдержанностью и почтением, которые рождает лишь глубокая душевная привязанность, а потому расположение короля к коннетаблю может подчиняться тому обстоятельству, что Его Величество в оном нуждается, в то время как его чувство к герцогине не может иметь иного источника, нежели истинная любовь.

Я говорю об этом потому, что, к величайшему неудовольствию короля, две эти особы, коннетабль и мадам де Валентинуа, — заклятые враги. Эта вражда длится уже три года, но открыто разразилась лишь в прошлом году, когда госпожа герцогиня проведала, что коннетабль затеял интригу с целью отвлечь от нее короля, возбуждив в последнем страсть к гувернантке юной королевы Шотландии, красивой молодой женщине. И дело зашло столь далеко, что означенная гувернантка стараниями короля забеременела. Герцогиня весьма досадовала на это обстоятельство.

Королю пришлось многократно просить прощения, а мадам де Валентинуа и коннетабль долгое время вовсе не разговаривали друг с другом. Наконец, уступив настояниям короля, они внешне заключили мир, но подспудно их взаимная ненависть как никогда велика, и при дворе существуют как бы две фракции. Тот, кто приближается к одной из них, заранее знает, что с противной стороны навлечет на себя лишь враждебность. А поскольку коннетабль не слишком любим при дворе, едва ли не все знатные вельможи собираются под знаменами герцогини, в том числе и дом Гизов, как из-за того, что месье д'Омаль — зять мадам де Валентинуа, так и в силу того обстоятельства, что кардинал жаждет править единолично».

И более позднее свидетельство другого посла, Джованни Капелло, преемника Лоренцо Контарини с 1551 по 1554 год, дает нам совпадающие сведения ^[400].

«Что до распорядка дня Его Величества, то он как нельзя более разумен: король совершает лишь полезные и благородные дела. Летом он встает на заре, а зимой — как только рассветет. День он начинает с набожной молитвы, потом отправляется на тайный совет, именуемый „узким“, куда входят г-н коннетабль,

монсеньор де Гиз, месье де Вандом и великий маршал. Там обсуждаются вопросы войны и мира, вооружения, войск, довольствия — словом, все, что имеет касательство к управлению королевством. С совета король идет слушать мессу, после чего обедает, однако без особого аппетита: кажется, он целиком погружен в свои мысли.

После обеда заседает менее тайный совет, на котором король присутствует довольно редко, но поименованные выше советники пребывают там в полном составе, и здесь речь идет о законах, правосудии, а также иных подобных делах. А король предается изучению литературы, ибо прекрасно знает, что для принца она может оказаться полезнее и почетнее любой другой вещи в мире. Потом король садится на лошадь как для того, чтобы освежить голову, так и ради тренировки телесной. Он любит охоту, особенно погоню за оленем, и выезжает на нее два раза в неделю. Все развлечения Его Величества весьма благопристойны, разве что, предаваясь запретным удовольствиям, он умеет весьма ловко скрываться.

Королю 36 лет. Ростом он высок и хорошо сложен, лицом красив и приятен, цвет кожи имеет несколько смугловатый. Манеры его весьма любезны. Государь мягок и куртуазен в обращении и благоволит беседовать с любым человеком, пусть самого скромного звания».

Дополняя рапорт своего дяди, племянник посла оставил в письме и другое, очень ценное свидетельство:

«Нас проводили в зал, где Его Величество имеет обыкновение вкушать трапезу во дворце, называемом Лувр и стоящем над Сеной. Его Величество стоял у окна, облаченный в богатый камзол из черного узорчатого шелка, отделанного бархатом и прекраснейшими украшениями. Поверх него — белая кожаная перевязь с вышитыми на ней золотыми полумесяцами, перекрещенными таким образом, чтобы походить на двойную букву „D“, с которой начинается имя герцогини де Валентинуа. А в сплетении сих букв проглядывает и заглавная „H“, первая буква имени Его Величества — весьма откровенный намек на чувства, испытываемые королем к этой даме, ибо как два полумесяца пребывают в тесном объятии и скреплены перекладинами двух

„D“, так и души обоих любовников нерасторжимо связаны взаимной привязанностью. Швейцарцы и королевская стража одеты в одинаковые ливреи с серебряным полумесяцем на груди и на спине, над которым вышит девиз „Donee totum impleat orbem“^[401]».

Эта смелость в признании своей любви столь же замечательна, сколь и постоянство, с каким король о ней заявляет. Отныне публичные почести, воздаваемые любовнице, стали частью придворного ритуала. Король любил красоваться в спортивных состязаниях на глазах у своей дамы. Послушаем, как племянник посла рассказывает о партии в мяч, разыгранной королем 12 ноября^[402]: «Он был с ног до головы облачен в белое, начиная с белых сапожек и кончая соломенной шляпой, впрочем, весьма красивой. Играл он в одном колете, без камзола. Его Величество отличается прекрасным ростом. Возможно, он немного тяжеловат, но в общем хорошо сложен. Наблюдая за ним во время игры, трудно вообразить, что это король, ибо он не требует соблюдения каких-либо церемоний и этикета по отношению к своей особе, разве что, когда ему надо пройти под веревкой, последнюю приподнимают, да использует по одному мячу на ракетку. В остальном никто не догадался бы, что это играет король. Обсуждаются даже его ошибки, и я не раз видел, как Его Величество признавали неправым. Прийти смотреть игру может любой. В тот день месье де Гиз, уж не знаю каким образом, упустил мяч, и тот, попав в лицо, рассек ему губу. Означенный месье де Гиз тотчас удалился в свои апартаменты, и Его Величество прекратил игру. Все это не имело никаких последствий».

С высоких галерей наблюдали за игрой в мяч дамы. Они же присутствовали при выездах и возвращениях с охоты, если сами не принимали в ней участия, как по-прежнему поступала Диана, невзирая на возможность упасть с лошади и прочие опасности, подстерегающие охотника в лесу. Но для обсуждения государственных дел герцогиня предпочитала дожидаться момента, когда король придет в ее комнату. Она также передавала монарху все слухи и мнения, собранные «союзниками» и родичами. Сообщала Диана и новости о королевских детях. Вполне доверяя своей власти над королем, Диана много путешествовала. Не раз навещала своих дочерей: так, ее можно было встретить в Валь-де-Луар, в Анжу, в Нормандии, равно как в Бри-Конт-Робер или Шато-Тьерри у зятя, Робера де Ла Марка.

Во время этих поездок Диана требовала, чтобы ей доставляли все

счета и подробнейшие отчеты. Доходами с герцогства Валентинуа управлял совет законников, заседавший в Гренобле. В случае необходимости они обращались в парламент и Счетную палату, дабы ускорить завершение процессов по спорным делам.

Записки, посылаемые Диане, комментировались ею собственноручно и возвращались обратно с подробными указаниями ^[403]. Так, 1 мая 1550 года она приказала провести расследование на предмет поиска еретиков, проживающих на ее землях, особенно в городе Крест. Совет поспешил отправить к Диане г-на де Ла Менардьера с устным докладом. Последний отчитался о доходах с аренды и о точных размерах урожая. «Что до запасов зерна Мадам, их пересмотрели, заново взвесили и нашли, что от сбора прошедших лет оно имеет количество, приблизительно равное 2 тысячам 500 мешков всех видов зерна, которые решили не продавать, не уведомив предварительно Госпожу, так как можно рассчитывать, что цена упомянутого зерна возрастет как благодаря торговле с чужеземцами, так и вследствие того, что сбор в нынешнем году весьма невелик».

Столь же тщательно велся надзор и за взиманием соляного налога во владениях герцогини. Разногласия, существовавшие у нее с общинами Виллебрег и Барбантан, равно как продвижение ее исков в парламенте Гренобля, держались под неусыпным контролем. Представители Дианы предлагали ей операции, с помощью которых можно было бы расширить ее вотчинные владения. Земли Пизансона около Романа, где родился и умер Жан Сен-Валье, могли бы стать «одним из самых красивых и доходных владений в Дофинэ», сумеет герцогиня добиться от месье де Сарсена части сеньориальных прав, которыми тот обладает. В обмен ей предложили отдать владение Вильнев-де-Мар. Диана сообщила о своей согласии. Другая часть Пизансона принадлежала Екатерине д'Амбуаз, супруге Людовика Клевского: Диана вчинила судебный иск и выиграла. Так она стала владелицей всей сеньории. Вернула она и некогда отчужденные земли: например, порт де Ла Рош-де-Глюн, мост Конфолан вместе с пошлиной и сеньорию Бомон-Монто, в 1543 году проданные семейством де Пуатье некоему Перонну. А чтобы возместить последнему убытки, Диана раздобыла патентные письма, составленные в Лилль-Адане 18 сентября 1550 года с требованием казначейству уплатить 661 ливр откупных за Рош-де-Глюн, 1222 ливра — за Конфолан и 1823 ливра за Бомон. Операция была проведена во исполнение вердикта парламента от 17 июня, уполномочившего герцогиню де Валентинуа, наследницу Гийома де Пуатье, забрать свои земли из рук тех, кто их приобрел. Зато Диана

пунктуальнейшим образом соблюдала выплату пожертвований на добрые дела, указанных в завещании ее покойного брата, — в частности, наделяла приданным девушек из неимущих семей.

Таким образом, как мы видели на примере владений в Дофинэ, ни одну мелочь в управлении своим имуществом Диана не пускала на самотек. Более того, чтобы держать финансовые документы в порядке, герцогиня де Валентинуа создала специальное хранилище — архив^[404]. Она приказала своему интенданту Готье собрать в сводчатом зале замка Этуаль хартии и документы, подтверждающие ее права на герцогство де Валентинуа и на иные земли и имущество. Готье, старый слуга семьи Пуатье, предпринял составление «генеалогии графов де Валентинуа». Ознакомившись с «Анналами Аквитании» Жана Буше, он пришел к выводу, что семья Сен-Валье происходит от древних герцогов Аквитанских. «Впрочем, — писал он своей госпоже, — я часто видел в прежние времена и нарочно разглядывал росписи в большом зале старого замка Этуаль, называемом Зеленым Залом. Там, в самой верхней части стены, где начинается свод, был щит с гербом Аквитании. Тогда я понятия не имел, что это за герб, и многие люди спрашивали и интересовались происхождением одного. Пять лет назад часть свода обрушилась, и Вы, Мадам, приказали его переделать, что и было исполнено. А подле указанного щита был изображен и другой — с шестью серебряными безантами на лазурном поле и золотой головой, которые Вы с полным основанием перенесли на свой герб. Сие наводит меня на мысль, что вышепоименованные графы Валентинуа и Диуа поистине являются потомками этого древнего рода».

Под рачительным управлением преданных слуг состояние герцогини волшебным образом росло год от года. А Диана, избавившись от повседневных забот, могла вершить высокую политику. Ей хотелось, чтобы король всему миру внушал почтение своим могуществом, а его трон воссиял новой славой. После недавнего примирения с Англией оставалось низвергнуть императора, непримиримого врага Франции, а также его союзника папу Юлия III.

Долгое время коннетабль, глава королевской дипломатии, старался сохранить мир с Карлом V. Некогда он послал вести с ним переговоры своего племянника д'Андело и Шарля де Коссе, графа де Бриссака, сына своего двоюродного брата Рене де Коссе-Бриссака (последний был гувернером Детей Франции во время их испанского плена после поражения французов у Павии). Однако все усилия коннетабля потерпели крах. Карл V заменил посла де Сен-Мориса фламандцем Симоном Ренаром, только и

искавшим повода к ссоре. Впрочем, разногласия теперь касались Нового Света, где по договоренности с Колиньи Дюран де Вильганьон хотел основать французские колонии, населенные протестантами ^[405].

Однако в первую очередь конфликт разгорелся на итальянской земле. По настоянию императора Юлий III перевел Вселенский собор из Болоньи в Тренто, город, принадлежавший Австрии. Французский монарх отказался послать туда своих епископов. Кроме того, прелат решил отобрать герцогство Пармское у Октавио Фарнезе, брата Горацио, жениха Дианы, маленькой крестницы герцогини де Валентинуа. Король отреагировал на это, взяв под защиту герцога Пармского 27 мая 1551 года. Отныне военное вмешательство Франции стало неизбежным. Но никто из традиционных союзников, похоже, не решался оказать помощь: даже герцог Феррарский, дядя короля со стороны жены и тесть герцога де Гиза, не смел навлечь на себя гнев императора. А значит, действовать предстояло, избрав базой операций Пьемонт, завоеванный Францией еще во времена Франциска I ^[406].

Герцогиня Валентинуа с интересом следила за победоносными сражениями у Чьери и других крепостей. Возглавлял их новоиспеченный маршал Шарль де Коссе-Бриссак, красавец, которому Диана давала понять, что его подвиги не оставляют ее равнодушной ^[407]. В помощь Бриссаку коннетабль послал своего старшего сына Франсуа и племянника д'Андело, но последний имел несчастье угодить в плен к имперцам в окрестностях Пармы и надолго стал пленником в Милане. Атаковать побережье Италии было поручено адмиралу Леванта, сводному брату Монморанси графу Танду. Его операциям, хоть и подпорченным неумелыми действиями Леоне Строцци, приора Капуи и кузена королевы Екатерины Медичи, командовавшего эскадрой галер, помогал турецкий флот адмирала Драгута, по просьбе французов одновременно беспокоивший и генуэзцев, и мальтийских рыцарей, союзников императора ^[408].

В ходе этих военных операций к Франции обратились немецкие князья, участники Шмалькальденской лиги. Принц Мориц Саксонский, по приказу императора осаждавший протестантский город Магдебург, переметнулся в лагерь противника и 5 октября 1551 года подписал тайный договор о союзе с Генрихом II ^[409]. К нему присоединились маркграф Альберт Бранденбургский и два юных саксонских принца. Договор был ратифицирован в Шамборе 15 января 1552 года. Немцы обязались представить 50 тысяч пехотинцев, 20 тысяч кавалеристов, как и французы. Целью союзников было изгнать императора из Германии. В благодарность

за помощь король получил бы имперские и епископские города Мец, Туль и Верден, которыми мог управлять в качестве имперского представителя.

Оставалось лишь ускорить подготовку к кампании.

На заседании Парижского парламента 12 февраля 1552 года коннетабль объявил о создании временного правительства, которым явится собранный при королеве Совет во главе с Хранителем Печатей Бертраном^[410]. Защита границ на севере была тщательно обеспечена: зятю Дианы маршалу де Ла Марку предписывалось охранять их, с тех пор как он получил Седанское княжество. Войска могли быть собраны в марте 1552 года в Шампани. Но король отметил существенную нехватку денег, несмотря на то, что Корона широко воспользовалась помощью банкиров, равно как общественным кредитом в форме эмиссий и рент под залог Парижской ратуши. Коннетабль, герцог де Гиз, маршал де Сент-Андре, а также и герцогиня де Валентинуа вложили в кампанию личные средства.

Диана присоединилась к Генриху и Екатерине в Жуанвиле у герцога де Гиза в начале апреля: там она ухаживала за королевой, заболевшей «крапивницей», от которой тело покрывалось красными пятнами, или «петехией». Болезнь могла закончиться смертью. Герцогиня преданно заботилась о королеве, не боясь заразиться, и король ей за это был искренне признателен. Он и сам задержался у постели больной, а потому смог выехать к армии лишь 11 апреля.

Для обоих любовников этот отъезд стал новым предлогом к изливанию чувств. Измены Генриха были забыты. Диана хотела сохранить лишь память о счастливых минутах и восславить того, кто ей их подарил^[411].

Прощай, услада моего сердца!
Прощай, мой господин и повелитель!
Прощай, истинная шпага знати! [...]
Прощайте, королевские пиры!
Прощайте, эпикурейские трапезы!
Прощайте, великолепные празднества!
Прощайте, нежные поцелуи голубя и голубки!
Прощай то, что мы делали тайно.
Когда предавались играм наедине!
Прощай, прощай, тот, кого любит мое сердце.
Прощай, наивысшая радость!

И влюбленный король отвечал столь же пылко:

Она, видя, что приближается мой отъезд,
Сказала мне: «Друг, чтобы снять с меня тяжесть
Расставания, оставь мне свое сердце
Вместо моего, где живешь ты один».
А я, заметив, что близится час разлуки
И придется оставить все, что я так любил,
Молю ее даровать мне
Как величайшую милость право поцеловать ей руку.
И, если говорю что-то еще.
То лишь молю помнить,
Что до самого возвращения не познаю радости,
Пока не узрю ее честное лицо.
А тогда я смогу сказать наверняка,
Что я, столь уверенный в ее расположении,
Напрасно искал бы чего-либо иного,
Ибо тут вкушаю величайшее удовольствие ^[412].

Опередив короля, коннетабль без единого выстрела вошел в Мец 10 мая. Екатерина окончательно оправилась от болезни и взяла на себя снабжение войск продовольствием. Тут она следовала советам Монморанси, поскольку оба были не прочь продемонстрировать свои способности в пику Диане.

А король собственноручно писал любовнице подробные отчеты о своей армейской жизни. Так, в мае он сообщал ей из лагеря в Водреванже, неподалеку от Меца ^[413]:

«Любимая моя госпожа, не стану докучать Вам длинными письмами, так как велел гонцу устно передать главное, ибо времени очень мало — я сворачиваю лагерь, дабы форсировать реку Саар, а еще я отпустил всех послов в Мец, как и прочих долгопых. Заодно отправил весь багаж, дабы обозники не съели все наше продовольствие, тем более что в бою от них нет никакого проку. Молю Вас поверить, что армия моя великолепна и преисполнена доброй воли, и клянусь Вам, если кто-то попытается заступить мне дорогу, Господь Наш поможет мне, как не раз помогал, явив свою милость. Теперь не стану произносить иные речи, возложив оные заботы на месье д'Авансона, который уже приготовился к отъезду. Однако

умоляю помнить того, кто ведал лишь единого Господа и единого друга — Вас, и вновь присягаю, что Вы не устыдитесь данного мне дозволения носить имя рыцаря Вашего и слуги, которое молю сохранить за мною навеки».

После оккупации Лотарингии «Австрийский вояж» завершила военизированная прогулка по Эльзасу, а потом к границам Люксембурга. Однако в конце июня, едва прибыв в Седан, владения Ла Марк, король заболел. Диана и Екатерина — каждая по отдельности — слали тревожные письма Монморанси. Королева, несомненно обойдя герцогиню на шаг, задумала присоединиться к мужу. Но Генрих II не забыл ни о Диане, ни об интересах ее семейства. Во время пребывания в Седане он утвердил за Робером де Ла Марком титул герцога Буйонского, после того как маршал вновь захватил этот город, отнятый у его семьи и присоединенный императором к епископству Льежа ^[414].

В июле 1552 года после трех с половиной месяцев победоносных военных операций король с благодарностью распустил армию, уже начинавшую страдать от дождей и духоты. Диана узнала эту радостную для нее новость в Ане, куда удалилась, оставив королеву в Шалоне. Она писала 16 июля мадам д'Юмьер, получив от нее доклад о здоровье королевских детей: «Я приехала сюда на некоторое время, чем вполне довольна, поскольку погода стоит прекрасная. Хотела бы принять Вас здесь, хотя бы на пару часов, чтобы Вы отведали сыров и масла, приготовленных Вашей пикардийской служанкой, которая, ручаюсь Вам, все так же хорошо исполняет свой долг. В будущий понедельник я вновь уеду, дабы присоединиться к королеве, так как король возвращается из своего лагеря. И если, будучи там, я смогу каким бы то ни было образом послужить Вам и сделать приятное, Вы убедитесь, что я, как всегда, от души рада исполнить Вашу просьбу» ^[415].

Герцогиня присоединилась к королю и королеве в Вилье-Коттре, откуда отправила мадам д'Юмьер новые распоряжения ^[416]: став гувернером детей Франции, бывший посол в Риме месье д'Юрфе получил право устанавливать порядок расходов, но лишь после предварительного одобрения одного мадам д'Юмьер. Что до здоровья детей, то она могла непосредственно сообщать о нем как родителям, так и коннетаблю. Это последнее уточнение доказывает, что Диана наконец примирилась с Монморанси. Она была признательна коннетаблю за то, что во время последней военной кампании тот в присутствии короля превознес заслуги обоих ее зятьев — и Омаля, и де Ла Марка.

Победу теперь оставалось лишь закрепить. Разумеется, протекторат Франции над Лотарингией гарантировал брачный союз между юным герцогом и Клотильдой Французской, второй дочерью Екатерины Медичи и Генриха II. Но Карл V не хотел смириться с потерей Меца и стал готовить осаду. Узнав об этом, король в середине августа поручил Франсуа де Гизу обеспечить защиту города, губернатором которого он был назначен ^[417]. Монморанси получил задание снабжать его припасами: после такого разделения обязанностей вражда и соперничество обоих кланов исчезли. Однако, чтобы защитить город от натиска, обещавшего быть ужасным, следовало собрать немалые запасы провизии и снарядов. Гизу пришлось покупать их на собственные средства. Он выложил почти двухмесячное жалованье, уплатив 5 тысяч ливров торговцам зерном и 3904 ливра торговцам говядиной. Но и этого не хватило. Диана, заболевшая в Вилье-Коттре сильной простудой, вынуждена была подняться с постели и вместе с маршалом Сент-Андре просить короля о дополнительной субсидии ^[418].

Гизы удерживали Мец от осаждавших его герцога Альбы и маркиза де Мариньяна. За линиями вражеских войск герцог д'Омаль рассылал кавалерийские патрули. Он приглядывал за одним из немецких князей, Альбертом Бранденбургским, поскольку у Франции имелись основания ему не доверять. Внезапно 28 октября немец набросился на лотарингского принца, разбил его и взял в плен. Это расчистило путь Карлу V, и тот 20 ноября явился принять командование над 50-тысячной армией осаждающих ^[419].

Не имея возможности послать герцогу Гизу новые подкрепления, Монморанси поспешно отправил на помощь двух своих сыновей, Франсуа и Анри, которым удалось пробраться через линию осады. Удача улыбалась французам. Окруженный со всех сторон Мец победоносно сопротивлялся имперцам, и Карл V, потеряв половину солдат, погибших от голода, холода и измождения, 2 января 1553 года неохотно отступил. Все лавры за это жалкое отступление противника стяжал герцог Франсуа де Гиз ^[420], но удовлетворение, испытываемое Дианой, как родственницей победителя, несколько омрачалось пленом ее зятя д'Омаля.

Император не отказался от надежды взять реванш. В Италии маркиз де Мариньян незадолго до того окружил Парму. Имперский губернатор герцогства Миланского Ферранте Гонзаго постоянно беспокоил губернатора Пьемонта Шарля де Бриссака, которому Диана послала корпус легкой кавалерии под командованием Жана де Кара, графа де Ла Вогийон. Этот молодой человек был обручен с племянницей герцогини Анной де

Клермон, дочерью Антуана де Клермона и Франсуазы де Пуатье^[421]. А против города Сиенны, изгнавшего испанцев в июле 1553 года и предложившего себя Франции, выступила имперская армия. Король послал войска и поручил кардиналу Ипполито д'Эсте, а потом и Пьеро Строцци согласовать действия для защиты города. Но Строцци потерпел крупное поражение под Марсиано 2 августа 1554 года. На севере Франции Карл V осаждал Теруану, где находился старший сын коннетабля Франсуа де Монморанси^[422]. Он только что тайно женился на фрейлине королевы Екатерины Жанне де Пиенн, что впоследствии вызвало при дворе грандиозный скандал. Не получив помощи, Франсуа де Монморанси был вынужден капитулировать и попал в плен, разделив, таким образом, участь сыновей знатнейших семейств Франции.

Решение вопроса о выкупах заботило всех, в том числе и Диану. В апреле 1554 года Альберт Бранденбургский оценил свободу Клода д'Омаля в значительную сумму — 60 тысяч экю. Но Диане надо было выкупить и другого зятя, Робера де Ла Марка, 18 июля 1553 года захваченного в Хесдене принцем Эммануилом Филибером Савойским, генералом Карла V. Вдобавок Диана с болью узнала о смерти юного Горацио Фарнезе, супруга ее крестницы Дианы Французской^[423].

Надеясь положить конец подобным потрясениям, Генрих II решил лично отправиться на фронт. Управление он передал Екатерине. Королева, не менее Дианы встревоженная опасностями, которым подвергал себя монарх, умоляла коннетабля охранять Генриха, когда тот окажется лицом к лицу с врагом: «Непрестанно желаю одного: чтобы король вовсе того не делал [...]. Я обращаюсь к вам как женщина и супруга человека, не принявшего никаких мер к тому, чтобы его особа не пострадала»^[424].

Генриха окружала вся его знать: коннетабль, герцог де Гиз и маршал Сент-Андре. Столкновение двух армий произошло 17 сентября около Като-Камбрези. Однако это сражение не привело к какому-либо определенному результату. Уязвленный таким итогом, коннетабль на весь октябрь затворился в Шантийи и занялся подготовкой возобновления военных действий на севере Франции в 1554 году. Герцог д'Омаль, едва оказавшись на свободе, весьма пылко принялся за дело и тут же опустошил Брабант^[425]. Потом он поспешил в Италию, где присоединился к маршалу де Бриссаку и Блезу де Монлюку^[426]. Король публично показал, насколько он заинтересован в итальянских делах, попросив герцога Феррары стать крестным отцом его сына, родившегося 18 марта 1555 года и названного

Эркюлем. Однако произошли радикальные перемены, более военных побед способные поправить дела Франции. Это, во-первых, смерть молодого короля Эдуарда VI Английского. На трон взошла его сестра Мария Тюдор. Прежде всего она избавилась от своей соперницы Джейн Грей, дочери герцога Саффолка и праправнучки короля Генриха VII Тюдора, — семнадцатилетняя принцесса была казнена 12 февраля 1554 года. И тогда в письме Дианы де Пуатье Гийометте де Сааребрюк, матери ее зятя Ла Марка, вырвались сочувственные слова, несомненно делавшие ей честь: «Мадам, добрый друг мой, только что мне вручили доклад о бедной юной королеве Жанне. И я не могла без слез читать ее кроткие и смиренные слова в час последней муки, ибо никто и никогда не видел столь нежной и совершенной принцессы. И вот, как видите, таким женщинам суждено гибнуть под ударами злодеев»^[427].

Герцогиня де Валентинуа тем не менее была далека от проявлений такого же сочувствия к другим «злодеям», которыми считала сторонников реформы, причем в той же мере, что бандитов и фальшивомонетчиков. Без всяких угрызений совести она забирала себе, раздаривала слугам и домашним имущество, конфискованное у осужденных^[428]. Война и тревога за короля и зятьев никогда не отвлекали ее от забот о материальных благах. С 1552 по 1554 год Диана не только бдительно охраняла целостность своих имений, но и расширила их благодаря королевским щедротам: так, она добилась получения доходов с сеньориями Гран, Шато Дубль и Бопер в Дофинэ, земель Арамон и Валебрессо в сенешальстве Бокер, а также права взимать налоги с островов, «изобилующих на реке Роне». Плюс к тому Диана получила гарантию на дарованное ей право иметь в Париже личный фонтан. Кроме того, она затеяла судебный процесс против Анны де Писселе и ее уполномоченных по поводу сеньорий Бейн, Гриньон и Нуази в Валь де Галли, а также Кудрэ и Монпансье-ан-Лардене^[429].

Пока герцогиня де Валентинуа заботилась о своем процветании, королевство сворачивало на путь мира. Карл V, постепенно раздававший свои короны сыновьям, согласился с предложением Юлия III провести переговоры. Новый папа, Павел IV Карафа, не был расположен к этому мероприятию, так как враждебно относился к императору и его сыну, но участники встречи уже начали прибывать в мае 1555 года. Полномочные представители англичан, имперцев и французов занялись изучением разногласий, существовавших между ними в Марке, городе на территории Кале^[430].

Затем, в декабре 1555 года^[431], в аббатстве Воселль, расположенном на берегу Шельды, к югу от Камбре, рассматривался вопрос об освобождении пленных.

Имперцы захватили многих родственников коннетабля — его старшего сына Франсуа, сводного брата графа де Виллара, зятя виконта де Тюренна, племянника Франсуа д'Андело, плененного в начале военных действий под Пармой в 1551 году. Но самым значительным пленником считался Робер де Ла Марк, герцог Буйонский, маршал Франции и зять Дианы де Пуатье. Впрочем, в руках французов также оказались знатные имперские вельможи, такие, как герцог д'Аршо, граф Мансфельд и кондотьер Ромеро. За каждого был назначен внушительный выкуп, и для того чтобы собрать нужные суммы, требовалась изрядная отсрочка.

В случае же с герцогом Буйонским следовало еще и определить, от кого зависит его герцогство — от императора или от захватившего его в 1552 году короля Франции. И в самом деле, встал вопрос о взаимном возврате завоеванных территорий. Но французы, захватившие множество земель, потеряли бы при таком раскладе все свои преимущества. И адмирал де Колиньи еще до обсуждения прочих вопросов потребовал, чтобы каждый сохранил то, что имеет на данный момент.

В конце концов договор, предусматривавший отсрочку на пять лет, был подписан 5 февраля 1556 года^[432]. В Брюсселе Колиньи принял император, а вернувшись, посол обнаружил, что король занят раздачей почестей и наград тем, кто отличился в недавней войне. Колиньи был вновь утвержден губернатором Пикардии, однако ему пришлось уступить губернаторство в Париже и Иль-де-Франс своему кузену Франсуа де Монморанси. Коннетабль добился назначения своего старшего сына на этот высокий пост, ибо хотел обеспечить тому достойное будущее, ввиду его предстоящей свадьбы с Дианой Французской, вдовой Горацио Фарнезе^[433]. Король желал этого брака и решил провести церемонию, как только Франсуа освободится из плена в Нидерландах. Вдовью долю новобрачной должны были составить графства Мант и Мелен с капиталом в 100 тысяч ливров. Однако, когда все вопросы уже обсудили, всплыли прежние обязательства Франсуа де Монморанси по отношению к Жанне д'Аллуин де Пиенн^[434]. Коннетабль был безжалостен: молодую женщину заперли в монастырь Дочерей Господних в Париже, а ее супругу пришлось в ноябре 1556 года ехать в Рим и добиваться разрешения на отречение прежних обетов. Франсуа де Монморанси не достиг сразу цели, чтобы получить возможность порвать с бывшей любовницей: отец сумел втолковать ему,

насколько выгоднее породниться с королевской семьей, чем сохранить ту, давнюю связь. Однако понадобилось ждать нового эдикта от 1 марта 1557 года, задним числом аннулирувавшего все тайные браки, заключенные без согласия родителей, чтобы 4 мая состоялась свадьба Франсуа де Монморанси и Дианы Французской.

Коннетабль наконец получил свою награду: его сын стал зятем короля. Этот брак сблизил его и с Дианой де Пуатье, всегда поддерживавшей самые теплые отношения со своей крестницей. С удовлетворением восприняла она и то, как был вознагражден маршал де Бриссак. По возвращении последнего во Францию летом 1556 года король уступил ему габель с Пьемонта, то есть 15 тысяч ливров в дополнение к и без того значительным доходам, которые приносили маршалу другие должности, составлявшие в совокупности 50 тысяч ливров.

Герцог Франсуа де Гиз и его брат кардинал Шарль, в отличие от Монморанси и Бриссака, не извлекли из недавних событий никаких преимуществ. Но их брат Клод д'Омаль, зять Дианы, получил из королевской казны крупную сумму для уплаты своего выкупа. Король назначил его и командующим кавалерией — впрочем, под общим руководством коннетабля. Второй зять Дианы, Робер де Ла Марк, вернул себе древний титул герцогов Буйонских, некогда носимый его предками.

Привязанность короля и новые изъявления его милостей помогли Диане преодолеть все опасности интриг и возвращения в фавор коннетабля. Сохраняя при дворе первую роль, она вышла из этого периода смут и потрясений, укрепив свой престиж великосветской дамы, благодаря неизменно мудрым советам участвующей как в жизни королевской семьи, так и в государственной политике королевства и распространении его могущества за пределы установленных границ.

Глава IV

БОГИНЯ В СВОИХ ДВОРЦАХ

Усердно участвуя в военных операциях, высокие сановники и самые знатные особы королевства поставили и себя, и свои богатства на службу величию короля. Благодаря этому старинного противника Франции Карла V охватило уныние. Император мало-помалу отрекался от суверенной власти в пользу своего сына Филиппа и брата Фердинанда и разделял владения между ними. Но, разумеется, испанская держава оставалась крайне опасной. Теперь ее подкрепляла и мощь Англии, поскольку Филипп

Испанский женился на королеве Марии Тюдор. При новом европейском равновесии, санкционированном недавними договорами, казалось, вновь наступили времена процветания и любви. Повсюду вельможи и сановники увлеченно строили прекрасные новые дворцы в надежде, что монарх приедет туда засвидетельствовать им благодарность и расположение. Главным было добиться, чтобы замки, возводимые там и сям, чуть ли не по всему королевству, отражали великолепие того, кто когда-нибудь соблаговолит почтить их своим присутствием.

Королевской особе льстили и поклонялись, как античному божеству, а его окружение все больше походило на Олимп^[435]. В хвалебных стихах поэтов и аллегориях при торжественных въездах монарха в города Генрих представлял Юпитером или Гераклом, Екатерина — Юноной, сестра короля Маргарита — Палладой или Минервой. Боги так и плодились при дворе. В 1555 году Ронсар, обращаясь к королю с гимном, насчитал более сотни Марсов^[436]:

Господа де Вандомы и господа Гизы,
Немурские, Неверские, обученные войне
Твоим Величеством... Но помимо всех также
У тебя есть твой коннетабль Анн де Монморанси,
Твой Марс, твой меченосец, в сече страшный
И не только на войне, но и в совете полезный.

На этом Олимпе Диана де Пуатье, естественно, стала богиней Дианой, но не только античной Охотницей, сестрой Аполлона, которая с помощью лучей своего светила — Луны раздвигает сумрак на пути. Образ ее включил в себя и многих других богинь: и первой среди таковых слилась с нею Венера^[437]. Эта ассимиляция ощущалась уже в конце царствования Франциска I. Так, некий поэт Франсуа Абер объявил о поражении Венеры (Анны д'Этамп) перед лицом Дианы:

В недолгий срок Венеры власть
И все поймут: Дианы нет прекрасней^[438].

Мы уже присутствовали при триумфе этой новой Дианы во время вступления короля в Лион и видели изящный балет, в котором элегантный

и сверх всякой меры изукрашенный драгоценными камнями образ Охотницы с тем же успехом мог бы стать и воплощением богини Любви^[439].

За несколько лет двулика богиня взяла верх повсюду. Так, около 1555 года примирившийся с Дианой коннетабль приказал эмальеру Леонару Лимузену сделать на блюде весьма характерное изображение. Композиция, скопированная с «Пира богов» Рафаэля, представляла Юпитера в образе Генриха II в черной шапочке с белым пером. В Юноне, одетой в голубое платье, можно легко узнать Екатерину Медичи. Она сидит слева от супруга. Что до Дианы, то она изображена справа от короля в виде прекрасной обнаженной женщины, чьи светлые волосы покрыты золотой сеткой: это и Диана, и Венера одновременно^[440].

Дворцы, вырвавшие по всему королевству, претендовали на то, чтобы стать приютами наслаждений и обиталищами, удобными для светских приемов. Пример подал король. В Париже после разрушения старинной Луврской башни с 1549 по 1553 год был построен новый дворец, возведенный архитектором Пьером Леско и украшенный скульптором Жаном Гужоном по мотивам античных аллегорий. В то же время древняя резиденция королей Турнель (в двух шагах от Бастилии) была заново отделана архитектором Филибером Делормом, который построил там бальный зал. Всякого рода усовершенствования сделали куда более гостеприимными замки Венсенн, Булонь-Мадрид, Сен-Жермен-ан-Ле, где теперь было множество удобных апартаментов. Эти замки были воздвигнуты в излюбленных местах королевской охоты, как и Сен-Леже-ан-Ивелин, и Шамбор, строительство которых Генрих II как раз завершал. Король часто бывал там, а также в Блуа и Амбуазе, где жили его дети. Предметом его особых попечений был Фонтенбло^[441]. Филибер Делорм привнес в замок новшества, сделавшие пребывание в нем весьма приятным. Королевские апартаменты были перенесены в павильон Де Пуаль над большим прудом, а вход в замок украшало крыльцо в форме полумесяца. В церкви Троицы, возведенной в 1548–1551 годах, для крупных сановников отводились особые часовни. Диана велела украсить свою королевскими и ее собственными инициалами, а над ними изобразить летящую стрелу, перевитую латинской надписью-девизом: «*Consequitur quodcumque petit*» («Она всегда достигает цели»). Но истинного триумфа королевская любовница удостоилась в убранстве бального зала, постройку которого Филибер Делорм возобновил после 1548 года^[442].

Боковинки камина украшены рисунками, которые, как и большинство

изображений на галерее, выполнены Никколо Дель'Абате по эскизам Приматиччо. На почетном месте за королевскими балдахин и трон, на случай приемов установленными напротив камина, художник с правой стороны изобразил небесную Диану, восседающую на колеснице, влекомой драконом, а слева — другую Диану, на сей раз ассоциируемую с кем-то из подземных богинь — Гекатой или Прозерпиной. Рядом с ней — страж Аида Кербер. Даже если внешнее сходство с Дианой де Пуатье не особенно велико, намеки на фаворитку весьма прозрачны. Обе композиции иллюстрируют деяния, вдохновляемые этими двумя богинями. На одной всадник убивает рысь, на другой Геракл побеждает Эриманфского вепря. Таким образом, Отвага и Добродетель торжествуют над Злом и Пороком как по воле Дианы небесной, так и Дианы подземной: это двойное божество управляет на земле поступками добродетельного человека и в награду дает ему бессмертную славу.

Два больших оконных проема рядом с камином тонко подхватывают тему богини. Левый, со стороны овального двора, показывал Диану, отдыхающую среди скал, а напротив нее — Минерву. Подобно герцогине де Валентинуа, покорившей короля, богиня Диана более не нуждается в том, чтобы выезжать на охоту в поисках добычи. У нее на службе Минерва, то есть Разум и Очарование, изображенные в виде молодой женщины, нагой, как и Венера, но рядом с ней лежит шлем, а за спиной — книга. Этот союз Минервы и Дианы подчеркнут фигурами Бдительности и Мудрости, причем последнюю олицетворяют два старца. Сии Добродетели черпают силы у витающей над ними Любви.

Обрамление второго окна, выходящего на газон, дополняет картину. Там мы видим отдыхающего Марса. Он символизирует Генриха II, так как на его щите изображены скрещенные буквы «D», образующие заглавную «H» под серебряным полумесяцем. Марс спит, и рядом с ним Беллона, богиня Войны, тоже дремлет. Этот сон предвещает царствование Венеры. Последняя, впрочем, уже ведет к спящим своего сына Купидона. Неподдалеку Нарцисс отказывается от охоты, чтобы предаться созерцанию собственного совершенства. В центре свода божественный орел похищает юного Ганимеда. Таким образом, вся картина славит победу Любви, ибо ей покорны и бог Войны, и сам царь богов.

Бальный зал в Фонтенбло на языке символов воздаст величайшие почести королю и его любовнице. Диана здесь наделена всеми прелестями и всевластна. Дерзость художника удивительна, и однако иконография нигде не переходит границ аллюзии: королева не могла оскорбиться чередой аллегорий, которые в принципе лишь иллюстрировали очарование

вечной женственности.

Впрочем, эпизоды, рассказывающие миф о Диане и ее превосходстве над другими богами, — не единственные темы декора стен бальной галереи. Весь Олимп фигурирует там, то наслаждаясь жизнью, то вступая в общение с людьми. Вокруг возвышения для музыкантов изображен союз искусств и радостей жизни, олицетворяемый Аполлоном, музами, Вакхом и тремя грациями. Вулкан кует оружие Любви, Церера наблюдает за жатвой, Филемон и Бавкида празднуют нерушимость брачных уз и наконец Фаэтон, сын бога Солнца, бросает отцу вызов. А если оглядеть всю галерею, можно встретить целую вереницу богов и полубогов мифологии — Нептуна и Вакха, Юпитера и Марса, Пана, Мома и Цереру, Геракла, Сатурна и Меркурия. Далее изображены Нептун и Арион, спасенный дельфином, потом — Геба и Вакх, Кибела и снова Марс и Венера. Затем Флора, Морфей, Вулкан и восседающий на троне Юпитер. Повсюду в эти аллегории вмешиваются нимфы, наяды, амуры и множество других мифологических фигур, но Юноны здесь нет: как хранительницу домашнего очага ее нередко противопоставляют Юпитеру с его постоянными увлечениями. Так не было ли отсутствие этой богини вызвано сознательным стремлением осудить любовные утехи короля? Что ж, в этом нет ничего невозможного. Не исключено, что Генрих пожелал, сыграв на двусмысленности, прославить Екатерину в той же степени, что и герцогиню де Валентинуа в образе запечатленной на фресках Дианы.

Вельможи, как и суверен, старались превратить свои жилища во дворцы, достойные античных богов. Для коннетабля под руководством Жана Бюллана закончили роспись апартаментов в Экуане. Три сплетенных полумесяца отлично уживаются там с медальоном, где воплощен символ Екатерины — солнце, сверкающее среди облаков. Разумеется, греческий девиз коннетабля, *Aplanos*, соседствует с девизами короля и королевы. По словам Брантома, он означает, что коннетабль «безупречен и весьма предан». На плитах пола буквы «D» имени Диана пересекаются, образуя королевское «H». Витражи галерей, перенесенные ныне в Шантийи, повествуют о любви Амура и Психеи, прославляют пиры богов и рассказывают историю Прозерпины, которая в течение шести месяцев царит над плодоносной землей, а следующие шесть месяцев правит в подземном царстве. В саду Бернаром Палисси был устроен грот, украшенный изображениями животных. Впоследствии Диана де Пуатье повелела воспроизвести этот грот в садах своего замка Шенонсо ^[443].

Шантийи — еще одно поместье, где любил жить коннетабль. Здешний

дворец вполне мог соперничать с королевскими: старинный феодальный замок семейства д'Оржемон внутри был переделан в соответствии со вкусами эпохи Возрождения. Позже Монморанси дополнил его небольшим замком у подножия крепости возле пруда. В правление Генриха II коннетабль непрерывно украшал это жилище, обогащал оружейную палату, коллекцию античных произведений искусства и библиотеку — все это делалось благодаря дарам послов Рима и кардиналов. Повсюду инициалы короля, королевы и перекрещенные полумесяцы чередовались с гербом Монморанси^[444]. Чуть более удаленный от окрестностей Парижа феодальный замок Фер-ан-Тарденуа, сердце баронства коннетабля, был отделан в том же придворном стиле^[445].

Подобно Монморанси, Гизы спешили обогатить свои жилища обильными аллегорическими картинами. Королевские девизы и эмблемы украшали их парижские резиденции и провинциальные замки, в том числе Большой Сад в Жуанвиле. И здесь тоже в сплетении королевских инициалов прочитывалась первая буква имени Дианы. В Медоне, старинном замке герцогини д'Этамп, кардинал Шарль Лотарингский устроил грот, посвященный музам Генриха II, и нет нужды говорить, что среди них опять-таки оказалась Диана. Точно так же и маршал Сент-Андре, будучи истинным царедворцем, в убранстве своего великолепного замка Валлери неподалеку от Санса не забыл сделать лестный намек на герцогиню де Валентинуа.

У королевы Екатерины были, конечно, свои собственные замки, такие, как Шомон-сюр-Луар, полученный по праву наследования, или же Монсо-ан-Бри, уступленный ей королем в 1555 году в виде компенсации за доходы со старинного графства Булонь, присоединенного к Короне. В этом поместье Екатерина приказала выстроить павильон над гротом, а рядом разбить неизбежную площадку для игры в лапту, где мог поразмяться король. Но то были весьма скромные усовершенствования. Королева не могла соперничать ни с высшими сановниками королевства, ни с герцогиней де Валентинуа^[446].

Шенонсо долгие годы оставался постоянным предметом забот Дианы. Едва получив его в дар от короля в июне 1547 года, она поспешила пустить владение в оборот^[447].

По ее доверенности 1 июля 1547 года замок принял Бернар де Рюси, первый духовник короля, аббат Понлевуа и сеньор де Шеверни. Оноре Ле Гран, капитан-консьерж, охранявший замок для короля, передал аббату ключи. Последний составил опись мебелировки (довольно бедной), зато

указал 12 бочек вина из растений, доставленных из Бона, Анжу, Орлеана и Арбуа и прижившихся в поместье. Для рачительной хозяйки, которой всегда была Диана, это указывало на источник дохода, способный давать ощутимую прибыль.

Герцогиня де Валентинуа рассчитала капитана-консьержа, сочтя его должность бесполезной, зато утвердила на прежнем месте управляющего Андре Бери, правда, сократив его жалованье со 100 ливров до 60, причем питание и топливо в них не входили. Ездить в Тур и Амбуаз по поручению хозяйки ему тоже предстояло за собственный счет. Управляющий должен был ежегодно отчитываться в своих действиях перед назначенными Дианой представителями, Бернаром де Рюси, в 1552 году избранным главным духовником, Никола Дюбе, сержантом королевских войск и интендантом Дианы, а также Симоном Гуайем, нотариусом и секретарем короля, а заодно — казначеем герцогини. Кроме того, это могли быть Жан Менар, сеньор де Ла Менардьер, Корбепин, королевский поставщик хлеба, и еще один интендант Дианы, Бенуа Ги, месье де Каррой, мажордом великого духовника, и наконец Жак де Пуатье, сводный брат Дианы, унаследовавший от Филибера Делорма должность аббата д'Иври.

Штрафы и сеньоральные права за наследство, а также прочие выплаты в пользу владелицы замка из года в год колебались приблизительно от четырехсот до тысячи ливров. Наибольшие выгоды приносила сдача в аренду ферм, земельных наделов, мельниц, полей и виноградников. К этому добавлялась десятина, взимаемая с винных запасов приходов Шенонсо и Шиссо. Таким образом, в 1547 и 1548 годах поместье приносило 1000–1200 ливров в год. Андре Бери внес сюда личный вклад, ибо Диана лишила его выручки с половины виноградников и нескольких полей. Общая сумма обычных расходов — жалованье, траты на содержание зданий, на семенной фонд, оплата богослужений в приходе и соседних аббатствах — в 1547 году достигала 650 ливров, что составляло около 500 ливров чистого дохода.

Каждый месяц вассалам Дианы наносил визит судебный балли, приезжавший из Амбуаза разбирать донесения троих сельских полицейских, называемых также сержантами и лесниками. Четыре раза в год проводил судебные разбирательства мэтр Рене де Ла Бретоньер, сеньор де Канже, постоянный судья-помещик. В прениях принимал участие и фискальный прокурор. Вынесенные приговоры записывались секретарем. Расходы на поездки служителей правосудия покрывал казначей Дианы. Расходы на их содержание подробнейшим образом заносились в регистрационные Книги. Так, в записи от 1 марта 1547 года (1548 год по

новому стилю^[448]) находим стоимость пищи, поданной судьям и их прислуге: они съели двух карпов и одну щуку, оцененных в 14 су; двух копченых сельдей и двух сельдей свежего посола на 14 денье; двух алозов на 4 су; белого хлеба на 3 су и 4 денье; фруктов на 20 денье; выпили 7 пинт вина ценой 6 су 8 денье. А дабы сдобрить трапезу (хоть все это происходило в разгар Великого поста), было использовано пол-ливра^[449] сала стоимостью 12 денье и 3 ливра масла на 6 су. Слуги закона сожгли дров на 20 денье, а на питание их лошадей было потрачено 5 су. В итоге казначей уплатил за этот обед 2 ливра 3 су и 6 денье.

На праздник Всех Святых приходился срок фермерских платежей. Так, фермер из Ла Фюи отдавал 10 ливров 15 су, из де Уд — 2 ливра 10 су, а из Ла Гёлль — 15 ливров 10 су и четырех каплунов. Приходили и те, кто возделывал виноградники: в де Уд (около 10 арпанов^[450]), «Белую лозу» (два арпана), Пуарье Бодар (8 арпанов). Все они являлись арендаторами и платили соответственно 47 ливров 10 су, 8 ливров 5 су и 30 ливров 10 су, которые надлежало неукоснительно вносить в день Всех Святых. В тот же день приор Монтуссана получал от фермера из де Уд квартовый бочонок вина. Виноградари должны были обновлять посадки, ежегодно высаживая по сотне отводков на арпан. За этой работой бдительно смотрел управляющий. Следил он и за удобрением почвы (более «взрыхлением», нежели навозом).

Помимо белых вин делались клареты различных оттенков: бледно-красные, ярко-красные и темно-красные. В самой вотчине Пуатье имелся крупный господский виноградник, не сдававшийся в аренду. Для сбора винограда управляющий использовал многочисленных поденных работников, общая занятость которых составляла 168 рабочих человеко-дней. Часть вина, включая семь бочек кларета и семь — белого вина, доставлялась по Луаре в Блуа, а оттуда, уже по суше, — в Ане. Проезжая мимо замка Шомон, возчикам приходилось уплачивать пошлину — 4 денье с бочки: Диана просила Екатерину, которой принадлежал Шомон, избавить ее от этого налога.

Помимо перевозившегося таким образом вина определенную часть бочек белого, а именно 14 квартовых бочонков, помещали в подвалы Шенонсо, ожидая прибытия хозяйки дома.

На зимний праздник Святого Мартина 11 ноября арендатор валяльной машины из Ла Фюи приносил 34 ливра 10 су, 4 каплунов и 4 кур, а мельник из Вестена — 10 ливров 10 су, 5 мюи^[451] муки — треть пшеничной, две трети — ржаной, 4 каплунов, 6 кур, поросенка ценой 35 су и 12 буасо^[452]

орехов. Далее следовал перечень из еще десятка фермеров.

В конце ноября в день Святого Андрея так называемый сборщик желудей оплачивал свое право разрабатывать дары леса, выкладывая за год 23 ливра. Сбор миндаля в зависимости от урожая приносил более или менее значительный доход, а срезание ивовых побегов и прутьев — около 40 ливров.

Некоторые фермеры вносили плату в четыре установленных обычаем дня: на Благовещение, Святого Иоанна Крестителя, Святого Михаила и на Рождество. На Рождество приносили провизию, в том числе каплунов и жирных гусей.

Неплохие барыши давала продажа зерна: в 1547 году на торгах 40 сетье^[453] и 2,5 буасо пшеницы продали за 44 ливра 1 су и 10 денье; 12 мюи 5 сетье 5 и 1/3 буасо ржаной муки и смеси пшеницы, ржи и ячменя в равных пропорциях — за 102 ливра 14 су 10 денье; 39 сетье 3 буасо ржи — за 12 ливров 12 су 6 денье, а 48 сетье 20 и 1/3 буасо овса — за 39 ливров 1 су 7 денье.

Продукцию ферм по большей части продавали на рынках, где и договаривались о цене: в 1547 году сборщик продал там 115 каплунов, 40 кур, 27 цыплят, 9 гусей «с подвязанным к шее чесноком», 4 блюда рыбы, свинью, 4 дюжины яиц, 18 буасо орехов, 3 бочонка объемом в две трети мюи и один объемом в полтора мюи вина кларета, 5 бочонков белого вина, один ливр воска. В общей сложности все это принесло чуть больше 970 турских ливров.

В 1548 году был обильный урожай орехов (65 буасо), равно как и миндаля (30 буасо). Вырубка 40 арпанов леса принесла 260 ливров, да еще удалось продать сено, которое за год до этого полностью использовалось на месте. На торги выставили и животных, случайно забредших во владения герцогини: кобылу и барашка. Уплатили и за монополию на сукновальное производство, хотя оно и приносило совсем мизерную прибыль.

В 1548 году хозяйка оставила себе весь урожай вина за год, а сбор был превосходным — 29 бочонков вина и кварта кислого виноградного сока. Были куплены вместительные бочки, так называемые транспортировочные. В погребах Шенонсо остались 9, а 20 были отправлены в Орлеан, чтобы затем быть доставленными в Ане. Содержали они кларет: 5 бочонков молодого вина из Бона, 3 — орлеанского, 5 — арбуазского, 7 — анжуйского. Сборщик использовал четверть бочки бонского вина для крепления кларетов, оставленных им в Шенонсо, а также кварту белого анжуйского и кварту красного, дабы придать крепости винам, отправляемым в Ане. В погребах оставалось еще вино предыдущего

урожая — бочка «старого белого», которое пили во время сенокоса и в период сбора винограда.

Урожай 1549 года тоже был хорош: он дал 30 бочек вина, 15 из которых достались Диане. С того времени виноградники вообще стали лучше плодоносить: 1550 и 1551 годы принесли по 31 бочке, 1552-й — 29 с половиной, а вот 1553 год был вообще не слишком урожайным и принес всего 22 бочки. Выручка от лугов тоже росла самым удовлетворительным образом: если в то время, когда Диана вступила во владение, там производились всего четыре повозки сена, то вскоре эта цифра удвоилась, более того, даже обеспечив запасом провианта лошадей и прочих домашних животных, удавалось продавать по 8, а то и по 10 повозок.

Под руководством опытного управляющего Шенонсо было приятным и выгодным владением, однако Диана хотела превратить его и в место празднеств. Для начала она привела в порядок замок, его кровлю, дверные и оконные рамы. Но замку не хватало окружения, которое подчеркивало бы его достоинства. Прежний хозяин, Бойе, разбил сад у башни древнего феодального замка Марк. Диана с четырех сторон окружила его беседками, увитыми виноградной лозой. Там же она собиралась устроить грот. Но пространства для этого было маловато. И вот, в апреле 1551 года Диана решила превратить в сад два с половиной арпана земли на склоне между замком и берегом Шера, до того засевавшиеся ячменем ^[454].

Наблюдать за ходом работ она доверила Бенуа Ги, мажордому аббата Понлевуа. Строительство началось 20 мая 1551 года и продолжалось до июня 1553 года. А это составило более 14 тысяч рабочих человеко-дней для ремесленников, столяров, каменщиков, каретников, «газонщиков», дровосеков, каменоломов, подручных. Семь тысяч телег пришлось нагрузить камнем, чтобы построить бордюр, окруживший будущий газон, на который ушло 1100 тачек плодородной земли.

Наконец сад обрел определенные очертания. Две аллеи, пересекаясь, обозначили четыре треугольника, словно вышивкой, испещренных узорами самых разнообразных растений. За зелеными насаждениями приглядывал главный викарий Тура Жан де Селье, аббат де Тюрпене, друг и покровитель Бернара Палисси. Он сам выбирал лучшие черенки фруктовых деревьев, особенно слив и вишен, и лично отправил две сотни их по волнам Шера в Шенонсо. Советник короля Жан Бабу де Ла Будезьер присовокупил к ним еще 25. В лесах отыскивали 200 дичков для привоя. Сажать деревья приехал опытный турский садовник Нике вместе с сыном. Ему платили по 4 су в день, в то время как помощникам — всего по 2 су 6 денье. Чтобы саженцы

лучше принялись на новом месте, вокруг каждого корня сыпали овес. Ради того, чтобы создать живые изгороди, беседки и зеленые гостиные, в окрестных лесах позаимствовали 13 тысяч кустов боярышника и орешника. В Нуази у Пьера д'Эриана, занимавшегося разведением вязов, приобрели 150 этих растений по 2 су за каждое.

В марте 1553 года каменную стену укрепили и со стороны реки высадили сотню ив. Однако два года спустя, в апреле 1555 года, Шер внезапно разлился и его бурные воды унесли всю искусственно приподнятую часть сада. Понадобилось около года напряженной работы, чтобы восстановить утраченное.

На следующий сезон садовник архиепископа Турского расширил посадки, чтобы выращивать персики, смородину, клубнику, а также артишоки, огурцы, дыни, не говоря уже о традиционных луке-порее, капусте, горошке, репчатом луке и луке-шарлот. Зеленые массивы украшали великолепные цветы — розы и лилии.

Роскошный сад и огород — это восхитительный салон на свежем воздухе. Да и сам замок — приятнейшее место, где можно принять короля, королеву и двор. И Диана неоднократно приглашала их туда, а весной 1552 года устроила пышные празднества ^[455].

Понятно, что, отдавая так много сил и средств преобразению Шенонсо, Диана вдруг встревожилась: а что, если дар короля однажды будет кем-то оспорен? Посоветовавшись со своими законниками, герцогиня нашла способ обезопасить себя от такой напасти ^[456]. Когда Антуан Бойе уступил свое имение королю, доход Шенонсо оценили в 2500 ливров, что соответствовало капиталу, равному 90 тысячам ливров. Между тем Диана на собственном опыте убедилась, что доход не превышал тысячи ливров, что соответствовало капиталу в размере 55–60 тысяч ливров. Стало быть, по всей видимости, в 1535 году Корона изрядно переплатила за это имение. Если акт о передаче аннулировать, то Антуан Бойе будет вынужден вновь вступить во владение и одновременно попадет в «долговую яму» по отношению к Короне. Естественно, ему придется вновь выставить Шенонсо на торги, дабы получить сумму, необходимую для уплаты долга королю. Диана выступит покупательницей и получит права на Шенонсо как на частное владение, на сей раз ни в коей мере не отягощенное принадлежностью к королевскому домену.

Этот сценарий был точнейшим образом разыгран сразу после того, как его придумали. Антуану Бойе сержант объявил 11 августа 1552 года, что тот должен предстать перед Большим советом. Перепуганный дворянин

бежал в Италию, и суд в его отсутствие расторг акт о передаче Шенонсо Короне. Вновь вступив во владение, Бойе был вынужден немедленно продать замок, чтобы уплатить долг королю, поскольку в патентном письме Генриха II от 11 февраля 1554 года было сказано, что, если Бойе, должник короля, не рассчитается с долгом, его имущество будет конфисковано и продано с торгов. 1 апреля и в самом деле объявили о конфискации. Франсуа Лефевр, ординарный сержант судебного округа Амбуаз, заявил об этом в Шенонсо в присутствии казначея Андре Бери. Вплоть до мая в соседних приходах трижды громогласно читался королевский указ. Наконец 23 августа Большой совет вынес вердикт о начале торгов. Последние проходили всю зиму. Подав голос после других желающих приобрести имение, герцогиня де Валентинуа 21 марта 1555 года предложила канцелярии Большого совета 50 тысяч ливров. 8 июня того же года ей было предоставлено право собственности на Шенонсо. Дело закончилось изъявлением королевской милости, освобождавшей Антуана Бойе от уплаты еще 40 тысяч ливров, каковые он в принципе еще должен был Короне. Герцогиня де Валентинуа могла торжественно принести вассальную клятву королю 20 августа 1556 года, как до того, в марте, уже присягнула своему родственнику Рене де Батарне, сеньору де Монтрезор от имени мелких феодалов, зависимых от Шенонсо. Отныне, полагала Диана, владение замком обеспечено ей навеки. И тогда герцогиня задумала перекинуть мост через Шер, а на противоположном берегу разбить еще один сад. В 1556 году Филибер Делорм прощупал ложе реки, чтобы установить опоры моста. Для предстоящих работ он достал более 200 бочек цемента. Поскольку этого не хватило, у каменоломен де Уд были установлены временные печи для обжига извести. Король дозволил 10 июня 1557 года срубить 50 больших деревьев в своем лесу Монришар, чтобы сделать временные перемычки и формы для арочных сводов моста. Точно так же в 1552 году он дал соизволение на вырубку 50 великанов в своем лесу Дрё, чтобы изготовить строительные леса для замка Ане. Но Диана так и не смогла довести до благополучного конца это мероприятие, оказавшееся слишком дорогостоящим: в общей сложности к 1559 году она затратила на него более 9 тысяч ливров. Екатерина Медичи подхватила проект и осуществила его, перебросив через реку мост-галерею, о котором мечтала ее соперница.

В Шенонсо Диана, казалось, была полностью поглощена подсчетом доходов, приведением в порядок замка, разведением садов и строительством моста через реку. У нее почти не оставалось времени наложить на эти владения отпечаток своей личности. Зато в Ане у нее

хватало для этого и свободного времени, и финансовых возможностей^[457].

Луи де Брезе приобщал Диану к умелому использованию своих обширных земельных владений, и там герцогиня располагала штатом преданных слуг, которые с давних пор обеспечивали их управление. Вместе с ними Диана проверяла все поступления и расходы в каждой из сеньорий Ане, Бреваля, Ножан-ле-Руа и Моншове.

Так, 15 марта 1548 года (по новому стилю) во время очередного совещания в Ане Жан Кадо, казначей сеньории Бреваль, представлял счета самой Диане, а ей помогали Этьен де Брезе, советник и докладчик по текущим делам в Королевском совете, Жан Менар, сеньор де Ла Менардьер, называемый «мажордомом Мадам», и Шарль Желен, лицензиат права и бальи Ане. Каждый из них ставил свою подпись, подтверждая точность счетов, поступивших со дня Всех Святых 1546 года до этого же праздника в 1547 году^[458].

Доход от принадлежащей сеньору части, которая не входила в ленные владения, достигал 448 ливров 12 су и 3 денье серебром; 32 мюи и 10 сетье пшеницы; 2 мюи 5 сетье овса^[459]. Изучив документы подробнее, можно убедиться, что денежные суммы поступали в основном с девятнадцати ферм (282 ливра 10 су). К этому присовокуплялись штрафы, взимаемые «вердерией» Бреваля (33 ливра), выручка от продажи дров (20 ливров 13 су), права на выпас и на использование деревьев того же леса обитателями Бреваля (11 ливров 11 су и 3 денье).

Права сеньора как обладателя ленного владения осуществлялись и в самом Бревале, и в соседних приходах над 92 дворами. Подданные вносили дань натурой: прежде всего 87, 2/3 и еще треть половины каплуна — таковой оценивался в 3,5 су, что в общем составляло 15 ливров 7 су и 5 денье; затем 23 курицы по 2 су, в общей сложности — 46 су. Семи дворам надлежало также вносить подать яйцами: 52 яйца по 9 денье дюжина, то есть 3 су и 2 денье пита^[460]. С семи дворов взимались 2,5 мино^[461] пшеницы и от 18 до 36,5 мино овса^[462]. Еще одну статью дохода составляли чинш (арендная плата), штрафы, недоимки, разрешения на брак: жители Бреваля и шести других приходов уплачивали в этом качестве 199 ливров и 8 су (в эту сумму включалась и стоимость оцениваемой в 4 су жирной гусыни). Продажа прав на торговлю давала 81 ливр 8 су и 2 денье.

Итог счетов за период 1546–1547 годов, поступивших от ленных и прочих владений, в денежном выражении составлял 747 ливров 5 су (если подать, уплачиваемую птицей, перевести в металл), а также 32 мюи 10

сетье и 2,5 мино пшеницы и 3 мюи 2 сетье и 2,5 мино овса, вносившихся натурой.

В статьи расходов включались поставки слугам герцогини 2 мюи 2 сетье пшеницы и уплата им жалованья в размере 160 ливров 17 су и 3 денье, причем чиновникам — 80 ливров 18 су и 3 денье, а 75 ливров 17 су пошло на покупку двух новых жерновов и ремонт дамбы у Гонелевой мельницы, выполненный ее арендатором Тома Портелем. Прочие траты включали вознаграждения за услуги, оказанные в «делах и тяжбах Мадам».

Таким образом, за вычетом статей расхода чистый доход за тот год составлял 586 ливров 7 су и 9 денье в денежном выражении и 30 мюи 8 сетье 2,5 мино пшеницы плюс 3 мюи 2 сетье 2,5 мино овса натурой.

Между тем 18 января 1548 года (по новому стилю) при другой проверке счетов, происходившей также в Ане, когда подсчитывались расходы на строительство замка («труды зодчих Мадам»), было объявлено, что казначей должен уплатить 3514 ливров 12 су и 2 денье в денежном выражении, пшеницей — 18 мюи 2 сетье 2 мино, овсом — 154 мино. Столь значительная сумма представляла общий итог податей, собранных с различных ленов, зависимых от Ане. После проверки счетов Бреваля к ним можно было, следовательно, добавить 586 ливров 7 су и 9 денье, полученных в этой сеньории, и казначей признал, что должен предъявить Диане 4101 ливр серебром, 49 мюи 4,5 мино пшеницей, 6 мюи 5 сетье и 0,5 мино овсом.

Диана, хотя и всю использовала королевские щедроты, нуждалась во всем и что только могла выжимала из семейных владений, чтобы финансировать свой великий замысел — реконструкцию Ане^[463]. Этот план зародился у нее еще за год до смерти Франциска I, очевидно — во время доверительных бесед с дофином Генрихом. Старинный замок семейства де Брезе по тому, первому, плану должен был стать частью нового шедевра зодчества. Восшествие Генриха II на трон позволило расширить замысел. Молодому лионскому архитектору Филиберу Делорму поручили наметить план первой постройки. Он уже работал в Ане над укреплением замка, чьи стены со стороны сада угрожали рухнуть. На сей раз Делорм принес Диане план величественного дворца, окруженного дворами, с закрытым садом. Неровность почвы и присутствие болот побудили архитектора составить план верхнего уровня для зданий и нижнего — для садов, отделенного от замка подземной галереей или криптопортиком на античный лад. Дабы сделать резиденцию почти не уступающей королевским, ее предполагалось окружить рвами с проточной водой. Двухэтажные погреба, кухни и целая

система канализационных труб должны были обеспечить удобства повседневной жизни во время пребывания в Ане короля и его двора ^[464].

В 1547 году были начаты строительство террас и дренажные работы. Установили фундаменты. Построили нижние уровни. В 1548 году начали быстро возводиться стены жилых помещений. Крыло, которому по плану надлежало образовать заднюю стену почетного двора, опиралось о старый замок, продолжая его к западу.

В 1549 и 1550 годах были построены правое крыло и часовня. В 1551 году — левое крыло. Последним был возведен портал. На его камнях высечена дата окончания работ — 1552 год.

Апартаменты Дианы и короля, как и просторные приемные, расположены в основной части замка. При каждой из них — маленькая гостиная в башенке, поддерживаемой весьма оригинальными полусводчатыми угловыми опорами. В левом крыле находились другие апартаменты, а все правое занимал огромный пиршественный зал, называемый «галереей Дианы». Он скрывал от глаз часовню, так что со двора виднелись лишь купол и две каменные стрелы в форме пирамид. За каждым крылом был разбит двор с фонтаном в центре. Тот, что справа, или кухонный двор, с одной стороны окаймляла стена от старого замка де Брезе, а сбоку украшал величественный портал. Левый открывал доступ в оранжерею и вольеры. За главным зданием и на несколько метров ниже уровня фундамента простирался большой сад, окруженный длинной галереей. В двух внешних углах стояли квадратные беседки. А в центре возвышалось внушительное здание, служившее то пиршественным, то бальным залом.

Главное здание было разрушено в XIX веке, но передняя часть комплекса сохранилась. Этот памятник, оберегаемый Парижской школой изящных искусств, — один из прекраснейших образцов слияния классических и традиционных архитектурных элементов. Чистотой форм он превосходит все предшествующие произведения французского зодчества и в точности отвечает всем античным канонам. Как и в других зданиях, построенных на итальянский манер, мы видим тут и парные колонны, разделенные на три этажа, и ниши, предназначенные для статуй. Изображение Луи де Брезе, которому Диана посвятила ансамбль, высилось над главным корпусом под геральдическим шлемом. Оно символизировало супружескую верность герцогини де Валентинуа, безутешной вдовы великого сенешаля Нормандии, которого прославляла как героя.

Замок предназначался для того, чтобы дать королю удобный приют, где

бы он смог отдохнуть и предаться любимому развлечению — охоте. Портик, откуда вел путь на почетный двор, построен в форме триумфальной арки с тремя проемами. Латинская надпись на перемычке гласит: «Сие просторное обиталище посвящено Фебом достославной Диане, благодарной за все ниспосланные ей дары». Сверху герцогиня велела поместить горельеф, созданный Бенвенуто Челлини для Золотых врат замка Фонтенбло и полученный мадам де Валентинуа в подарок от своего царственного возлюбленного. На горельефе изображена нимфа, возлежащая у ног оленя. Угловые камни украшали две фигуры Ники — богини Победы, а вся композиция символизировала страсть к охоте и природе, общую для Генриха и Дианы. Портик окружали четыре саркофага. Это остроумная маскировка каминных труб, но главным образом — напоминание о безупречном вдовстве владелицы поместья, а чтобы никто не ошибся в трактовке ее замысла, те же символы траура можно было обнаружить и на других каминах замка.

Балюстрады террас над стеной по обе стороны от портала были отделаны инициалами Дианы, ее покойного супруга и короля Генриха среди сплетенных полумесяцев и пальмовых ветвей.

Над портиком возвышалась бронзовая группа: окруженный бегущими собаками олень поворачивает голову в сторону замка. Благодаря подсоединенному к изваянию часовому механизму олень бил копытом в колокол, отбивая часы, а собаки виляли хвостами и словно бы лаяли. Надпись на циферблате часов взывала к гостям: «Диана взирает на бег времени и говорит уязвленным сердцам: „Уповайте, она грядет!“, счастливым же велит: „Наслаждайтесь!“». Ансамбль напоминал о волшебных статуях и самодвижущихся фигурах, стоявших перед входом в замок в рыцарских романах. Так, приезжая в Ане, король попадал в зачарованный мир странствующих рыцарей.

Интерьер замка таил для него новые приятные сюрпризы. Часовня была достойна королевских резиденций. Делорм придал ей в основании форму греческого креста, близкую к *Tempietto* работы Браманте в Риме. Элегантный купол с башенкой украшали античные кессоны, с которыми перекликался концентрический орнамент пола из разноцветного мрамора. В нишах стен ротонды стояли статуи двенадцати апостолов, приписываемые Жермену Пилону. На угловых камнях и сводах — изображения ангелов и евангелистов. Все они — работы Жана Гужона. Ризницы по обе стороны от главного алтаря венчали двенадцать больших эмалей Леонара Лимозена.

Из своих апартаментов Генрих без труда мог попасть в часовню и с

возвышения слушать мессу. С той же легкостью он достигал комнат Дианы, выходил в большой сад увеселений или же отправлялся на природу — для этого надо было лишь пересечь западный дворик и миновать большой фонтан, чудо Ане, где богиня Диана, обнаженная, подобно Венере, обнимала за шею могучего оленя. Цоколь имитировал саркофаг с орнаментом в виде заглавных «Н», образованных сплетенными «D». Из пасть сидящих собак стекали струйки воды. Этот памятник символизировал власть Дианы над королем: царственный олень отдыхает возле победоносной охотницы, прирученный, спокойный и величавый, не опасаясь своры собак, замершей у его ног. Автор этого шедевра неизвестен: возможно, его создал Жан Гужон или молодой Жермен Пилон, а может, и скульптор Пьер Бонтан, изваявший гробницу Франциска I. Магия любви, способная примирить Красавицу и Чудовище, порой бывает и опасной: другой фонтан, именуемый Нимфой Ане, который украшает кухонный двор с восточной стороны, запечатлел Диану в тот момент, когда проклятие обращает в оленя беднягу Актеона.

Убранство апартаментов великолепно. Изумителен потолок в гостиной королевских покоев, где обрамленные гербы Дианы и Генриха красовались среди россыпей полумесяцев и сплетенных заглавных букв «D». В проемах галереи также подчеркнуты три больших скрещенных полумесяца на черном фоне. Однако на плитках пола и предметах мебели кое-где еще сохранились гербы Луи де Брезе. Спальня герцогини являла собой нечто вроде святилища, где царила огромная кровать с колоннами и роскошными куртинами: Диана не поскупилась на расходы, выложив 17 мая 1557 года 3 тысячи ливров Жакет Боже за поставку «золотого кастора, тканей золотых, серебряных и шитых золотом по зеленому и алому шелку». Все вокруг — обшивка стен, лепнина, витражи — помечены инициалами герцогини.

Король заказал для замка восхитительные драпировки и ковры. По бокам их окаймлял орнамент, составленный из инициалов Дианы и Генриха II, греческих букв «дельта», переплетенных полумесяцев, стрел, колчанов, охотничьих рогов и бараньих голов. Позднее новые владельцы — Грилло Генуэзские — кое-где добавили в орнамент свои инициалы — переплетенные буквы «G». Обрамленная надпись на бордюре поясняла смысл изображенной сцены. Это был начертанный по-латыни девиз: *Non frustra Jupiter ambas. Sic immota manet*. Диана изображена то просящей у Юпитера о какой-нибудь милости, то о помощи: «Юпитер не колеблется понапрасну, раздумывая, какое принять решение. А потому она ждет, не испытывая сомнений». Очевидно, что эти картины напоминали о роли Дианы как заступницы перед сувереном, пользующейся его особой

милостью. Четыре сохранившихся в Ане гобелена представляют, как Диана оплакивает смерть Ориона, как Юпитер обращает в лягушек жителей Ликийи, как Диана спасает Ифигению от заклания и как с небес взирает на гибель Мелеагра, по справедливости наказанного за убийство своих дядей, с которыми не поделил охотничьи трофеи. Пятый гобелен, собственность Руанского музея, являет нам Диану, молящую Юпитера даровать ей целомудрие, шестой — с изображением триумфа Дианы — хранится в частной коллекции. Еще два гобелена попали в нью-йоркский Метрополитен-музей: святотатство Нисбеи и утопление Бритомартис (обе темы связаны с общей историей Дианы и Феба). Все эти сюжеты, почерпнутые из «Метаморфоз» Овидия, по-видимому, частично вытканы по гравюрам Этьена Делона, выполненным по эскизам Лука Пенни, а возможно, и по рисункам Жана Кузена.

Эпизод с Орионом мог напоминать о Ла Шатеньрэ, защитнике Дианы, сраженном рукой Жарнака на турнире в самом начале правления Генриха: античный герой, спутник Охотницы, был убит стрелой, выпущенной Дианой из-за подначки ее брата Феба. Жителей Ликийи Юпитер наказал по просьбе Латоны, матери Дианы и Феба, и этот сюжет был явно направлен против тех, кто отрицал принадлежность Дианы к высшей аристократии, по благородству крови не уступавшей королю. Вмешательство в жертвоприношение Ифигении и смерть Мелеагра иллюстрируют роль, которую Диана играла при Генрихе II, добиваясь для одних помилования, а для других — казни. Что до мольбы к Юпитеру о даровании целомудрия, то этот сюжет мог намекать на обряд очищения, которому Диана подверглась, дабы встретить и сразить змея Пифона, символ еретичества, чьим врагом объявила себя герцогиня де Валентинуа^[465]. На нижних бордюрах встречаются обрамленные реплики персонажей. «Ты одна угодна мне», — говорит Юпитер Диане, наделяя ее даром целомудрия. «Увы... Что за женщиной я была!» — рыдает Ниоба. «Твоя смерть сотворила сие благодеяние», — заявляет Диана Бритомартис, которую выловила из воды, сделав сети. А в рамке над стрелой вьется надпись: «Она всегда достигает цели».

Эти гобелены, выполненные королевским вышивальщиком Робером Метай, вне всяких сомнений, были сотканы на станках, установленных в Фонтенбло, возле королевской резиденции. Их окружали картины, античные и современные статуи и множество произведений искусства, подаренных королем и придворными. Ане славился и своей библиотекой. Она состояла из 71 манускрипта, инкунабул, переводов латинских,

греческих и итальянских произведений на самые разные темы — романов, книг, посвященных охоте, истории, религии, медицине и другим наукам. Был там и трактат «Поучения Анны Французской ее дочери Сюзанне», ставший для Дианы своего рода библией по хорошим манерам. Этот экземпляр был ей подарен Франциском I. Переплеты, украшенные вязью, гербами, монограммами и оттиснутыми особой печатью экслибрисами, были великолепны. Эта замечательная коллекция рассеялась после смерти в 1723 году принцессы де Конде в возмещение грат, связанных с тяжбами из-за ее наследства ^[466].

С интеллектуальными удобствами Диана сочетала придворные развлечения и балы, где блистала роскошными туалетами, строгими и элегантными в гармоничном сочетании черного и белого цветов.

Дни ее проходили по неукоснительно соблюдаемому расписанию. Каждое утро после богослужения Диана отправлялась на прогулку верхом. По возвращении собирала своих интендантов и законников, выслушивала доклады и принимала решения о наиболее выгодном управлении имуществом — образ жизни в Ане был весьма разорительным из-за частых посещений короля и его двора.

Генрих и в самом деле воспринимал Ане как собственный дом ^[467]. Из Парижа он отправлял туда целые обозы, нагруженные мебелью. Так, мы знаем о заключенном 20 февраля 1552 года Филибером Делормом с Никола Прюнье, коммерсантом, обитавшим в Париже на улице де Жуй и занимавшимся речными перевозками, договоре насчет отправки в Ане пятнадцати больших продолговатых или округлых тюков и восьми малых, а также двенадцати картин, в том числе «портрета монсеньора Ангулемского». Другой договор, от 3 сентября 1552 года, относился к перевозке сорока трех кусков черного мрамора и яшмы. В ящике, подбитом атласом, была отправлена и саламандра — драгоценность, отобранная у герцогини д'Этамп. В других упаковках были книги и прославленная эмаль Леонара Лимозена с изображением двенадцати апостолов.

На огромной стройке Ане трудились королевские рабочие. Арсенал выполнял работы, связанные с выплавкой большого оленя и собак для главного портика, ради чего Филибер Делорм заказал бронзу литейщику Бенуа Ле Буше 1 июня 1555 года. Жан Николь, живший в Ане мастер-фонтанщик, проводил воду к фонтанам Дианы, для которых «горшечники» Мишель и Пьер Виго специально изготовили и поставили шесть тысяч труб в четверть туаза ^[468] длиной каждая. Франсуа Кармуа д'Орлеан выполнил скульптурные декоративные орнаменты, а его брат Шарль

расписал их. Бертран Дё ведал работой каменотесов, а Сибе де Карпи — плотников.

И по всему Ане пышным цветом цвела гербовая символика. Паркет и деревянные панели были инкрустированы гербами и инициалами Дианы и Генриха из мрамора или ценных пород дерева. Наиболее распространенный символ — переплетенные оливковые ветви, окруженные девизом *Sola vivit in illo* («Лишь она одна в нем жива»), и еще — полумесяц в сопровождении девиза *Donec totum impleat orbem* («Донеже не заполнит весь мир»).

В кабинете короля был настелен роскошный паркет и маркетри из дерева различных оттенков. Стены украшали ореховые панели, окаймленные деревом контрастных тонов, причем на каждом панно красовались девизы короля и Дианы. Камин украшала корона империи в окружении полумесяцев, цветов лилии и девизов.

Сибе поместил в верхние панели двух молелен часовни эмали Леонара Лимозена, которые впоследствии унаследовала шартрская церковь Святого Петра. В 1547 году за эту работу художнику было уплачено 200 ливров и 10 су, а картины доставили в замок Сен-Жермен-ан-Ле, откуда Генрих тотчас переправил их в Ане. А последний и впрямь с самого начала царствования производил впечатление королевского замка. Для торжественных церемоний там был установлен трон под балдахином из серебряных и золотых тканей, поставленных самой Дианой.

Но и вне стен замка невозможно оставить без внимания свидетельства особых отношений, соединявших короля и герцогиню. Дама-патронесса преобразила даже приходскую церковь Ане. Новое здание в 1553 году освятил Пьер де Лаваль, епископ Сеезский. На входной двери и трибуне выгравированы «Н» и «D», а черная и белая мраморная плитка пола усыпана полумесяцами. К скульптурным украшениям приложил руку Жан Гужон. Богатство Дианы позволяло привлечь к работе самых знаменитых художников того времени, как она поступала и при отделке своих особняков в Фонтенбло и Париже, к которым присовокупила полученный от де Брезе особняк Барбет, а также дом, конфискованный у герцогини д'Этамп, и еще один, подаренный генеральным казначеем Блонделем де Роканкуром. Столь же ревностно Диана заботилась о декоре и обстановке своих замков Лимур, Пизансон, Сериньян, Этуаль.

Ане стал излюбленным местом королевских развлечений^[469]. Генрих II, как сообщает Филибер Делорм, приезжал туда очень часто, «более озабоченный и заинтересованный всем в оном замке происходящим,

нежели тем, что предпринималось в его собственных домах». Английский посол Уильям Бикринг, которого принимали в Ане в марте 1553 года, не скрывал восхищения: «Я отправился ко двору, находившемуся тогда в Ане, замечательном и роскошном дворце мадам де Валентинуа, в 13 лье от Пуасси. После аудиенции у короля мадам де Валентинуа распорядилась подать для меня угощение в галерее, а затем показать все тамошние достопримечательности, которые оказались столь великолепны и поистине царственны, что я никогда ничего подобного не видывал».

Такой же энтузиазм выразил и юный дофин Франциск в письме от 13 ноября 1550 года: «Будучи со своим королем и кузиной де Валентинуа, бесспорно, не ошибусь, высказав, какое удовольствие получил я в Ане, увидев столь красивый дом, чудесные сады, галереи, вольеры и множество других дивных и хороших вещей, и я никогда не спал лучше, чем в большой постели, расстеленной для меня в спальне моего короля».

А Габриэль Симеони в письме к парижскому прево, отправленном из Ане 28 апреля 1554 года, вторит хвалам роскошеству приема, который там оказывали гостям: «Мадам де Валентинуа весьма печется обо всех и постоянно устраивает пиршества и развлечения королю, королеве и прочим персонам [...]. Вчера король так страстно преследовал оленя, которого, впрочем, так и не убил, что ныне утром чувствовал себя нездоровым и трапезовал у себя в спальне, а Мадам устроила в садах пир монсеньорам кардиналам Лотарингскому, д'Альби, Вандомскому и господину коннетаблю».

Для того чтобы устраивать охоты, необходимо располагать немалым пространством. Диана не стала ждать восшествия на престол своего царственного любовника, чтобы увеличить свои угодья. Для расширения парка ей пришлось сделать множество приобретений. Так, 4 февраля 1546 года она купила у Жанны Бурж, супруги Антуана Бланшиссона, одного из псарей монсеньора дофина, арпан полей. В следующем году 12 мая Диана добавила к своим землям «имущество, включающее несколько групп зданий», а 29 августа 1548 года купила еще один сад, окруженный стенами. В общем, Диана не упускала возможности приобрести любую пядь земли ^[470].

Это расширение территории — цель, преследуемая с редким постоянством, — не так уж дорого обходилась по сравнению с тем, что она вкладывала в строительство. Сумма расходов по счетам за 1557 год достигала 16 278 ливров. Жан Менар, сеньор де Ла Менардьер, владетельный сеньор Сент-Обена, Филипп де Майи, а также Жак де Пуатье

и Пьер де Пуатье, архидиакон Кутанса, кузен герцогини, посещали ее владения, распоряжаясь покупками и продажами. Особый контролер, Жан Дюкенуа, проверял расходы. Секретарь выплачивал мелкие суммы наличными, выданные местным казначеем, который пребывал в подчинении у казначея генерального. По каждому владению был свой сборщик податей. Последние шли на уплату жалованья духовнику, капеллану-исповеднику, клиру часовен и алтарей, судьям и персоналу, обслуживавшему воды и леса, садовникам, чиновникам, а также лакеям из конюшен и псарен, зверинцев, птичьих вольеров, кухонь и домашней обслуге.

Счета показывают, что сад, как и в Шенонсо, был предметом особых забот хозяйки дома. Садовники Жак Малле и его сын Клод расписывали там причудливые арабески, окаймленные карликовым кустарником и украшенные цветами, чьи краски гармонировали с цветом черепицы, кирпичной кладки и подкрашенного песка, окружавшего здания. На перекрестках аллей были установлены мраморные вазоны, увенчанные урнами. Гости, и в их числе особенно поэты, оказывались весьма чувствительны к этой оригинальной версии сада на итальянский манер.

Спуститься из замка в сад можно было по галерее, полуутопленной в земле, и через криптопортик, для которого флорентийский астролог Габриэль Симеони предложил роспись во славу Дианы и короля^[471]. «В первой части это женщина, олицетворяющая земли Ане, с тремя башенками на голове и охотничьим соколом на левой руке, а ее колесницу везут олень и кабан — животные, изобилующие на этих землях, правой же рукой она делает знак королю. Надпись гласит: „Это он позволил пастись моим быкам и овцам“». Диана и в самом деле не употребляла и не предлагала гостям ничего такого, что не производили бы ее владения: впрочем, она этим обстоятельством весьма гордилась, о чем свидетельствует надпись, выведенная в столовой золотыми буквами.

Часть вторая посвящалась королю. Симеони представил его всемогущим судьей над делами мира сего: «Я приказал изобразить голову в виде солнца ради его величия, остальную часть фигуры — в виде символа мира, а в правую руку вложил боевой меч со следующим девизом: „Готов как к тому, так и к другому“».

Третья часть воспевала «божественность Дианы»: «Я распорядился начертать Диану с земным шаром в виде золотого яблока в правой руке и горящим факелом — в левой. Колесницу ее влекут лань и бык, а надпись гласит: „Целомудренная Диана возвышает и ведет за собою мужчин

благодаря своей порядочности“. Образом золотого яблока я хотел подчеркнуть богатство и могущество означенной дамы, а факел означает свет, даруемый Дианой, как это часто изображалось на оборотной стороне античных медалей, в том числе на одной бронзовой из Фостина, найденной мною в этом городе, — там виден и факел, и символизирующий богиню полумесяц на плечах».

Куда более, нежели приятные прогулки, игры на воде и физические упражнения, короля привлекала в Ане охота. В этом отношении все полностью соответствовало его вкусам: конюшни, псарня, зверинец для охотничьих леопардов и гепардов, соколятня, вольер для берберийских петухов и индюшек располагались вокруг двора, посреди которого царил фонтан «Диана с оленем». Именно оттуда охотничьи своры отправлялись в леса Дрё и Розо. Охота на зайцев чередовалась с погоней за оленем, соколиной или ястребиной охотой. А заканчивался день общей встречей в большом зале «бань», куда доносились мелодичные звуки оркестров, укрытых в соседних павильонах. Затем королевская свита возвращалась в замок на вечерний пир и бал.

У современных поэтов это место изысканных увеселений вызывало немалый восторг. Йоахим дю Белле воспевал его в сонете 159 своих «Сожалений»^[472]:

Вашего ДиАне (по имени вашему я называю
Ваш дом в Ане) дивная архитектура,
Одухотворенный мрамор, живая живопись
Заставляют считать его прекраснейшим:
Чудные золоченые панели, блестящая часовня.
Великолепные башни, богатая кровля.
Сад, затканый вечной зеленью.
Живой фонтан с вечным источником:
Сии творения (Мадам) тому, кто их созерцает,
Напоминают совершеннейший образец античности.
Показывают искусство и восхитительную щедрость.
Но величайшая кротость в сочетании с величием
И благословенная Звезда — с мудростью
Делают вас куда более всего этого достойной изумления.

Оливье де Маньи тоже посвящает «Оду» воспеванию красот и очарования «садов Эвне». Для него, как и для дю Белле, поместье являет

собой волшебный союз «мудрости», «добродетели» и всемогущества. Поэт воздает по заслугам и целомудренной вдове великого сенешаля, и подруге Аполлона одновременно.

Ронсар в стихотворении, написанном в 1556 году, описывает дворец Ане как истинный храм богини, вернувшейся на землю ^[473]:

Если б я мог, Маньи, достигнуть благодаря милости
Нашего д'Авансона расположения той.
Что носит сто тысяч имен из-за своего воздействия
И трижды меняет лик:
Возле садов Ане, в прелестном месте,
Я запечатлел бы ее достоинства в бессмертных письменах
И всех могущественных богов, идущих за нею.
Когда, повесив на шею рог, она мчится на охоту...

Диана де Пуатье — это новая Диана, более совершенная, чем прежняя. Лесть поэтов, основанную на мифологии, более ничто не сдерживает. Дю Белле умоляет ее добиться от возлюбленного покровительства искусству и, стало быть, девяти музам ^[474]:

Сделай же так, святая Диана,
Чтобы сей добродетельный король,
Исчерпав силы неугомонного Марса,
Изредка прислушивался
К голосам девяти Дев.

Ронсар просит лишь за себя самого:

И точно так же, как Луна, приближаясь
К Солнцу, обретает яркость, добродетель, силу, могущество,
Потом, отдаляясь от него, нежным приливом
Питает небо, землю и море.
Так наше Солнце, озаряя Вас своими лучами.
Позволяет Вам источать счастье на Францию,
Но я еще не в полной мере ощутил изобилие.
Даруемое каждому Вашими дивными чертами.
Диана, которой и ста имен было бы мало,

Возьмите лук и придите уничтожить чудовище.
Которому безразличны песни...
Феб любит стихи, как король поэтов,
А Диана — его сестра: стало быть, если вы его сестра.
Любите служителей Феба, своего брата ^[475].

Со своей стороны. Оливье де Маньи заявляет, что античная богиня Луны навсегда уступила место Диане новой ^[476]:

Она сияет лишь ночью, в свой черед.
Но ваши добродетели и днем и ночью
Изливаются на нас и украшают мир...
Ибо Солнце, благословенная принцесса,
От которого вы получаете сей божественный свет,
Куда величественнее того, от коего Феба
Получает свет на склоненное чело.

Уступая этой волне льстивых уверений, Диана приказала изображать себя в Ане в виде богини-охотницы, о чем свидетельствует описание от 1640 года: «Что еще весьма достойно внимания, так это длинная галерея слева, полная множества великолепных картин и пейзажей, а также портретов означенной Дианы де Пуатье, то изображенной в виде охотницы, то обнаженной, подобно Диане Античности, то одетой с великой пышностью, свойственной моде того времени, иногда — такой, как в совсем юные годы, иногда — постарше, словом, в различных ипостасях и убранстве».

Эти портреты, написанные в то время, когда Диане уже перевалило за пятьдесят, были, несомненно, идеализированы ^[477]. Среди них могла находиться и «Диана-охотница», ныне хранимая в Лувре, созданная между 1550 и 1560 годами. Франсуаза Бардон так определила стилистические особенности этого произведения: «В сочетании мягкости и несколько фригидной хрупкости, в нематериальности плоти, лишь едва женственной, и этой тихой холодности есть напоминание об эстетике Фонтенбло. Однако в естественном моделировании тела, реалистическом изображении правой руки, точности воспроизведения украшения, скрепляющего ленту, видна принадлежность к французскому искусству — искусству, уже

освободившемуся от итальянской манеры. Это стиль периода Ане — сочетание идеального и естественного».

По мнению того же автора, с этой картиной стилистически довольно сходна и «Диана» из коллекции Спенсера в Алторпе — поясной портрет охотницы. Иная версия картины — из музея Санлиса — запечатлела Диану на отдыхе, возлежащую подле оленя. Надпись на картуше картины Спенсера — цитата из псалма 42-го «Оливетанской библии» (французской версии, опубликованной Пьером-Робером Оливье в 1535 году для Водуа Альпийского):

Как олень, истомленный жаждой, стонет
У иссякшего источника,
Так стенает моя душа
Без тебя, о. Господи!

Король Генрих, как говорили, любил распевать этот псалом на охоте, а Диана отвечала ему пением другого гимна.

Вполне естественно, что все, кто благодаря родству, из соображений выгоды или из благодарности поддерживал отношения с Дианой, исповедовали культ новоиспеченной богини. Так обстояло дело в Бургундии с графом де Тоннер, Антуаном де Клермоном, супругом Франсуазы де Пуатье, сестры Дианы. В его замке Анси-ле-Фран самое почетное место в «зале Дианы», чей свод населяли божества Олимпа, отводилось именно богине-охотнице. Она представляла застигнутой во время купания вместе со своими нимфами и поражающей проклятием Актеона, потом, в облике Дианы-Венеры, получала от Париса золотое яблоко за красоту, к великой досаде Минервы и Юноны. Благочестивые сентенции тщетно пытались смягчить языческий характер изображений. Так, над сценой с Актеоном можно было прочесть: «Господь, даруй славу нам, но во имя твое».

Неподалеку, в Танле, Франсуа д'Андело, брат Колиньи, в 1559 году тоже начал перестраивать свой средневековый замок. От этих строительных работ сохранилась угловая башня главного здания, известная как «башня Лиги». Там на фреске мы видим собрание богов, как на параде представших перед грозным оком Юпитера, мечущего молнии. Если воинственные божества снабжены привычными атрибутами — палицей, трезубцем или копьем, то богини вооружены лишь собственной красотой. Юнона, изображенная вместе со своим павлином, отвернулась от зрителя,

зато Диана-Венера смотрит прямо на него.

Эта красивая совершенно нагая женщина с гармоничной фигурой и гладким, без единой морщины лицом простирает левую руку над головой Купидона, который извлек из колчана стрелу и собирается наложить ее на тетиву лука. Правая рука богини лежит на плече свирепого воина в доспехах и шлеме, а тот, в свою очередь, левой рукой ласкает бок дамы. Этот символ двойного обладания точно иллюстрирует отношения короля и его любовницы. Мифология была весьма удобным способом во всеуслышание прославлять несравненную власть герцогини де Валентинуа. Но и тут царила двусмысленность: был ли запечатленный на фреске Марс королем, коннетаблем де Монморанси, дядей д'Андело, или герцогом Франсуа де Гизом? Можно было выбирать по вкусу, тем более что никакие соображения не мешали увидеть Генриха II в Юпитере, возвышающемся над всей композицией. И тем не менее на фреске в Танле, как и во всех подобных изображениях, украшавших дома знати, Диана-Венера оставалась неоспоримой любовницей суверена королевского Олимпа.

Но было ли это пределом лести? Вовсе нет. Дю Белле принадлежала честь объявить, что власть Дианы над королем, воспеваемая всеми в образах античных легенд, была волеизъявлением самого Бога ^[478]:

Мадам, не думайте.
Что Бог, который дарует свою милость,
Одних делает низкорожденными,
А других венчает короной,
Без причины даровал вам
Благородный ум, положение,
Нежность, изящество,
Добродетель, это великое благо,
Что сияет на вашем лице.
Сии дары Он в вас вложил,
Дабы через вас Его познали,
И этот великий Король
С непоколебимой верой
Вверил вам свою душу,
И чтобы Его привязанность
Благодаря вашему совершенству
Воссияла священным пламенем.

По велению Господа Диане надлежало просвещать и вести принца как под сводами дворцов, так и сквозь хитросплетения иностранной политики. Вы, — добавлял поэт, —

У кого нет иной заботы,
Кроме процветания Его величия
И стремления, чтобы все Его дети
Великими свершениями
Однажды сравнялись с Отцом.
Этим вы завоевали
Сердце всей Франции,
Которую нельзя покорить
Лишь величием или властью,
Если мягкость и кротость
Не идут об руку с ними.
Как это свойственно вам. Мадам.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

ВОЗРАСТ МУДРОСТИ

Глава I

ИТАЛЬЯНСКАЯ ЛОВУШКА

Спасение Франции, благополучие короля и ее собственные интересы вынуждали Диану пристально следить за событиями за пределами государства. Через восемь лет после восшествия Генриха II на престол в центре внимания как Короны, так и герцогини де Валентинуа оставалась Италия.

Во время Сиенской кампании посол Франции в Риме Оде де Сельв был взят в плен имперцами. Он оставался одним из преданнейших корреспондентов герцогини. Последняя заменила его другим посланником — Жаном де Сен-Марселем, сеньором д'Авансон, советником Гренобльского парламента. Д'Авансон и до этого жил в Риме, где совместно с Клодом д'Юрфе добивался признания прав Дианы на графство Кьюзи и побережье Перузийского озера. В марте 1555 года он стал временно исполняющим обязанности посла. Диана могла доверять д'Авансону — преданность герцогине де Валентинуа уже принесла ему в 1550 году аббатство и 4 тысячи ливров дохода ^[479].

События в Тоскане не благоприятствовали удачному ходу действий, предпринятых от имени Дианы. Поражение, нанесенное Пьеро Строцци при Марсиано 2 августа 1554 года, имело следствием осаду Сиены: после нескольких месяцев осады город вынужден был капитулировать и 17 апреля 1555 года вернуться под власть Комо ди Медичи. Герцог Флорентийский не скрывал раздражения против Франции: немногочисленные, но непреклонные сиенцы продолжали борьбу, укрывшись в местечке Монтальчино, последнем уголке того, что могло бы стать «Французской Тосканой» ^[480].

Все это приводило короля в дурное расположение духа. Екатерина Медичи тщетно пыталась поддержать дело флорентийских изгнанников. Гизы были расстроены поражением своего родича кардинала Ипполито д'Эсте, управлявшего Сиеной. Но смерть папы Юлия III породила у них новые надежды: нельзя ли, заплатив соответствующую цену, добиться избрания нужного кардинала на папский престол?

Конклав собрался 5 апреля 1555 года в отсутствие десяти кардиналов французской группировки, не успевших прибыть в Рим. Накануне Генрих II отправил распоряжения кардиналу д'Эсте: «Кузен, я и слышать не желаю о том, чтобы не предпринимать всего от меня зависящего, дабы вы, мой родич и кардинал Феррары, обрели папскую тиару».

Герцогиня де Валентинуа объявила о своей солидарности с Гизами. Она потребовала от Жана д'Авансона твердо поддерживать кандидатуру Ипполито д'Эсте, рассчитывая, что, став папой, тот разрешит все спорные вопросы в ее пользу. Однако 9 апреля был избран реформатор Марчелло Сервини, получивший имя Маркела II, а 1 мая, после его внезапной кончины, другой суровый кардинал, неаполитанец Джан Пьетро Карафа, завоевал папский престол и 23 мая воссел на него под именем Павла IV^[481].

Новый глава Церкви не скрывал ненависти к испанцам, оккупировавшим его родину: это, говорил он, «помесь евреев и мавров». Папа терпеть не мог и Карла V, который разграбил Рим и распространил в Германии «ублюдочную религию».

Сразу после избрания, 7 июня 1555 года, Павел IV назначил своего племянника Карло Карафа кардиналом-диаконом и поручил ему вопросы управления и дипломатии. Карафа-младший был некогда кондотьером. Посол д'Авансон быстро с ним подружился. Таким образом он рассчитывал добиться признания прав Дианы, но для этого требовалось, чтобы Святой престол отмежевался от герцога Флорентийского и его покровителя императора.

В начале августа чаяния французов стали сбываться. Курия заняла враждебную позицию по отношению к Карлу V и его сыну. Ободренные этим обстоятельством, д'Авансон и его коллега Луи де Лансак заклеили Карло Сфорца, приора Мальты, покинувшего службу Франции и перешедшего на сторону испанцев, а заодно донесли о заговоре членов семьи Колонна против папы^[482]. Их очень обрадовало отречение Карла V от престола 25 октября 1555 года и последовавшая за этим передача всех его титулов и владений сыну, Филиппу II: эмиссары Франции предполагали, что ожидавшийся период нестабильности, возможно, удастся использовать для изгнания испанцев из Италии.

При французском дворе Гизы и Диана убеждали короля, что он мог бы завоевать Неаполь и отдать его одному из своих сыновей. Гизы соглашались возглавить поход в это королевство, где Диана надеялась вновь обрести старинные калабрийские владения своей семьи вокруг Кротоне. Эрколе II Феррарский, вызванный королем, изъявил согласие

помочь. Пьеро Строцци получил приказ отправиться на подмогу сиенцам, дабы отвлечь внимание. И все это — к величайшему удовлетворению Екатерины Медичи ^[483].

Французские агенты славно поработали в Риме: кардинал Лотарингский уговорил папу 15 декабря 1555 года подписать наступательный союз, а 17 января 1556 года он передал герцогу Феррарскому экземпляр этого документа, подписанный королем ^[484]. Оставалось лишь подготовиться к началу войны с испанцами. Однако 16 февраля 1556 года стали известны статьи договора, заключенного в Воселле при посредничестве Монморанси между Генрихом II, императором и его сыном Филиппом ^[485]. Рассуждая логически, в него включались все союзники Франции. В Риме это вызвало огромное разочарование, тем более что папа только что послал к королю герцога де Сомма, главу неаполитанских изгнанников, чтобы обсудить подробности похода в Неаполь ^[486].

Симпатизировавшие Франции итальянские принцы растерялись. Оттавио Фарнезе открыто встал на сторону Испании. Чтобы удержать герцога Феррарского, король предложил ему щедрый пенсион, а папа Павел IV получал титул главнокомандующего Папской области ^[487]. Рим и в самом деле не отказался от кампании против Неаполя: 11 мая, дабы предусмотренное договором наступление состоялось, кардинал Карафа отправился из Чивитавеккии во Францию. Ко двору он прибыл с роскошной свитой и всевозможными подарками — античными скульптурами, вышитыми тканями, шпагой и шляпой, получившими папское благословение, для короля, золотой розой для королевы и, несомненно, также дарами для Дианы и наиболее влиятельных членов Совета ^[488].

В Фонтенбло 4 июля кардинал держал над купелью одну из близняшек, только что родившихся у Екатерины, нареченную Викторией ^[489]. После этого во время праздничного застолья он резко выступил против испанцев, обвинив их в подготовке захвата Вечного города. Благодаря вмешательству Дианы и Гизов 31 июля король пообещал отправить в Рим две тысячи гасконцев, а 10 августа в Ане, вопреки Воселльскому договору, решил возобновить наступательный союз с герцогом Феррарским, дабы обеспечить защиту Святого престола ^[490].

Кардинал Карафа 5 сентября в Антибе вместе с войсками, посланными Францией, сел на галеру капитана Полена, барона де Ла Гарда. Эскадра

высадила пассажиров в Чивитавеккии. На обратном пути она угодила в сильную бурю. Галеры укрылись на Корсике, точнее на побережье Сен-Флоран. И тут, рассказывает Брантом, Полен увидел, как мимо идут «одинадцать больших кораблей, отлично оснащенных для войны и везущих 6000 испанцев в Италию, с тем чтобы высадить их в Генуе»^[491]. Барон бросил против них свои галеры. Он захватил и потопил один корабль, другой ожидала та же участь, а остальные поспешили прочь. Из тех, кого пошвыряли в море, «большинство утонули, и лишь немногих спасшихся заковали в железо».

Диана не замедлила узнать об этом пленении от своего родственника Шарля де Леви, барона де Шарлюса — он был сыном Жана де Леви и Франсуазы де Пуатье, тетки Дианы. Как великий распорядитель и управляющий вод и лесов, благодаря королевской милости, барон пользовался привилегией располагать львиной долей добычи с вражеских кораблей. Диана, полагая, что это касается и экипажей кораблей, захваченных Поленом де Ла Гардом, обратилась с этим вопросом к королю. Генрих II, писала она своему кузену^[492], дал согласие на то, чтобы пленников, которых герцогиня называет «рабами», продали тому, кто предложит наиболее выгодную цену: можно предложить их генуэзцам, союзникам Испании, или же капитанам галер, предлагающим за каждого гребца по 25 экю, что в целом за 480 мужчин составит 12 тысяч экю. Но главнокомандующий короля на Корсике Джордано Орсини предложил индивидуальную оплату в 40 экю. Оставалось лишь выбрать наиболее щедрого покупателя, поскольку турецкий султан, по-видимому, тоже был заинтересован в покупке пленников, а сделка с ним могла оказаться весьма выгодной: среди несчастных узников, возможно, были и турки, ранее захваченные испанцами. Как бы то ни было, Диана напоминала, что выручка от продажи «рабов» принадлежит ей: «Деньги, которые вы получите, прикажите, коли сие осуществимо, переправить через банк, дабы вам не пришлось беспокоиться о самоличной их доставке». А свою спешку с этим вопросом она оправдывала желанием использовать означенные деньги для выкупа сына Шарлюса, угодившего в плен в Германии: «Я сделаю все возможное для скорейшего его выкупа».

Как и следовало ожидать, вскоре в Италии началась война. После того как 27 июля консистория прокляла Карла V и Филиппа II, герцог Альба Фердинанд Альварес де Толедо, вице-король Неаполя, стал готовить ответные действия. Он предупредил Павла IV, что сделает все от него зависящее, дабы воспрепятствовать захвату Неаполитанского королевства

французскими солдатами. 1 сентября он перешел границу Папской области во главе 12 тысяч пеших солдат и 1500 кавалеристов. Армия быстро продвигалась вперед, поджигая, грабя, насилуя и сея на своем пути ужас ^[493].

Тем временем в Нидерландах Карл V заканчивал подготовку к уходу со сцены. Он передал императорские регалии своему сыну Филиппу, назначенному постоянным викарием Италии, дабы те были вручены Фердинанду Австрийскому. Карл сел на корабль 12 сентября вместе с сестрами — вдовствующими королевами Марией Венгерской и Элеонорой Французской, а 28 сентября суда бросили якорь в Лоредо, на астурийском берегу, откуда Карлу предстояло направиться в свое последнее пристанище — монастырь Юст, где он затворился с 3 февраля 1557 года и пребывал до дня смерти, 21 сентября 1558 года ^[494].

Став единоличным вершителем дел империи, Филипп проявил свой истинный характер — вдумчивый, методичный и суровый. Он тщательно изучал донесения, приходившие из Рима. Поскольку он не проявлял ни малейшего снисхождения, разгневанный папа объявил его «гнилым отростком Христианства», обозвав при этом «мелким негодяем».

Герцог Альба тем не менее продолжал двигаться к Риму. Замки, конфискованные у семьи Колонна, распахнули перед ним ворота. Перепуганные папа и его племянники молили Генриха II прийти на помощь. После бурных обсуждений 5 октября в Совете король пообещал отправить армию из 500 копейщиков и 10 тысяч швейцарцев. Принимая это важное решение, Генрих пренебрег доводами Монморанси, осуждавшего возобновление войны. Воинствующая партия Гизов одержала полную победу. Королева, едва успев оправиться от крайне мучительных родов, объявила прибывшему ко двору нунцию Чезаре Бранкаччио, что ее муж не изменит решения. Екатерина радовалась, ибо рассчитывала извлечь выгоду из новой кампании Пьеро Строцци и вернуть себе тосканские владения, а также герцогство Урбино, некогда принадлежавшее ее отцу: герцог Гвидобальдо делла Ровере был бы таким образом наказан за то, что встал на сторону Фарнезе, которых Франция теперь почитала предателями.

Итак, королева полностью поддерживала итальянскую кампанию, равно как Гизы и Диана. Она поручила своему верному Никколо Аламанти добиться от флорентийских банкиров Лиона займа в 300 тысяч экю на войну в Италии. Те с энтузиазмом согласились дать ссуду и вооружить две тысячи пехотинцев и четыре тысячи всадников для захвата Тосканы. Диана де Пуатье изъясляла полное удовольствие: ее ставленник, посол Жан

д'Авансон, находившийся у истоков альянса между Францией и Римом и славно потрудившийся, защищая интересы герцогини, получил в награду пост сюринтенданта финансов. Оде де Сельв, возможно, более способный разобратся в итальянских интригах, вернулся в Рим ^[495].

Блез де Монлюк усилил папский гарнизон на восемь тысяч солдат. Но герцог Альба, осадивший город, был уверен, что сумеет принудить его к капитуляции. Поэтому в ноябре он согласился заключить перемирие с кардиналом Карафой: Альба не подозревал, что в это самое время Генрих II посылал герцога Гиза возглавить собранную в Пьемонте армию. Гиз выехал в Лион вместе с женой, Анной д'Эсте, и братьями — герцогом д'Омалем, зятем Дианы де Пуатье, и маркизом д'Эльбефом, а также принцем Альфонсо Феррарским, своим зятем, и Жаком Савойским, герцогом де Немур. Последний, оставив протестантскую принцессу Жаклин де Роган, на которой обещал жениться, рассчитывал получить в Италии руку Лукреции д'Эсте, дочери Эрколе II, герцога Феррарского ^[496].

Перебравшись через Альпы в Мон-Сени на следующий день после Рождества, Гиз 28 декабря 1556 года вошел в Турин. Оттуда он направился в герцогство Миланское и 17 января 1557 года захватил Валенцу. Кардинал Мадруццо, представитель Филиппа II в этой провинции, констатировал, что в результате поименованных действий заключенный в Воселле договор был нарушен ^[497].

В тот момент Гиз мог бы остановить продвижение своей армии к Риму и захватить герцогство Миланское. Но кардинал Лотарингский и герцогиня де Валентинуа устами короля напомнили ему, что в первую очередь необходимо спасти папу от испанской угрозы. Оставив армию под командованием герцога д'Омаля, Гиз поехал в Рим, дабы получить от главы Церкви подтверждение прежних намерений. В доказательство того, что его позиции не изменились, Павел IV в ходе очередного выдвижения кардиналов 15 марта назначил четверых французов и сторонников Франции, притом что всего избранников было десять. Счастливыми стали Жан Бертран, выдвигенец Дианы, кузен королевы Лоран Строщи, епископ Тулонский Антонио Тривульцио и сын маркиза де Монтебелло Альфонсо Карафа ^[498]. Таким образом папа подтвердил дружеские симпатии к Франции. Однако никакой военной помощи он не оказывал. Устав ждать, Гиз покинул Рим в Святой понедельник 5 апреля, чтобы осадить неаполитанский городок Кампли, а затем — Чивителла дель Тронто. Последняя осада длилась с 25 апреля и вплоть до 16 мая — дня позорного отступления: герцог не получил ожидаемых подкреплений, и его солдаты,

ослабленные болезнями, были не в состоянии драться с испанцами. На вербовку наемников денег не хватало, а другие фронты итальянской кампании — в Пьемонте, По и Сиене — никак нельзя было оголять. Гиз лично занял 300 тысяч экю у герцога Феррарского на оплату швейцарцев, но последних уничтожили по пути к его армии войска принца Марка Антонио Колонна, сторонника герцога Альбы. Будущее итальянских планов Франции выглядело изрядно скомпрометированным.

Среди всего этого разброда и сумятицы 23 августа 1557 года курьер испанского посла в Венеции объявил в Ватикане, что тринадцать дней назад силами Эммануила-Филибера Савойского французская армия была разбита на севере королевства под Сен-Кантеном^[499]. Жан д'Энгьен убит, а герцог де Монпансье, маршал де Сент-Андре и герцог де Лонгвиль попали в плен. Судьба коннетабля де Монморанси пока неизвестна. Для Франции это была полная катастрофа. Ничто более не мешало Филиппу II идти прямо на Париж и диктовать Генриху II свою волю. Гиз получил эту страшную весть под Лоретто, еще не вполне выздоровев после тяжелого приступа лихорадки. Сципион Пиовен, конюший короля и интендант кардинала Феррарского, доставил ему приказ немедленно возвращаться во Францию. Одновременно Генрих приказывал барону де Ла Гарду вывести из марсельского порта 10–12 галер, дабы те забрали французские войска из Италии^[500]. Гиз вновь передал командование герцогу д'Омалю, а сам велел на носилках доставить себя в Рим со всей возможной поспешностью. Вместе с послом Оде де Сельвом Гиз уговорил Павла IV начать переговоры, чтобы остановить победоносное продвижение герцога Альбы к Риму. Подобное унижение для клана Гизов, чья звезда внезапно померкла, было поистине нестерпимым. Диана, выступая в поддержку итальянской кампании, подобно королеве, надеялась обернуть ее в свою пользу. Однако стало очевидно, что ни в Неаполитанском королевстве, ни на границах Тосканы Франция еще долго не сможет вести наступательные действия. Оценив положение, папа решил 14 сентября отказаться от выраженного им недоверия королю Испании и его сторонникам. Однако он исключил из списка Марка Антонио Колонна, зато изъявил согласие впредь отказаться от союза с Францией. Удовлетворенный таким решением, король Испании обещал вернуть Папской области захваченные земли, а также недавно оккупированные города и крепости. Испанское иго, которое Павел IV надеялся стряхнуть, поработило Италию крепче, чем когда-либо^[501].

Пытаясь сохранить лицо, понтифик направил двух легатов: первого, кардинала Тривульцио, — к французскому двору, второго, кардинала

Карафу, — к брюссельскому. Предлог — добиться от государей дозволения для их епископов участвовать в генеральном консилиуме в Риме. Однако истинная миссия, доверенная кардиналу Карафе, заключалась в том, чтобы заставить прежних союзников в корне изменить свою позицию и склонить их к союзу с Испанией: вместе с герцогом Оттавио Фарнезе он даже подготовил проект разделения герцогства Феррарского ^[502].

Эти печальные известия, окончательно похоронившие французские надежды в Италии, счастливо компенсировались в глазах короля, королевы и Дианы энергичными действиями герцога Гиза. Достигнув крайнего предела неудач, он в полной мере продемонстрировал свои исключительные организаторские способности. Прежде чем сесть на корабль в Чивитавеккии, он послал 18 знаменосцев в Тоскану, дабы обеспечить охрану сиенских городов, все еще удерживаемых Францией. Основную часть армии — десять французских полков, швейцарцев, жандармерию и легкую кавалерию он передал своему брату герцогу д'Омалю с приказом доставить их во Францию. В этих обстоятельствах зять Дианы также выказал достоинство и стойкость. Пересекая папские земли, он вынужден был ночевать в палатке, так как ни один город не желал принимать французов. В Ферраре д'Омаль оставил герцогу 15 знаменосцев для защиты города. Однако швейцарцев пришлось отпустить на родину, и военачальник заплатил солдатам жалованье, продав собственную золотую и серебряную посуду ^[503].

Тем временем Гиз по дороге домой отвоевал на Корсике соседние с Аяччо порты, захваченные генуэзцами. Другому брату, великому приору, он поручил восстановить тамошние укрепления. Гиза захлестывала бешеная энергия; покидая остров он рекомендовал в случае необходимости обратиться за помощью к турецкому и берберскому флотам для борьбы с испанскими и итальянскими врагами.

Франсуа де Гиз высадился в Марселе 20 сентября, но, вновь сраженный лихорадкой, срочно отправил ко двору Пьеро Строцци, чтобы тот объявил о его скором возвращении. Генрих II ответил собственноручным письмом: «Не смейте болеть и не испытывайте сомнений в том, что никогда ни один господин не был столь же доволен своим слугою, как я вами». Не имея возможности сразиться с врагом, прикованный к постели Гиз пустил в ход организаторские таланты. С торговцами Прованса он заключил договор о снабжении армии продовольствием и значительную часть зерна отправил на Корсику и в Тоскану, чтобы спасти от голода французские войска во время возможной

испанской блокады. Барону де Ла Гарду он приказал плыть за двадцатью полками, оставленными в Чивитавеккии, ибо они требовались во Франции. Только-только встав на ноги, герцог поспешно отправился в путь и 6 октября предстал перед двором в Сен-Жермен-ан-Ле.

Тепло королевского приема было подернуто грустью. Королева, поддерживавшая поход, скорбела об утраченных иллюзиях. Екатерине оставалось смириться с мыслью, что итальянское наследство потеряно для нее безвозвратно. Диана придерживалась того же мнения. Вместе с Гизами она так глубоко увязла в нарушении на редкость благоприятного для Франции Воселльского договора, что народ винил их во всех последовавших бедах и сочинил эпиграмму, быстро облетевшую все королевство:

Народ прощает Генриха, проклиная Монморанси,
Ненавидит Диану, но более всего — Гизов ^[504].

Тем не менее именно от Гизов отныне зависело спасение родины. В отсутствие плененного Монморанси король 20 октября назначил Франсуа де Гиза главнокомандующим, наделив его всеми полномочиями в вопросах как гражданского, так и военного характера. Диана, приветствуя такое решение, все более чувствовала собственную зависимость от победы или поражения герцога в его усилиях добиться для страны почетного мира. Тут решалось, окрепнет ее политическое влияние или изрядно уменьшится. Однако герцогиня хранила полную невозмутимость. Она делала ставку на любовь короля и на то, что удача вернется в лагерь Гизов.

Глава II ВРЕМЯ УСТУПОК

В 1558 году Джованни Соранцо, за три года до того сменивший на посту посла Джованни Капелло, подводил итог порученной ему миссии ^[505]. Франция тех времен — процветающая страна, богатая благодаря сбалансированной внешней торговле, в которой экспорт и импорт давали по полтора миллиона золотых экю в год. Жители королевства этим весьма гордились. Послушаем описание посла:

«Французы, как правило, обидчивы, горды и нетерпеливы,

что видно во время войн, когда после первого порыва они внезапно застывают чуть ли не в полном бездействии. Люди сии куда щедрее за границею, нежели у себя дома. Когда пообвыкнешь приравливаться к их настроениям, то обычно находишь неизменно вежливыми. Поелику возможно они неприятностей избегают. Главное же свойство французов — обыкновение крайне мало думать. А потому часто принимаются скоропалительные решения, и сие приводит к тому, что, едва успев закончить какое-нибудь предприятие, они понимают, какую допустили оплошность, и раскаиваются, однако мощь государства столь велика, что позволяет всякого рода ошибки...»^[506]

В том же 1558 году, одиннадцатом году его правления, Генриху II исполнилось 39 лет.

«Король высок ростом, весьма хорошо сложен и приспособлен для всяческих утомительных упражнений. Он отличается крепким здоровьем и не страдает никакими болезнями, не считая мигрени, которую пытается побороть с помощью пилюль. Король смугл и темноволос, но по всей шевелюре уже пробивается седина. Мускулатура его на диво развита, но, коли не поостережется, постоянно занимаясь физическими экзерсисами и не ограничивая себя в еде, очень скоро станет тучным. Черты продолговатого лица несколько грубы, глаза — маленькие и светлые. Обликом слегка меланхоличен, ибо король и впрямь таков от природы, однако он также проникнут величием и доброжелательностию. Во всем, что касемо еды, питья и сна, он крайне сдержан, ест и пьет очень мало.

Распорядок дня государя всегда одинаков: он рано встает, собирает узкий круг советников и заседает с ними в течение двух часов, потом присутствует на богослужении и публично завтракает. Затем еще два часа дает аудиенции. Именно в это время он принимает послов. Помимо французского говорит по-испански и по-итальянски. После аудиенций король с небольшой свитой удаляется в апартаменты мадам де Валентинуа, где проводит около часу, а далее играет в пель-мель, мяч или посвящает время иным упражнениям. После обеда на публике

король идет к королеве, где собирается большая часть придворных и дам, и с удовольствием беседует с ними более часу ^[507] [...].

Король предпочитает солдатскую компанию обществу утонченных мыслителей. Он любит войну и охоту, по большей части — на оленя, и выезжает на нее два-три раза в неделю. Любит он также музыку и охотно внимает ей при пробуждении и отходя ко сну. Король не склонен ни к строительству, ни к коллекционированию драгоценностей или ковров. Однако ходят слухи, что, когда все войны закончатся, он выстроит большой дворец» ^[508] .

Дипломат продолжает галерею портретов:

«У королевы Екатерины не в меру широкое лицо, но пропорциональная фигура. Она весьма щедра, многим покровительствует, и особенно итальянцам. Все ее любят, а она более всего любит короля: думает лишь о том, чтобы оставаться подле него, и ради этого готова преодолевать любую усталость. Король разделяет с королевой все почести, но также доверяет ей тайны, особенно после того, как коннетабль угодил в полон, и не пренебрегает советами супруги. То, что королева подарила государю десять детей, в немалой степени объясняет подобную привязанность» ^[509] .

В этот трудный период Диана обладала огромным влиянием на короля, значительно большим, чем влияние герцога Гиза или кардинала Лотарингского ^[510] .

«Мадам де Валентинуа, подобно им, пользуется благорасположением Его Величества. Ей шестьдесят лет. Мадам давно овдовела, а некогда была супругой великого сенешаля Нормандии. Герцогиней же стала по воле Его Величества в самом начале царствования. Эта дама была изумительно красива и в молодые годы открыто любима королем, но, хотя с течением времени их любовь по-прежнему сохранилась нетленной, она ни разу не проявлялась прилюдно ни единым бесчестным поступком, могущим нанести урон репутации монарха.

Имя сей дамы Диана, посему Его Величество сделал своим символом полумесяц, присовокупив к нему девиз „*Totum donee compleat orbem*“, а также избрал ее цвета — черный и белый — своими, каковые носит сам и предписывает носить своему окружению.

Герцогиня слывет особой крайне осмотрительной и превосходной советчицей. Король разделяет с нею все свои секреты. По ходатайству мадам де Валентинуа он куда легче раздает привилегии, нежели иным путем. Частично от нее зависит и распределение церковных бенефиций. Сия дама воочию выказывает любовь и величайшее почтение королеве. В случае болезней и иных нужд она совершенно предается в распоряжение государыни и ее детей и преданно служит им всеми своими силами. А потому, хоть королева некогда, а возможно, и ныне испытывает некоторую ревность, она хотя бы внешне никак не может не воздавать герцогине хвалы и не держаться с нею весьма любезно. Вдобавок Ее Величество знает, что, поступая таким образом, делает приятное королю».

Диана неизменно выказывала крайнее недоверие к коннетаблю, поскольку тот пытался удалить от нее короля. Зато с Гизами, напротив, герцогиня была очень дружна, так как те ее уважали и были связаны с ней родством.

«Эта дама весьма богата, ибо король сделал ей немало щедрых подарков. Будучи неимоверно алчной, она стремится накопить как можно больше, пуская в ход любые средства. Состояние герцогини унаследуют две дочери — единственные ее дети, одна из которых замужем за герцогом Буйонским, а другая — супруга сеньора д'Омаля».

Внешне в королевском «тройственном союзе» царил мир. После скандала, разразившегося из-за связи Генриха с леди Флеминг, король стал тщательно скрывать свои временные увлечения. По словам Брантома, ему очень ловко удавалось ускользнуть от надзора Дианы и королевы ^[511]:

«Весьма склонный к любви, но также крайне почтительный к дамам и скрытный, а следовательно, любимый и тепло принимаемый ими, когда порой вместо собственной постели ему

случалось предпочесть ложе ожидавшей сего дамы, король пробирался туда лишь по тайным галереям Сен-Жермена, Блуа и Фонтенбло, пользуясь скрытыми лесенками, закоулками и мало кому известными ходами своих замков, а плюс к тому Генриха II неизменно сопровождал доверенный лакей [Пьер де Гриффон], шествовавший впереди с рогатиной и факелом в руках. А король шел следом, прикрывая лицо плащом или держа под мышкой ночную рубашку и шпагу. Возлегли же с дамою, он клал свою рогатину у изголовья, а Гриффона выставлял у крепко запертой двери, где тот либо дежурил, либо спал».

Имена этих не слишком стойких красавиц нам неизвестны, за исключением одной из последних «второстепенных» любовниц. Николь де Савиньи, родившей в 1558 году мальчика, в очередной раз нареченного Генрихом, но так и не признанного королем. Эта дама была замужем за Жаном де Вилем, сеньором де Сен-Реми, и в отношении отцовства навсегда остались сомнения. Впрочем, позже Генрих де Сен-Реми получил от короля Генриха III в дар 30 тысяч экю и право включить в гербовую символику три золотые лилии. Ему суждено было стать предком графини де Ла Мот-Валуа, авантюристки, прославившейся историей с колье королевы в царствование Людовика XVI^[512].

Что касается Екатерины, то ее, по-видимому, тайные похождения короля беспокоили гораздо меньше, чем знаки любви, по-прежнему публично расточаемые им Диане. Однако она старалась скрывать ревность, чтобы не отдалить от себя мужа. Однажды Екатерина напишет своей старшей дочери Елизавете, ставшей королевой Испании: «Я так его любила, что всегда боялась». В распоряжениях государственному секретарю Бельевру, которого она в 1584 году посылала к другой дочери, Маргарите, надеясь помирить ее с ветреным супругом, Генрихом Наваррским, Екатерина позволила себе сделать еще одно признание: «Я радушно принимала мадам де Валентинуа, ибо король [вынуждал меня к тому], и при этом я всегда давала ей почувствовать, что поступаю так к величайшему своему сожалению, ибо никогда жена, любящая своего мужа, не любила его шлюху, а иначе ее не назовешь, как бы особам нашего положения ни было тягостно произносить подобные слова»^[513].

Однажды ненависть Екатерины проявилась столь явно, что герцог де Немур предложил плеснуть кислоты в лицо ее соперницы. Позже он напомнил об этом королеве — государственный секретарь Клод д'Обепин

упоминает этот случай в письме к своему брату, епископу Лиможскому: «Королева долго смеялась, увидев поверх бумаг письмо герцога Немурского с сими подчеркнутыми строками, напоминающими, как она желала прибегнуть к его услугам в те времена, когда ее так гневил мадам де Валентинуа, что впору было плеснуть герцогине в лицо дистиллированной азотной кислоты — вроде бы в шутку, от которой однако та навеки осталась бы изуродованной. Таким образом Ее Величество якобы надеялась отвратить от оной особы своего покойного супруга, но сие так и не было исполнено, ибо королева успела переменить решение. Прошу вас, сожгите это письмо сразу же по прочтении»^[514].

К мукам ревности присовокуплялись тревоги о будущем. Вынужденная быть в первую очередь матерью и лишь потом — королевой, Екатерина рассчитывала, что дети укрепят ее власть в противовес фаворитке. В августе 1555 года она получила от короля разрешение принять в Блуа мага и ясновидца из Салон-де-Прованса Мишеля де Нотр-Дама, называемого Нострадамусом и опубликовавшего в марте того же года свои знаменитые «*Центурии*». Королева попросила Нострадамуса составить гороскоп для королевских детей Франции. В замке, где они жили в то время, Екатерина повелела возвести над башней дю Фуа небольшой павильон, откуда можно было наблюдать за звездами. На двери выгравировали надпись «*Uraniae sacrum*», обозначившую его как «Храм Урании», богини Неба. Позже, в октябре 1559 года, Екатерина при посредничестве Кома Руджиери спросила магическое зеркало в своем замке Шомон-сюр-Луар и якобы видела сыновей, которые появлялись и кружили вдоль рамы столько раз, сколько лет им суждено было править. Еще будучи дофиной, она просила известного астролога, епископа Читтадукале Люка Горика спросить звезды о будущем царствовании своего супруга. Предсказания Горика, опубликованные в Венеции в 1552 году, рекомендовали Генриху проявлять особую осторожность, когда его возраст приблизится к сорока годам, ибо именно тогда ему будет угрожать серьезное ранение в голову^[515].

Надеясь отвратить опасность, Екатерина обратилась непосредственно к магии пентаграмм. Она приказала изготовить медаль-амулет, отвращающую беды, экземпляр которой сохранился в Кабинете медалей Французской национальной библиотеки^[516]. С одной стороны изображен бородатый король, одетый на античный лад и сидящий под балдахином со скипетром в правой руке и закрытой книгой — в левой. У его ног сидит готовый взлететь орел. Напротив короля обнаженная женщина с головой

птицы держит в правой руке длинную стрелу, а левой показывает королю круглое зеркало. Это небесная Венера, то есть сама Екатерина, пытающаяся поймать и сохранить любовь Юпитера — Генриха II. Вокруг пятиконечной звезды бегут каббалистические надписи, переведенные с иврита латиницей. Их расшифровал Пьер Беар: *«Явись мне, о Господь. Отринь во мрак и ужасни непосвященного. Даруй мне, молю тебя, силу»*. Слева от женской фигурки видна заглавная «Н», увенчанная надписью «Анаэль», под ее ногами — две буквы под коронами «К» и «F», а под когтями орла — «А» в короне, еще несколько букв и имя «Оксиэль». Все изображение поделено на две части знаком в форме стилизованных песочных часов. Буквы под коронами могли обозначать Генриха и его сыновей — Франциска, Карла и Генриха, который при крещении был наречен Александром. «Н» могло обозначать также и Франциска Анжуйского, младшего сына Екатерины, крещенного как Эркюль (Hercule). На оборотной стороне звезды обнаженная женщина держит в правой руке яблоко, а в левой — расческу — символы супружеской любви и чистоты. Четыре имени духов — Хагиэль, Ханиэль, Збулеб и Асmodelь, а также другие каббалистические надписи окружают фигуру женщины: *«Молю тебя, медаль. Даруй мне твои чудодейственные свойства. Заклинаю тебя. От женщины чуждой сохрани моего супруга!»* Жан Фернель д'Амьен, первый врач короля Генриха II, якобы был вдохновителем рисунков на этой медали, призванной защитить королевское потомство и сохранить Екатерине верность мужа. Современники знали о существовании талисмана, но ничуть этому не удивлялись: первое издание *«Журнале де л'Этуаль»* воспроизводит его изображения. У королевы было множество и других амулетов в виде драгоценностей и античных фигурок. Таков был ее способ борьбы с соперницей, чью власть она приписывала таинственному эликсиру или колдовству.

Будучи крайне суеверной, Екатерина верила, что звезды предсказывают все важные события, и, несомненно, Диана, как и король, разделяли ее мнение. Начиная с 6 марта 1557 года в течение двенадцати дней небо над Европой озаряла необычайно яркая комета. Она двигалась к восьмому градусу зодиакального созвездия Весов. В монастыре Юст Карл V расценил этот небесный феномен как знак своей скорой кончины, но также и указание на то, что грядущий год будет весьма пагубным для его ^[517] давнего врага — Франции.

Разгром и пленение Монморанси 10 августа 1557 года под Сен-Кантенем Эммануилом-Филибером Савойским, генералом Филиппа II

Испанского явили тому подтверждение. Отозванный из Италии герцог Гиз лелеял надежды на реванш Франции. Его брат герцог д'Омаль, зять Дианы, также не желал смириться с поражением. Он доказал это, изгнав в октябре из Бресса барона де Полвилье, пытавшегося отвоевать эту провинцию для герцога Савойского. Первый успех, казалось, подтверждал, что судьба вновь благоприятствует Гизам. Это обрадовало двор, где возникло нечто вроде священного союза между королевой, Дианой и кардиналом Лотарингским, который высказывался от имени своих братьев ^[518].

По возвращении с фронта король приказал всем губернаторам провинций исполнять приказы герцога Гиза, как если бы они исходили от самого монарха. Таким образом, герцог распоряжался всеми ресурсами страны, в то время как его брат, кардинал Карл Лотарингский, в отсутствие коннетабля сосредоточивал в своих руках всю административную власть. Ссылаясь на то, что враг существует и в пределах государства, он способствовал преследованию протестантов. После облавы, устроенной в Париже 4 сентября, 400 кальвинистов были захвачены во время собрания на улице Сен-Жак. Кардинал заставил парламент побыстрее вынести приговор, хотя в списке арестованных фигурировали вельможи, придворные дамы и даже служанки королевы. Подобная суровость могла лишь обрадовать герцогиню де Валентинуа, как и Гизы, убежденную, что в этот момент крайней опасности необходимо поддерживать религиозное единство ^[519].

Итак, в Королевском совете царило полное единогласие, когда король Генрих II принял решение провести отвлекающий маневр, напав на Кале, владение супруги Филиппа II Испанского Марии Тюдор, вместе с мужем объявившей войну Франции. Возврат французской территории, попавшей в руки англичан 210 лет назад, в 1347 году, позволил бы стереть унижение от сен-кантенского разгрома. Герцог Гиз мастерски организовал осаду города. За пять дней он сумел взять замок, а потом и город, который англичане покинули 8 января 1558 года.

Французы, войдя в Кале 9-го числа, захватили богатую добычу, оцениваемую в миллион с лишним золотых экю. Все это было разделено между солдатами и офицерами, за исключением герцога, который не оставил себе ничего ^[520]. Однако требовалось, чтобы за этой славной победой следовали новые. Пока шла осада Кале, в Париже собрались Генеральные штаты, и 5 января их попросили предоставить королю чрезвычайную финансовую помощь в размере трех миллионов золотых экю ^[521]. Лишь одно духовенство предлагало миллион помимо десятины,

обычно уплачиваемой Короне. Король на заседании суда 15 января вознаградил Церковь, издав эдикт, введивший в королевстве Франции инквизицию, «для искоренения ересей и ложных учений». Третье сословие, под впечатлением приятной новости о падении Кале, согласилось внести остаток требуемой суммы в обмен на отмену кое-каких прочих налогов. А тем временем в Париже 10 января в присутствии короля, королевы, дофина, вельмож и придворных дам состоялось торжественное богослужение в Сент-Шапель. После того как Гиз завершил изгнание остатков англичан с территории Кале, 25 января Генрих II отправился туда праздновать победу. Герцог-победитель попросил для себя лишь один дом в городе, который и получил, а плюс к тому — земли, приносившие в год 7–8 тысяч ливров ренты.

Звезда Гизов стояла в зените, и Диана, их родственница, грелась в лучах славы. В последний четверг накануне Великого поста, 17 февраля, купеческий старшина и эшевены Парижа устроили ужин в честь короля и герцога Гиза. Ратуша сияла праздничным убранством^[522]. Стены были украшены богатыми драпировками и, как значится в решениях муниципалитета, «множеством триумфальных знамен, на которых имелись гербы короля и королевы, Монсеньора дофина, Монсеньора де Гиза, кардинала Лотарингского, Хранителя Печатей, Мадам Маргариты и Мадам де Валентинуа, с девизами по-латыни, прославляющими короля и господина герцога, в память о взятии Кале». Диана попала в число триумфаторов. Она восседала за почетным столом, к которому были допущены 26 дам из числа буржуазии, дабы вознаградить парижских нотаблей за щедрый вклад в финансирование кампании. Выгнать из зала толпу любопытных оказалось невозможно. После пиршества некоторый беспорядок, вызванный восторженными изъявлениями любви подданных к своему королю, не позволил начать представление аллегорической пьесы, написанной поэтом Жоделем, для чего был подготовлен специальный театр. Народу набилось столько, что и о танцах не могло быть и речи. Короля и двор сопровождали на верхний этаж, где трапеза продолжалась до одиннадцати часов вечера. После отбытия короля толпа рассеялась, и эшевены, так и не успевшие поужинать сами, узрели, что ратуша полностью разграблена. Сержанта и отряд лучников послали с требованием к артистам вернуть богатые ткани из шелка и парчи, а заодно и роскошные сценические костюмы, однако труппа успела улизнуть, оставив лишь скверную маску, не стоившую и пяти су.

Этот парижский праздник на один вечер объединил народ и принцев,

чтобы вместе порадоваться поражению англичан и воздать должное геройству герцога Гиза. Вскоре за этим последовало торжественное событие — женитьба дофина на Марии Стюарт. Этот союз являл собой наиболее надежное средство обеспечить французам поддержку шотландцев в борьбе против англичан. При этом он тесно связал семью Гизов, дядей юной королевы, с французским королевским домом. Диана, благодаря дочери тоже вошедшая в число королевской родни, ощутила, что ее престиж еще более возрос. Она присутствовала в Большом зале Нового Лувра 19 апреля 1558 года на церемонии обручения Марии и Франциска и благословения их кардиналом Лотарингским, а потом, в воскресенье 24 апреля, — на свадьбе в соборе Парижской Богоматери. После обеда и свадебного бала в епископстве двор отправился на ужин во дворец Сите: парламент освободил место, собравшись на заседание в Августинском монастыре. Королевские дети и семейство Гизов участвовали в маскарадных играх. Герцоги Орлеанский и Ангулемский, сыновья герцогов Гиза и д'Омаля, а также другие юные принцы оседлали 12 искусственных лошадок, украшенных золотой парчой и серебристой тканью, запряженных в экипажи с многочисленными пилигримами, тоже разодетыми в золото и серебро и усыпанными сверкающими камнями. Пилигримы распевали гимны и псалмы в честь новобрачных и их свадьбы.

Затем в зал, покачиваясь как на волнах,плыли шесть кораблей, затянутых золотой парчой и пурпурным бархатом, с серебряными парусами — все они ловко создавали иллюзию движения судна по морю. На борту каждого корабля — принц, который, делая круг по залу, выбирал даму и помогал ей подняться на мостик. Герцог Лотарингский выбрал свою невесту Клотильду Французскую, король Наваррский — королеву Жанну д'Альбре, свою супругу, герцог де Немур — принцессу Маргариту, принц де Конде — герцогиню де Гиз, король — королеву-дофину, а король-дофин — свою мать, королеву.

Следствием укрепления союза с шотландцами стал новый всплеск военных действий на Ла-Манше. Попытки Марии Тюдор объединить свой флот с нидерландским и испанским провалились из-за штормов и бурной активности нормандских корсаров.

Перемена обстоятельств позволила французам создать видимость переговоров о мире в Маркоэне близ Камбре по случаю визита герцогини Лотарингской, приехавшей повидать своего сына Карла, воспитывавшегося при французском дворе ^[523]. В воскресенье 16 мая в окружении мадам д'Аршо, графа д'Эгмонта и Антуана Перроно де Гранвель, министра

Филиппа II, она встретила с сыном, которого сопровождали граф де Водемон, его опекун, кардинал Лотарингский и герцог д'Омаль, его кузены, а также государственный секретарь д'Обепин. Кардинал Лотарингский выставил на первый план интересы религии и общественного спокойствия, потом упомянул о возможности территориальных уступок и брака между Елизаветой, старшей дочерью Генриха II, и доном Карлосом, принцем Астурийским, сыном Филиппа II. Кардинал предложил оставить Франции Савойю и Пьемонт, соглашаясь уступить Эммануилу-Филиберу Савойскому герцогство Миланское и графство д'Асти. В крайнем случае Генрих II мог бы пожертвовать Савойей и Брессом при условии, что сохранит Пьемонт. Зато герцог Савойский получил бы руку Маргариты Французской, сестры Генриха II. Среди территорий, которые должна отдать Испания, король Франции в первую очередь упоминал Наварру.

Эти предложения не устраивали Гранвеля. Он отверг их и отказался даже обсуждать вопрос о принадлежности его господину герцогства Миланского и Наварры. Зато он напомнил, что Франции следует вернуть империи три епископства, герцогу Мантуанскому — Монферрат, генуэзцам — Корсику, а герцогу Флорентийскому — захваченные в Тоскане города.

Из встречи ничего не вышло, разве что Гранвель коварно подбросил кардиналу сведения о том, что перехвачено письмо от д'Андело его брату Колиньи вместе с несколькими книгами, изданными в Женеве. У испанского министра якобы не вызывало сомнений, что во Франции готовится крупное отречение от традиционной религии в пользу кальвинистской реформы, так что королю Франции самое время прекратить войну с Испанией, если он хочет установить в своем королевстве религиозный мир.

Вернувшись к Генриху II в замок Монсо, кардинал поспешил дать отчет о переговорах с Гранвелем. Д'Андело, вызванный королем, подтвердил свое полное согласие с учением Кальвина о том, что месса — профанация и гнусная людская выдумка. Король, услышав то, что для него было ужасающим кощунством, побелел от гнева, схватил со стола чашу и швырнул в д'Андело. Тяжелый предмет ранил дофина, сидевшего за королевским столом. Тогда король выхватил шпагу, намереваясь лично наказать дерзкого, но одумался и приказал своему главному камердинеру де Ла Бурдэзеру немедленно арестовать д'Андело и препроводить в Мо, епископскую тюрьму, откуда вскоре тому предстояло отправиться в королевскую крепость Мелен. Этот инцидент, укрепивший враждебность Дианы к реформе, нанес коннетаблю удар через его племянника и укрепил

позиции Гизов^[524]. Монарх немедленно заменил д'Андело Блезом де Монлюком, который должен был стать правой рукой Франсуа де Гиза во главе королевской инфантерии. Герцог 24 мая представил королю план новой военной кампании. Выйдя из Шалона в Шампани, он рассчитывал с востока атаковать армию Филиппа II, состоявшую из немцев, фламандцев и испанцев.

Военные действия начались в июне с осады Тионвиля. Гиз находился в центре расположения войск, а герцог де Немур — в авангарде. Маршал Пьеро Строцци получил приказ по мере надобности доставлять подкрепления. Присоединившись к Гизу во время финального приступа, он был ранен из аркебузы в область сердца. Гиз предложил умирающему обеспечить себе вечное спасение, помолвившись Иисусу Христу, но маршал воскликнул: «О каком Иисусе вы мне тут бормочете?! Я отрицаю Бога. Мой праздник закончен». Герцог удвоил усилия, пытаясь вернуть его на путь благочестия, умолял просить Бога о прощении, ибо «в сей же день предстанет перед Ликом Его». «Но, черт возьми, — возразил Строцци, — я буду там, куда отправляются все прочие покойники вот уже шесть тысяч лет!» И с этими полными безверия словами Строцци умер, оставив Гиза в великой скорби^[525].

Рассказ об этом отважном, а то и поучительном прощании с жизнью, достигнув двора, привел в отчаяние Екатерину: в лице кузена она потеряла неутомимого защитника своих интересов в Тоскане. Между тем военная кампания на севере бурно развивалась. Тионвиль капитулировал 23 июня, и французы заняли несколько маленьких городов. К несчастью, 13 июля маршал Поль де Терм, губернатор Кале, потерпел жестокое поражение при Гравелине.

Чтобы победить злую судьбу, французам необходимо было предпринять мощное контрнаступление в Нидерландах. С этой целью герцог Гиз присоединился к своему брату д'Омалю на границах Шампани. Обоих принцев сопровождали их наследники — старший сын герцога Гиза принц де Жуанвиль и старший сын герцога д'Омаля, который, будучи внуком Дианы, принял титул графа Сен-Валье. Одному еще не исполнилось и восьми, другому было десять лет, но оба приняли «боевое крещение» из рук де Монлюка, вручившего им копья.

В Реймсе, куда перебрался двор. Диана узнала новости о своих родственниках и друзьях. Некоторые посылали подарки: ее подруга Маргарита де Бурбон, герцогиня де Невер, отправила Диане майенские окорока, добытые ее мужем, герцогом — губернатором Шампани. По этому

поводу Диана написала письмо, признаваясь, как она ценит вкусную еду: «Мадам, сегодня получила майеннские окорока, любезно присланные вами, за что покорнейше благодарю и уверяю, что они пришлись весьма кстати, ибо я очень люблю такое мясо». Похоже, герцогиня была крайне далека от забот о ходе военных операций. Но при всем доверии к Гизам, ее волновали опасности, которым подвергался отправившийся на фронт король. Диана посылала ему образки, освященные в шартрском соборе Богоматери, и шарф своих цветов ^[526].

Генрих, обосновавшись в замке де Марше, устраивал там военные советы, пытаясь следить за продвижением своих войск, которые, форсировав Корби, заняли Амьен, дабы перекрыть испанцам путь через Сому. Обе армии разделяла равнина протяженностью пять-шесть лье. Герцог де Немур во главе части легкой кавалерии тщетно пытался выманить неприятеля из лагеря. А Эммануил-Филибер упорно придерживался оборонительной тактики. Чем полагаться на превратности военной удачи, он предпочитал предложить переговоры и, возможно, вернуть свои владения. Сам испанский король готов был согласиться на сделку. Его пленник коннетабль де Монморанси не отказался бы сыграть роль посредника. Арест д'Андело пугал следовавшим за этим неотвратимым ростом влияния его соперников Гизов. Коннетабль добился от испанцев временного освобождения под честное слово, чтобы предложить Генриху II возобновление мирных переговоров. Однако вскоре он вернулся в плен, не получив от своего господина иного ответа, кроме заверений в неизменной его любви и приязни.

Король устал от тщеславия Гиза и властного темперамента кардинала Лотарингского. Что до Дианы, то она считала роль своего зятя д'Омаля подле братьев слишком незначительной. Из этих соображений она решила сблизиться с Монморанси. Предложив королю начать переговоры для освобождения старого друга коннетабля, герцогиня обеспечила себе его благодарность. Она уже выбрала, какую награду хочет получить за этот шаг: брак своей внучки, Антуанетты де Ла Марк, дочери покойного герцога Буйонского, с Генрихом де Монморанси-Дамвилем, вторым сыном коннетабля. В своем стремлении к мирным переговорам Диана нашла поддержку у королевы Екатерины, которая жаждала окончания военных действий, ибо потеряла надежду на благоприятный поворот судьбы в Италии. Под совместным давлением жены и любовницы Генрих II был сильно раздражен упрямством Гиза, жаждавшего во что бы то ни стало продолжать войну. В одном из дружеских писем король изливал душу

коннетаблю: «Я умру счастливым, увидев восстановление доброго согласия, а наиболее любимого и почитаемого мною человека в сем мире — на свободе. И ради этого не страшитесь обсуждать любой выкуп, сколь бы велик он ни был». И еще: «Сделайте все возможное, дабы мы обрели мир [...]. Ничто не доставит мне большего удовольствия, нежели добиться крепкого мира и увидеть вас свободным». Таким образом, он дал коннетаблю своего рода карт-бланш.

Переведенный из Энгьена в Уденард в июле 1558 года, Монморанси целую неделю совещался со своим товарищем по плену маршалом де Сент-Андре. В конце концов тот согласился с позицией коннетабля. Принц Оранский, узнав, что король готов начать переговоры, принял обоих парламентариев в Лилле. Пленники встретились там с самим принцем Оранским, графом д'Эгмонтом, епископом Аррасским и Руи Гомесом, графом де Мелито. С этим последним Монморанси завязал дружеские отношения и ходатайствовал перед французскими властями, чтобы тот мог «передать все необходимое» супруге, принцессе д'Эболи, оставшейся в Испании у Филиппа II. В середине сентября Генрих II отправил секретаря по финансовым вопросам Клода де Л'Обепина заложить основу переговоров. Он передал 6 октября соответствующие прерогативы своим полномочным представителям, главные из которых — Монморанси и де Сент-Андре. Испанцы же, хотя оба миротворца и продолжали считаться пленниками, дозволили им свободно перемещаться из лагеря в лагерь для вящего ускорения переговорного процесса ^[527].

Коннетабль прибыл в Бове 17 октября, чтобы доложить своему господину о ходе обсуждений. После этой трогательной встречи Генрих писал старому другу, дабы засвидетельствовать ему свою привязанность: «Друг мой, это письмо выполнит долг, который сам я исполнить не мог, когда прощался с Вами, ибо сердце так стеснилось в груди, что я был не в силах ничего Вам сказать. Умоляю Вас верить, что никого в мире сем так не люблю, а потому мне более нечего Вам предложить, ибо, коль скоро сердце мое принадлежит Вам, думаю, Вы поймете, что я не пожалею никаких благ и сделаю все возможное ради счастья вновь Вас лицезреть». В другом письме король добавляет: «Вы принесли мне столько радости и удовольствия, какие только осуществимы, и я не чаю их вновь испытать, доколе не увижу Вас совершенно свободным» ^[528].

Диана тоже писала тому, с кем некогда соперничала. Она желала успешного завершения переговоров и просила не забывать об интересах ее дочери, герцогини Буйонской, уверяя коннетабля в собственном дружеском

расположении: «Вы и представить не можете, сколь много благополучия и счастья я Вам желаю»^[529].

Мирная конференция открылась 12 сентября в камбрезийском аббатстве Серкам под эгидой вдовствующей герцогини Кристины Лотарингской, урожденной принцессы Датской, племянницы Карла V, и его сына Карла Лотарингского^[530]. Полномочными представителями Франции выступали Карл, кардинал Лотарингский, Анн де Монморанси, маршал Франции Жак д'Альбон де Сент-Андре маркиз де Фронсак, Жан де Морвилье, епископ Орлеанский, и Клод де Л'Обепин, сеньор д'Отрив, секретарь по делам финансов, чей брат Себастьян, епископ Лиможский, пересылал дипломатические документы королю, а от него — миротворцам.

Испанию представляли Фердинанд Альварес де Толедо, герцог Альба, Вильгельм Нассауский, принц Оранский, Руи Гомес де Сильва, граф де Мелито, Антуан Перроно де Гранвель, епископ Аррасский, и Ульрих Вигилус де Цвикхейм. Полномочные представители англичан — епископ Эли, граф д'Арундел и Николас Уоттон, бывший посол во Франции. Двое обездоленных принцев — герцог Савойский и король Наваррский — также послали своих представителей.

В первую очередь было принято решение о всеобщем перемирии. Французам предлагалось вернуть территории, захваченные у испанцев на севере начиная с 1552 года. В Италии Монморанси хотел бы сохранить Пьемонт, но кардинал Лотарингский согласился приступить к общему восстановлению прежнего статус-кво, за исключением нескольких городов. Что касается трех епископств, то французы напомнили: этот вопрос касается Империи и не должен обсуждаться королем Испании. Последний, в свою очередь, отклонил претензии Антуана Бурбона и Жанны д'Альбре на часть Наварры, лежащую по ту сторону Пиренеев.

Оставалось решить вопрос с Кале. Пытаясь вернуть себе эту территорию, англичане ссылались на договор, подписанный в Бретиньи, и на срок давности. Кроме того, они потребовали возмещения сумм, одолженных Генрихом VIII Франциску I. Испанцы приняли сторону англичан, чтобы поддержать популярность в Англии Филиппа II как союзного монарха. Но французы не уступали. Кардинал Лотарингский считал это завоевание, достигнутое его братом, окончательным, а коннетабль Монморанси поддерживал такую точку зрения из патриотизма. Мария Тюдор наотрез отказалась отдать упомянутые земли. Перед смертью, последовавшей вскоре после этих переговоров, она заявила, что название Кале осталось запечатленным в ее сердце навеки. Смерть

королевы 17 ноября 1558 года предоставила трон ее двадцатичетырехлетней сестре Елизавете. Филипп II уже не мог считаться королем Англии по брачному контракту, но все же пытался сохранить политический альянс между этой страной и Испанией. Более того, он готов был жениться на своей снохе Елизавете и принял на свой счет требования молодой королевы, которая 23 ноября потребовала возврата Кале, а кроме того — двух с половиной миллионов крон, которые Франция оставалась должна ее отцу ^[531].

Смена царствования, однако, изменила статус полномочных представителей. По предложению французов 30 ноября 1558 года переговоры были отложены на полтора месяца. За коннетабля и маршала Сент-Андре было предложено заплатить выкуп, что должно было обеспечить успех переговоров. Размер выкупа Монморанси установить трудно. Герцог Савойский, которому сдался коннетабль, сначала потребовал 300 тысяч эку, потом снизил сумму до 200 тысяч. Король согласился внести половину суммы, оговорив, что она будет уплачена в рассрочку — в течение полутора лет ^[532].

В середине декабря 1558 года коннетабль возвратился во Францию. Он вновь встретился со своим господином и занял подобающее ему место при дворе. Генрих и Диана де Пуатье приняли Монморанси с радостью. Шли приготовления к женитьбе его сына Дамвиля. Король великодушно не упоминал об опальном племяннике коннетабля д'Андело. Правда, Гизам удалось отсрочить назначение Монморанси великим мажордомом, а Дамвиля — маршалом Франции. Однако коннетабль вновь принял на себя двойные полномочия ответственного за вопросы ведения войн и внешнюю политику. Пока мир не заключен, следовало быть готовыми ко всему. Серкамское перемирие касалось лишь границы с Нидерландами, и король Наваррский начал наступление в Фонтарабии, а в Италии Бриссак укрепил оборону захваченного Монферрата. Коннетабль держал эти операции под контролем. В частности, он поддерживал строительство оборонительных сооружений на Севене, и особенно в Перонне.

Стараясь отклонить немецкие притязания на Мец, Туль и Верден, коннетабль разжигал враждебность султана Сулеймана к Фердинанду Австрийскому. Он связался с Бурдийоном и епископом Венским Марийяком в немецком городе Дьет, где те осыпали золотом сторонников короля. Но при этом Монморанси не упускал из виду свою и Генриха основную роль — установление окончательного мира. Из Парижа он писал епископу Аррасскому, спрашивая о «времени и месте, где мы должны

собраться», и торопился завершить «наилучшим образом то, что было начато ради примирения». Встреча была назначена на конец января 1559 года в Като-Камбрези, который герцогиня Кристина предпочла Серкаму, поскольку Серкам она считала не слишком удобным местом. Преисполненный надежд Монморанси готовился к отбытию. «Надеюсь с Господней помощью, — писал он, — что путешествие не затянется надолго. В завершение означенных переговоров, коли Богу будет угодно даровать им успех, мы не предпримем ничего такого, что нанесло бы ущерб величию, чести и репутации короля» ^[533].

На сей раз и впрямь были все шансы довести дело до благополучного конца. Испанцы и вдовствующая герцогиня Лотарингская 5 февраля первыми прибыли в Като-Камбрези. Следом за ними, 6 февраля, появились кардинал Лотарингский и коннетабль: их задержала при дворе свадьба юного герцога Шарля Лотарингского и Клотильды Французской, дочери короля Генриха. Послы Елизаветы Английской приехали в Като-Камбрези вскоре после французов, привезя с собой куда более умеренные, по сравнению с прежними, претензии в отношении Кале.

Королю Филиппу II было выгодно добиться заключения мира на предложенных ранее благоприятных условиях. Он собирался посвятить все свои усилия искоренению ересей и борьбе против неверных в полном согласии с папой Павлом IV, с которым успел помириться. Но чтобы выступить в роли защитника католичества, Филиппу необходимо было заручиться поддержкой соседа, а не воевать с ним.

Генрих же в целом разделял религиозные воззрения Филиппа II. Вдобавок он столкнулся с финансовыми и экономическими трудностями, вполне сходными с теми, которые не давали покоя и королю Испании. Теперь, когда Генрих завершал долгую войну, навязываемую его стране в течение полувека, основной целью стало вновь обрести всю полноту власти над королевством. На сороковом году жизни Генрих мог надеяться даровать своему народу мир, а вместе с ним — и предвестие золотого века, столь часто возвещаемого при торжественных выездах государя.

Весь этот долгий период испытаний Диана прожила в союзе с королем и королевой Екатериной. Вначале полностью связав судьбу с Гизами, она сумела воспользоваться кризисом, отдалившим Генриха II от племянников коннетабля, и провести тактическое сближение с бывшим противником. Более того, герцогиня оказала Монморанси поддержку, откликнувшись на пожелания, высказанные им в плену, и подкрепив его усилия в проведении нелегких мирных переговоров. Брак внучки Дианы Антуанетты де Ла Марк

с сыном коннетабля свидетельствует о ее политическом чутье, равно как венчает всю ее деятельность тонкого манипулятора^[534]. Лучше кого бы то ни было зная характер короля, мадам де Валентинуа понимала, что, урегулировав с помощью Гизов отношения между королевством и его противниками, Генрих быстро утомится от опеки Лотарингского дома и вернется под крылышко своего старого мудрого ментора. Таким образом, при посредничестве коннетабля Диана рассчитывала еще больше укрепить собственную власть над монархом и даже занять место арбитра меж двух основных сил, боровшихся за власть в Королевском совете. События, вынудившие обе враждующие группировки к сотрудничеству, для нее лично, стало быть, оказались весьма выгодными. Так начались исключительно важные изменения в политике как для Франции, так и для Дианы.

Глава III

ЦЕНА МИРА

Прежде чем заключать мирный договор, следовало оздоровить финансовую систему Франции, чтобы избавить ее от положения, в какое попала Испания: последней пришлось объявить себя банкротом, несмотря на значительные денежные вливания из рудников Америки, и прекратить в 1557 году выплаты генуэзским банкирам, оплатившим военные расходы. Правительство Генриха II действовало более мудро, осторожности ради заключив в 1555 году с банкирами Лиона договор, согласно которому выплата долга в пять миллионов ливров растягивалась на пять лет. Однако длительность военных действий и особенно экспедиция в Кале привели к тому, что в 1558 году задолженность возросла до двенадцати миллионов^[535].

Выплаты процентов по государственному займу задерживались и становились проблематичными, а облигации с обязательствами Короны, предлагаемые клиентам банков, уже не представляли собой гарантированного вложения. Подобные вклады не прельщали вельмож, предпочитавших получать ассигнации под такие сборы, как доходы от соляных складов, конфискации и штрафы. Герцогиня де Валентинуа имела в этом плане богатый опыт, но, чтобы обеспечить себе постоянный доход, предпочитала прибегать к услугам преданных управляющих, которые не упускали ни малейшей возможности увеличить размер ее имущества. Одной из постоянных забот герцогини оставалась покупка имений и земельных наделов. Диана лично проверяла как денежные поступления,

так и поставки сельскохозяйственной продукции и прочих материалов, необходимых для содержания людей и сооружений.

Большая политика и придворные интриги не мешали герцогине лично объезжать свои владения и присутствовать при представлении счетов.

Изучение приходно-расходных книг Шенонсо показывает, с какой дотошностью Диана относилась к делопроизводству^[536]. Вследствие покупки сеньории Шиссо в 1556 году за 25 тысяч ливров ее владения выросли на четыре лена: Шиссо, Вриньи, Ла Шервьер и Мулен Фор, а вдобавок на три фермы — Ла Баранжери, Ла Гранж, Ла Брюандри и часть фермы Фриш. Частью имений герцогини стали 120 арпанов лесосеки, массив строевого леса под названием Вильклер, четыре пруда и две трети еще одного, 12 арпанов лугов возле Шера. 19 арпанов виноградников, Мулен Фор, недавно построенный на берегу Шера, пещера, выдолбленная в скале, и дом в центре города Шиссо, получивший название Шомон, несколько карьеров, Ле Берадьер близ Шиссо, конопляное поле на берегу Шера выше Шиссо, дом с садом, погреб и службы также чуть выше по течению реки. Все это было приобретено у конюшего Адама де Удэна, капитана Жизора, и его супруги Маргариты Теронно, жившей в Ферраре, будучи фрейлиной Рене Французской.

Кроме того, Диана купила четыре виноградника, расположенных в Шастелье неподалеку от замка Амбуаз. Продажу их амбуазским торговцем Ришаром де Сен-Пэром 13 мая 1556 года местный сеньор, капитул Амбуаза, утвердил в 1558 году. На этих землях предполагалось выстроить для герцогини дом.

Однако главным для Дианы в те годы оставалось обустройство Шенонсо. Она решила перебросить через реку Шер мост, чтобы из главного здания замка можно было с легкостью перебраться на другой берег. 10 июня 1557 года король Генрих предоставил герцогине де Валентинуа «пятьдесят стволов деревьев, крепких и пригодных для строительства» из леса Монришар, дабы помочь ей «выстроить и установить мост, который она намерена создать в своем доме Шенонсо на реке Шер для вящего удобства означенного дома». Большие строительные работы в саду — «цветник Дианы» — продолжались. Среди наиболее срочных работ значились настилка крыш на фермах и службах и возведение высоко приподнятой над рекой стены, чтобы обеспечить постоянный доступ в замок и сад.

И все эти изменения и новшества указаны в пояснениях к «счетам за строительство» от 1557 года, которые казначей Андре Бéro предъявил в

Ане 6 февраля 1558 года (по новому стилю), а герцогиня проверила и подписала в присутствии своих советников 8-го числа того же месяца. В качестве таковых советников выступили Ла Менардьер, Симон Гуай, Делиль и Жак де Пуатье, аббат д'Иври^[537]. Перевозка камней, песка, известки и земли по суше и по воде из Шиссо, Сент-Авертена, Сент-Эньяна, кровельные работы в замке и на фермах и мельницах вместе с садово-огородными работами составляли основные статьи расходов. За год эти расходы достигли 4537 ливров 9 су 8 денье, а доходы — 4235 ливров 2 су 6 денье. Стало быть, казначею Бери пришлось выложить из собственного кармана 302 ливра 7 су и 2 денье.

Итоговый счет за 1557 год был представлен Диане, опять-таки в Ане, 9 февраля 1558 года. Любопытно проглядеть статьи поступлений, чтобы убедиться, насколько заботливо Андре Бери старался обеспечить герцогине де Валентинуа прибыли, достаточные для уравнивания расходов^[538]. Наиболее значительный раздел — арендная плата, талья, земельная рента: уплачивать их должны были все жители сеньории, включая священников и монахов, а общее перечисление занимает семьдесят листов. Фермерам и мельникам надлежало поставлять зерно, орехи, каплунов и кур и даже «поросенка или 35 су за неимением такового». Четверо фермеров выплачивали оброк за аренду пастбищ. Десятая часть виноградников в приходах Шенонсо и Шиссо сдавалась в аренду в пользу Дианы, как и многие другие «мелкие десятины», несмотря на протесты кюре Шенонсо. Ферма Коломбье в Уд приносила 9 ливров и шесть дюжин молодых голубей. Сдавались в аренду также места для рыбной ловли и право на таковую, что приносило либо денежный доход, либо свежую рыбу. Фермы тоже облагались податью: Ла Брюандри — 20 ливров, 2 каплуна и 4 курицы; Фриш — 24 ливра; Ла Баранжери — 27 ливров; Ла Гранж — 34 ливра. К этому следует добавить и налоги на сенокос (31 договор).

Взимание «налогов за передачу имущества от одного ленника к другому, а также с прибыли феодалов» приносило довольно скромные суммы: сделки, заключенные частными лицами, достигали лишь 233 ливров 10 су, что из расчета по 20 денье с ливра составляло всего 19 ливров 9 су и 2 денье налога в пользу Дианы. Обязанности судьи были на три года отданы на откуп Этьену Бери: он отыскивал «недоимки, нарушения и налагал штрафы», получая за это жалованье в размере 33 ливров в год. Права на печать в сеньоральном округе были вообще ничтожны — 7 су 6 денье, как и аренда одного арпана земли — «удержанное и переданное в аренду наследство» сроком на пять лет стоило всего 9 су.

Наиболее значительные денежные поступления приходили с виноградников герцогини. Отданный в аренду Антуану Бессе надел в Уд размером в 8–9 арпанов обычной земли приносил 47 ливров 10 су и «квартиру вина, которое надлежит ежегодно вручать приору Монтуссана от имени Мадам в ее владении Шенонсо вкупе с 11 сетье ржи». Виноградники Пуарье Бодар, сданные Пьеру Шамбриеру, составляли 7–8 арпанов обычной земли (за которые фермер платил 30 ливров в год и бочонок вина) и 7 картье «белой земли» (плата за которые составляла 10 ливров в год). Маленький виноградник величиной в 3 картье, зависимый от Мулен Буазон, был продан Дени Флери за 40 су. Что до виноградников, приобретенных в амбуазском владении Шастелье, то, до того как лозу повыдирали из-за строительных работ Дианы, они приносили в год 227 ливров 1 су и 6 денье.

В счетах приводится перечень продуктов земледелия и скотоводства, переданных хозяйке. Они весьма разнообразны. Здесь и зерно (пшеница, рожь, ячмень, овес), вино (110 с половиной бочек), каплуны, куры и цыплята, гуси, голуби, орехи, воск, рыба, свинина, перец, яйца, миндаль, «садовый горошек», солома, жерди для подвязывания растений, дрова, хворост и ивовые прутья.

Общий доход от земельных владений Шенонсо, включая лены примыкающих сеньорий, в тот год достиг 3968 ливров 18 су 6 и 2/3 денье, что являло собой чувствительное сокращение прибылей по сравнению с предыдущим годом. Сумма покрывала выплаты прислуге. Требовалось оплачивать работу косарей, виноградарей, садовников, а также платить жалованье служащим герцогини: Жак Саван, балы округа, подчиненного сеньору и прилежащих владений, получал 100 су, Рене де Ла Бретоньер, управляющий поместьем, — 7 ливров; Рауль Годрон, фискальный прокурор, — 100 су; сержанты и лесники Жан Лалу и Антуан Пикар — по 12 ливров каждый; их покойный коллега Дени Флери, прослужив всего девять месяцев, получил 9 ливров, а заменивший его Пьер Сарразен за оставшиеся три месяца заработал 48 су; садовник Шарло Герен, также покойный, за шесть месяцев получил в уплату 21 ливр, а за оставшийся до конца года срок сменившему его Жаку Дютертру заплатили еще 21 ливр. Казначей Андре Бери оценил свои многочисленные обязанности и разъезды в 100 ливров, возмещения которых требовал от герцогини. Исключив все эти расходы, Бери остался должен хозяйке 2399 ливров 4 денье плюс полученные с фермеров налоги, внесенные натурой. Таков итог счета, проверенного в Ане 11 февраля 1558 года (по новому стилю).

Каким образом расходовалась оставшаяся после всех перечисленных

выплат сумма, мы знаем из документа, проверенного 27 января 1561 года (по новому стилю), где перечислены траты на строительство за 1558 и 1559 годы ^[539].

Возведение моста продолжалось. Мастер-каменщик Жак Шантрель, получавший 300 ливров в месяц, работал там с марта по июль 1558 года. В августе он умер. Проверив, насколько продвинулась работа, казначей уплатил вдове остаток его жалованья и все, что недополучили каменщики и подсобные рабочие (245 ливров 18 су и 2 денье). К тому времени был назначен новый начальник строительства — Жан Нуаре. Он снял опалубку с большой арки, переброшенной Жаком Шантрелем через реку, но работа была выполнена так плохо, что крепежные балки и доски попадали в реку, откуда их потом пришлось вылавливать. Поэтому казначей Бери отказался платить Нуаре, однако последний получил от Дианы письмо с приказом выдать оговоренную сумму. Благодаря этому обстоятельству Нуаре в несколько приемов в течение 1558 и 1559 годов получил 1510 ливров. Строительство моста продвигалось очень быстро: мастер-столяр Матюрен Карте заложил четыре арки, к которым крепились своды. Столяры и каменщики трудились без устали. В то же время кровельщики, плотники, слесари, облицовщики следили за содержанием ферм, мельниц, амбаров, запруд. Расходы на доставку досок для строительных лесов, черепицы и кровельной соломы добавлялись к плате за повозки, задействованные на полевых работах. Итак, за два года, о которых идет речь, расходы достигли 4684 ливров 6 су и 2 денье. Между тем за тот же промежуток времени (до декабря 1559 года) доходы составили 6861 ливр 15 су. Следовательно, казначей Бери признал, что должен герцогине де Валентинуа 2177 ливров 8 су и 10 денье ^[540].

Читая счета, занимавшие внимание Дианы, можно забыть, в какой драматической атмосфере существовала в то время Франция. Преследования протестантов достигли широкого размаха после облавы и ареста в молитвенном доме на улице Сен-Жак четырехсот участников собрания в сентябре 1557 года. За арестом последовало сожжение на костре семерых человек. Манифестации в Пре-о-Клер в мае 1558 года с пением псалмов, затем столкновение короля с д'Андело ускорили ход репрессий. Суровость римской инквизиции и прибытие во Францию посланных Павлом IV миссионеров ордена иезуитов, хоть и не признанных парламентом, настраивали французских католиков на самый воинственный лад по отношению к кальвинистам ^[541].

Вернувшись к французскому двору, Монморанси был вынужден

безоговорочно одобрить предписания Рима. После освобождения из плена он обнаружил, что Гизы прочно устроились у рычагов власти, используя против его племянников Шатийонов обвинение в ереси. Коннетаблю и самому пришлось заделаться непреклонным католиком, дабы отнять у противника монополию на защиту отродоксии. Более того, он со всем рвением присоединился к новоиспеченной союзнице Диане: а королевская фаворитка со времен первых преследований протестантов ничуть не утратила ненависти к ним, ибо они клеймили ее внебрачную связь с королем. Герцогиня де Валентинуа даже отыскала в этом источник дохода, ибо на протяжении многих лет присваивала и раздавала своим слугам средства и ценности, изъятые в виде штрафов и конфискаций по приговорам не только за гражданские преступления, но и по обвинению в ереси^[542].

Монморанси ознаменовал альянс с Дианой, подписав 22 декабря 1558 года брачный контракт своего сына Анри де Дамвиля с Антуанеттой де Ла Марк. Но, прежде чем приступить к этой церемонии, ему надо было организовать свадьбу дочери короля Клотильды и герцога Шарля Лотарингского. Празднества состоялись в Париже. Общий восторг вызвали богатство и размах торжества: 20 января 1559 года — восточная карусель, 21-го — турнир, наконец 22-го числа — брачная церемония в соборе Парижской Богоматери^[543]. Затем Монморанси пригласил короля, королеву и двор сначала в Экуан, потом в Шантийи, где 29 января состоялась свадьба внучки Дианы и его сына Анри.

Итак, в январе самым недвусмысленным образом подтвердилось, что коннетабль вновь обрел абсолютную власть над королем. По словам посла Феррары Альваротто, он заставлял монарха плясать под свою дудку, и все это — благодаря Диане, с которой коннетабль близок «как ноготь к пальцу, если не сказать как бандаж к заднице»^[544]. Каждый вечер союзники ужинали вместе: «Они расточают друг другу величайшие любезности и ласки». Генрих осыпал старого друга весьма ощутимыми милостями: чтобы собрать 100 тысяч экю, то есть половину выкупа, он продавал должности и спорные земли королевского домена, подарил Франсуа де Монморанси 100 тысяч ливров и предоставил ему пожизненно должность великого мажордома, которую страстно хотел заполучить Гиз, а заодно — пост губернатора Лангедока (также пожизненно). Анри де Монморанси-Дамвилю, благодаря брачному союзу ставшему внуком Дианы, Генрих II пообещал маршальский жезл. Настоящим вызовом Гизам стало назначение преследуемого ими д'Андело, по просьбе его дяди коннетабля,

королевским лейтенантом при губернаторе Пикардии вместо по-прежнему сидевшего в плену Колиньи ^[545].

То, что коннетабль вновь вошел в такой фавор, вызвало необходимость выяснить отношения с Гизами и договориться. Брак герцога Лотарингского и Клотильды Французской укрепил положение Франсуа де Гиза и его брата кардинала при дворе. На их стороне были также дофин и его юная супруга Мария Стюарт (племянница обоих вельмож). Лагерь Гизов поддерживала и королева Екатерина. Сближение их было связано с последними событиями в Италии.

Вследствие неудачной военной кампании Гизов в Неаполитанском королевстве Эрколе д'Эсте пришлось заключить мир с Филиппом II 18 марта 1558 года и женить своего сына Альфонса на Лукреции, дочери Комо ди Медичи. Союз Феррары с Флоренцией означал потерю Монтальчино, последнего бастиона Французской Тосканы. Это обстоятельство сблизило Гизов с Екатериной, тем более что для нее Пьеро Строцци был единственным кондотьером, способным добиться возвращения Флоренции, но он погиб под Тионвилем 20 июня 1558 года. Королева сделала чисто символический жест, даровав вдове Строцци, Лаудомине ди Медичи, годовой пенсией в тысячу экю и земли, приносящие 6 тысяч ливров годового дохода. Сын Строцци Филиппо получил от Королевской палаты титул дворянина, пенсию в 4 тысячи ливров и поместье, способное давать 10 тысяч ливров дохода. Зато 29 сентября 1558 года король, прибыв в военный лагерь, торжественно понизил в должности герцога Оттавио Фарнезе и Паоло Джордано Орсини, зятя Комо ди Медичи за нарушение ими клятвы верности кавалеров ордена Святого Михаила ^[546]. Но все эти демонстративные поступки несколько не означали, что война в Италии должна возобновиться, как о том мечтали королева и Гизы. Франция была слишком измотана для ведения военных действий.

На драматичном заседании своего Малого совета 15 ноября 1558 года король, предварительно посоветовавшись с Дианой, изъявил твердое намерение покончить с завоеваниями в Италии ради скорейшего хода мирных переговоров. Тогда же Диана и Генрих направили Монморанси совместно написанное письмо, где уверяли в своей неизменной привязанности и побуждали скорее довести переговоры до благополучной развязки ^[547]. Это шло вразрез с чаяниями Екатерины.

Возмущенная столь резкой сменой курса, королева явилась на Совет и пала королю в ноги, надеясь поколебать его решимость. «Коннетабль никогда не делал ничего, кроме зла», — пробормотала она. «Он всегда

творил лишь добро, — возразил Генрих II, — а что касается зла, его творили те, кто посоветовал мне нарушить Воселльский договор». И он удалился, не добавив больше ни слова. Пытаясь найти утешение, Екатерина взялась за чтение «Хроник истории Франции». Диана поинтересовалась, что она читает, и услышала оскорбительно резкий ответ: «Я читаю об истории этого королевства и нахожу, что в любую эпоху поступками королей время от времени управляли шлюхи». Гизы полностью разделяли негодование Екатерины. В тот же день, когда Генрих II спросил герцога, что он думает о его решении, Франсуа де Гиз дерзко отчеканил: «Я скорее дам голову на отсечение, чем скажу, что оно почетно и выгодно для Вашего Величества»^[548].

После перерыва, вызванного смертью Марии Тюдор, переговоры возобновились 14 февраля 1559 года в крохотном местечке Като-Камбрези. Официальным представителем Франции был коннетабль де Монморанси.

Дважды он ездил к королю в Вилье-Коттре, и Генрих в очередной раз подтвердил, что он вовсе не намерен возобновлять войну. Наконец, 2 апреля был подписан первый договор — с Англией. Кале на ближайшие восемь лет оставался во владении Франции. Если к концу этого срока Франция не пожелает вернуть означенные территории, она обязывалась уплатить 500 тысяч крон золотом. Англия же теряла право на какие бы то ни было реституции и вознаграждение в случае агрессии против Франции или Шотландии. Договор дополняло мирное соглашение между Англией и Шотландией.

Подписанный на следующий день договор с Испанией предусматривал взаимный обмен территориями, захваченными в последние восемь лет. Как и прочие вельможи, воевавшие на стороне Франции, семья Дианы понесла убытки: де Ла Марку предписывалось отдать город Буйон епископству Льежскому.

В отношении итальянских земель отступление Франции было весьма чувствительным. Герцог Савойский добился возвращения ему Бресса, Бюже, Вальроме, Савойи и Пьемонта, аннексированных Франциском I в 1536 году. Турин, Кьери, Пиньероль, Кивассо, Вилланова д'Асти и Салуццо тем не менее остались в руках короля. Однако Генрих II обязался отдать Монферрат вместе с Казале герцогу Мантуанскому, Монтальчино — герцогу Флорентийскому, и так владевшему Сиеной, Корсику — генуэзцам. О трех епископствах — Меце, Туле и Вердене — речь в договоре не шла, поскольку вопрос о их принадлежности касался Империи.

Примирение недавних врагов ознаменовали династические союзы.

Мадам Елизавету, тринадцатилетнюю дочь короля, предназначавшуюся сперва дону Карлосу, обручили с вдовым Филиппом II, которому она должна была принести в приданое 400 тысяч золотых экю. Мадам Маргарита, сестра короля, обручилась с герцогом Савойским Эммануилом-Филибером. Ее приданое составляли доходы от герцогства Берри и 300 тысяч экю золотом, но самым роскошным свадебным даром становилось возвращение будущему супругу Савойи и Пьемонта.

Едва сложив оружие, бывшие противники испытали необходимость оправдать примирение благой целью, и таковой стала нужда добиться всеобщего единства для «реформации и приведения всей христианской Церкви к истинному единству и согласию». Но это уточнение, фигурирующее в первой статье договора с Испанией, не очень-то утоляло досаду всех, кто годами не щадил ни жизни, ни денег ради победы Франции ^[549].

Уязвленное самолюбие воина-победителя не позволяло Франсуа де Гизу смириться с тем, что договор перечеркнул результаты стольких усилий. Он вновь предлагал послужить королю мечом: «Сир, даже если бы вы 30 лет только проигрывали, и то не потеряли бы того, что хотите разом отдать. Пустите меня в худший из городов, что намерены вернуть, и я с большей славой буду защищать его на крепостной стене, чем при этом, столь невыгодном мире, который вы готовы заключить. У вас, Сир, довольно и других слуг, которые сделают не меньше и здесь, и за горами» ^[550].

Почти все современники разделяли эти сожаления. Блез де Монлюк писал в своих «Комментариях»: «Мир был заключен к великому несчастью прежде всего короля и всего королевства, ибо он стал причиной утраты всех земель и завоеваний, достигнутых королем Франциском и самим Генрихом, которые были не так уж малы, коль скоро составляли едва ли не третью часть Французского королевства. В одной испанской книге я прочитал, что король возвратил 98 земель и укрепленных городов, под которыми подразумеваются крепости» ^[551].

Диана, долго остававшаяся при дворе — зимой 1558/59 года в Сен-Жермен-ан-Ле, весной в Вилье-Коттре, — пристально следила за развитием переговоров. Полностью разделяя миротворческие настроения, она неоднократно рассыпалась в похвалах коннетаблю, присоединяя их к комплиментам короля. Так, в уже цитированном письме, написанном 20 февраля в Сен-Жермен-ан-Ле ^[552], читаем: «Надеюсь, Вашими усилиями этот час принесет нам немного доброго спокойствия; и, буде и впрямь

возможно, как Вы пишете, чтобы король Филипп встретился с королем и господином герцогом Савойским, это принесло бы великое благо и успокоило бы все ссоры, что стало бы отнюдь не малым из Ваших деяний [...]. И еще, монсеньор [...], коли Вам угодно будет вспомнить мою прямоу, Вы увидите, что я верный друг в любых обстоятельствах, а потому умоляю [...] любить меня и почитать столь же, как я желаю удостоиться чести обрести Ваше расположение». Генрих показывал Диане все письма, какие получал от старого друга и посылал ему сам. Во время переговоров с Испанией герцогиня пыталась отстоять собственность своей дочери Франсуазы, герцогини Буйонской. После обручения Антуанетты де Ла Марк с Анри де Монморанси-Дамвилем их с коннетаблем объединяли общие интересы. Однако пришлось-таки подчиниться настояниям испанцев. В марте сам король предупредил об этом Франсуазу де Буйон: «Прошу Вас, со всей моей сердечной к Вам любовью, кузина, не чинить каких-либо препон, а и впрямь вернуть владения в виде означенного герцогства, замка и крепости де Буйон тем, кто поименован в указанном договоре, соответствующие статьи которого Вам будут сообщены особо. И пребывайте в уверенности, что, как я ныне обещаю Вам сим собственноручно начертанным посланием вкупе с прилагаемым документом, даровать и Вам, и Вашим детям столь щедрое и справедливое воздаяние, что Вы сможете с полным на то основанием радоваться и пребывать в полном довольстве»^[553].

Обещанная компенсация вскоре выразилась в предоставлении «кузине» доходов с соляных складов в Пуату.

Опираясь на общность взглядов с королем, герцогиня, так же как и коннетабля^[554], обласкивала всех и каждого, кто близко или отдаленно был связан с событиями: например, проявляла массу заботы о герцогине де Невер, чей супруг, один из виднейших военачальников того времени, серьезно заболел. Не меньше внимания она уделяла и своему верному маршалу де Бриссаку, вынужденному скрепя сердце оставить Пьемонт. Когда маршал выразил беспокойство по поводу того, что с ним не посоветовались при заключении мирного договора, Диана написала ему длинное дружеское письмо:

«Господин маршал, из Ваших писем ко мне я вижу, что Вы мне доверяете и считаете ближайшим другом на этом свете, в чем при случае и впрямь всегда сможете убедиться. Найдя сии письма Ваши более нежели честными и мудрыми, мне захотелось показать их королю, который также счел оные прекрасными. Касательно же того, что Вас не призвали

высказаться о мирном договоре, так это оттого, что ничто еще не было решено и условлено наверняка. Но теперь, когда, хвала Господу, мир состоялся, Его Величество уведомит Вас и распорядится обо всем, питая надежду, что и гражданские войны тем самым придут к завершению. Впрочем, полагаю, вскоре Вы прибудете сюда, где всегда найдете меня готовой оказать Вам услугу с самым сердечным и добрым расположением. С сим вверяю и себя Вашей милости, моля Бога, милостивый государь, даровать Вам отменное здоровье и долгую жизнь. Писано в Вилье-Коттре в первый день апреля Вашим лучшим и преданнейшим другом Дианой де Пуатье»^[555].

Сердечный тон этого письма иногда интерпретировался как свидетельство интимных отношений между герцогиней и маршалом. Однако в действительности все обстояло по-другому. Диана подружилась с Бриссаком, как и с другими членами семьи Рене де Коссе, бывшего гувернера Генриха II, еще в те времена, когда король был ребенком. Вскоре Диана приложила еще одно свое письмо к королевскому посланию, доверенному Артусу де Коссе, сеньору де Гоннору, брату маршала, которого монарх отправил в Италию показать де Бриссаку мирный договор и помочь в его воплощении. Герцогиня хотела также заверить, что поддержит его вопреки намерению Монморанси добиться для своего сына Дамвиля управления оставленными Францией городами Пьемонта^[556]. Было общеизвестно, что Бриссак, до глубины души потрясенный статьями договора, дал волю отчаянию: «О, несчастная Франция! К каким потерям и разорению позволила себя принудить ты, торжествовавшая над всеми другими народами Европы!»^[557] Но никакие сетования и сожаления не помешали маршалу подчиниться приказу. Он получил текст договора 7 апреля, а 11-го опубликовал его в Пьемонте. Тягостнее всего де Бриссаку было сообщать об увольнении двенадцати тысяч ветеранов. Многие из офицеров сражались в Италии еще за Франциска I. Их глубоко уязвил приказ покинуть страну, ставшую второй родиной. Солдаты, пишет Брантом, винули во всем принцессу Маргариту, за то что та принесла супругу в приданое лучшие из завоеваний Валуа. «Что до воинов и спутников по военным походам, так давно свыкшихся с гарнизонами, мягкостью климата и превосходной здешней кормежкой, то об их мнении можно было не спрашивать, ибо те сами кричали, ругались и сыпали проклятиями. Одни, как гасконцы, так и другие, вопили: „Эй, черт побери! Неужто за какой-то пустяковый кусочек плоти между ног у этой бабы надо отдавать столько прекрасных и обширных земель?!“ Другие вторили им:

„Будь проклята ж... которая обходится нам так дорого!“ А третьи смеялись: „Ох, ну и здоровенная у нее должна быть ж... чтобы засунуть туда столько земель и замков!“^[558]».

По объявлении мира сторонникам Франции стали угрожать приближенные герцога Савойского, и им пришлось отправиться в изгнание. И среди всех этих смут и беспорядков приходилось еще заниматься сносом укреплений. Французы были вынуждены спасаться бегством как из Сиены, так и из Пьемонта.

В общей неразберихе, под крики «спасайся, кто может!» Диана намеревалась сохранить свои итальянские владения и наконец получить международное подтверждение прав, которые она поручила д'Авансону отстаивать в Риме, а заодно и наследных прав на Кротонский маркизат в Калабрии.

Благодаря поддержке полномочных представителей Франции ей удалось заручиться признанием своих претензий королем Испанским. В меморандуме, приложенном к Като-Камбрезийскому мирному договору, им посвящена особая статья, где уточняется, что кое-кому из знатных господ «должны быть возвращены имения, отчужденные во время войн». Есть в этой статье и прямое указание на Диану: «Мадам Диане де Пуатье, герцогине де Валентинуа, в отношении ее претензий на маркизат Кротонский, графство Катазаре (Катанзаро) и прочие земли, принадлежащие ей в королевстве Неаполитанском, Его Католическое Величество обещает вынести столь же скорое и справедливое решение, как и собственным подданным, с этой целью Мадам предоставят благоприятствующие ей письма к вице-королю и прочим должностным лицам в означенном королевстве Неаполитанском там, где сие необходимо»^[559].

Итак, Диана извлекла из Като-Камбрезийского договора довольно существенные выгоды. В процедуре восстановления собственности лиц, чьи земли были отчуждены Испанией, мадам де Валентинуа оказалась в хорошей компании — рядом с Марией де Бурбон, герцогиней д'Эстутвиль, претендовавшей на графство Сен-Поль, или Антуаном Бурбоном, королем Наваррским, отстаивавшим свои права в герцогстве д'Энгьен. В ответ король Франции обещал возместить ущерб многим фламандским и бургундским сеньорам, среди которых мы находим Шарля де Пуатье, сеньора Сен-Валье и наследника Гийома де Пуатье, чье имущество было конфисковано, когда он перешел на службу к Карлу V вместе с коннетаблем Бурбоном. Как видим, дом Сен-Валье выигрывал во всех отношениях^[560].

Подводя общие итоги, Диана с полным ощущением, что ее власть при дворе еще более укрепилась, участвовала в церемониях и празднествах в ознаменование мирного договора. В Париже уже с апреля начали готовиться к торжествам по поводу бракосочетания Елизаветы Французской и Филиппа II Испанского. В мае французы и англичане обменялись заложниками. Генрих II и его сын, дофин Франциск (последний — в качестве короля Шотландии), 28 мая принесли мирную клятву представителям Елизаветы Английской. Оставалось решить вопрос о судьбе пленных, еще томившихся в ожидании своей судьбы как у той, так и у другой стороны. Если знатым господам предстояло уплатить солидные выкупы, то простые солдаты нередко бывали обречены на тяжкую судьбу гребцов французских или испанских галер. Судя по составленному тогда списку, в плену у французов находилось 975 человек. Их согласились отпустить без всякого выкупа, что и в самом деле было исполнено в октябре 1559 года. На сей раз Диане и ее кузену Шарлюсу не удалось настоять на своем праве получить вознаграждение. Король Испании отсрочил такое же освобождение, поскольку слишком нуждался во флоте для борьбы с неверными^[561].

Мало-помалу в королевстве вновь установился порядок. В Экуане 2 июня 1559 года король подписал патентные письма, направленные на организацию подавления деятельности еретиков, подпавших под влияние «протестантских проповедников из Женевы». Генрих II лично явился 10 июня в Парижский парламент на «меркуриал», торжественное заседание, где каждому дозволено высказывать свое мнение. Среди прочих изобличителем репрессий против гугенотов объявил себя советник Анн де Бург. Его арестовали и предали гражданскому суду, что не помешало состояться синоду реформистов под председательством пастора Франсуа Мореля^[562].

В охваченном лихорадочным возбуждением и тяжким кипением страстей городе начинались роскошные празднества, посвященные бракосочетанию Елизаветы Валуа и обручению Маргариты Французской с герцогом Савойским. Трое представителей Филиппа II — герцог Альба, принц Оранский и граф Эгмонт, которым было поручено вступить в брак с Елизаветой от имени короля Испании, 15 июня прибыли в Париж. Король отправился в собор Парижской Богоматери 18 июня и в присутствии испанских посланцев дал клятву не нарушать мира. А 22-го собор принимал весь двор на торжественной брачной церемонии. Присутствовали даже племянники-протестанты Монморанси Колиньи и

д'Андело, получившие обманчивое обещание, что Анн де Бург и недавно взятые под стражу парижские парламентарии будут освобождены. Во дворце Сите, в резиденции Турнель и в Лувре чередовались пиршества, балы и маскарады ^[563].

После ужина 28 июня король праздновал обручение Эммануила-Филибера Савойского и своей сестры Маргариты. Был подписан брачный контракт. До обряда, намеченного в соборе Парижской Богоматери, решили устроить пятидневные турнирные увеселения — со среды 28 июня по воскресенье 2 июля.

С 22 мая Генрих II приказал своему герольду огласить, что он сам, наихристианнейший король, равно как дофин, принц Альфонсо Феррарский, герцоги Карл Лотарингский, Франсуа де Гиз и Жак де Немур готовы встретиться на ристалище с любым претендентом — принцем или простым дворянином, рыцарем или оруженосцем. Как и ранее во время королевских торжественных въездов, на улице Сент-Антуан у дворца де Турнель были сняты камни мостовой и устроена площадка для турниров. Ее обнесли барьером и установили трибуны для зрителей. Деревянные конструкции скрыли богатые ткани, расшитые гербами Франции, Савойи и Испании. Колоннады, фризы и скульптурные группы символизировали только что завершённую войну и благоденствие, ожидаемые от мирного договора ^[564].

В первые два дня состязания разворачивались ко всеобщему удовольствию. На королевской трибуне восседали королева Екатерина и Диана в окружении придворных дам. Король неумолимо сражался со всеми желающими. Утром третьего дня, в пятницу 30 июня, он вызвал Габриэля де Монтгомери. Молодой граф — ему было всего 29 лет — уже не раз доказал свою преданность королю: сначала преследуя протестантов в Сен-Ло, затем — арестовав парижских парламентариев. На сей раз Генрих приказал ему по окончании турнира отправиться в Нормандию, в город Ко, дабы схватить сторонников протестантизма и предать суду. А до того графу было позволено участвовать в турнирных забавах ^[565].

В этот день около двух часов пополудни король потребовал оружие и доспехи, несмотря на все попытки королевы его удержать (накануне ночью Екатерина видела страшный сон — раненого Генриха с окровавленной головой). Король поступил по-своему. В самую жару он вышел на ристалище. На Генрихе были цвета Дианы — белое и черное. Лошадь, подаренную ему герцогом Савойским, звали *Несчастливец*. «Этот прекрасный конь помогает мне наносить удачные удары копьем!» —

жизнерадостно крикнул Генрих герцогу, сидевшему на королевской трибуне. «Я очень рад, что мой конь пришелся вам по вкусу, сир», — отвечивал герцог. Тем не менее он присоединился к королеве и придворным дамам, умолявшим короля не «переутомляться».

Но Генрих, несмотря на усталость, намерен был выдержать три поединка, которые предписывались правилами для каждого претендента. Оставалось лишь подчиниться воле монарха. Сначала герцог Немурский, а потом Гиз померились силами с королем. Генрих победил обоих. Выехал третий противник — граф Габриэль де Монтгомери. На его щите красовались лилии, напоминавшие о старинном союзе этой семьи с королевской династией. Всадники сшиблись, но исход поединка остался неясен. Однако было уже пять часов пополудни, и турнир следовало завершать. Придворные на трибунах встали, собираясь расходиться. Но Генрих потребовал еще одного поединка. Ему возразили, что это было бы нарушением традиции. «Я хочу отыграться! — запальчиво крикнул король. — Он заставил меня покачнуться в седле и едва не потерять стремя!»

Молодой граф Монтгомери уверял, однако, что преимущество было на стороне Генриха, а королева Екатерина послала гонца умолять ее мужа более не сражаться из любви к ней. «Из любви к королеве, клянусь честью дворянина, я только еще раз сражусь на копьях, не более», — раздраженно ответил король.

Пустив коня в карьер, он отпустил поводья и помчался на соперника. Оба копыя сломались, а лошади откинулись на круп. Подвижный и гибкий граф де Монтгомери схватил ленчик седла и остался на коне. Но король, несмотря на опыт и привычку к постоянным физическим упражнениям, пошатываясь, ухватил лошадь за шею и кое-как побрел к барьеру. Дворяне бросились остановить коня. Потерявшего сознание Генриха подняли на ноги. Коннетабль де Монморанси и маршал де Таванн, арбитры турнира, подхватили тело своего господина. Забрало его шлема было приподнято — там застрял кусок наконечника копья Монтгомери. Шлем сняли с бесконечными предосторожностями, но лицо короля тут же залила кровь, хлынувшая из многочисленных ран, нанесенных обломками деревянного копья. Самый крупный из них был примерно десять сантиметров в длину. Итальянские дипломаты, епископ Фермо и Луис де Гонзаг, в своих депешах сделали его набросок. Этот обломок ранил лоб над правой бровью и вонзился в уголок левого глаза, покалеченного и множеством других щепок, одна из которых, острая как иголка, достигала семи сантиметров длины ^[566].

Сидевшие на трибуне королевы и дофин при виде крови потеряли сознание. Диана побледнела. Нетрудно представить, как она стояла, прямая и безмолвная, среди испуганных криков придворных дам и смотрела, как короля уносят во дворец де Турнель. Королева Екатерина, герцог Савойский, коннетабль и Гизы последовали за королем в его спальню. Врачи протерли его лицо уксусом и розовой водой в ожидании хирургов. Последние удалили наиболее крупные обломки, вызывая у короля громкие крики. Не зная, каким образом извлечь застрявшую часть древка, они добились разрешения провести эксперимент на головах четырех преступников, поспешно казненных в дворцовой тюрьме Консьержери и тюрьмах Большого Шатле. Знаменитый хирург Андре Везаль 3 июля был направлен Филиппом II из Брюсселя в Париж, дабы присоединиться к коллегам. Амбруаза Паре также вызвали на консультацию.

Диана издала, ибо не смела достигнуть порога королевской спальни из опасения быть изгнанной королевой, с тревогой ждала развития событий, то преисполняясь надежд, то впадая в отчаяние. 1 июля раненому дозволили принимать легкую пищу, а 2-го он попытался говорить и призвал к себе Монтгомери. Узнав, что последний бежал, король стал твердить, что несчастный случай произошел не по его вине, а из-за неблагоприятного стечения обстоятельств. Ложе короля окружали интриги и соперничество. Гизы жаждали выдвинуть обвинение против коннетабля, считая что он недостаточно прочно закрепил шлем своего господина. Монморанси развивал лихорадочную деятельность, с перепугу бросаясь из крайности в крайность. Он приказал доставить Везалю тело бедолаги, убитого в Париже, чтобы врач смог изучать на его черепе воздействие раны, нанесенной королем^[567].

Генрих вроде бы пошел на поправку 3 июля. Он с удовольствием слушал музыку и дал обет в случае выздоровления пешком отправиться в Нотр-Дам де Клери. Считая несправедливым, что столь многочисленные дворяне пошли ради празднеств на ненужные траты, монарх приказал возобновить торжества в следующее воскресенье. Он также нашел в себе силы продиктовать письмо французскому послу в Риме, дабы тот уведомил папу об аресте Анна де Бурга и «лютеранствующих» парламентариев. «Уповаю, коль скоро Господь даровал мне мир, употребить отпущенные время и силы, дабы наказать, подвергнуть экзекуции и искоренить всех, кто вздумает следовать сим новым доктринам».

Однако вечером 4 июля у короля внезапно поднялась высокая температура, сопровождаемая сильнейшими болями. В голове начался

абсцесс, положение было безнадежно. Королю становилось все хуже и хуже. Все лицо распухло. Все же у Генриха еще хватило сил продиктовать своему сыну дофина письмо к послу в Брюсселе, дабы тот просил у Филиппа II покровительства для Франции и наследника престола. После этого он окончательно потерял зрение. Потом лишился дара речи. Началась агония ^[568].

Вечером 8 июля во дворец герцогини де Валентинуа явился офицер. От имени королевы он требовал вернуть драгоценности Короны, отданные Генрихом своей фаворитке...

«Как? Король умер?» — спросила Диана.

«Нет, мадам, но это не замедлит произойти с минуты на минуту».

«Ну, так пока в нем остается жизни хоть на вершок, я хочу, чтобы мои недруги знали: я их нисколько не боюсь и не стану покоряться до его последнего вздоха. Отвага моя еще не сломлена. Но когда он умрет, мне и самой более не захочется жить, так что любые гонения будут сладостны по сравнению с моей потерей. Таким образом, жив мой король или мертв, враги мне не страшны» ^[569].

На заре в воскресенье 9 июля умирающего соборовали. Потом к нему привели дофина, и король в знак благословения сжал руки сына. Подросток потерял сознание. В Париже ко всем святыням столицы тянулись нескончаемые процессии. Наконец вечером врачи дали королю обезболивающее — они решились сделать ему трепанацию черепа, а пока заново перевязали голову. Рана, утром еще сухая, вновь наполнилась гноем. Генрих вроде бы испытал облегчение и вновь обрел дар речи. Но тело его обильно потело, и медики заявили, что это «смертный пот», а потому дальнейшие попытки бесполезны.

Ночью в спешке провели церемонию бракосочетания герцога Савойского и принцессы Маргариты Французской. Произошло это в апартаментах Елизаветы де Валуа, новой королевы Испанской.

10 июля в час пополудни король Генрих II испустил дух, к огромной скорби всех, кто в эти десять дней следил за его отважной битвой со смертью ^[570]. К этому времени королю исполнилось сорок лет четыре месяца и десять дней. Правил он 12 лет 3 месяца и 11 дней. С полным основанием можно сказать, что Диана царствовала вместе с ним.

Не строя никаких иллюзий насчет будущего, герцогиня, на сей раз добровольно, отослала драгоценности Короны вместе с собственноручно составленным ею подробным их перечнем. Одновременно она просила у королевы прощения за все обиды. Предлагала свое имущество и жизнь.

Передача драгоценностей после смерти суверена была традиционной: так, после кончины Франциска I герцогиня д'Этамп и королева Элеонора вернули то, чем временно владели при его жизни, а теперь сама Екатерина и Мария Стюарт внесли в королевскую казну имевшиеся у них драгоценности: право вновь отдать их в чьи бы то ни было руки принадлежало новому королю. Стало быть, жест Дианы вовсе не был знаком капитуляции. По сообщению посла Альваротто, королева просто велела передать герцогине, что впредь не желает более ее видеть, и посоветовала мирно довольствоваться благами, дарованными покойным монархом ^[571].

Неизвестно, кто доставил это сообщение Диане. Вполне вероятно, это был один из Гизов, и скорее всего — кардинал Лотарингский. И в самом деле, несмотря на искреннюю и глубокую скорбь, королева Екатерина вовсе не затворилась в затянутой трауром спальне, как полагалось по этикету, а немедленно переехала в Лувр вместе с новыми суверенами и Гизами. Коннетабль, будучи великим мажордомом, вынужденный сидеть у останков Генриха II, волей-неволей остался во дворце де Турнель.

Герцог Гиз тотчас занял апартаменты герцогини де Валентинуа, расположенные рядом с королевскими, а его брат кардинал — комнаты Монморанси.

Франциск II, испытывавший к матери любовь, страх и уважение, предложил ей власть. Однако Екатерина мудро предпочла действовать исподволь, выставив на первый план Гизов. Таким образом она вынуждала дядей Марии Стюарт делиться с ней властью, распоряжаться которой те рассчитывали в любом случае. Герцог Гиз получил под командование войска, а кардинал Лотарингский — прерогативы премьер-министра. Что до коннетабля, Франциск II дал ему «освобождение от трудов и обязанностей придворного», и Монморанси вернулся в Шантийи. Бертрану, Хранителю Печатей, пришлось уступить место канцлеру Оливье. Д'Авансон покинул пост сюринтенданта финансов ^[572].

Судьба Дианы оставалась неопределенной. Герцог д'Омаль попытался было растрогать братьев и вступить за свою тещу, но «кардинал Лотарингский гордо отвечал ему, что тот должен радоваться, обеспечив путем неравного брака великие богатства и завидное положение на несколько лет, однако ныне тот же союз делает его одиозной фигурой и покрывает позором, а потому в интересах достославного Дома Гизов — мало-помалу стереть из памяти людской сие постыдное воспоминание, удалив герцогиню от двора. Д'Омалю следовало бы понимать, что

удерживать ее тут невозможно, не оскорбляя тем самым королеву-мать, а именно ее-то и надлежит ограждать от подобных и иных неприятностей. В общем, д'Омаль обязан сохранить и достойными деяниями упрочить положение, которым, к стыду своему, был обязан официальной фаворитке последнего царствования^[573] ...».

Таким образом, в тот момент единственной санкцией против Дианы было запрещение появляться при дворе, относившееся также к ее дочери, герцогине де Буйон. При этом мадам де Валентинуа никто не изгонял из Парижа, и она могла попрощаться с царственным любовником из окна собственного особняка.

Она наблюдала 13 августа за шествием похоронной процессии через всю столицу в сторону Сен-Дени. На парадном ложе несли изображение ее возлюбленного, высеченное Франсуа Клуэ. Скульптор весьма точно воспроизвел черты лица покойного. Одежды короля и убранство кареты были выдержаны не в белом и черном — цветах Дианы, а лиловом, ибо таков цвет королевского траура. Однако среди цветов лилии кое-где мерцали еще «Н» со скрещенными полумесяцами, образующими двойное «D».

Никогда не подумала бы герцогиня, что столь трагически дорого заплатит за мир, который должен был стать ее триумфом.

Отличаясь практическим складом ума, Диана никак не ожидала, что обычный турнирный поединок может закончиться смертельным исходом. Ни она, ни королева Екатерина, при всей склонности последней к астрологии и толкованию снов, сначала даже не заметили аллюзии в 35-м четверостишии первой «Центурии» Нострадамуса, фигурировавшей в издании его «Пророчеств», подаренном в 1555 году Генриху II:

Юный лев одолеет зрелого
На поле брани в странном поединке,
В золотой клетке единым ударом лишится
Обоих очей, а затем придет жестокая смерть.

Отправляясь в ссылку, Диане оставалось лишь оплакивать свою судьбу: она потеряла мужчину, давшего ей гораздо больше, чем корону, — власть, право влиять на политику, людей и искусство. Но и после его смерти герцогиня намеревалась посвятить себя культу воспетого дю Белле полубога, возлюбленного сына Марса и Венеры, чьей высочайшей жрицей она была:

Увы, он был сражен насмерть обломком копья.
Тот, кто на войне явил непобедимую отвагу.
Но, прежде чем умереть, он сотворил так,
Что его время восстановило золотой век.
И при жизни был так любим всеми.
Что сами Боги ему завидовали...
Так высеките же на его усыпальнице:
«Здесь упокоился король Генрих, бывший любовью мира
сего» ^[574] .

Глава IV ПОСЛЕДНИЕ ОГНИ

После похорон короля Диана осторожности ради удалилась из Парижа. Она уехала в одно из своих поместий Бейн, расположенное между Лимуром и Ане. Оттуда герцогиня писала Себастьяну де Л'Обепину, епископу Лиможскому и брату государственного секретаря Клода де Л'Обепина; 20 августа по просьбе своего зятя д'Омаля и верного Жана д'Авансона Диана послала епископу документы, доказывавшие ее права на маркизат Кротоне, только что признанные в статье Като-Камбрезийского мирного договора ^[575] .

Поскольку королева Екатерина публично не выражала никакого возмущения, в ноябре Диана вернулась в Париж. Там она занялась устройством дел своих детей. Финансовый совет должен был изучить вопрос о передаче в дар Генрихом II герцогу д'Омалю и герцогине де Буйон доходов с соляного склада в Ла Рош-сюр-Ион. Доклад предстояло делать сюринтенданту финансов Шарлю Ле Прево, сеньору де Гранвилю. Диана попросила 25 ноября коннетабля повлиять на де Гранвиля, чтобы дело в первом же слушании решилось в пользу ее детей. Просила она также добиться отмены штрафа бывшему получателю доходов от склада в Ла Рош-сюр-Ион некоему Рибольдо по прозвищу Ла Гийотьер, который, впрочем, принадлежал к числу слуг коннетабля: этого наказания требовал от Счетной палаты королевский прокурор, что привело к аресту имущества Рибольдо, а д'Омаль и герцогиня де Буйон считали это несправедливым, опасаясь, несомненно, как бы часть ответственности не пала и на них. В том же письме герцогиня де Валентинуа призывала коннетабля не оставить своими щедротами монастырь Кающихся грешниц в Париже, которому

сама покровительствовала с давних пор и в 1553 году сумела добиться от короля ежегодной ренты в 2 тысячи ливров, уплачиваемой главным казначеем Парижа из «отчислений, получаемых в качестве платы за титулы, для погашения долгов, легализации документов, предоставления гражданства, пошлин за совершение сделок, взимаемых Счетно-аудиторской палатой Парижа»^[576].

Герцогиней де Валентинуа двигало все то же неизменно свойственное ей стремление сплотить своих родных и друзей. Долгий жизненный опыт доказал ей необходимость поддерживать целую сеть доброжелателей, для того чтобы добиваться своих целей. Однако она не боялась и лично принять бой, когда нападение принимало ясный и целенаправленный характер: например, когда Екатерина Медичи решила завладеть Шенонсо.

Королева нанесла визит в Шенонсо в сопровождении всего двора^[577]. Имение очаровало ее. Ссылаясь на изначальную принадлежность этих земель королевскому домену, Екатерина потребовала возвращения Короне ее имущества. Но Диана, некогда прибегнув к фиктивной продаже имения Бойе, потратила десять лет на тяжбы, чтобы исключить Шенонсо из числа королевских владений, а потому сначала весьма успешно противостояла королеве. Через три месяца после смерти короля, в октябре 1559 года, она все еще участвовала в преобразовании кутюмов Турени как владелица Шенонсо, представленная доверенным лицом — мэтром Этьеном Табуа. Тогда Екатерина сменила тактику. Вместо того чтобы прибегнуть к конфискации, как это было сделано с герцогиней д'Этамп, королева предложила обмен. За Шенонсо она отдавала Диане замок Шомон, купленный ею 31 марта 1550 года у Шарля-Антуана де Ла Рошфуко и его супруги Антуанетты д'Амбуаз за 120 тысяч ливров^[578].

Этот обмен был выгоден для Дианы: земли Шомона на треть превышали стоимость Шенонсо. А потому после очень недолгих переговоров соответствующий документ был подписан в замке Блуа во время пребывания там короля в конце 1559 года. Королеву-мать представлял кардинал Лотарингский, а герцогиню де Валентинуа — советник короля Франсуа Марсель, сеньор д'Авердон. Утверждение договора состоялось в Шиньоне несколько позже — в мае 1560 года: отсрочка произошла из-за вспыхнувшей в королевстве смуты. Противники Гизов составили против них Амбуазский заговор, в последний момент случайно раскрытый в марте 1560 года. После казни участников его организации Ла Реноди и других Екатерина вместе с королем и молодой королевой Марией Стюарт поехала праздновать свой и Гизов триумф в

Шенонсо. По такому случаю замок и подступы к нему чудесным образом преобразились: символические композиции и девизы провозглашали величие короля и его матери, а также отдавали дань глубочайшей скорби Екатерины, поклявшейся вечно хранить память об усопшем супруге. Замок, отданный королем в залог особой нежности к фаворитке, был призван хранить воспоминания о супружеской любви, над которой не властно само время. А чтобы полнее отпраздновать победу, Екатерина пообещала себе продолжить и превзойти в великолепии все усовершенствования дворцового комплекса, начатые Дианой.

Герцогиня де Валентинуа, разумеется, отсутствовала в кортеже, вступившем в Шенонсо 31 марта вслед за юным Франциском II и его супругой Марией Стюарт. Однако Диану представлял там ее зять д'Омаль, сопровождавший своих братьев — герцога и кардинала Гизов. На поддержку Монморанси она в данный момент рассчитывать не могла: адмирал де Колиньи и кардинал де Шатийон содержались при дворе под домашним арестом как подозреваемые в соучастии с заговорщиками. Сам же коннетабль остался в Париже как губернатор, что можно было считать своего рода ссылкой^[579].

Будучи трезвомыслящей особой и не сомневаясь в покровительстве Гизов, Диана отнюдь не стала возмущаться столь поспешным захватом Шенонсо, но восприняла действия королевы как вполне естественные. Она приказала 27 апреля своему секретарю вступить во владение Шомоном, дабы сделать необратимым обмен, скрепивший примирение с главным врагом. Тем не менее 27 января 1561 года в Ане герцогиня де Валентинуа в последний раз занялась проверкой счетов Шенонсо. Так она прощалась со своим прекрасным поместьем^[580].

Отныне Диана проводила время то в Ане, то в замке Бейн, то в Лимуре, некогда выцарапанном у герцогини д'Этамп. Однако, занимаясь как будто лишь управлением собственными землями, Диана продолжала влиять на политику Короны с помощью своих родичей и союзников.

Конечно, герцогиня де Валентинуа знала, что ее, как и всех бывших королевских фавориток, ненавидят, однако отсутствие популярности, похоже, не огорчало ее ни в малейшей мере. Этой рассудительной и практичной особе было в общем не на что особенно жаловаться. Шестьдесят лет непрерывного восхождения и счастливой жизни сделали Диану такой, какой она мечтала стать в юности: сказочно богатой герцогиней, связанной с первыми домами королевства и благодаря этому если и не могущественной, то по крайней мере менее уязвимой.

Обеспеченные тылы, невероятный взлет славы и состояния и возвышение семьи Дианы полностью отвечали идеалу, достигнуть которого изначально стремились великий сенешаль Нормандии и его супруга.

Восшествие на престол после смерти 5 декабря 1560 года юного короля Франциска II его малолетнего брата Карла IX стало началом истинного царствования Екатерины Медичи, «регентши Франции». Коннетабль был вновь призван ко двору. Собранную Гизами армию распустили, а 13 декабря в Орлеане собрались Генеральные штаты. Им предстояло обсудить лишь два серьезных вопроса, требовавших безотлагательного решения: религиозный конфликт в королевстве и чудовищный государственный долг, чьи размеры достигли уже 43 миллионов ливров. Однако взаимное противостояние трех сословий сорвало все попытки найти выход.

Екатерина позволила депутатам разъехаться, а в мае 1561 года организовала сокращенное собрание штатов, поручив им «высказать мнение насчет средств избавить короля от долга». А тем временем, в согласии с новым канцлером Мишелем де Л'Опиталь, королева избрала политику терпимости по отношению к протестантам. Колиньи вошел в Совет. Королевство двигалось к политике свободы вероисповедания и роста налогов ^[581].

На это последовала яростная реакция нестигаемых католиков, которые одновременно являлись обладателями самых крупных состояний. Сент-Андре не побоялся даже возвать к Филиппу II. Зато ненависть Монморанси к Гизам помогала королеве-матери сохранять власть, Шатийоны сблизил своего дядю с первым принцем крови Антуаном Бурбоном. Однако коннетабль не мог пойти на присоединение к лагерю протестантов. Он остался верен ортодоксальной Церкви и тихо презирал королеву Екатерину.

Именно в этот момент провинциальные штаты Иль-де-Франс потребовали «расследования хищений государственных средств». Ассамблея парижских судейских храбро предложила заставить фаворитов прежних царствований «вернуть награбленное». Король Наваррский согласился с формулировкой, а общественное мнение ей рукоплескало ^[582].

Речь шла о том, чтобы сделать явными тайны времен Генриха II, разбазаривание государственного достояния в пользу нескольких привилегированных лиц, махинации, поддельные приговоры судов, торговлю особыми милостями, должностные преступления, невероятное попустительство, поставившее казну в зависимость от appetитов одной

женщины и наделившее две семьи баснословным богатством. Подобные откровения во время экономической депрессии и голода могли бы сплотить французов против горстки хищников и уменьшить недовольство общества.

Эта ужасающая угроза застала герцогиню де Валентинуа в одном из ее замков. Диана всерьез испугалась, что у нее отнимут все и обрекут на нищету. Поэтому герцогиня вновь вышла из тени с намерением восстановить и противопоставить королеве, реформаторам и протестантам то, что до 1547 года носило название «партии дофина». Следовало создать новую лигу, способную вернуть власть и обеспечить безнаказанность бывшим союзникам, хотя они и стали с тех пор врагами.

Для начала герцог д'Омаль добился полного примирения Гизов со своей тещей — их легко объединила забота о защите собственных состояний.

Маршал Сент-Андре, великий грабитель государства, согласился отдать все свое имущество под защиту Гизов, пообещав руку единственной дочери и, стало быть, наследство одному из сыновей герцога. Вместе с Сент-Андре Диана предприняла натиск на коннетабля: оба ловко льстили его религиозной щепетильности и умело играли на скупости. Так, Монморанси отдалили от Колиньи, объявив последнего вдохновителем дерзких преследований против всех, кому царствование Генриха II принесло богатство и власть. Протестант из епархии Валанс, советник королевы-матери Жан де Монлюк спровоцировал яростную ссору между дядей и племянником. Начиная придворную речь, Монлюк сознательно опустил традиционное воззвание к Богу и святым. Дело было передано в Королевский совет, на котором коннетабль заявил Колиньи, «что счел бы себя отлученным от Церкви, слушая таких проповедников, более того, он жаждет и готов молить Всевышнего, дабы тот во время одного из подобных соборщ позволил дому обрушиться и прикончить всю свору». После этого Франсуа де Монморанси с легкостью сумел уговорить отца встретиться с Сент-Андре и Гизами.

Трое вельмож договорились о встрече в Фонтенбло. Они скрепили союз на Пасху, 6 апреля 1561 года, совместно приняв причастие в молельне Сен-Сатюрнэн, после чего коннетабль принял двух других партнеров у себя за обедом и объявил о создании католического триумvirата. В тот же день Гиз устроил королеве Екатерине необычайно грубую сцену, заметив, что, мол, «нельзя пить из обоих источников сразу и она обязана объявить себя сторонницей либо тех, либо других» ^[583].

Удовлетворенная тем, что сумела открыть встречный огонь, Диана

могла вновь наслаждаться очарованием Ане. Вмешательство в государственные дела дало ей возможность отомстить королеве и сохранить свое достоинство. Триумvirат заставил умолкнуть ревнителей правосудия, погрузив их в гражданскую войну: таким образом на целых 37 лет потерпела крах политика примирения между католиками и протестантами. После присоединения к триумvirату короля Наваррского 1 марта 1562 года произошла бойня в Васси. Королева Екатерина, тщетно призывавшая на помощь принца Конде, была вынуждена примкнуть к вождям католического лагеря. Первая религиозная война залила страну кровью.

Переход короля Наварры на сторону противника совпал с его семейным сближением с Дианой. И в самом деле, еще в 1557 году было принято решение соединить брачными узами племянника Антуана Бурбона Жака Киевского, сеньора д'Орваля, младшего брата Франциска II Киевского, герцога Неверского, с Дианой де Ла Марк, внучкой герцогини де Валентинуа. Свадьба намечалась в 1561 году. Король Наваррский заранее ликовал, «надеясь, — как он писал Диане, — что союз сих столь близких нам — Вам и мне — персон послужит к продолжению и вящему укреплению совершеннейшей и доброй дружбы, каковой умоляю меня почтить». Поскольку единственная преграда для заключения этого брака происходила от неуплаты обещанных герцогу Неверскому герцогиней де Буйон 20 тысяч ливров, Диана из своего замка в Лимуре 6 июня 1561 года обязалась от имени дочери сдержать обещание ^[584].

В обстановке постоянно растущей нестабильности герцогиню де Валентинуа все более и более беспокоила судьба ее владений. Семьи обеих дочерей обзавелись потомством. Диана предполагала разделить между ними свои имения, дабы во время смут последние оказались под более пристальным надзором и более надежной защитой.

«Милостивый государь, — писала она коннетаблю из Ане 17 июня 1561 года, — спешу уведомить Вас, как и обещала, что все разделы между моими детьми к настоящему моменту завершены в наилучшем мире и спокойствии, каких я только могла бы желать. Моя дочь д'Омаль получила Ане. Вы вправе предполагать, что это слегка огорчило тех, кто оно не обрел, однако все остались в столь полном согласии и дружеском расположении, что, хвала Богу, сохранили самые дружеские отношения, благодаря чему и я теперь могу вздохнуть более спокойно. Моя дочь де Буйон держалась так открыто и достойно, что месье д'Омаль весьма доволен, и оно неудивительно, ибо она вняла всем высказанным им

достоверности» ^[585].

Старшая дочь Дианы, Франсуаза, герцогиня де Буйон, в тот же день написала коннетаблю, подтверждая сообщенные матерью известия ^[586]. Она получила в Нормандии сеньории План и Гарен, которые, по ее расчетам, должны приносить 5 тысяч ливров дохода: «Впрочем, думаю, далее дело пойдет успешнее, поскольку до сих пор леса несколько пребывали в небрежении и потому вырубались». «Французские» владения были также разделены на две части: Франсуаза получила сеньории Ножан и Бреваль, которые «могут стоить 4000 франков, а на землях тамошних не менее шести раз по двадцать вассалов, имеющих ленные владения». Итак, в доле герцогини де Буйон замки Ножан и старый Ане, в то время как ее сестре д'Омаль достались новый Ане и Моншове. Постройки и приобретения Дианы были оставлены ей в полную собственность с правом распоряжаться ими по завещанию.

Как видно из списка земель и прочего имущества, принадлежавшего к Ане, раздел и впрямь имел место 17 июня 1561 года в присутствии Жака Фремона и Алена Анкоршевелия, нотариусов владения Иври. Составленный тогда акт напоминает о происхождении этих владений: земли изначально принадлежали к королевскому домену, и местные сеньоры обязаны были доставлять королю ястреба в знак вассальной присяги. Имена чуть не были конфискованы после смерти Луи де Брезе: королевский прокурор округа Шартр послал сержанта Жана Пишо, дабы наложить арест на феодальное владение, и 9 октября 1532 года бальи Ане подтвердил, что приказ выполнен. Однако вследствие требований и просьб Дианы арест был снят в пользу ее дочерей, о чем генеральный прокурор уведомил их, доставив королевские патентные грамоты от 27 августа 1548 года. Наконец вердикт Парижского парламента от 13 июля 1553 года положил конец судебному процессу между королевским прокурором, кардиналом Жаном Ле Венером, епископом Лизье, опекуном и воспитателем дочерей Луи де Брезе, и самой Дианой. Вскоре после раздела, 8 октября 1561 года, патентные грамоты, адресованные Клоду де Лоррену, графу Молеврие и герцогу д'Омалю, утверждали его в правах управлять землями и давать суверену присягу от имени владения Ане по брачному контракту с Луизой де Брезе ^[587].

Перечень имений Ане включает множество приобретений, постепенно сделанных Луи де Брезе и Дианой для расширения сеньории. Брезе с 1496 по 1530 год сделал двадцать одну покупку: он приобрел дома, сады, а также ренты с недвижимости и владений, уже входивших в состав Ане или

примыкавших к его границе со стороны Иври. Затем, в период тяжб и споров, ознаменованный процессом с королевским прокурором, покупки прекратились. Диана вновь энергично принялась покупать и заключала сделки с 25 июня 1543 года до 25 августа 1560 года: за это время она сделала сотню приобретений. После раздела ту же политику продолжали Луиза де Брезе и ее муж Клод д'Омаль. Похоже, Диана в течение 17 лет планомерно продолжала дело своего супруга: она купила десяток построек, расположенных слишком близко к замку, лишь для того, чтобы их снести; с 26 июня по 3 сентября 1547 года приобрела множество полей и садов для расширения зеленых угодий; потом, в августе 1548 года, — карьер, «чтобы добывать камень для строительства», и земельные наделы, где устроила «новое игровое поле», то есть площадку для игры в мяч. Среди покупок, увеличивших доходность земель, можно отметить поларпана виноградников, купленных 25 июня 1543 года, и еще восемь, расположенных в Рувре, — 25 февраля 1559 года ^[588].

Там фигурирует еще «остров Куртансон между Нантийи и Примаром площадью в 79 арпанов». Луи де Брезе отправил туда в 1509 году пастись стадо из 67 коров. Но Диана постоянно вела тяжбы с соседними землевладельцами, утверждавшими, что тамошний выпас принадлежит им. Она передала своим наследникам право взимания налогов за ловлю рыбы в Эре, за использование обычной печи и пресса, а также пошлин за проезд через земли, переплытие реки, взвешивание и замер размеров продукции, за использование сукновальни и мукомольни в Ане, Эзи и в Ла Шоссе д'Иври ^[589].

Помимо Ане, Диана признала за своей дочерью, герцогиней д'Омаль, владение сеньориями Бонкур и де Лоне, купленными ею 29 декабря 1548 года у Шарля де Коссе-Бриссака и его супруги за 6 тысяч золотых или «солнечных» экю ^[590].

К Ане относились и другие феодалы: де Баран, де Бурлие, Мондревиль и Ла Мар, купленные Луи де Брезе, а также Равиль и де Данжи, принадлежащие к округу Серизи, приобретенные им же, и часть надела, называемого «Остров» посреди реки Эр. К доходам, получаемым за счет феодальных налогов, добавлялась выручка от продаж леса и кустарника на вырубку, рента с ферм на землях Ане, Иври и Гаренн, Уллен и Гуссанвиль, Мондревиль, Буа-ле-Руа.

Диану удовлетворило, что ей удалось точно поделить имущество между кланами Гизов-Омалей и де Ла Марков-Буйон-Монморанси. Она полагала, что таким образом укрепила обе семьи, на которые могла

опереться и которые, как она верила, обеспечат победу католической веры и порядка в королевстве.

Нормандские земли вскоре охватила смута. Во время гражданской войны Руан попал в руки гугенотов. Вместе с герцогом Гизом юный король и королева-мать принимали участие в осаде города с 6 по 26 октября 1562 года. Верхом или в карете, под стрельбу из пушек и аркебуз Екатерина путешествовала по стране, пересекала реки и леса, где некогда охотилась со своим супругом и Дианой ^[591].

Губернатором провинции в то время был Анри де Ла Марк, внук герцогини де Валентинуа. Подозревали, что он симпатизирует протестантам. И губернатора поставили под контроль его собственного дяди, герцога д'Омаля, получившего при нем должность главнокомандующего. Католический триумvirат, отвечая пожеланиям герцогини де Валентинуа, умел быть вездесущим ^[592].

Судьба, однако, благоприятствовала королеве. В течение четырех месяцев умерли Антуан Бурбон (15 октября 1562 года при осаде Руана) и Сент-Андре (19 декабря в Дрё). Монморанси попал в плен к протестантам, а Конде — к католикам. Наконец, Гиз, которому, казалось, было суждено оставаться единственным хозяином положения, 24 февраля 1563 года погиб под Орлеаном, сраженный пулями Польгро де Мере. А поскольку вожди обоих кланов сошли со сцены, королеве Екатерине удалось вырвать у Конде мирный договор, заключенный в Амбуазе 19 марта 1563 года. Она тут же распустила войска обеих партий, но сохранила свои собственные и подавила местные очаги волнений. Королева заставляла судейских вершить правосудие, не заботясь о религиозной принадлежности сторон. Наконец, объединив католиков и протестантов, она повела их отвоевывать Гавр, сданный гугенотами Англии, и, добившись победы, заявила, что возобновление англичанами военных действий означает разрыв Като-Камбрезийского мира, и окончательно присоединила Кале к королевскому домену ^[593].

В 1564 году королева обладала всей полнотой власти. Тут-то она и вспомнила о своей старинной сопернице, Диане. По ее приказу Франсуа Алламан, сеньор дю Ге-Пеан, имения, расположенного близ Монришара, обвиненный в растрате соляных доходов при попустительстве герцогини де Валентинуа, был приговорен к смертной казни с конфискацией всего имущества. Герцогине надлежало возместить крупные суммы, полученные ею от Алламана в знак благодарности. Более того, прокурор Дюмениль предложил молодому королю приказать Диане вернуть заодно дары,

полученные ею от Генриха II. Но у герцогини еще оставались могущественные друзья, а равновесие в королевстве выглядело слишком шатким, чтобы королева могла позволить себе бросить им вызов. Наказание Алламану в конце концов ограничилось уплатой штрафа в 60 тысяч ливров, а Мадам де Валентинуа дозволили без дальнейших беспокойств вновь удалиться к себе в Лимур^[594].

Екатерина и ее сын Карл IX, в августе 1563 года провозглашенный в Руане совершеннолетним, отбыли в долгое путешествие по Франции, дабы во всех парламентах королевства были зафиксированы и совершеннолетие короля, и одновременно — эдикт о религиозном примирении. Поездка длилась два года четыре месяца — с 24 января 1564 года по 1 мая 1566 года^[595]. Некогда Диана так путешествовала по своим землям в Дофинэ в свите короля. На сей раз она, естественно, отсутствовала в Валансе, когда в середине августа 1564 года туда въехал король. Во время недавних волнений город служил штаб-квартирой зловещему барону Дезадре, скопившему там плоды многочисленных грабежей. Вновь став законопослушным, Валанс встретил короля празднествами и мифологическими спектаклями, где королева-мать была изображена в виде Минервы.

Двор двигался к Провансу, повсюду наслаждаясь торжественными приемами и славословиями в честь Благочестия и Правосудия, к полнейшему удовлетворению королевы и ее сына. Однако 4 января 1565 года в Безье Екатерина с удивлением узрела на сцене лес, где Диану-охотницу преследовали фавны. Едва же у театра появился король, как фавны в смятении удрали прочь, как будто одного присутствия юного суверена хватило, чтобы изгнать недругов бывшей фаворитки. Любопытно, что как раз в это время Диана, находясь весьма далеко от этих мест, диктовала свою последнюю волю. Ее завещание датировано Лимуром, днем Королей, 6 января 1564 года по старому стилю, при котором начало года приходилось на Пасху, или, как уже уточнялось, по новому стилю — в январе 1565 года: Руссильонский эдикт от августа 1564 года, установивший, что отныне начало года приходилось на январь, еще не был принят к исполнению Парижским парламентом — тот регистрирует его лишь в 1567 году^[596].

Призывая Святую Троицу, Богородицу и Всех Святых, герцогиня уточняла, что ее детям придется выполнить последнюю волю матери, в противном же случае они будут лишены всего ее наследства, которое перейдет к богоугодным заведениям Парижа, Шартра, Руана, Лиона,

Гренобля, Авиньона, Этуалья, Сен-Валье, Ане. Диана твердо намеревалась по-своему разделить оставляемые блага и плоды многолетних трудов.

Она желала и приказывала в первую очередь, чтобы через пять дней после кончины ее тело было перевезено в Ане, где прах уже готовилась принять специально построенная для него усыпальница. Дочери или их наследники пожертвуют 20 тысяч ливров на завершение этого монумента: часовни и мраморной гробницы. Там должны упокоить ее тело, в то время как сердце найдет вечное отдохновение рядом с сердцем супруга, великого сенешаля. До этого тело следует выставить в главном храме Ане в деревянном гробу, над которым трижды прочтут торжественную заупокойную мессу и еще сто раз — сокращенную, стоимостью 3 су каждая. Четыре нищенствующих ордена монахов — францисканцы, доминиканцы, августинцы и кармелиты — будут сопровождать траурный кортеж, и каждый орден получит 20 ливров, дабы молились у себя в монастырях за упокой ее души. Также в кортеже пусть едут сто бедняков с земель, где ее постигнет смерть: всех их следует обрядить в платье и капюшоны в три локтя белого сукна, вручить белую восковую свечу на полтора ливра и четки. Если она умрет в Париже, Диана хотела, чтобы ее тело отнесли в церковь Кающихся грешниц и там прочли заупокойную службу. После этого монастырю надлежало выплатить 500 франков на покупку ренты. Ежедневно там должны были читать краткую заупокойную службу в час наибольшего стечения народа и после прочтения молитвы «*Domine non secundum peccata*»^[597] взывать к верующим таким образом: «Молите Господа за Диану де Пуатье». Затем Диана распорядилась, чтобы в ее приходе Сент-Оноре были прочитаны три торжественные заупокойные мессы и плюс к тому пять кратких, столько же — в монастырях нищенствующих орденов, а также в монастыре белых монахинь Аве Мария и в монастыре Дочерей Господних — обители монахинь-фонтевресток. Если она скончается в другом месте, герцогиня требовала совершить все заупокойные обряды и службы в ближайшей церкви, где на это время и следовало оставить ее тело. Диана уточняла, что помимо содержания сотни бедняков, одетых в белое, которые последуют за похоронным кортежем, всем нуждающимся полагалось ежедневно давать милостыню, хлеб и вино.

В Ане, пока останки будут покоиться в деревянном гробу, она настаивала на ежедневном чтении пяти сокращенных служб и выдаче по 5 денье милостыни пяти беднякам со словами: «Молите Бога за Диану де Пуатье». По понедельникам каждую неделю заупокойную мессу надлежало служить полностью, включая бдения, три краткие мессы и отпущения грехов. В конце года также свершать торжественную мессу и распределять

между бедняками 100 ливров милостыни. Если к тому времени строительство каменной усыпальницы еще не будет завершено, порядок богослужений сохранится в прежнем виде. Когда же останки Дианы окончательно обретут покой, священники основанного ею капитула будут молиться за нее и всю ее семью в присутствии всех служителей, одетых в траур, как из Дофинэ, так и прочих владений. Каждому слуге вручат годовое жалованье, дабы все они могли искать нового хозяина.

Наследники оплатят все расходы. Они также уплатят долги Дианы как можно быстрее, даже если ради этого придется продать свои земли. Распределение имущества между дочерьми герцогини произведут добропорядочные и почтенные люди, которые позаботятся об отсутствии «каких-либо разногласий» между наследницами. Если одна из них не примет условий, то лишится наследства и ее часть перейдет к другой, при условии, впрочем, что она «придерживается доброй и древней католической веры».

Принимая во внимание уже проведенный раздел владений покойного Луи де Брезе, надобно разделить все «приобретения и завоевания», сделанные Дианой на землях Ане, на две части, включая «большие строения» и «прочие вещи, которые исчислить невозможно». Предстояло также разделить семейные владения, расположенные в Дофинэ, Лангедоке и Виваре, то есть сеньории Сен-Валье, Клерье, Шантемерль, Пизансон, Шевриер и Пине, расположенные между Уриажем, Романом и Роной; Бонде-Транси и Этуаль — у Монтелимара; Флорак, Шалансон и Арамон-Виллабрег близ Прива и Нима.

Что до земель, купленных Дианой «во Франции», Нормандии в Валь де Галли между Версалем и Сен-Сиром, и в Шампани, то она решила поделить их сама. Франсуаза, герцогиня де Буйон, старшая дочь, получала Бейн и Лимур, Брей, Арси-сюр-Об в Шампани и Рувре по соседству с Мони в Нормандии. Младшей дочери Луизе, герцогине д'Омаль, доставались Иври, Брейпон близ Пасси-сюр-Эр, Гаренн и Бонкур. Поскольку из-за Лимура и Бейна все еще длилась тяжба с наследниками герцогини д'Этамп, то, если дело разрешится не в пользу Дианы, она хотела, чтобы Франсуаза получила от своей сестры Луизы 50 тысяч франков в возмещение убытка. Но если такое случится через шесть лет после смерти герцогини де Валентинуа, Франсуаза не вправе требовать никакой компенсации.

Герцогине де Буйон отходили замок и поместье Шомон, коль скоро ее сестре предстоит владеть Ане. И обе наследницы должны были довольствоваться тем, что досталось каждой, иначе — Диана вновь это

подчеркивает — строптивица лишится своей доли и та перейдет уже поименованным храмам или в крайнем случае — королю.

Если внуки Дианы примут иную веру, они будут лишены наследства. Их сестры и дети смогут занять их место, но лишь при условии, что сами они «не принадлежат к сей скверной секте». Старшие из внучек — Диана Лотарингская, дочь герцога д’Омаля, и Антуанетта де Ла Марк, дочь герцогини де Буйон и супруга Анри де Монморанси-Дамвиля, получили бы тогда преимущественное право на половину наследства, а другие их сестры, не считая удалившихся от мира, — остальное. В последнем случае сыновьям ее внучек предписывалось присовокупить к своему гербу фамильную символику Дианы.

Что касается начинаний герцогини, то она приказывала продолжить строительство приюта для неимущих^[598], начатое ею в Ане, причем каждой из дочерей надлежало внести половину средств: там предполагалось приютить тринадцать неимущих женщин и пять девочек-сирот, которые должны воспитываться с семи до семнадцати лет, а затем получить 10 франков на свадьбу.

Капитулу шануанов, основанному Дианой в Ане, отходило 400 ливров ренты, а также земля, обеспечивающая равный доход. Рента должна выплачиваться с ее особняка, называемого Роканкур и расположенного на улице Дезэтув в Париже, в квартале Сент-Оноре. Одна из наследниц, а именно герцогиня де Буйон, сможет уплатить 30 тысяч ливров за этот дом и мебель, и эта сумма позволит дать обещанную ренту капитулу и богадельне.

Королевский прокурор должен получить 500 франков за надзор за выполнением статей завещания. После смерти Дианы в Дофинэ надлежит послать извещение, где за упокой ее души отслужить молебствия. В каждой сеньории выделить 10 франков каждому нуждающемуся и 300 франков — на то, чтобы выдать замуж бесприданниц. В Сен-Валье заупокойные службы следует проводить так, как если бы ее тело упокоилось на этих землях. Богадельне Этуалья отписать 500 франков, дабы Диане простилось, если она позабыла исполнить что-либо из завещанного отцом и братом.

Исполнителями своей последней воли герцогиня де Валентинуа назначила своего племянника Луи де Брезе, епископа Мо, и Арну Буше, сеньора д’Орсе, президента Большого совета. Если им пришлось бы наказать наследниц за дурное исполнение статей завещания, то они могут изъять в свою пользу баронство Гаренн из части Луизы и сеньорию Лимур из части Франсуазы. Также на память о Диане епископу Мо предназначается «остроконечный алмаз на черной эмали, самый крупный

из моих остроконечных алмазов», а президенту д'Орсе — 1200 франков.

Наведя таким образом порядок в делах, Диана объезжала земли, остававшиеся в ее пожизненном пользовании: она продолжала наблюдать за ними и контролировать управление. Герцогиня по-прежнему ездила верхом, много читала, принимала гостей и устраивала дела своих друзей^[599]. Придворные, сторонники Гизов и Монморанси, еще являлись выразить ей почтение.

Летом 1565 года Диана упала с лошади в Орлеане и сломала ногу, что не помешало ей осенью отправиться в Дофинэ. Едва она возвратилась в Ане, как в конце октября к ней в гости пожаловал Брантом. Он был очарован Дианой^[600]. «Я видел госпожу герцогиню де Валентинуа в возрасте семидесяти лет [он ошибался, поскольку Диана умерла, когда ей было 66 лет] притом все такой же прекрасной лицом, свежей и приятной на вид, как в 30. Недаром была она столь сильно любима и рыцарственно почитаема одним из величайших и храбрейших королей мира сего. Я могу говорить об этом откровенно, не нанося уцербу достоинству дамы, ибо любовь великого короля — верный признак того, что совершенство свойственно ей во всем и оно-то преклоняет к ней сердца, равно как дарованная небесами красота не способна укрыться от глаз полубога».

«Я видел госпожу за шесть месяцев до ее кончины, и она была еще так прекрасна, что я не знаю никого с сердцем настолько зачерствевшим, чтобы сия смерть его не растрогала. А ведь незадолго до того герцогиня сломала ногу на улице Орлеана, где скакала на коне со всегдашней ловкостью и сноровкой. Увы, конь споткнулся на мостовой и упал. Казалось бы, такая рана, боль, испытанные страдания и муки должны были исказить ее облик. Ничуть не бывало, ибо красота, изящество, величие, гордая осанка — все осталось прежним. Главное — удивительная белизна кожи без намека на всяческие румяна и притирания. Правда, уверяют, будто по утрам госпожа принимала некие снадобья, составленные из питьевого золота и прочих зелий, которые, не ведаю каким образом, готовили сведущие врачи и ловкие аптекари. Думаю, проживи эта дама еще сто лет, она бы так и не постарела ни с лица — столь дивно оно было вылеплено, ни телом, впрочем, скрытым от глаз облачениями, и все это — благодаря доброму корню и превосходной закалке. И как жаль, что земля покрыла сию прекрасную плоть!»

Легендарное здоровье Дианы как будто сулило ей долгую жизнь. Однако оно не устояло перед неожиданной болезнью — возможно, потому что было ослаблено недавним несчастным случаем. И 26 апреля 1566 года

герцогиня де Валентинуа тихо угасла в Ане. Ей было 66 лет 3 месяца и 17 дней, о чем уведомляет надпись на усыпальнице.

Склеп еще далеко не был закончен. В 1565 году, за год до смерти, Диана поручила его строительство Клоду де Фуку, архитектору герцогов Лотарингских. И только в 1577 году ее внук Шарль де Лоррен, второй герцог д'Омаль, смог освятить его и распорядиться упокоить тело своей бабки ^[601].

Церемония, которой руководил Никола де Ту, епископ Шартрский, пышностью и торжественностью вполне отвечала великолепию жизни Дианы. Присутствовали все дети и внуки, преисполненные гордости за нее.

Построенная из камня и кирпича часовня располагалась на границе домена, неподалеку от триумфального фонтана Дианы — покорительницы царственного оленя.

Этот суровый памятник сочетает античную архитектуру с христианской символикой. Фасад украшают четыре коринфские колонны. Обрамляют дверь две большие ниши, а в них — статуи Венеры и Милосердия. Над входом по обе стороны расположены еще две женские фигуры, полувыступающие из камня. Каждая из них держит фанфару. Старый Завет грозит пламенеющим мечом, повергая к ногам змея и череп. Улыбающийся Новый Завет протягивает Евангелие и цветущую ветвь. У его ног мирно пасется агнец. Над карнизом — аттик, увенчивающий фронтон, на котором изображены три Добродетели, бдящие над усыпальницей с гербом Дианы. Вместо железных колец дверь украшали эмблемы герцогини — полумесяцы. Алтарь работы Пьера Бонтана изображал Преклонение пастухов, а над ним высилась прекрасная Дева с Младенцем ^[602].

Посреди часовни был установлен саркофаг из черного мрамора, увенчанный коленопреклоненной статуей Дианы в чепце, придворном платье и плаще. Ансамбль этого памятника, иногда приписываемый Пьеру Бонтану, поддерживают два свитка, с четырех сторон украшенные бюстами пышногрудых сфинксов с диадемами в форме полумесяца. Усыпальница была вскрыта во время революции, потом как произведение искусства ее отправили в музей Маленьких Августингов, основанный архитектором Ленуаром, а во время распродажи музея перенесли в подвалы Версальского дворца.

Через два месяца после смерти Дианы, 5 июня 1566 года, дочери, следуя ее воле, зарегистрировали завещание матери и объявили о согласии его исполнить ^[603]. Документ передали королевскому нотариусу Никола

Барру, поверенному города и владений Нофль-ле-Шато. Герцогиня де Буйон согласилась, чтобы были упомянуты различные унаследованные ею сеньории, чью принадлежность оспаривала у ее матери герцогиня д'Этамп: Гриньон, Марк, Нуази, Шен-Ронё, Мормулен, Сент-Обен. Уточнялось, что герцог д'Омаль и его жена получают в пользование все, что было приобретено покойной в Ане. Итак, все изъявили согласие без каких-либо возражений, как и желала Диана, и сделали это в присутствии ее доверенных лиц — племянника Луи де Брезе, епископа Мо, сводного брата Жака де Пуатье, аббата Иври, а также слуг — Франсуа де Расина, сеньора де Вильгублен, и Луи Мазе — секретаря судебного округа Бейн.

В соответствии с желанием покойной ее герцогство де Валентинуа погрузилось в траур. В церкви Сен-Валье в присутствии многочисленных прихожан 20 декабря 1566 года был исполнен «Общий и торжественный гимн о Мадам Диане». На приглашение герцогини д'Омаль, дочери усопшей, поспешили откликнуться дворяне из Монтрезора, Клапейрона, Шатонефа, Ла Саблиер, Ла Ланде, Монше, Нарратена, Шабрийана, Боссамблана — бывшие вассалы Дианы. Заупокойную мессу служил священник-иезуит из Турнона. Церковь окутали черные покровы, в часовне пылали поминальные свечи. Несколько десятков бедняков, одетых в белое, с четками и белыми восковыми свечками в руках, читали молитвы во время траурной мессы ^[604].

В местах, где жила Диана — Руане, Ане, Лимуре, Шомоне, — знатной даме, что была на своих землях требовательной госпожой, но близкой к людям и их повседневной жизни, воздавали последние почести: поминали Мадам де Валентинуа не только в замках, но и на фермах, мельницах, виноградниках, в полях и лесах — владениях, которые она без усталости объезжала по всем дорогам и тропам в простом охотничьем костюме или в роскошных нарядах принцессы, возлюбленной короля.

Смерть не остановила восхождения ее потомства к вершинам власти. На следующий год герцогиня д'Омаль принимала в Ане королевский двор. Герцог, как великий обер-егермейстер Короны, учил молодого короля Карла IX ценить прелести охоты в близлежащем лесу. В 1571 году Екатерина Медичи, перечеркнув, таким образом, воспоминания обо всех давних обидах, сопровождала туда сына. Это событие увековечено на гобелене из серии «празднества Валуа», который впоследствии королева-мать подарила своей внучке Кристине де Лоррен, когда та в 1588 году вышла замуж за великого герцога Флорентийского Фернандо ди Медичи ^[605]. Эта композиция, равно как изначальный рисунок Антуана Карона, хранимый в

Лувре, напоминает о радостях и наслаждениях, которые делили некогда Диана и король Генрих. Сцена представляет начало королевского дня. Ане, с его восхитительными террасами, входным портиком, тремя двориками, двумя фонтанами и большим садом, окруженным галереями, принимает двор, а тот отправляется на охоту. Кorteж трогается с места, окруженный воинами, которые провели ночь в раскинутых у подножия стены палатках. Дамы заняли место в закрытой карете, а принцессы — в паланкине. Две своры, молоссы, птицелов и загонщик медведя по мостику переходят через пруд, а вокруг плавают лодки, заполненные зрителями.

Более точный в том, что касается костюмов, гобелен широко использует мотивы и темы рисунка, но теперь это не выезд на охоту. Двор въезжает в Ане, и в центре в карете с раздвинутыми занавесками видна королева Екатерина. Дамы, благоразумно облаченные в амазонки, галопируют рядом с вельможами. Ане, как и на рисунке, окруженный палатками слуг, превратился не в место привала перед охотой, а в некое средоточие королевских празднеств. Таковым и было в то время его предназначение. В 1576 году Луиза де Брезе передала замок сыну Карлу II Лотарингскому, новому герцогу д'Омалю, по случаю его женитьбы на двоюродной сестре Мари де Лоррен-д'Эльбеф. Будучи очень привязан к Ане, он в 1583 году добился превращения сеньории в княжество. Как сторонник Лиги, он боролся против Генриха IV. Это восстание обернулось для него смертным приговором в 1595 году и вердиктом о разрушении замка Ане, каковой приказано было «сравнять с землей». Однако памятник, что так верно хранит воспоминания о Диане, избежал подобной судьбы. В 1614 году он был передан Марии Люксембургской, герцогине де Меркур, чья дочь вышла замуж за Цезаря Вандомского, признанного сына Генриха IV от Габриэль д'Эстре.

Пока Ане вместе с Вандомами делил новую блестящую судьбу, потомки Луизы де Брезе и Клода д'Омаля вступили в союз с герцогами Савойскими. В шестом поколении Виктор-Амадей II стал королем Сардинии. Его дочь Мария-Аделаида вышла замуж за герцога Людовика Бургундского; а 7 июня 1749 года их сын, Людовик XV, приезжал в Ане проведать свою тетку герцогиню дю Мэн, Луизу-Бенедикту де Бурбон. Вечером после ужина он настоял на том, чтобы пойти в усыпальницу поклонить колени перед саркофагом Дианы де Пуатье, своей далекой прапрабабки.

Этот визит стал окончательным посмертным триумфом герцогини де Валентинуа. Теперь ее род порождал для Европы королей: и не только Людовик XV произошел от нее, но после него также Людовик XVI,

Людовик XVIII, Карл X, испанские Бурбоны, начиная с Фердинанда VII, то есть Пармская ветвь. Четыре короля Франции, четыре короля и королева Испании, четыре короля Сардинии и один — обеих Сицилий. Ныне, наряду с графом Парижским и Отто Габсбургом, правящий король дон Хуан Карлос — тоже явился одним из дальних потомков Дианы^[606].

Однако на обратную сторону этого триумфа легло гнусное поругание останков герцогини.

Два комиссара общественной безопасности Дрё 18 июля 1795 года ворвались в усыпальницу во главе отряда патриотов^[607]. Склеп был вскрыт, гроб взломан, и тело Дианы открыто общему обозрению. Оно прекрасно сохранилось. Труп бросили в повозку вместе с двумя маленькими покойниками, захороненными рядом: то были внуки Дианы, умершие в младенчестве, однако их поспешили счесть останками «детей, которых она прижила от короля».

Когда тела несчастных швыряли в общий ров на кладбище, один из надругателей ухватил волосы Дианы и оторвал от черепа. А потом эти варвары, пылая ненавистью и жадной отмщенья, делили меж собой локоны и косы несравненной женщины, которая лишь благодаря собственному очарованию и ловкости сумела обратить в свою пользу всю мощь французской монархии.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

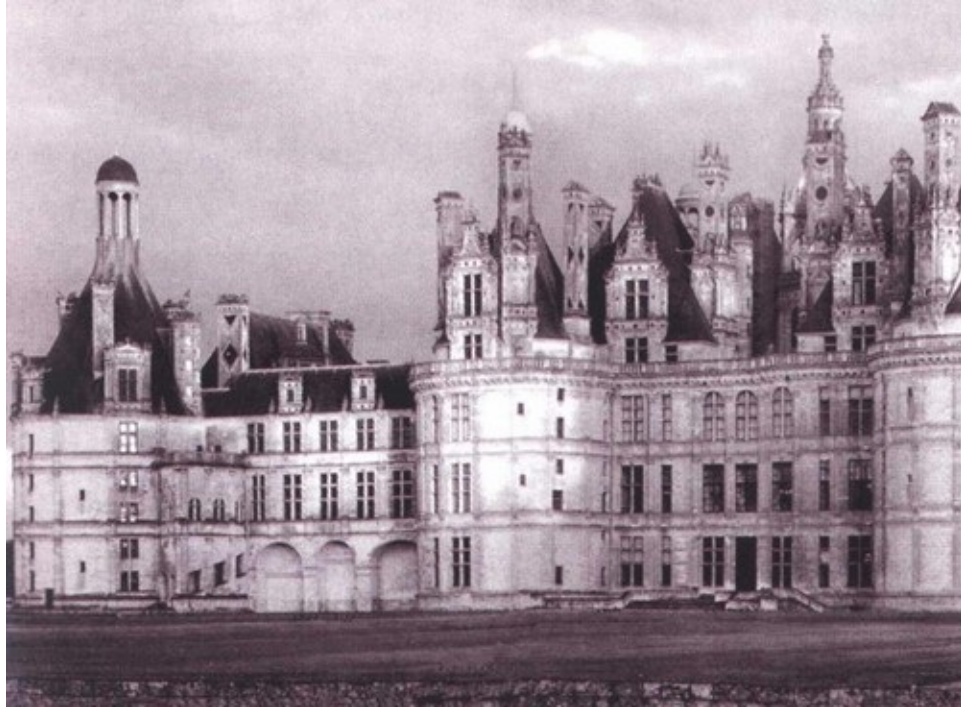
Франциск I на троне в 1546 году. Миниатюра XVI века.

Франциск I после 1516 года. С портрета Жана Клуэ.

Анна де Писселе, герцогиня Этампская. Рисунок Жана Клуэ.

Замок Шамбор.

Венчание Екатерины Медичи и Генриха II 28 октября 1533 года в Марселе. Джоджо Вазари. Флоренция.

Дофин Генрих около 1533 года. Карандашный портрет... Музей Конде. Шантийи.

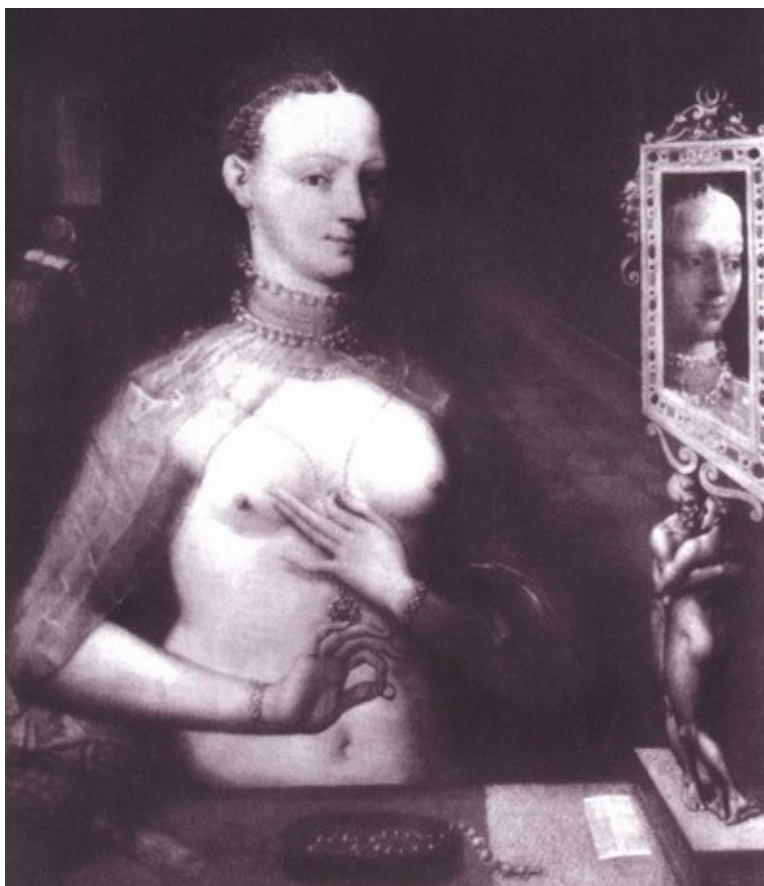
Екатерина Медичи около 1541 года. Рисунок. Музей Конде. Шантийи.

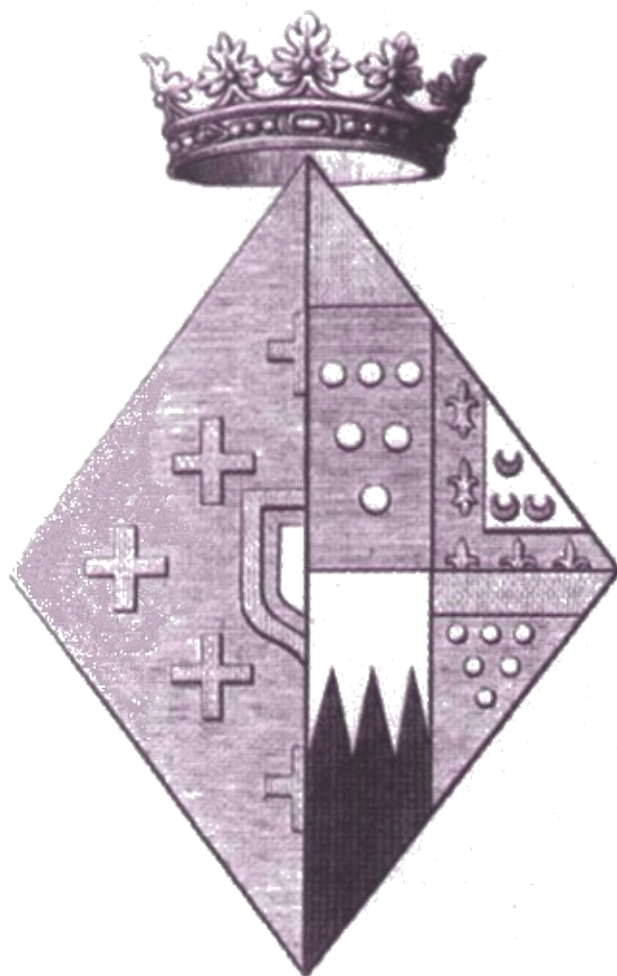
Гробница Луи де Брезе. Руанский собор.

Молящая Диана У надгробия своего супруга.

Дама возле туалетного столика. Предполагаемый портрет Дианы де Пуатье. Базельский музей.

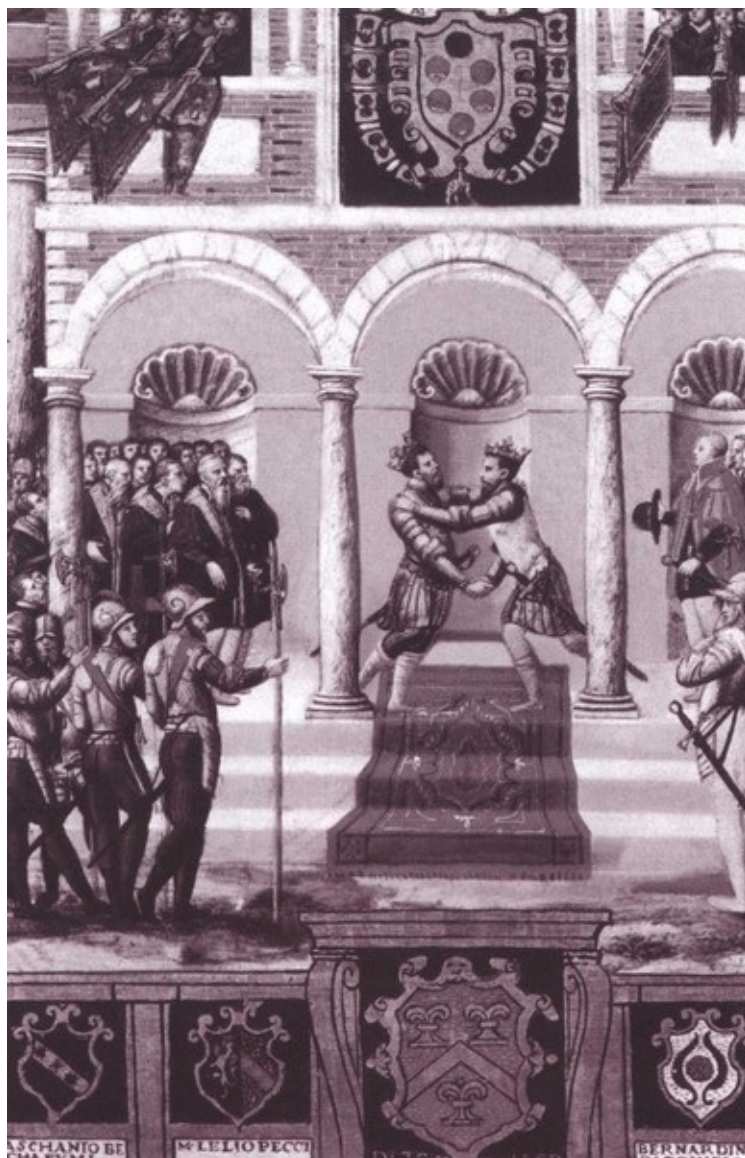
Герб герцогини де Валентинуа. Рисунок А. Бома, гравюра Ле Мэра.

Диана де Пуатье около 1555 года. Эмаль Леонара Лимозена. Частная коллекция.

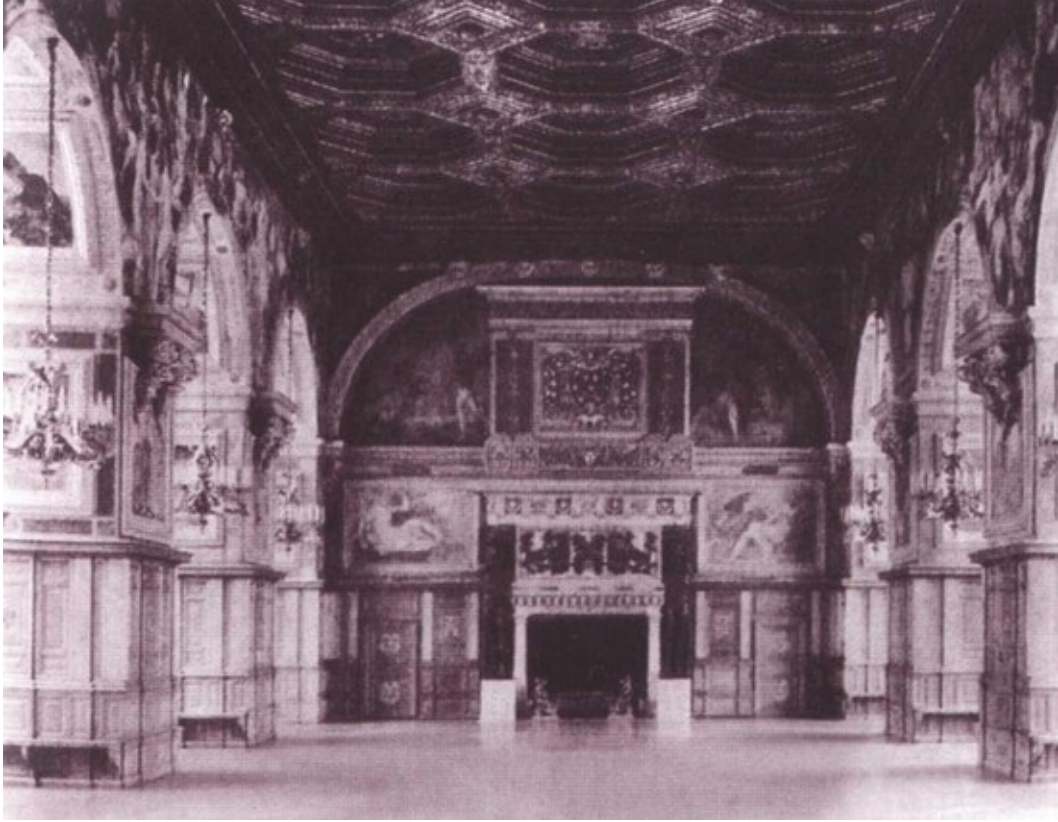
Генрих II около 1550 года. Медальон. Частная коллекция.

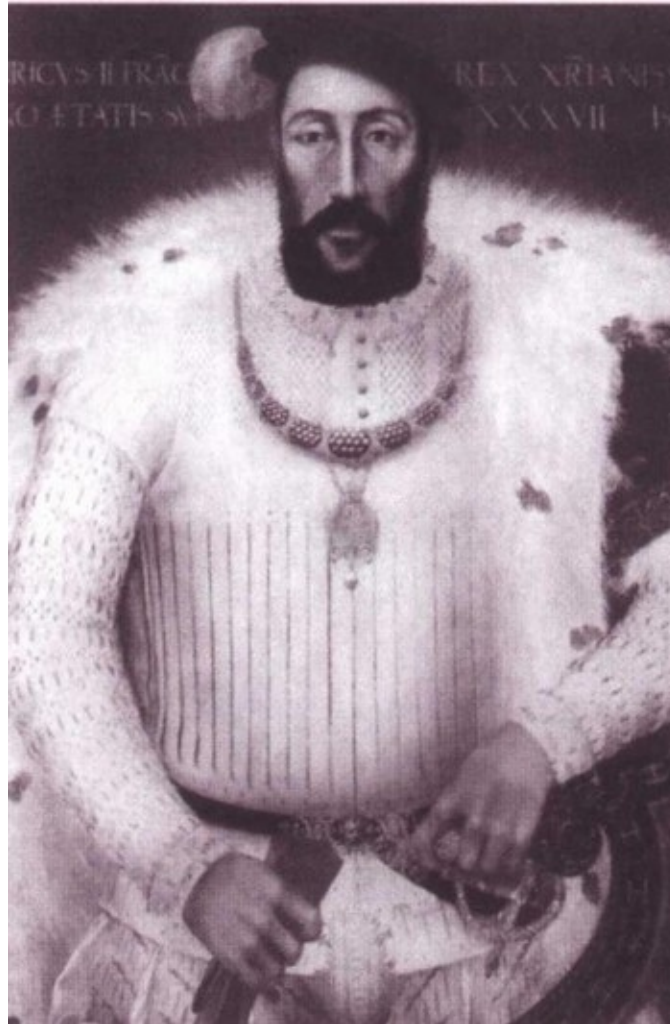
*Мир в Като-Камбрези 1559 года. Аллегорическое панно Сиенна.
Палаццо Публичо. Фрагмент.*

Диана на отдыхе. Музей Санлис.

Замок Фонтенбло. Бальная зала.

Генрих II в 1555 году. Портрет неизвестного.

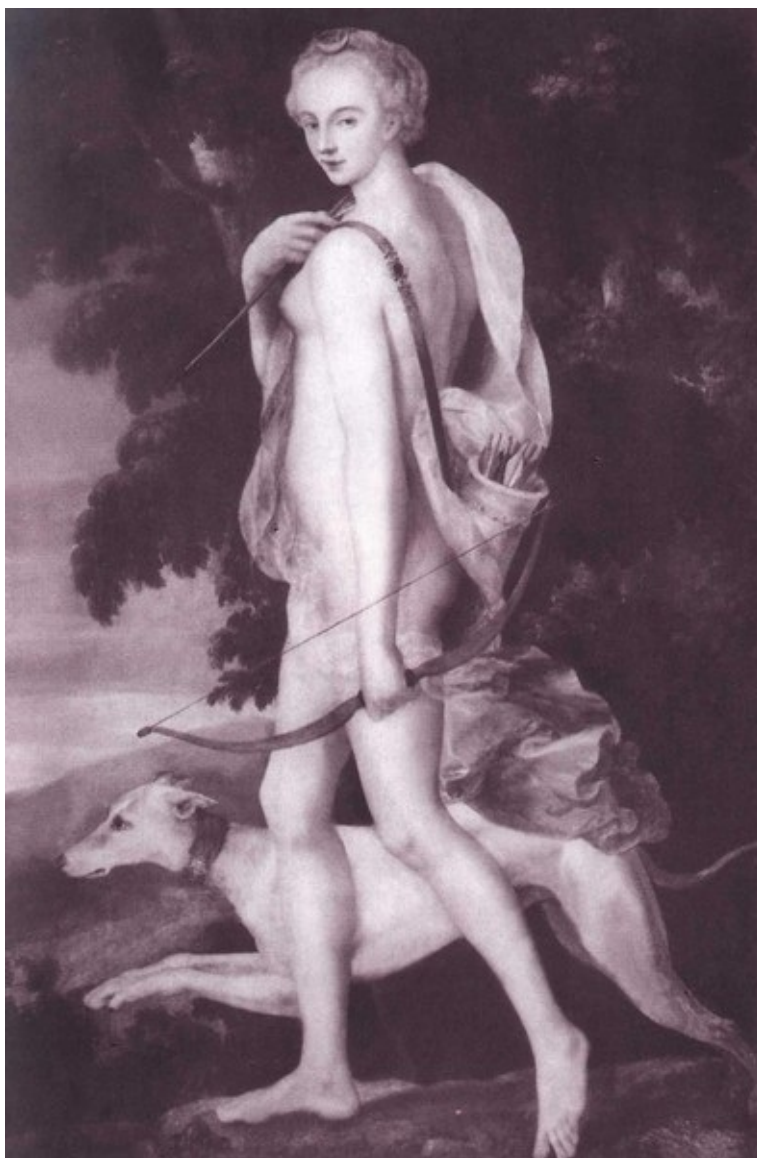
Диана де Пуатье. Медальон XVI века.

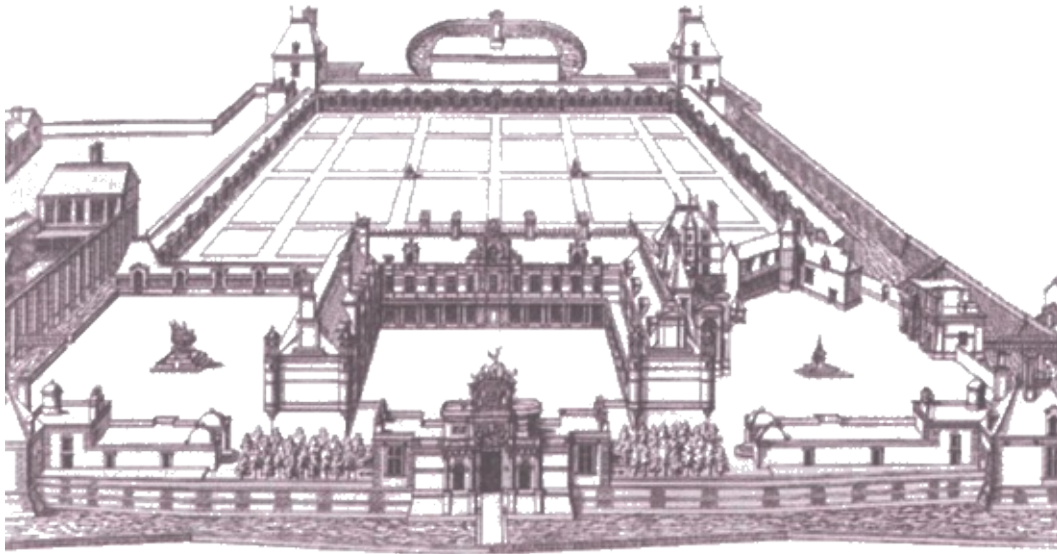
Коннетабль Анн де Монморанси. Версаль.

Франсуа де Гиз. Лувр.

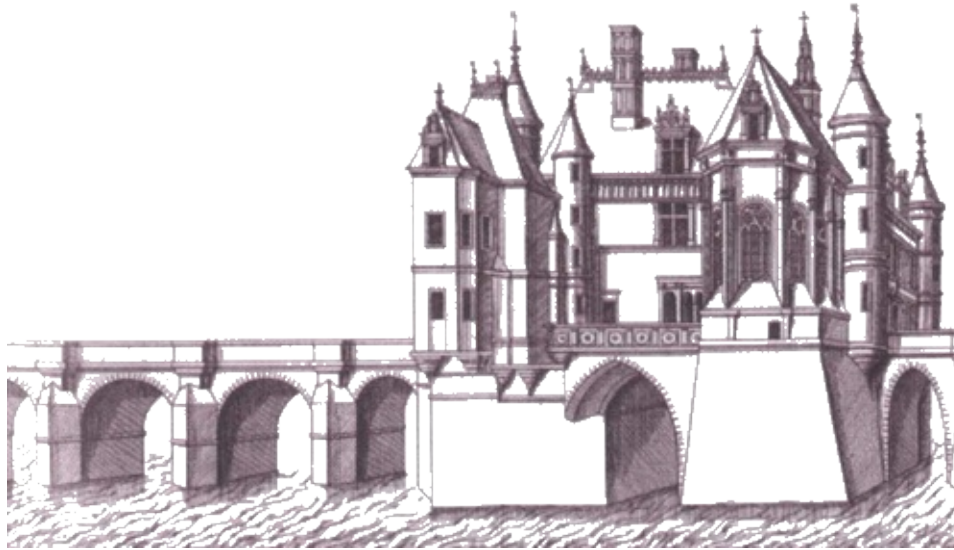
Диана-охотница. Школа Фонтенбло. Лувр.

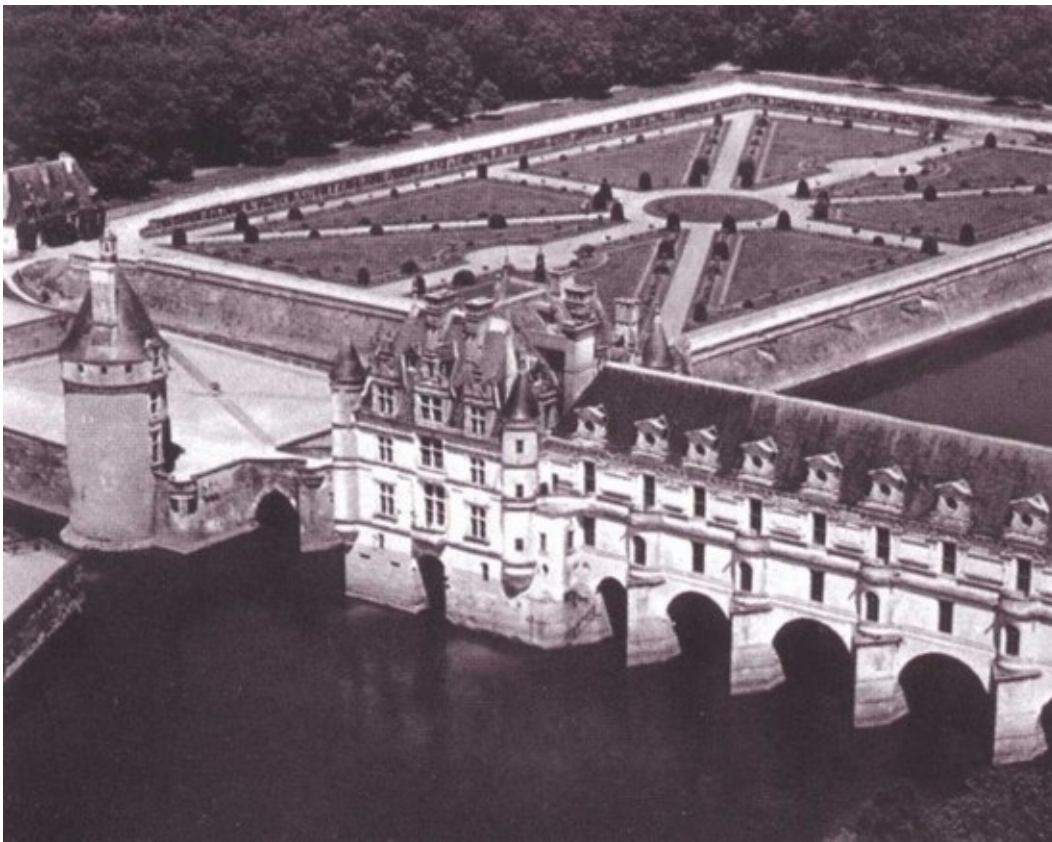
Замок и сады Ане. Вид в перспективе. Гравюра Ж. А. де Серсо.

Фонтан в Ане. Скульптурная группа «Диана с оленем». Лувр.

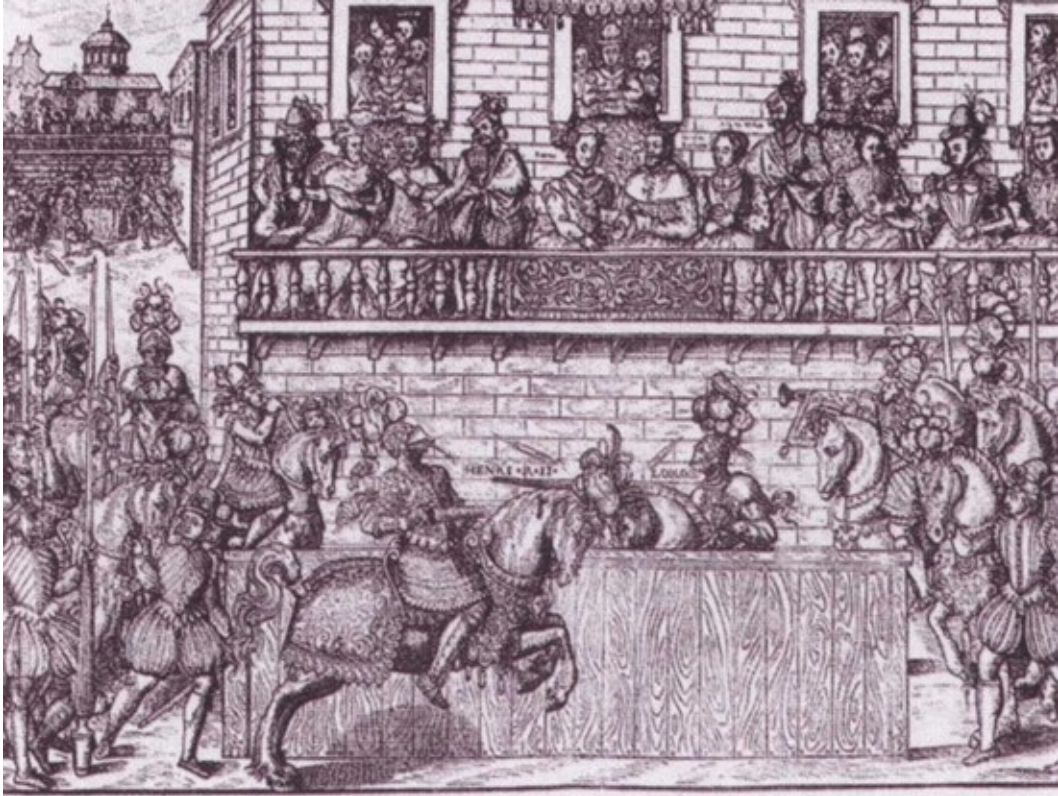
Возведение замка Шенонсо во времена Дианы. Гравюра Ж. А. де Серсо.

Замок Шенонсо. Общий вид и «Цветник Дианы».

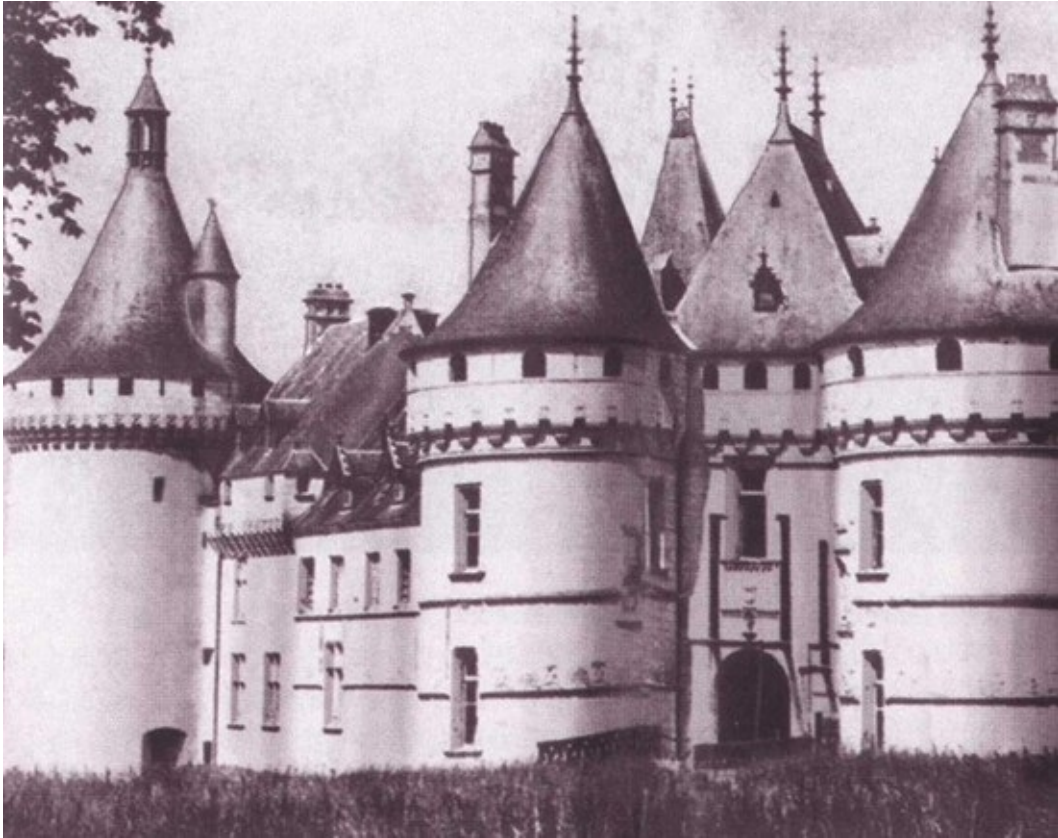
Герцогиня де Валентинуа около 1555 года. Рисунок. Музей Конде, Шантийи.

Фатальный поединок во время турнира на улице Сент-Антуан 30 июня 1559 года. Гравюра Тортореля и Периссена.

Екатерина Медичи около 1550 года. Карандашный портрет. Кабинет эстампов.

Замок Шомон. Вид со стороны парка.

Гробница Дианы де Пуатье. Погребальная часовня в Ане.

ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ДИАНЫ ДЕ ПУАТЬЕ И СОБЫТИЯ ТОЙ ЭПОХИ

1459 — Рождение Луи де Брезе, сына Жака де Брезе и Шарлотты Французской, дочери Карла VII и Агнессы Сорель.

1477 — Убийство Жаком де Брезе своей супруги Шарлотты Французской.

1481 — Передача королем Луи де Брезе имущества его отца.

1490 — Луи де Брезе становится великим сенешалем Нормандии.

1500 — Рождение 9 января Дианы де Пуатье, дочери Жана Сен-Валье и Жанны де Батарне.

1505 — Женитьба Шарля Бурбон-Монпансье на Сюзанне, дочери Пьера Бурбона и Анны де Божё.

1515 — Восшествие на престол Франциска I. Он назначает Карла Бурбона коннетаблем, а его верного вассала Жана Сен-Валье — капитаном королевской Сотни дворян. Свадьба Дианы де Пуатье и Луи де Брезе.

1519 — Рождение Генриха Орлеанского, второго сына Франциска I, равно как и рождение Екатерины Медичи, дочери Лоренцо, герцога Урбино, и Мадлен де Ла Тур д'Овернь. Избрание Карла V на имперский трон.

1521 — Рождение Луизы де Брезе, второй дочери Дианы. Смерть Сюзанны де Бурбон. Мать короля, Луиза Савойская, требует своей доли наследства.

1522 — Первые переговоры между Карлом Бурбоном и Карлом V, заключившим союз с Генрихом VIII Английским против Франции. Жан Сен-Валье присоединяется к коннетаблю.

1523 — Предательство коннетабля Бурбона. Сен-Валье становится свидетелем. Луи де Брезе доносит королю о планах заговорщиков. Бегство коннетабля. Арест и суд над Жаном Сен-Валье.

1524 — Смертный приговор Жану Сен-Валье, замененный тюремным заключением по ходатайству его зятя и Дианы.

1525 — Поражение при Павии. Франциск I взят в плен и отправляется в Испанию.

1526 — Мадридский договор. Франциск I получает свободу, но вынужден отдать в заложники двух старших сыновей. Друзья коннетабля, в том числе и де Сен-Валье, восстановлены в имущественных правах.

1527 — Осада Рима Карлом Бурбоном и его гибель. Франциск I

открыто объявляет фавориткой Анну де Писселе, будущую герцогиню д'Этамп. Анн де Монморанси, друг Луи де Брезе, становится великим мажордомом Франции.

1529 — Камбрейский мирный договор завершает переговоры Маргариты Австрийской и Луизы Савойской.

1530 — Освобождение королевских детей Франции.

1531 — Король составляет в Ане, у де Брезе, статьи брачного контракта между своим средним сыном Генрихом и Екатериной Медичи. Вскоре после этого — кончина 72-летнего Луи де Брезе, а также и Луизы Савойской.

1533 — Женитьба принца Генриха Орлеанского на Екатерине Медичи и благословение их в Марселе папой Климентом VII.

1534 — Дело о протестантских «пасквилях». Начало преследований в отношении сторонников Реформации. Смерть папы Климента VII.

1536 — Франциск I завоевывает герцогство Савойское. Вторжение имперских войск во Францию. Смерть дофина Франциска. Генрих Орлеанский, став дофином, пробует силы на поле брани под началом Монморанси. Карл V вынужден оставить Прованс.

1537 — Короткая встреча и связь дофина с Филиппой Дучи в Пьемонте.

1538 — Анн де Монморанси назначен коннетаблем. Рождение дочери у Филиппы Дучи. Диана де Пуатье получает опеку над ребенком. Начало ее связи с дофином. Беспокойство Екатерины Медичи о своем бесплодии. Мирные переговоры между Францией и императором.

1539 — Франсуаза де Брезе выходит замуж за Робера IV де Ла Марка, принца Седанского и будущего герцога Буйонского. Возбуждение уголовного процесса против адмирала Шабо де Бриона: победа Дианы над герцогиней д'Этамп. Смерть Жана Сен-Валье и объявление Дианы наследницей всего фамильного имущества. Путешествие Карла V через Францию.

1540 — Разрыв Франциска I с Карлом V. Коннетабль де Монморанси, сторонник мира, удаляется от двора. Дофин и Диана теряют влияние в пользу герцогини д'Этамп.

1541 — Празднества в Шательро по поводу обручения Жанны д'Альбре с Вильгельмом Клевским. Дофин выступает на турнире в цветах Дианы.

1542 — Укрепление альянса с турками. Подготовка к новой кампании против Карла V. Возобновление во Франции преследований протестантов. Участие в войне двух сыновей короля. Неудача дофина в Периньяне.

Объявление королевой Марии Стюарт, восьмидневной дочери Иакова V Шотландского.

1543 — Заключение союза между Карлом V и Генрихом VIII. Операции против Франции. Герцогиня д'Этамп, стремясь уменьшить влияние дофина, поддерживает его младшего брата, принца Карла Орлеанского.

1544 — Рождение Франциска, первого ребенка дофина и Екатерины Медичи. Король назначает Генриха генерал-лейтенантом всего королевства. Однако после тяжелых военных операций договор, подписанный в Крепиан-Лаоннуа, знаменует триумф Карла Французского, поддерживаемого герцогиней д'Этамп: принц становится членом императорской семьи. Диана и дофин удалены от двора.

1545 — Возвращение Дианы. Дофин послан на осаду Булони. Герцог Франсуа д'Омаль, старший сын герцога де Гиза, зарабатывает там свой легендарный шрам. Карл Орлеанский умирает во время эпидемии. Возобновление при дворе борьбы за влияние на короля между сторонниками герцогини д'Этамп и Дианы.

1546 — Мирный договор с Англией. Организация Дома королевских детей под попечением г-на и г-жи д'Юмьер и под контролем Дианы.

1547 — Смерть Генриха VIII и Франциска I. Коронование Генриха II. Возвращение Монморанси. Опала герцогини д'Этамп. Дуэль между Жарнаком и Ла Шатеньрэ. Раздача должностей и почестей. Диана осыпана дарами и милостями. Она получает во владение замок Шенонсо. Ее союз с Гизами скрепляет брак ее дочери Луизы де Брезе с братом Франсуа д'Омаля Клодом де Майенном. Начало строительных работ в Ане.

1548 — Поездка короля по Пьемонту. Торжественный въезд в Лион. Диана получает титул герцогини де Валентинуа. Соляной бунт в Аквитании. Брак Жанны д'Альбре и Антуана Бурбона, а также Франсуа д'Омаля и Анны д'Эсте.

1549 — Коронование королевы и торжественный вход короля в Париж: триумф Дианы и ее семейства.

1550 — Сдача англичанами Булони. Под покровительством Монморанси начинается любовная интрига Генриха II с Джейн Флеминг, гувернанткой юной Марии Стюарт. Торжественный вход короля в Руан.

1551 — Примирение Дианы и Монморанси. Шатобрианский эдикт о преследовании протестантов. Удача Гизов. Монморанси становится герцогом и пэром. Диана обустроивает сад в Шенонсо.

1552 — Подписание договора с немецкими протестантскими принцами в Шамборе. Военная экспедиция в Лотарингию и Альзас. Диана

принимает двор в Шенонсо.

1553 — Карл V вынужден отступить под Мецем. Продолжение военных действий. Зятья Дианы обретают в них славу, но попадают в плен.

1554 — Генрих II отправляется на фронт, доверив бразды правления Екатерине. Восшествие на английский престол Марии Тюдор и ее брак с Филиппом Испанским, наследником Карла V.

1555 — Мирные переговоры в Марке (Калези) между англичанами, имперцами и французами. Избрание папой Павла IV Карафы, враждебно настроенного в отношении императора и его сына. Первое отлучение Карла V.

1556 — Подписание Воселльского перемирия на пять лет. Отмена абдикаций Карла V. Коронование Филиппа II. Миссия кардинала Карафы во Францию в надежде возобновить военные действия в Италии. Герцог Альба выступает против Рима. Генрих II посылает в Италию герцога де Гиза.

1557 — Экспедиция герцога де Гиза в Италию и ее провал. Поражение Монморанси в сражении против испанских войск под Сен-Кентеном, где коннетабль попадает в плен. Гиз отозван во Францию.

1558 — Герцог де Гиз отбирает у англичан Кале. Восшествие на трон Елизаветы Английской. Мирные переговоры в Серкане.

1559 — Като-Камбрезийский мир. Утрата основных завоеваний Франции в Италии. Возмущение Екатерины Медичи против Дианы. Возобновление во Франции преследований протестантов. Празднества в честь брачного союза Изабеллы Французской и Филиппа II Испанского. Генрих II смертельно ранен во время турнира. Восшествие на трон Франциска II. Диана отправляется в изгнание. Екатерина Медичи заставляет ее обменять замок Шенонсо на Шомон.

1560 — Амбуазский заговор. Триумфальный вход юного короля и его матери в Шенонсо.

1561 — Фаворитам Генриха II и Дианы грозит конфискация имущества. Образование католического триумvirата. Диана делит имущество между своими детьми.

1562 — Начало первой религиозной войны.

1563 — Амбуазский мир.

1564 — Вынесение смертного приговора одному из сообщников герцогини де Валентинуа и ее удаление в Лимур.

1565 — Завещание Дианы.

1566 — 26 апреля Диана умирает в Ане в возрасте 66 лет.

ПРИЛОЖЕНИЕ

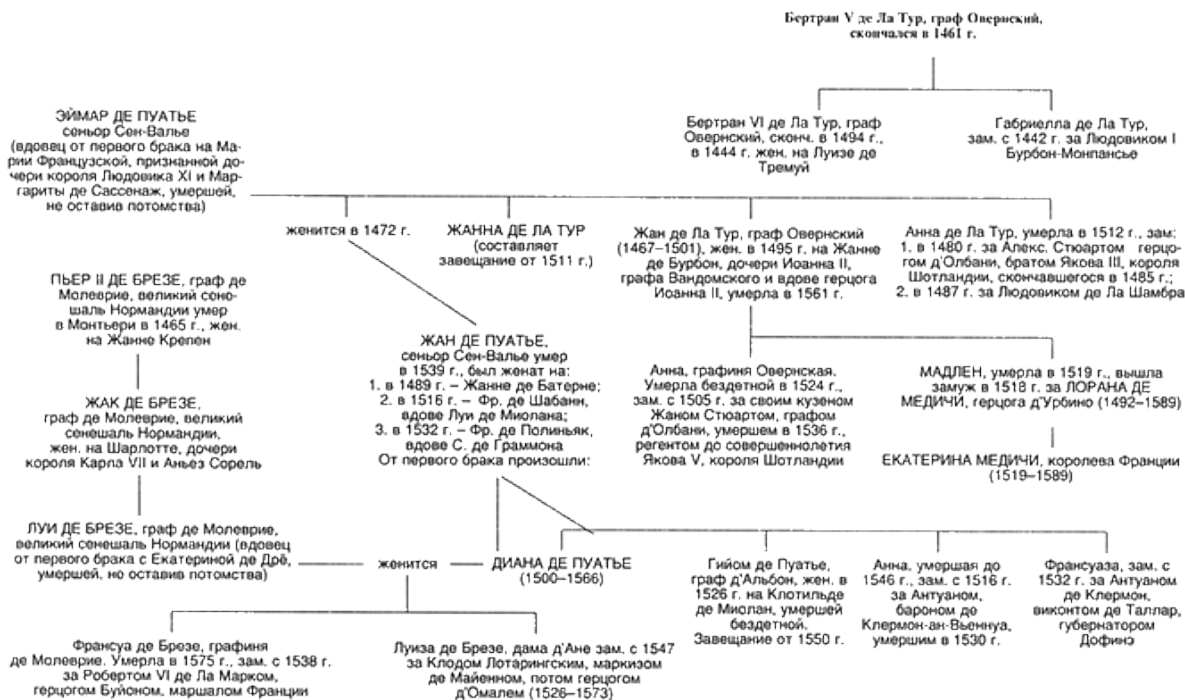

Таблица 1

Потомки Дианы де Пуатье и Луи де Брезе

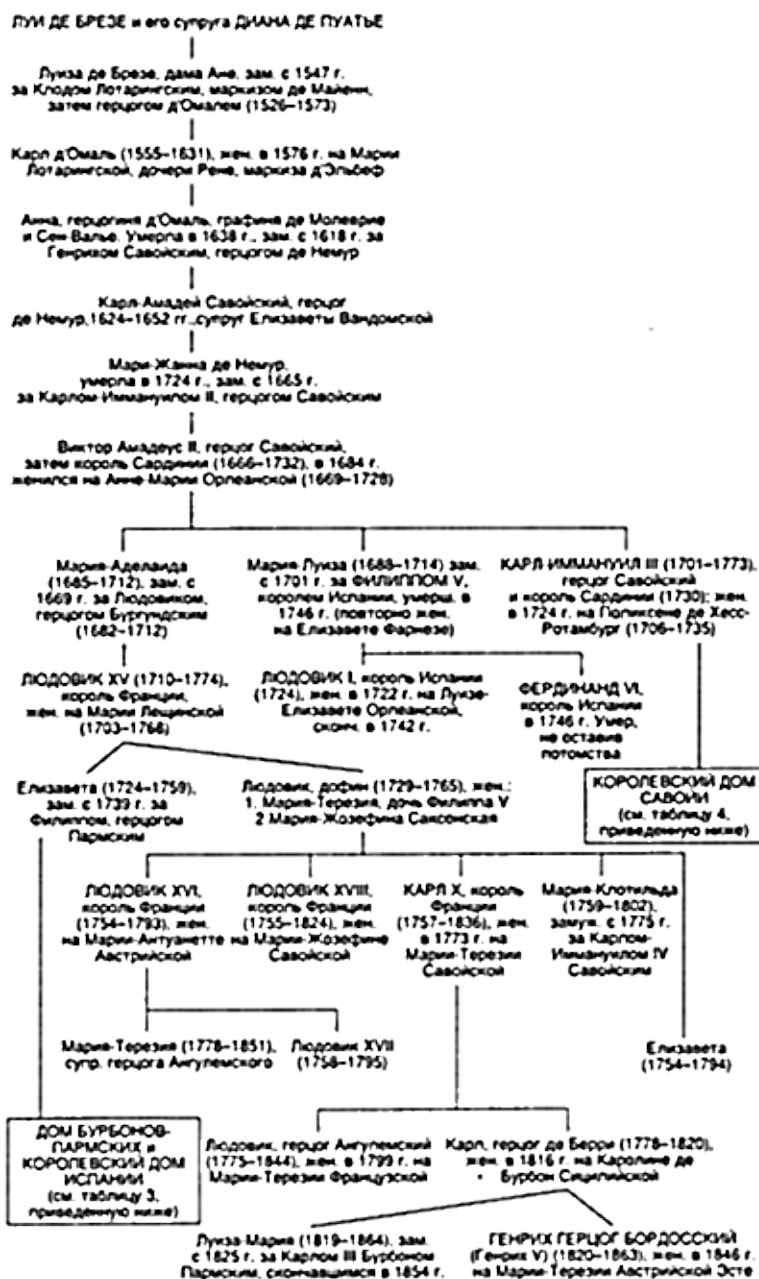

Таблица 2

Потомство Дианы де Пуатье через ее вторую дочь Луизу, герцогиню
д'Омаль

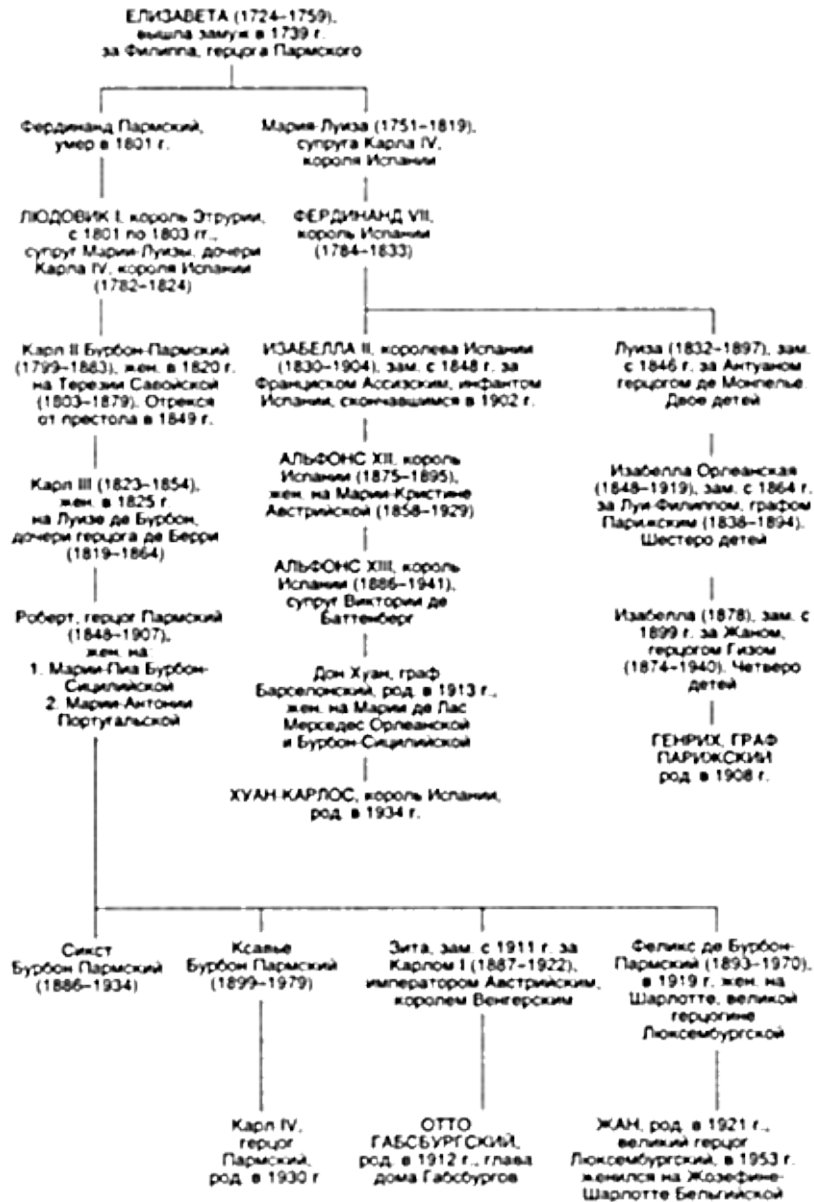

Таблица 3

Потомство Дианы де Пуатье (продолжение). Дом Бурбонов-Пармских и Королевский дом Испании

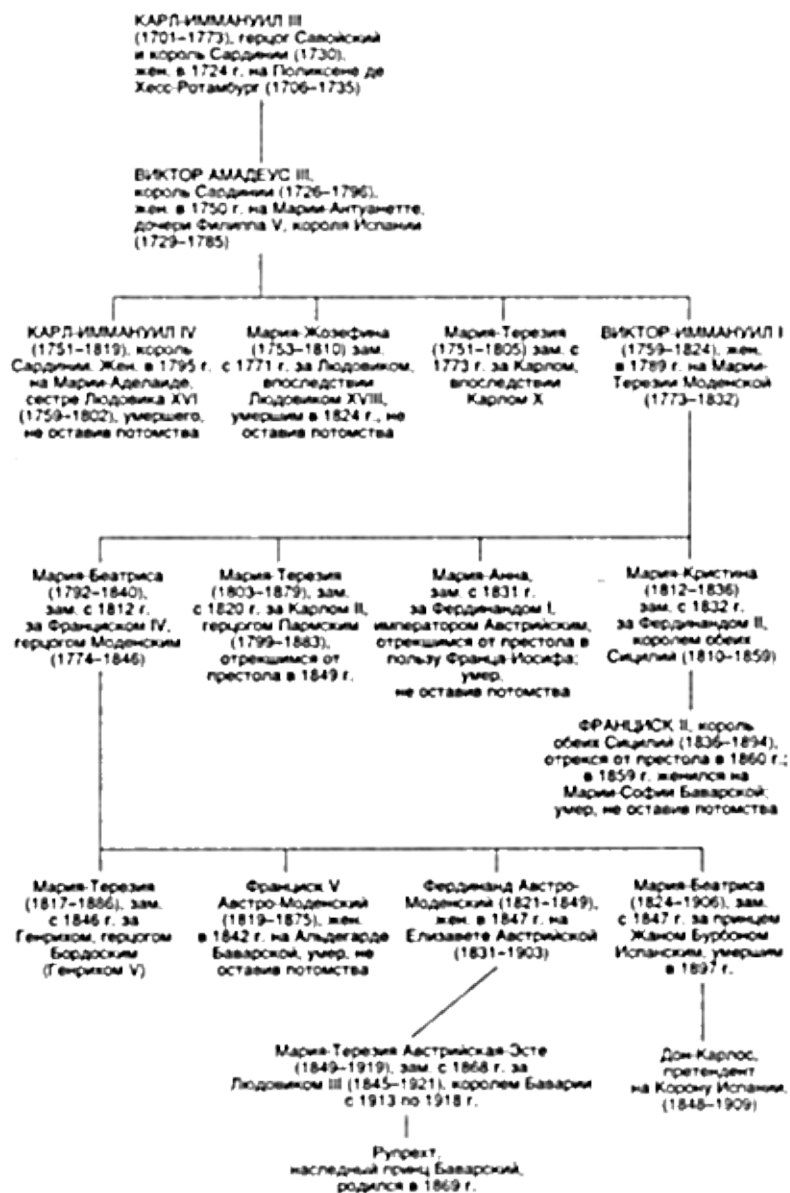

Таблица 4

Потомство Дианы де Пуатье (продолжение) Королевский дом Савойи

ИКОНОГРАФИЯ

Многие историки интересовались иконографией Дианы. В частности, можно обратиться к следующим источникам:

Bardon (Françoise), *Diane de Poitiers et le mythe de Diane*, Paris, 1963.

Dimier (Louis), *Histoire de la peinture de portrait en France au XVI siècle*, Paris, 3 vol.; 1924–1926.

Guiffrey (Georges), *Portrait de Diane de Poytiers*, annexe, p. 233–253, des *Lettres inédites de Diane de Poytiers*, Paris, 1866.

Reinach (Salomon), «Diane de Poitiers et Gabrielle d’Estrées», in *Gazette des beaux-arts*, Paris, août — septembre 1920, p. 181–189.

Филипп Эрланже в биографии «Диана де Пуатье» на стр. 360–372 опубликовал «данные по этому вопросу», полученные от Франсуа Буше, почетного хранителя музея Карнавале. Жорж Гиффри и Адриен Тьерри включили в свои работы репродукции портретов и писем.

Исследование Луи Димье позволяет отыскать портреты большинства личностей, окружавших Диану. Более точные сведения можно извлечь из каталогов и ученых трудов:

Bouchot (Henry), *Portraits au crayon du XVI et du XVII siècle conservés a la Bibliothèque nationale*.

Catalogue manuscrit des crayons de Chantilly.

Brogie (Raoul de) «Les Clouet de Chantilly. Catalogue illustré», in *Gazette des beaux-arts*, Paris, mai — juin 1971, p. 307, 313, 327, Préface par Daniel Wildenstein.

Moreau-Nélaton (Etienne) *Chantilly. Crayons français au XVI siècle*, Paris, 1910.

Gower (Ronald), *Three Hundred French Portraits Representing Personages of the Court of Francis I*.

Rouard. *François I-er chez Madame de Boisy. Notice d’un recueil de crayons enrichi par le roi François I-er de vers et de devises inédites*.

Датировки изображений, представляющих или якобы представляющих Диану, приблизительны.

I. РИСУНКИ

1. Диана в 1520 году.

Сборник Монмор в библиотеке Межан в Экс-ан-Провансе, описанный

Руаром *François I-er chez Madame de Boisy*. Надпись: «Супруга великого сенешаля». Другая, более поздняя, гласит: «Диана, герцогиня де Валантин». Девиз: «Зреть ее отрадно, посещать — почетно».

2. Диана около 1531 года.

Замок Шантийи. Надпись «Мадам д'Этамп» неверна. Копии этого портрета устанавливают личность изображенной на нем женщины как «Супруги великого сенешаля». Рисунок сделан во времена вдовства Дианы. Димье считает, что автор — «предположительно Жан Клуэ».

3. Диана в 1535 году.

Замок Шантийи. Та же неверная надпись «Герцогиня д'Этамп». Копия — в Кабинете эстампов. По мнению Димье, также «предположительно Жан Клуэ».

4. Диана в 1540 году.

Замок Шантийи. Надпись: «Великая сенешальша». Приписывается Франсуа Клуэ.

5. Диана в 1550 году.

Замок Шантийи. Копии — в Версале, музее Гренобля и Музее искусств и ремесел в Париже. Приписывается Франсуа Клуэ.

Процитируем комментарии Луи Димье (ук. соч., т. I, стр. 55):

«Рисунок хранится в Шантийи. Он показывает нам истинный облик этой знаменитой красавицы, о которой Брантом осмеливался говорить, что старость не тронула ее блеска, а потомки хотели видеть во всех изображениях вымышленных богинь того времени. Губы и ноздри поджаты, на лице — та особая гримаса, что свойственна физиономиям, годами умащаемым притираниями и румянами, — отталкивающая и почти смешная; складки у подбородка — явный признак возраста — сочетаются с крайней худобой. Все выдает давно минувшую весну, чей закат ускорили тщетные попытки ее удержать. Этот портрет завершает иконографию Дианы, столь долго пребывавшую в неизвестности. Такова была фаворитка на самом пике своего могущества, когда о расточаемых ей милостях свидетельствовали выбитые на фронтонах Лувра полумесяцы, а в Ане для нее возводился сказочный замок. Более ранние рисунки позволяют проследить, как изменялось ее лицо с течением времени. На первых — полное цветущее лицо, но тот, где герцогине перевалило за сорок лет, являет уже поблекшие черты».

С последнего рисунка были сделаны два портрета маслом по дереву.

II. ЖИВОПИСЬ. ПОРТРЕТЫ В ОБРАЗЕ ОХОТНИЦЫ

1. Шенонсо: картина, приписываемая Приматису.
2. Санлис, музей псовой охоты: копия с утраченного оригинала.
3. Коллекция лорда Спенсера в Алторпе: портрет, возможно — фрагмент оригинала, скопированного на картине из музея в Санлисе.
4. Замок Шомон-сюр-Луар: Диана, написанная около 1540 года, облачена здесь в прозрачную тунику и окружена амурами.
5. Музей Лувра (см. каталог выставки «Школа Фонтенбло»): картина перевезена из замка Фонтенбло. Получив широчайшую известность, она повлияла на множество других изображений Дианы.

Другие аллегорические или живописные картины (изображающие героиню за туалетом или принимающей ванну), довольно спорные, перечислены Жоржем Гиффри и Филиппом Эрланже. Отметим также прихотливые композиции, сохранившиеся в музее г. Манса: «*Диана, умоляющая Франциска / помиловать ее отца*», «*Диана на лошади*» (коллекция маршала Тессе).

III. СКУЛЬПТУРА

1. «*Молящаяся Диана де Пуатье*». Статуя из белого мрамора с надгробия, надгробная часовня в Ане.
2. «*Диана с оленем*». Скульптурная группа, украшающая фонтан в Ане. Музей Лувра.
3. «*Молящаяся Диана*» Статуя на мавзолее Луи де Брезе в Руанском соборе, приписываемая Никола Кенелю, помощнику Жана Гужона.

IV. ЧЕКАНКА

1. «*Диана. Dux Valentinorum Clarissima*^[608]». Поясное изображение в профиль слева. Французская национальная библиотека. Эта медаль воспроизведена на гравюре во введении к работе Жоржа Гиффри «Неизданные письма Дианы де Пуатье». На обороте — Диана-охотница, повергающая к своим ногам Амура. Девиз гласит: «*Omniū Victorem Vici*»^[609]. Эта медаль, упоминаемая в «Дневнике» Этуэля 29 марта 1608 года, считается весьма аутентичной: она похожа на портрет 1535 года.

2. «*Диана де Пуатье*». Поясное изображение в профиль справа. Французская национальная библиотека. Воспроизведена на гравюре во введении к названному выше сочинению Гиффри.

3. «Госпожа герцогиня де Валентинуа». Восковой медальон, музей Силезии в Бреслау. Оттиск с медали.

4. Камеи (одна — в фас, другая — в профиль). Французская национальная библиотека.

V. ЭМАЛИ

1. Большая полихромная пластина овальной формы, ошибочно описанная как «*Портрет Анны д'Эсте, герцогини де Немур*» или как «*Портрет Марии Тюдор*», коллекция Ротшильда.

2. Большой овальный медальон, копия предыдущего, та же коллекция.

3. Прямоугольная полихромная пластина, реплика предыдущей эмали, та же коллекция. Эти три эмали были выполнены по рисунку Франсуа Клуэ от 1550 года.

4. «*Диана де Пуатье*». Женский портрет в окружении полихромных гротескных фигур. Круглая пластина из числа экспонатов Всемирной выставки 1878 года.

5. «*Венера и Амур*», овальная пластина, музей Лувра, коллекция Ревуаль. Предполагаемый портрет Дианы.

6. «*Генрих II и Диана де Пуатье верхом*» (оба сидят на одной лошади). Вогнутая овальная пластина, музей Лувра, коллекция Соважо. Идентификация сомнительна.

7. «*Генрих II и Диана де Пуатье верхом*». Продолговатая пластина, коллекция Ротшильда. Реплика предыдущей.

8. «*Пир Богов*». Большое овальное блюдо, 1555 год, коллекция Альфонса де Ротшильда. Предполагалось, что в облике различных мифологических персонажей этого пиршества изображены Генрих II, Екатерина Медичи, Диана де Пуатье и придворные, однако сходство весьма приблизительно.

9. «*Пир Богов*». Блюдо, изготовленное для коннетабля де Монморанси, частная коллекция. Персонажи на этом блюде — те же, но одеты в придворное платье.

Эти эмали были рассмотрены в кн.: L. Bourdery et E. Lachenaud, «*Bernard Limousin, peintre de portraits*», Paris, 1897.

ИСТОЧНИКИ И БИБЛИОГРАФИЯ

РУКОПИСНЫЕ ИСТОЧНИКИ

I. Национальные архивы

AB XIX 3200 dr. 3. Переписка Генриха II с коннетаблем де Монморанси (1547 год).

H²* 1781. Решения городской Канцелярии Парижа.

J 218. Судебное преследование Жака де Брезе.

J 287–290. Документы, касающиеся поместья Валентинуа (1277–1446 годы).

J 421. Жалование Пьеру де Брезе земель Ане, Бреваль, Ножан-ле-Руа и Моншовэ.

J 947. Перепись драгоценностей Короны (1530–1575 годы).

J 953–957. Наследство Сюзанны Бурбон. Процесс между Луизой Савойской и коннетаблем Шарлем Бурбоном. Показания по ходу процесса против коннетабля.

JJ 257e-263a. Канцелярия Парижа и двора при Генрихе II.

K 89–92. Папки короля Генриха II: расходы, жалованье и пенсии; церемонии; турниры.

K 1714–1716. Церемонии: коронавание, свадьбы, похороны.

KK 106–114. Королевские счета периода царствования Генриха II.

KK 1442. Коронавание и коронация французских королей и королев.

L 329–336. Буллы (папские грамоты) от Льва X до Павла IV.

L 357. Бреве (папские послания) от Льва X до Павла IV, в частности, L 357,93, бреве, адресованное Климентом VII Жану Сен-Валье.

P 2288–2428. Памятные записки Счетной палаты.

P 2648–2650. Расчеты Счетной палаты (1549–1558 годы).

PP 119. Хронологическая таблица памятных записок (1516–1559 годы).

Q¹* 194²-194¹⁶. Документы баронств д'Иври и Гаренн.

Q¹* 210¹. Княжество Ане, перепись документов.

Q¹* 496. Окружные счета Ане, Бревалля, Моншовэ и Ножан-ле-Руа (1489–1490 годы).

R² 520–523. Оригиналы документов дома Буйонов, собранные Этьеном Балюзом.

R¹ 50–58. Контракты, документы дома Конти, протоколы, счета и инвентаризационные карты, касающиеся Ане, Шенонсо, Гаренн-сюр-Ер. Иври.

U* 785. Процессы над Жаном Сен-Валье (1524 год) и Себастианом де Монтекуккули (1536 год).

U* 823. Процесс над коннетаблем Бурбоном (1523–1527 годы).

X^{la} 8614–8622. Патентные письма и предписания, зарегистрированные Парижским парламентом (1574–1559 годы).

II. Архивы департаментов

Департамент Дром

E¹. Документы герцогства Валентинуа.

K 599. Документы баронства Клерье.

E 600. Вассальные присяги, принесенные сеньору де Пуатье.

E 601. Вассальные присяги и перепись баронства Клерье.

E 606. Вассальные присяги, сделки с участием королей Карла VII и Карла VIII.

E 607. Дарственная Диане герцогства Валентинуа и описание замков и земель Сен-Валье, Клерье и Этуаль, сделанных сразу после смерти герцогини.

E 608. Поземельная роспись Дианы де Пуатье в Вале.

E 1483. Осмотр земель и сеньорий Дианы после ее кончины; «Chante général et solennel de feue Madame» (1566 год).

E 1536. Дары, обязательства и вассальные присяги, принесенные Эймару и Луизе де Пуатье.

E 1555. Переоформление имущественных документов дофина на графства Валентинуа и Диуа на сеньора Сен-Валье.

Департамент Ёр-е-Луар

E 116. Брачный контракт между Шарлоттой Французской и Жаком де Брезе. Убийство Шарлотты Французской.

E 117. Арендные договоры в пользу сеньоров Ане.

E 118. Общий план зданий, дворов, садов, цветников и парка в Ане.

E 120. Приобретения, сделанные Луи де Брезе и Дианой де Пуатье в Ане.

E 121. Приобретения, сделанные Клодом, герцогом д'Омалем, и Луизой де Брезе, его супругой.

Департамент Изер

Архивы Счетной палаты Дофинэ.

В 254. Вассальная присяга Эймара де Пуатье дофину (1332 год).

В 578–595. Счета округов Виеннуа и Валентинуа (1327–1625 годы).

В 1898. Журнальная книга бальи Готье по герцогству Валентинуа (1554 год).

В 1917. Выписка из поземельной росписи, а также документы о признании прав Мадам герцогини Валентинуа на имение Этуаль (1550 год).

Департамент Сен-Маритам

Е 1/401. Руанские нотариальные записи. Контракт на поставку фурнитуры и труб для фонтанов в Ане.

G 8561 и 8562. Протоколы заседаний бальи Бек-Креспена.

100 J. Коллекция Данкэн: Деятельность Пьера де Брезе на посту великого сенешаля Нормандии.

Муниципальные архивы г. Руана

АА 13. Похороны Луи де Брезе.

Ивлин (сеньория де Бреваль)

Е 2251. Расчеты поземельного оброка (1519–1526 годы).

Е 2252. Декларации в пользу Дианы де Пуатье, получившей «благородное попечительство» над своей дочерью Луизой де Брезе, дамой де Бреваль.

Е 2254. Поземельная роспись.

Е 2256. Счета сборщика налогов Жана Кадо (1547–1547 годы).

Е 2257. Цензовый регистр (1560 год).

III. Французская национальная библиотека

В Департаменте рукописей Французской национальной библиотеки сохранилось большое количество документов, относящихся к Диане де Пуатье или составленных ею.

1. Диана де Пуатье *Письма-автографы*

Письма своему кузену Рене де Батарне, графу де Бушажу:

Ms. fr. 3036. fol. 51:

3090. fol. 6. 7. 15. 83. 85:

3145. fol. 49. 57, 58;

3146, fol. 2,9. 54;

3155, fol. 18.

Письма к г-ну и г-же д'Юмьер. гувернеру и гувернантке детей Франции: Ms. fr. 3052, fol. 85;

124. fol. 53;

3128, fol. 1–20;:

3133, fol. 20–22;
3208. fol. 10–133.

Письма к коннетаблю де Монморанси и его супруге:

Ms. fr. 2974, fol. 83;

3021, fol. 94:

3038, fol. 50;

3119, fol. 66;

3122, fol. 60;

3126, fol. 94;

3139, fol. 26, 63, 76.

Письма к герцогине Неверской:

Ms. fr. 4711, fol. 19–33.

Письма к герцогине Гиз:

Ms. fr. 3237, fol. 7–13.

Письма к высокопоставленным представителям дворянства (к коннетаблю, Гизам, маршалу Бриссаку и т. п.):

Ms. fr. 20 426 (бывшая коллекция Гэньер 913);

20 449 (Гэньер 325);

20 451 (Гэньер 327);

20 507 (Гэньер 395);

20 528 (Гэньер 416);

20 530 (Гэньер 418);

20 531 (Гэньер 419);

20 533 (Гэньер 421);

20 537 (Гэньер 425);

20 542 (Гэньер 430);

20 545 (Гэньер 433).

Письма к прочим адресатам:

Ms. ff. 2974, fol. 83;

3033, fol. 50;

3036, fol. 2;

3081, fol. 64;

3119. fol. 66;

3121, fol. 27;

3122, fol. 60;

3126, fol. 94;

3129, fol. 103;

3140, fol. 60;

3145, fol. 49–58;

3237, fol. 7–13;

4129, fol. 46.

Официальные документы

Ms. fr. 22 222, патентные письма Генриха II в пользу Дианы, 1550 год (коллекция Гэньер 763, fol. 256).

Ms. fr. 26 473, квитанции и документы разные, 1547 год (коллекция Блондо. 165).

Рукописи и документы, касающиеся Дианы

Ms. If. 883;

2991;

3143;

6183;

15 459.

Коллекция Дюпюи 697 736.

Королевские дары

Опись копий документов, заказанных королем. Ms. fr. 5128.

Письма и стихи, адресованные Генрихом II Диане

Ms. fr. 2991, fol. 9;

3142.

Нов. пост. fr. 22 938, коллекция автобиографий.

Завещание Дианы Ms. fr. 3902, fol. 107.

«**Биография**» Дианы де Пуатье, написанная Гэньером.

Ms. fr. 25 348 (коллекция Гэньер 1040).

2. Дом Сен-Валье, Жан де Пуатье

Относящиеся к нему письма и документы Ms. fr. 2985, fol. 20, 38;

2994, fol. 101–104;

3006, fol. 96;

3016, fol. 86;

3030, fol. 10;

3036, fol. 24;

3091, fol. 64,69;

5086, fol. 118.

Участие в заговоре коннетабля Бурбона, его процесс

Ms. fr. 2996, fol. 35;

3876, fol. 248, 267;

5091;

18 450;

Нов. приобр. fr. 7157;

Коллекция Дюпюи. 480 484 485 857.

Документы герцогства Валентинуа Документы разные

Ms. fr. 16 660 (extraits du Trésor des chartes);

20 552 (Gainières 440);

20 585 (Gainières 649,7);

26 459;

Нов. приобр. fr. 7388;

8852.

Графство

Ms. fr. 5085, fol. 53;

5093, fol. 280;

5500, fol. 73;

5501, fol. 124;

23 950.

Герцогство

Ms. fr. 4222, fol. 150;

Нов. приобр. fr. 9729;

Коллекция Дюпюи. 165, fol. 237; Коллекция Балюз, 244–247.

3. Дом де Брезе

Луи де Брезе, граф де Малеврие

Акты и письма Ms. fr. 2922;

2934, fol. 96;

2911;

2963, fol. 194, 197;

3045, fol. 20;

3090, fol. 88;

3096, fol. 140;

5500, fol. 236;

5770;

6639;

15 538;

20 469.

Относящиеся к нему документы Ms. fr. 2962, fol. 152;

5503, fol. 121;

Нов. приобр. fr. 3644.

Биография Ms; fr. 5467.

Дочери Дианы и Луи де Брезе Франсуаза, герцогиня Буйонская

Письма

Ms. fr. 3090, fol. 109;

3144, fol. 106–107;

3146, fol. 57;

3260, fol. 75;

20 463;

20 470;

Относящиеся к ней документы Ms.fr. 4831;

5503, fol. 121, 122.

Луиза, герцогиня д'Омаль

Письма Ms. fr. 20 467;

20 468.

Относящиеся к ней документы Ms. fr. 3090;

5503, fol. 212, 214.

IV. Частные архивы и библиотеки

Шенонсо

Тома 13 и 14: Письменные присяги феодалов сеньору (1545 год);

Том 16: Процесс Дианы на Большом совете (1552–1556 годы);

Том 17: Процесс Дианы на Королевском совете (1535–1556 годы);

Том 18: Документы разные (1545–1559 годы);

Тома 19, 20, 22: Налоговые расчеты (1547, 1548, 1554, 1555–1557 годы); Том 21: Счета за разбивку цветников Дианы (1551–1555 годы);

Том 23: Счета за строительство моста (1556–1559 годы);

Том 24: Работы Филибера де л'Орма (1556–1559 годы);

Том 25: Округ Шиссо (1446–1550 годы);

Том 53: Арендные договоры и счета (начиная с 1409 года);

Том 56: Счета Мулен Форта (начиная с 1544 года);

Том 61: Карты;

Тома 114 и 127: Рукописные записи аббата Шевалье.

Шантйи (музей Конде)

Бумаги Монморанси:

L X, 63;

L XVIII, 258.

V. Зарубежные архивы и библиотеки

ИТАЛИЯ

Архивы Ватикана и Венеции

Отчеты венецианских нунциев и послов (см. «Печатные источники»).

Архивы государства Флорентийского

Archivio Mediceo: Отчеты и письма послов, сообщения о Франции и документы Кома I.

Архивы государства Мантуанского

Carteggio degli ambasciatori di Francia, lettere di Corregrani.

Архивы государства Моденского

Cancelleria ducale. Estero, Francia, lettere di principi, B 14;

Dispacci B 24. B 25. B 27. B 28. B 29. B 50 (lettere di Alvarotto).

ИСПАНИЯ

Архивы Симанкаса

К 1487–1493 годам переписка послов Сен-Мориса и Симона Ренара с Карлом V.

АВСТРИЯ

Вена, Национальная библиотека

Ms. Hohendorf 101: сорок писем Луи де Брезе к Анну де Монморанси (изд. H. de La Ferrière, «*Les Chasses de François Fer racontées par Louis de Brézé*». Paris, 1869).

ПЕЧАТНЫЕ ИСТОЧНИКИ

Bellay (Jean, Martin et Guillaume du), *Mémoires*, 1513–1547, éd. V. L. Bourrilly et F. Vindry, Paris, 4 vol.. 1905.

Bellay (Joachim du). *Œuvres poétiques*, éd. H. Chamard, Paris, 1908.

Du même auteur. *Poésies*, éd. M. Hervier, vol. I–V, Paris, 1954–1956.

Belieferest (François de) *Les Grandes Annales et Histoire générale de la France...* Paris, 1579.

Du même auteur, *Chant funèbre sur le trespas de roi Henry II*, Paris, 1559.

Du même auteur, *Les Chroniques et annales de France*, vol. II, Paris. 1627.

Béze (Théodore de). *Histoire ecclésiastique des Eglises réformées du royaume de France*, éd. G. Baum et E. Gunitz, Paris, 1883–1889.

Bochetel (Guillaume), *L'entrée de la Reine en sa ville et cité de Paris*, 1531.

Brantôme (Pierre de Bourdelle, seigneur de) *Œuvres complètes*, éd. L. Lalanne, 11 vol., Paris, 1864–1882.

Du même auteur. *Recueil des dames, poésies et tombeaux*, éd. E. Vaucheret, Paris, 1991.

Brissac (Charles de Cossé, maréchal de), *Correspondance inédite, 1550–1555*, éd.

F. Molard, in *Bull, comité hist, et phil.* 1893, p. 383–399, complétée par Ch. Marchand, *Notes et extraits d'un manuscrit des Archives d'Etat à Turin*, Angers,

1901.

Bryce (W. M.), *Mary Stuart's Voyage to France in 1548*, in *English Historical Review*, XXII, 48.

Castelnau (Michel de, seigneur de Mauvissière), *Mémoires augmentés de plusieurs commentaires...* par J. Le Laboureur, Paris, 1659.

Catalogue des actes d'Henry II, vol. I, Paris, 1979; vol. II, Paris, 1986; vol. III, Paris, 1990.

Catalogue des actes de François I-er, vol. I–X, Paris, 1887–1910.

Catalogue des manuscrits et livres imprimés trouvés après le décès de Madame la Princesse dans son Château d'Anet, Paris, 1724.

Catherine de Médicis, *Comptes de dépenses (1557–1571)*, in Cimber et Danjou, *Archives curieuses de l'histoire de France*, I^e série, vol. IX, Paris, 1836.

Du même auteur, *Lettres*, éd. H. de La Ferrière et G. Bagueault de Puchesse, Paris, 1880–1943, 11 vol.

C'est l'ordre et forme qui a esté tenu au sacre et couronnement de Madame Catherine de Médicis, livret, Paris, 1549.

Champollion-Figeac (Aimé), *Poésies du rois François Fer, de Louise de Savoie... de Marguerite, reine de Navarre, et correspondance intime du roi avec Diane de Poitiers*, Paris, 1847.

Chevalier (abbé Casimir), *Archives du château de Chenonceau. Diane de Poitiers au Conseil du roi (1535–1556)*, Paris, 1866.

Du même auteur, *Archives royales de Chenonceau. Comptes des receptes et despences faites en la chasteUenie de Chenonceau par Diane de Poitiers, duchesse de Valentinois*, Paris, 1864.

Du même auteur. *Archives royales de Chenonceau. Pièces historiques relatives à la chastellenie de Chenonceau*. Paris, 1864.

Du même auteur, *Diane de Poitiers au Conseil du roi. Episode de l'histoire de Chenonceau sous François I-er et Henry II. 1535–1556...* Paris. 1866.

Chronique du roy François, premier de ce nom, éd. G. Guiffrey, Paris, 1860.

Comptes de Louise de Savoie et de Marguerite d'Angoulême. éd. A. Lefranc et J. Boulenger, Paris, 1905.

Correspondence of the Emperor Charles V and His Ambassadors at the Courts of England and France, 1519–1551, éd. W. Bradford. Londres, 1850.

Courson (A. de), «Contrat de mariage de la fille de Diane de Poitiers avec Claude de Lorraine», in *Revue de des sociétés savantes*, 6 série, vol. III, p. 486–487.

Du Cerceau (Jacques Androuet), *Le Second Volume des plus excellents bastiments de France*, Paris, 1579; nouv. éd., Paris, 1870. sous la direction de H.

Destailleur.

Festin donné à la royne Catherine au logis épiscopal de l'évêché de Paris le dix-neuvième jour du juing 1549, livret éd. in Cimber et Danjou, *Archives curieuses de l'histoire de France*. I^e série, vol. III, Paris, 1835.

Froissart (Jean), *Œuvres*, éd. Kervyn de Lettenhove, vol. XXII, Bruxelles, 1875.

Godefroy (Théodore), *Le Cérémonial de France*, 2 vol., 1649.

Granville (cardinal de). *Correspondance*, éd. par Ed. Pouillet et Ch. Piot, Pruxelles, 1877–1896, 12 vol.

Du même auteur. *Papiers d'Etat du cardinal de Granville*, collection des Chroniques belges, publ. par Ch. Weiss, Paris, 1841–1852, 9 vol. (Documents inédits de l'Histoire de France.)

Guise (François de), *Mémoires journaux, 1547–1561*, éd. Michaud et Poujoulat, Nouvelle collection de Mémoires pour servir à l'Histoire de France, I série, vol. VI, Paris, 1839.

Habert (François), *La Nouvelle Pallas présentée à Monseigneur le Dauphin*, Lyon, 1545.

Du même auteur. *Exposition morale de la Fable des trois Déesses, Vénus, Juno et Pallas*, Lyon, 1545.

Hahn (Claude), *Mémoires contant le récit des événements accomplis de 1553 à 1582, principalement dans la Champagne et la Brie*, éd. F. Bourquelot, Paris, 1857.

Isambert (F. A.), *Recueil généra! des anciennes lois françaises*, vol. XII–XIII, Paris. 1827–1833.

Journal de Louise de Savoie, éd. Michaud et Poujoulat, Nouvelle collection de Mémoires pour servir à l'Histoire de France, I série, vol. V, Paris, 1838.

Journal d'un bourgeois de Paris sous le règne de François I-er (1515–1536), éd. L. Lalanne. Paris, 1854; nouv. éd. V. L. Bourrilly, Paris, 1910.

Laborde (Léon de), *Les Comptes des bâtiments du roi, 1528–1571*, Paris, 1877–1880.

La Magnificence de la superbe et triomphante entrée de la noble et antique cité de Lyonfaicte au Très-Chrestien roy de France Henry II (1548), éd. G. Guigne, Lyon, 1927.

La Magnificence des triomphes faits à Rome pour la nativité du duc d'Orléans, Paris. 1549.

La Marck (Robert de, sire de Fleuranges), *Histoire des choses mémorables advenues du règne de Louis XII et François I-er, 1505–1525*, éd. R. Goubaux et A. Lemoine, Paris. 1913–1924.

L'Aubespine (Claude de), *Histoire particulière du roy Henry II*, in Cimber

et Danjou, *Archives curieuses de l'histoire de France*, I^e série, vol. III, Paris, 1835.

Le Grand Triomphe fait à l'entrée du Très-Chretien Henry II en sa noble cité de Lyon et de la Reine Catherine, Paris, 1548.

Le Grand Triomphe magnifique des Parisiens de la venue du Très-Chretien Roy Henry, 16 juin 1549, éd. F. Debez, Paris, 1549.

Le Sacre et Couronnement du roy Henry, deuxième de ce nom, Paris, 1549.

Les Enseignements d'Anne de France, duchesse de Bourbonnais et d'Auvergne, â sa fille Suzanne de Bourbon, éd. A.-M. Chazaud, Moulins. 1878.

Les Enseignements d'Anne de France, éd. J. Viple, Moulins. 1935.

L'Estoile (Pierre de), *Mémoires pour servir a l'Histoire de France de 1515 à 1574*, éd. Godefroy, Cologne, 1719.

Lettres de Diane de Poitiers, Recherches faites au British Museum et au Record Office par comte H. de La Ferrière, *Archives des Missions scientifiques et littéraires*, 2e série, vol. V, Paris, 1868, p. 317–322.

Lettres inédites de Diane de Poytiers, éd. G. Guiffrey, Paris, 1866.

Lettres inédites de Henry 11 et de Diane de Poitiers, Marie Stuart, François dauphin, adressées au Connétable Anne de Montmorency, éd. J.-B. Gail, Paris, 1828.

Lettres et Mémoires d'Estât des roys, princes, ambassadeurs [...], sous les règnes e François I-er, Henry II et François 11, 2d. G. Ribier, vol. I, Paris, 1666.

Livre de raison de Maître Nicolas Versoris, éd. G. Fagniez, *Mém. Soc. hist. de Paris*, vol. XII, 1885, p. 99–222.

Magny (Olivier de), *Les Amours*, éd. E. Courbet, Paris, 1878.

-, *Les Odes*, éd. P. Blanchemain, Paris, 1876.

Marot (Clément), *Œuvres*, vol. III, *Epigrammes*, La Haye, 1731.

-, *Les Epigrammes*, éd. C. H. Mayer, Londres, 1970.

Mellen de Saint-Gelais, *Œuvres complètes*, éd. P. Blanchemain, Paris, 1853.

Molard, «Le carteggio des ambassadeurs de Mantoue, 1521–1559», in *Bull. Comm. Hist.*, 1986.

Négociations diplomatiques de la France avec la Toscane, doc. recueillis par

G. Canestrini et publ. par A. Desjardins, vol. III, Paris, 1865.

Nonciatures de France. Clément VII, éd. J. Fraikin, Paris, 1906.

Nonciatures de France. Paul IV, éd. R. Ancel, Paris, 1909–1911.

Nonciatures de France. Correspondance des nonces en France Carpi et Ferrerio (1535–1540), éd. J. Lestocquoy. Rome-Paris, 1961.

Nonciatures de France. Correspondance des nonces en France

Capodiferro, Dandino et Guidiccione (1541–1546), éd. J. Lestocquoy, Rome-Paris, 1963.

Nonciatures de France. Correspondance des nonces en France Dandino, délia Torre et Trivultio (1546–1551), éd. J. Lestocquoy, Rome-Paris, 1966.

Nonciatures de France. Correspondance du nonce en France Prospère Santa-Croce (1552–1554), éd. J. Lestocquoy, et F. Giannetto, Rome-Paris, 1972.

Nonciatures de France. Correspondance des nonces en France Lenzi et Gualtero (1557–1561). éd. J. Lestocquoy, Rome-Paris, 1977.

Nostradamus, *Les Prophéties de M. Michel Nostradamus...* édition originale, Lyon. 1555; édition complète, Lyon, 1568.

Ordonez de Montalvo (Garcia), *Amadis de Gaule [1547]*, éd. fr. L. H. Vaganay, Florence, 1903–1905 (livres I–XII).

Ordonnances des rois de France: règne de François I-er, 9 vol., Paris, 1902–1975.

Pasquier (Etienne), *Les Recherches de la France*, Paris, 1-e éd., 1560–1567; éd. complétée, 1621.

-, *Lettres historiques pour les années 1556–1594*, éd. D. Thickett, Genève-Paris, 1966.

Poésies de François I-er, Louise de Savoie, Marguerite et correspondance intime du roi avec Diane de Poitiers [en réalité Mme de Chateaubriand] et autres, éd. Champollion-Figeac, Paris, 1847.

Procès criminel de Jehan de Poytiers, seigneur de Saint-Vallier... éd. G. Guiffrey, Paris, 1867.

Procès d'Oudart du Biez et de Jacques de Coucy (1549), in *Cimber et Danjou, Archives curieuses de l'histoire de France, I^e série*, vol. III, Paris, 1835.

Rabelais (François), *La Sciomachie et festins faits à Rome au palais de Mgr révérendissime cardinal du Bellay pour l'heureuse naissance de Mgr d'Orléans*, Lyon, 1549, in *Œuvres de Rabelais*, éd. Ch. Marty-Laveaux, Paris, vol. III, 1873.

-, *La vie très horrible du grand Gargantua*, Paris, 1835.

Relations des ambassadeurs vénitiens sur les affaires de France au XVI siècle, éd. et trad. par N. Tommaseo, Paris, 1838.

Relations politiques de la France et de l'Espagne avec l'Ecosse au XVI siècle, éd. A. Teulet, Paris, 5 vol., 1862.

Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato, éd. E. Alberi, & série, vol. I–IV, Florence, 1839–1860; é série, vol. III, Florence, 1846.

Ronsard (Pierre de), *Œuvres complètes*, éd. Laumoinnier, 10 Vol., Paris, 1914–1939.

-, *Œuvres complètes*, éd. G. Cohen, 2 vol., Paris, 1950.

Rouard, *François Ier chez Mme de Boissy. Notice d'un recueil de crayons*, Paris, 1863.

Saint-Mauris (Jean de), «La mort de François I-er et les premiers temps du règne de Henry II d'après les dépêches de Jean Saint-Mauris, ambassadeur de Charles Quint à la cour de France (juin 1547)», éd. Ch. Paillard, in *Revue historique*, 2 année, vol. V (sept.-déc.), p. 84–120.

-, «Dépêches sur la mort de François I-er et l'avènement de Henry II», éd. A. Castan, in *Soc. Emulation du Doubs*, 5 série, vol. III, 1878.

Saulx (G de, seigneur de Tavannes), *Mémoires*, éd. Petitot, *Collection complète des mémoires...* vol. XXIII–XXV, Paris, 1822; éd. Buchon, *Collection de chroniques et mémoires*, vol. VIII, Paris, 1836; éd. Michaud, *Nouvelle collection des mémoires*, vol. VIII, Paris, 1838.

[Selve (Odet de)], *Correspondance politique d'Odet de Selve, ambassadeur en Angleterre, 1546–1549*, éd. G. Lefèvre, Pontalis, Paris, 1888.

Simeoni (Gabriello), *La Vita e Matamorfoseo d'Ovidio*, Lyon, 1559.

Sylvius (Jacques Dubois d'Amiens, dit). *Livre de la génération de l'homme. Livre d'Hippocrate de la géniture de l'homme. Livre de la nature et d'utilité des moys des femmes et de la curation des maladies qui en surviennent, mis en français par Guillaume Chrestian, médecin ordinaire du roi et de Messeigneurs ses enfants*, Paris, 1559.

Thou (Jacques-Auguste de), *Histoire universelle depuis 1542 jusqu'en 1607*, vol. I–IV, Londres, 1734.

Vandenesse (Jean de). *Journal des voyages de Charles Quint 1514 à 1551*, éd. Gachard, Bruxelles, 1874.

Vielleville (François de Scepeaux, sire de), *Mémoires*, éd. Michaud et Poujoulat, *Nouvelle collection des Mémoires pour servir à l'histoire de France*, vol. IX, Paris, 1838.

БИБЛИОГРАФИЯ

Anne de Beaujeu et ses énigmes, Actes du colloque national du 28 mai 1953, académie de Villefranche-en-Beaujolais. Villefranche-sur-Saône, 1984.

Anselme de Sainte-Marie (Pierre de Chilbourd. père). *Histoire généalogique et chronologique de la Maison royale de France, des pairs, grands officiers de la Couronne et de la Maison du Roy et des anciens barons du royaume*, 3e éd., vol. 2, Paris. 1726. et vol. V. Paris. 1730.

Architecture et vie sociale. L'organisation intérieure des grandes demeures

à la fin du Moyen Age et à la Renaissance, Actes du colloque de Tours, 6–10 juin 1988. Etudes recueillies par J. Guillaume. Paris, 1994.

Arnaud (E.), «Notice historico-critique sur les premiers Poitiers de Valentinois», in *Bull. Soc. archéol. et statist. de la Drôme*, vol. XXXV. 1901.

Babelon (Jean-Pierre), *Châteaux de France au siècle de ta Renaissance*, Paris, 1989.

Bapst (Germain). *Histoire des joyaux de la Couronne de France d'après les documents inédits*, Paris, 1889.

Bardon (Françoise), *Diane de Poitiers et le mythe de Diane*, Paris, 1963.

Bachet (Arnaud). *La Diplomatie vénitienne'. Les prince de l'Europe au XVI siècle [...], d'après les rapports des ambassadeurs vénitiens*, Paris. 1862.

Bataillard (Ch.), *Du duel considéré sous le rapport de la morale, de l'histoire, de la législation [...] suivi du combat des seigneurs de La Chasteneraie et de Jarnac, raconté par M. Scipion Dupleix*, Paris, 1829.

Batiffol (Louis), *Le siècle de la Renaissance*, Paris, 1931.

Beaucousin (A.), *Registre des fiefs et arrière-fiefs du bailliage de Caux en 1503*, 1891.

Bedos-Rezac (Brigitte), *Anne de Montmorency, seigneur de la Renaissance*, Paris, 1990.

Béguin (Sylvie); *L'Ecole de Fontainebleau: le maniérisme à la cour de France*, Paris, 1960.

Béhar (Pierre), *Les Langues occultes de la Renaissance*, Paris, 1996.

Bers (Gunter), *Wilhelm Herzog von Kleve-Jülich-Berg, 1516–1692*, Cologne, 1970.

Blunt (A.), *Art and Architecture in France, 1500–1700*, Londres, 1953, éd. fr. 1983.

Du même auteur, *Philibert de l'Orme*, Londres, 1958, éd. fr. 1963.

Bouillé (R. de), *Histoire des ducs de Guise*, vol. I, Paris, 1849.

Bourciez (Edouard), *Les Mœurs polis et la littérature de cour sous Henry II*, Paris, 1886.

Brandi (Cari), *Charles Quint, 1500–1558*. trad. fr. Paris, 1939.

Brun-Durand (J.), *Dictionnaire topographique du département de la Drôme*, Paris, 1891.

Cabanès (Dr.), «La stérilité de Catherine de Médicis», in: *Le cabinet secret de l'histoire*, Paris, 1900.

Du même auteur, «Une tentative de vitriolage au seizième siècle: maotresse et femme du roi» in *Légendes et curiosités de l'Histoire*, 3e série, vol. IV, Paris, 1914.

Caise (Albert). *Diane de Poitiers, dame de Saint-Valier, Ses actes, ses*

prédécesseurs et successeurs dans la communauté de Saint-Valier, Valence, 1891.

Du même auteur, *Histoire de Saint-Valier*, s.d.

Chenonceau, éd. Connaissance des arts, hors série, s.d.

Chevalier (abbé Casimir), *Histoire de Chenonceau [...] d'après les archives du château et les autres sources historiques*. Lyon, 1868.

Chevalier (chanoine Jules), *Mémoires pour servir à l'histoire du comté de Valentinois et de Diois*, vol. I, Paris, 1897; vol. II, Paris, 1906.

Chombart de Lauwe (Marc). *Anne de Beaujeu*, Paris, 1980.

Cloulas (Ivan), *Les Borgias*, Paris, 1987.

Du même auteur, *Catherine de Médicis*, Paris, 1979.

Du même auteur. *Charles VIII et le mirage italien*, Paris, 1986.

Du même auteur, *Henry II*, Paris, 1985.

Du même auteur, *Philippe II*, Paris, 1990.

Du même auteur, *La Vie quotidienne dans les châteaux de la Loire au temps de la Renaissance*, Paris, 1983; nouv. éd. 1996.

Clouzot (Henry), *Philibert de l'Orme*, Paris, 1910.

Constant (Jean-Marie). *Les Guise*, Paris, 1984.

Courajod (Louis), *Alexandre Lenoir, son journal et le musée des Monuments français*, Paris, 1878–1887.

Couriol (Jean-Noël), *Histoire du département de la Drôme. Le temps des seigneurs*, Beaufort-sur-Gervanne, 1995.

Decrue (Francis), *Anne de Montmorency*, vol. I: *A la cour, aux armées et au conseil de François I-er*, Paris, 1885; vol. II: *Sous les rois Henry II, François II et Charles IX*, Paris, 1889.

Décultot (G.), *La seigneurie du Bec-Crespin*. Fécamp, 1970.

Delange (H.), *Recueil ... de la faïence française dite de Henry II et Diane de Poitiers*, Paris, 1880.

Denieul-Cormier (A.). *La France de la Renaissance (1488–1559)*, Paris, 1967.

Desgardins (E.), *Anne de Pisseleu, duchesse d'Etampes, et François I-er*, Paris, 1904.

Decille (A.), *Tombeaux de la cathédrale de Rouen*, Paris, 1881.

Dimier (Louis), *Histoire de la peinture de portrait en France au XVI siècle*, vol. I-m, Paris-Bruxelles, 1924–1926.

Du même auteur, *Le château de Fontainebleau et la cour du François I-er*, Paris, 1949.

Douet d'Arcq (L.), «Procès criminel intenté contre Jacques de Brézé», in *Bibliothèque de l'Ecole des chartes*, vol. V, 2 série, (1848–1849), p. 211–239.

- Dreux-Brézé (Michel de), *Les Dreux-Brézé*, Paris, 1994.
- Dreux du Radier, *Mémoires et anecdotes des reines et régentes de France*, vol. IV, 1808.
- Duchain (M.), *Marie Stuart*, Paris, 1987.
- Du Chesne (André), *Histoire généalogique des comtes de Valentinois et de Diois. seigneurs de Saint-Vallier, de la maison de Poitiers* (en annexe à *V Histoire généalogique des ducs de Bourgogne*), Paris. 1628.
- Du Fresne de Beaucourt (Gaston), *Histoire de Charles VII*, vol. I–VI. Paris, 1881–1891.
- Du même auteur. «Charles VII et Agnès Sorel. L'influence politique d'Agnès», in *Revue des questions historiques*, Paris, 1866.
- Du Mont (J.), *Corps universel diplomatique des droits des gens*. vol. IV, Amsterdam-La Haye, 1726.
- Duruy (Georges), *Le cardinal Carafa. 1519–1561*, Paris, 1882.
- Ecole de Fontainebleau (L')*. cat. exp., Paris, 1972.
- Erlanger (Philippe), *Diane de Poitiers*, Paris, 1955.
- Fayard (E.), *Notice historique sur Saint-Vallier*, Lyon-Paris, 1844.
- Fillon (B.). «Devis de la chapelle du château d'Anet et du tombeau de Diane de Poitiers», in *Archives de l'art français*. 2 série, vol. 11, p. 379–392.
- Forneron (H.), *Les ducs de Guise et leur époque*, 2 vol., Paris, 1877.
- Guiffrey (Georges), *Portraits de Diane de Poitiers*, annexe, p. 233–253, des *Lettres inédites de Diane de Poitiers*, Paris, 1866.
- Guiffrey (Jules), *Histoire de la tapisserie depuis le Moyen Age jusqu' à nos jours*. Tours, 1886.
- Henry-Bordeaux (Paule), *Louise de Savoie, régente et «roi» de France*, Paris, 1954.
- Jacquart (J.), *François Fer*, Paris, 1981.
- Du même auteur, *Bayard*, Paris, 1987.
- Kendall (Paul Murray), *Louis XL* Paris, 1976.
- Knecht (R. J.), *Renaissance Warrior and Patron: The Reign of Francis I*, Cambridge, 1994.
- Labande-Mailfert (Y.), *Charles VIII et son milieu (1470–1498)*, Paris. 1975.
- La Chenaye-des-Bois et Badier, *Dictionnaire de la noblesse*, vol. IV, Paris, 1864.
- Lacroix (A.), «Etoile: origines et seigneurs», in *Bull. Soc. archéol. et statist. de la Drôme*, vol. XXXIX, 1905.
- La Ferrière (H. de), *Les chasses de François I-er racontées par Louis de Brézé*, Paris, 1869.
- Landurant (A.), *Montgomery, la régicide*, Paris, 1988.

Lavisse (Ernest), *Histoire de France des origines à la Révolution*, vol. VI, 1 partie par J.-H. Mariéjol, Paris, 1911.

Lebey (André), *Le connétable de Bourbon. 1490–1527*, Paris, 1904.

Lefranc (Abel), *La vie quotidienne au temps de la Renaissance*, Paris, 1938.

Leroy (Stéphen), *Notice armoriale et généalogique sur la maison de Bouillon-La-Tour*, Sedan, 1896.

Lescure (M. de). *Les amours de François Fer*, Paris, 1865.

Mailhet (A.), *Histoire de la ville de Crest*, Avignon, 1982.

Mandrot (B. de), *Ymbert de Batarnay, seigneur du Bouchage, conseiller des rois Louis XI, Charles VIII, Louis XII et François Fer (1438–1523)*, Paris, 1886.

Marchand (Ch.), *Charles Fer de Cossé, comte de Brissac et maréchal de France*, Paris, 1899.

Du même auteur, *Le Maréchal François de Scépeaux de Vielleville et ses mémoires*, Paris, 1893.

Marillac (Guillaume de), *Vie du Connétable de Bourbon*, complétée par A. de Laval, Paris, 1836.

Mariotte (J.-Y.), «François I-er et la ligue de Smalkalde», in *Revue suisse d'histoire*, vol. XVI (1966), p. 216–221.

Marlet (L.), *Le comte de Montgomery*, Paris, 1840.

Maulde La Clavière (R. de), *Louise de Savoie et François Fer*, Paris, 1895.

Mayer (Marcel), *Le Château d'Anet*, Anet, 1952.

Méras (Mathieu), *Anne de Beaujeu*, cat. exp., archives départementales de Rhône, Lyon, 1986.

Merlet (L.), «Meurtre de Charlotte de France, dame de Brézé; 1477», in *Mém. Soc. archéol. d'Eure-et-Loire*, vol. I, 1857, p. 159–166.

Mézeray) François de). *Histoire de France*, Paris, 1643, nouv. éd. Paris 1830.

Du même auteur, *Abrégé chronologique*, vol. VII, Amsterdam, 1755.

Michelet (Jules), *Histoire de France*, vol. VIII: XVI siècle. *La Réforme*, Paris, 1876.

Mignet (F.-A.), *La rivalité de François I-er et de Charles Quint*, Paris. 1875.

Montaignon (Anatole de), «Diane de Poitiers et son goût dans les arts», in *Gazette des beaux-arts*, avril 1878-février 1879.

Mont-Rond (Maxime de). *Essais historiques sur la ville d'Etampes*, Etampes-Paris, 1836.

Olivier-EUiot (Patrick) et Senard (Claire), *Les Baronniees*. Avignon, 1986.

Orliac (Jehanne d'). *Diane de Poitiers, Grant'sénéchaüe de Normandie*, Paris, 1930.

Orme (Filibert de Γ), *Le premier Tome du livre de Tarchitecture*, Paris, 1576.

Paillard (Ch.), «La mort de François I-er et les premiers temps du règne de Henry II, d'après le dépêches de Jean de Saint-Mauris (avril-juin 1547)», in *Revue historique*, 2 année, vol. V, 1877, p. 84–120.

Paris (Paulin), *Etudes sur François Premier, roi de France, sur sa vie privée et son règne*, Paris, 1885; vol. II: «Le connétable de Bourbon»; «La duchesse d'Etampes».

Pastor (Ludwig von). *Histoire des papes*, trad. fr. A. Poizat, vol. IX–XIV, Paris, 1929–1932.

Pébay (Isabelle) et Troquet (Claude), *Diane de France et l'hôtel d'Angoulême en 1619*, Paris, 1995.

Du même auteur, «Philippe Desducs, mère de Diane de France», in *Bibliothèque de l'Ecole des chartes*, vol. CXLVIII, 1990, p. 151–160.

Périscaud (A.). *Hippolyte d'Este, cardinal-archevêque de Lyon, 1540–1551*, Paris, 1865.

Pingré (A. G.), *Cométographie ou Traité historique et théorique des comètes*, Paris. 1783–1784.

Plaisse (A.), *Robert de Flocques*, Evreux, 1984.

Du même auteur, «La taxe des clochers, dans le diocèse d'Evreux en 1552», in *Connaissance de l'Eure*, 1996.

Porcher (Jean), *Les Livres de Diane de Poitiers*, Paris, 1942, coll. «Les trésors des bibliothèques de France», vol. XXVI.

Quilliet (B.), *Louis XII*, Paris, 1986.

Régnier de La Planche (Louis), *Histoire de l'état de France sous le règne de François II*, Paris, 1836.

Reumont (A. de), *La Jeunesse de Catherine de Médicis*, trad. A. Baschet, Paris, 1866.

Ripert-Monclar (marquis de), *Cartulaire de la commanderie de Richerenches de Tordre du Temple, 1136–1216*, Avignon-Paris, 1902.

Roelker (N. L.), *Jeanne d'Albret, reine de Navarre*, Paris, 1979.

Romier (L.), *La Carrière d'un favori. Jacques d'Albon de Saint-André, maréchal de France (1512–1562)*, Paris, 1909.

Du même auteur, *Les Origines politiques des guerres de Religion*, vol. I: *Henry II et l'Italie*, Paris. 1913; vol. II: *La Fin de la magnificence extérieure. Le roi contre les protestants*, Paris, 1913.

Roux (Alphonse), *Le Château d'Anet*, Paris, s.d.

Du même auteur, «Le tombeau de Diane de Poitiers», in *Bull. Soc. de l'histoire de Part français*, janvier 1911, et *Gazette des beaux-arts*, avril 1911.

Roy (Maurice), *Artistes et monuments de la Renaissance en France. Recherches nouvelles et documents inédits*, Paris, 1929; chap. III: «Philibert de l'Orme, le château d'Anet et sa décoration».

Rouble (A. de), *Le Mariage de Jeanne d'Albret*, Paris, 1877.

Du même auteur. *La Cour des Enfants de France sous François I-er*, Paris, 1884.

Du même auteur, *Le Traité de Cateau-Cambrésis*, Paris, 1889.

Sauvai (Henry), *Histoire et recherches des antiquités de la Ville de Paris*, Paris, 1724.

Du même auteur, *Mémoires historiques secrets concernant les amour des rois de France*, Amsterdam-Paris, 1739.

Stein (H.), «Jean Goujon et la maison de Diane de Poitiers à Etampes», in *Ann. de la Soc. hist. et arch. du Gâtinais*, vol. VU, 1889, p; 4–17.

Tallone, «Il viaggio di Enrico II in Piemonte nel 1548», in *Bull. soc. bibliogr. subalp.*, 1900.

Terrasse (Charles), *François I. Le roi et le règne*, vol. I, Paris, 1945; vol. II, Paris, 1948; vol. III, Paris, 1970.

Du même auteur. *Le Château de Chenonceau*, Paris, 1928.

Thierry (Adrien), *Diane de Poitiers*, Paris-Genève, 1955.

Tyler (R.), *L'Empereur Charles Quint*, Paris, 1960.

Varenes (Jean-Charles), *Anne de Bourbon, roi de France*, Paris, 1978.

Varillas (Antoine), *Histoire de Henry second*, Paris, 1692.

Yates (F. A.), *The Valois Tapestries*, Londres. 2e éd., 1975.

Yturbe (Charles de), *Le Château d'Anet*, Paris, s.d.

Zemer (Henry), *L'Art de la Renaissance en France. L'invention du classicisme*, Paris, 1996.

notes

Примечания

Так мы рискнули назвать книгу И. Клуласа «Повседневная жизнь в замках Луары в эпоху Возрождения». М., 2001.

От немецкого «Eidgenossen» — «конфедерация».

Ср.: Père Anselme, «*Histoire généalogique et chronologique des pairs de France*», vol. II, Paris, 1726 p. 186, et André Du Chesne, «*Histoire généalogique des comptes de Valentinois et de Diois, seigneurs de Saint-Vallier, de Vadans et de La Ferté, de la maison de Poitiers, justifiée par titres, histoires et autres bonnes preuves*», Paris, 1628. (здесь и далее, кроме оговоренных случаев, комментарий автора).

На скалистом выступе над Шатонэф-де-Бордет (кантон Нион, Дром) еще сохранились кое-какие следы замка Пейтве. или Пуатье. По названию замка получили свое имя владевшие им сеньоры де Мирабель-о-Барони. Сведения об этом сообщил нам господин маркиз Андре д'Альбон, сумевший точно установить место, за что, пользуясь случаем, выражаем ему признательность. О происхождении замка см.: *marquis de Ripert-Monclar, «Cartulaire de la commanderie de Richerenches de l'ordre du Temple»* (1136–1216), Avignon-Paris, 1907, p. XXV–XLV. О самом месте расположения замка см.: Patrick Ollivier — Elliot et Claire Sénard, *«Les Baronnie»*, Avignon, 1986, p. 974; Jean-Noël Couriol. *«Histoire du département de La Drôme. Le temps des seigneurs»*, Beaufort-sur-Gervanne, 1995, p. 4–5.

См.: Père Anselme, ук. соч. В 1163 году граф Тулузский, маркиз Прованса, признал Гийома де Пуатье, племянника епископа Валанса Юсташа, графом де Валентинуа. Этот же титул был ему дарован в 1178 году императором Фридрихом I Барбароссой, отдавшим графу часть доходов от мостовых пошлин Валанса в Монтелимаре. Его сын Эймар I де Пуатье получил в 1189 году от графа Тулузского графство Диуа.

Эти крепости суть Этуаль, Монмейран, Юпи, Шатодубль, Шарпей и Гран в епархии Валанс; Крест, Понтэ, Сау и Кэн — в епархии Ди; Пузен, Бэ, Сент-Альбан, Прива, Турнон и Шалансон — в епископстве Вивье. Ср.: *Архивы департамента Дром*, Е 1555.

В ленной зависимости от Клерье находились Клавейсон, Меркюроль, Моншеню, Марж, Батарне, Мирибель и Ларнаж. В само баронство входило восемь приходов: Клерье. Сен-Барду, Марса, Вон, Шавани, Шано-Кюрсон, Шантемерль, Кроз и Бомон-Монте. Ср.: *Архивы департамента Дром*, E 1 и E 599.

О том, что касается других приобретений, сделанных Эймаром III в XIII веке, — Пизансона, Романа, Сен-Валье, потом Шатоннеф-де-Мазан и Вал, см: *Архивы департамента Дром*, E 608 и E 1536. Следует отметить, что Эймар III получил Сен-Валье в приданое от своей жены Ипполиты, дочери Гуго III, наместника Бургундии. Этот замок, расположенный у слияния Галоры и Роны рядом с обителью монахинь ордена Святого Августина, пребывал во владении младших отпрысков семьи, пока Эймар V не включил его снова в состав владений старшей ветви.

См.: A. Caise «*Histoire de Saint-Vallier*», s.d.4 E. Fayard, «*Notice historique sur Saint-Vallier*», Lyon et Paris, 1844; A. Lacroix, «*Etoile: origines et seigneurs*», in *Bull. Soc. archéol. et statist. de Drôme*, vol XXXIX, 1905, p. 439–448; A. Mailhet «*Histoire de la ville de Crest*», rééd. Avignon, 1982.

P. Anselme, ук. соч.; Jean Froissard, «*Œuvres*», ed. Kervyn de Lettenhove, vol. XXII, Bruxelles. 1875: рассказ о подвигах Людовика I, со славой погибшего в битве с англичанами при Абероше, а также о его братьях Эймаре и Гийоме, епископе Лотарингском. Эймар унаследовал своему отцу Людовику I и прославился в Дофинэ как военачальник. Он женился на сестре авиньонского папы Григория XI Алике Роже де Бофор. После смерти Эймара, оставшегося бездетным, трон перешел к его кузену Людовику II.

Передача обоих графств была ратифицирована в 1412 году, а затем вновь — в июне 1419 года в завещании Людовика II, сделавшего наследником дофина Карла, будущего короля Карла VII, каковой обязывался уплатить из оговоренной цены первую часть в размере 50 тысяч золотых экю. Но на день смерти Людовика II, 4 июля 1419 года, расчеты еще далеко не были завершены. что оправдывало просьбу о выкупе обоих графств наследниками, Карлом I, а потом и его сыном Людовиком III де Пуатье. Король в просьбе отказал, но предложил выплачивать Сен-Валье ежегодную ренту в размере 7 тысяч флоринов, поступления которой к 1427 году достигали 32 тысяч золотых экю. См.: A. du Chesne et P. Anselme, ук. соч. Процесс, возбужденный против Короны, продолжался с бесконечными перипетиями с 1404 до 1520 года: см. 40 реестров протоколов, сохранившихся в Архивах департамента Изер, фонды счетной палаты Дофинэ, В 22-В 63.

Людовик III де Пуатье, овдовев, женился на Поликсене Руффо, владелице Сериньяна в графстве Венессен. Она была дочерью Николы Руффо, маркиза Кротона в Калабрии, который, также овдовев, вступил в брак с Маргаритой, дочерью от первого брака Людовика III де Пуатье с Екатериной де Гриак. Маркиз, изгнанный из Неаполитанского королевства, таким образом, стал одновременно и зятем, и тестем Людовика III де Пуатье. Не имея сыновей, он передал дому Сен-Валье свой титул и права на далекий итальянский маркизат (P. Anselme et A. Du Chesne, ук. соч.).

11

Там же.

См.: B. de Mandrot «*Ymbert de Batarnay, seigneur du Bouchage, conseiller des rois Louis XI, Charles VIII, Louis XII et François I (1438–1523)*», Paris, 1886.

См.: А. Caise, «*Diane de Poitiers, dame de Saint-Voilier*», Valence, 1891. Старшая дочь Диана родилась 9 января 1500 года (дата, высеченная на ее усыпальнице в Ане), что касается места ее рождения, то оно точно неизвестно: возможно, это событие произошло в замке Сен-Валье.

О генеалогии дома де Брезе см.: P. Anselme — ук. соч., т. VIII, стр. 269–272; а также La Chenaye-des-Bois et Badier, «*Dictionnaire de la noblesse*», vol. VI, Paris, 1864.

Имя Brézé, сначала писавшееся как Brezé, дано по названию замка, расположенного в одиннадцати километрах к югу от Сомюра (Мэн-и-Луар) среди парка, виноградников и лесов. От этого владения находились в ленной зависимости еще несколько более мелких владений, причем одно из них, Ла Варенн, принадлежало младшей ветви, от которой произошел Пьер де Брезе. Ср.: Michel de Dreux-Brézé, «*Les Dreux-Brézé*», Paris, 1994, p. 177–178.

См.: G. du Fresne de Beaucourt, «Histoire de Charles VII», Paris, vol. III-VI, 1885–1891, Об операциях Пьера де Брезе в Нормандии и Англии ср.: A. Plaisse «*Robert de Flocques*», Evreux, 1984; а также статью «*Connaissance de l'Eure*», n° 96 (апрель 1995 г.).

См.: Нац. арх., J 421, ріесе 19. Впоследствии король сведет этот дар вассала суверену к предоставлению одного ловчего ястреба, и сделал он это по случаю женитьбы Жака де Брезе на Шарлотте Французской (там же, документ 236). История образования этого феода стала основой многочисленных претензий Короны на четыре данные сеньории до XVIII в.: см. Нац. арх., Q 210, документы Ане; R3 50, досье Ане, док. 2 et 3, копии королевских дарственных грамот.

G. du Fresne de Beaucourt, ук. соч.

P. M. Kendall «*Louis XI*», Paris, 1976, стр. 118–164.

Ср. рассказ об убийстве Шарлотты де Брезе и преследованиях ее супруга Жака в кн.: L. Douet d'Arcq «Procès criminel intenté contre Jacques de Brézé», в «*Bibl. Ecole des chartes*», vol. V, 2-e série, 1848–1849, стр. 211–239, Л. Мерле включил отрывки из нее в свой труд «*Mémoires de la Soc. archéol. d'Eure-et-Loir*», vol. I, 1857, стр. 159–166: «Meurtre de Charlotte de France, dame de Brézé, 1477».

См.: L. Douet d'Arcq, ук. ст., стр. 235–237, Нац. арх., R 3 50, копия патентных грамот Людовика XI (окт. 1481 г.), содержащих вердикт совета от 22 сентября 1481 г., приговоривший Жака де Брезе к уплате штрафа в 100 тысяч экю, и приказ об аресте с этой целью части его имущества.

Запись о Луи де Брезе см. в кн.: P. Anselme, ук. соч., т. VIII, стр. 714.

Екатерина де Дрё была дочерью Жана де Дрё, видама Нормандии, и Жилетты Пикар, дочери Луи Пикара, сеньора Этелана, Менильтота и Бург-Ашара, ленов, которые затем, через другую дочь, Луи, перешли к дому де Коссе-Бриссак: см.: А. Beaucousin «*Registre des fiefs et arrière-fiefs de bailliage de Caux en 1503*», 1891, стр. 190–191.

Р. М. Kendall, ук. соч., стр. 418–419; Y. Labande-Mailfert, «*Charles VIII et son milieu (1470–1498)*», Paris, 1975, стр. 28 и сл.

Один из первых актов Королевского совета в начале правления Карла VIII был посвящен отмене отчуждения графств Валентинуа и Диуа, которые Людовик XI ранее уступил папе Сиксту IV; ср.: Y. Labande-Mailfert, ук. соч., стр. 37, прим. 32.

Должность великого сенешаля Прованса, принадлежавшую Эймару де Пуатье с 1484 по 1494 год, по-видимому, оспаривал у него с 1491 года Франциск Люксембургский, виконт де Мартиг, губернатор Прованса (ср.: P. Anselme, т. II, стр. 204, а также статья в La Chenaye-des-Bois et Badier, ук. соч.).

В 1490 году король Карл VIII впервые надолго обосновался в Лионе, где находился в сопровождении герцога и герцогини Бурбон. Прибыл туда король 7 марта и встретился с бароном де Клерье, кузеном Эймара Сен-Валье, вернувшегося из Неаполя. Во время второй остановки в Лионе, случившейся 31 октября, в ходе Амбренского паломничества, монарх гостил у Имбера де Батарне. И снова он оказался в Лионе в середине ноября. За это время Карл VIII успел объехать всю Дофинэ и побывать в Романе на землях Сен-Валье. См.: Y. Labande-Mailfert, ук. соч., стр. 119 (где Клерье перепутан с Сен-Валье) и стр. 122 (визит к Батарне).

См.: B. de Mandrot, «*Ymbert de Batarnay, seigneur du Bouchage*», Paris, 1886.

Y. Labande-Mailfert, ук. соч., стр. 165 и 202.

I. Clouas, «*Charles VIII et le mirage italien*», Paris, 1986.

Y. Labande-Mailfert, ук. соч., стр. 271.

Там же, стр. 345.

Там же, стр 353.

Там же, стр. 467.

B. Quilliet, «*Louis XII*», Paris, 1986.

Там же, стр. 197 и сл.

Ср.: I. Cloulas, «Les Borgia», Paris, 1987, стр. 207–209. Текст королевских патентных грамот, датированных августом 1498 года, о передаче Цезарю Борджа графств Валентинуа и Диуа, и те, где Валентинуа возводится в ранг герцогства (октябрь 1498 года), изданы отцом Ансельмом, см.: P. Anselme, ук. соч., т. V, Париж, 1730, стр. 516 и сл. 22 октября 1498 года архиепископу Экса и трем другим посланцам был дан мандат принять владения Диуа и Валентинуа для передачи Цезарю Борджа (архивы замка д'Авож, община Сен-Ромэн-де-Попей, документ обнаружен г-ном д'Альбоном).

Ср. выше, прим. 9.

В. Quilliet, ук. соч., стр. 192.

Там же, стр. 207–212.

P. Anselme, ук. соч., т. II, стр. 205.

Там же, стр. 206: этими детьми были в порядке рождения: Филибер, умерший юным, Гийом, Диана, Анна и Франсуаза.

J. d'Orliac «*Diane de Poitiers*», Paris, 1930, стр. 124.

Ср.: M. Chombart de Lauwe, «*Anne de Beaujeu*», Paris, 1980; J.-Ch. Varennes, «*Anne de Bourbon, roi de France*», Paris, 1978. См. также биографию в «*Каталоге выставки Анны де Божё*», организованной М. Мера в помещении Хранилища архивов деп. Рона, 1986 г., равно как и документы национального коллоквиума «*Анна де Божё и ее тайны*», Вильфранш-ан-Божоле 28 мая 1983 г.

«*Les Enseignements d'Anne de France, duchesse de Bourbonnais et d'Auvergne à sa fille Suzanne de Bourbon*», изд-во Chazaud, Moulins, 1878;
Ср. также: J. Viple, «*Les enseignements d'Anne de France*», Moulins, 1935.

B. Quilliet, ук. соч., стр. 247.

A. Lebey, «*Le connétable de Bourbon, 1490–1527*», Paris, 1904.

P. Paris, «*Etudes sur François premier*», vol. II, Paris, 1885, chap. VII «Le connétable de Bourbon», стр. 10–14.

Там же, стр. 15, по произведению Ж. де Марийяка «Жизнь коннетабля де Бурбона», изд. 1605 г., фол. 244.

Ср.: A. Lebey, ук. соч., стр. 27–34.

Там же, стр. 36–40.

P. Anselme, ук. соч., т. II, стр. 205.

A. Lebey, ук. соч., стр. 43–4–4.

Там же, стр. 45.

Р. Paris, ук. соч., стр. 20–21. События и их подоплека описаны в основных биографиях Франциска I: Ch. Terrasse «*François I-er. Le roi et le règne*», Paris, 1945–1970; J. Jacquart, «*François I-er*», Paris, 1981; R. J. Knecht «*Renaissance Warrior and Patron: The Reign of Francis I*», Cambridge, 1994.

P. Anselme, ук. соч., т. II, стр. 207.

Упоминание о свадебных торжествах см. в кн.: «*Journal d'un bourgeois de Paris sous le règne de François I-er (1515–1536)*», ed. V. L. Bourrilly, Paris, 1910, стр. 8; А. Тьерри в своей книге «*Diane de Poitiers*», Paris-Genève, 1955, стр. 14, ссылаясь на записку лакея Маргариты Ангулемской, указывает, что Диана была «как на службе у матери короля, так и королевы Клотильды». В «*Письмах Луизы Савойской*», изданных в 1905 году А. Лефраном и Ж. Буланже, на стр. 8 есть упоминания о выплате Диане жалованья в размере 25 ливров, потом от 200 до 300 ливров в 1522 году.

P. Anselme, ук. соч., т. II, стр. 207. В гренобльских архивах сохранилось свидетельство о прохождении там войск под предводительством Сен-Валье (ср. цитату из кн. Ж. Д'Орлиака, ук. соч., стр. 43) 14 сентября 1515 года: «Обращение первого консула к графу Сен-Валье, каковой вел 10 тысяч человек в герцогство Миланское, во избежание беспорядков, что могли бы причинить его солдаты в Гренобле. Графу Сен-Валье будут подарены две бочки белого кларета [...]».

G. Guiffrey, «*Lettres inédites de Diane de Poitiers*», Paris, 1866, стр. 1–2.

См.: G. Décultot, «La seigneurie du Bec-Crespin», Fécamp, 1866. стр. 1–2.

Ch. Terrasse, «François I-er», ук. соч., т. I. стр. 124–125.

Р. Anselme, ук. соч., стр. 206. См. об этих празднествах: J. d'Orliac, ук. соч., стр. 43–44: 2 марта город Валанс передал в дар графу Сен-Валье вино и драже по случаю свадьбы его дочери Анны.

В ук. соч. д'Орлиака на стр. 50–51: письмо Луи де Брезе к Монморанси приводится по кн.: Н. de La Ferrière, «*Les chasses de François I-er racontées par Louis de Brézé*», Paris, 1869, а туда попало от Ms. Hohendorf 101 из Венской национальной библиотеки.

«Сударь мой де Рош-По!

С отъезда Вашего я получил от Вас две пары писем, и, уверяю Вас, они доставили мне величайшее удовольствие, чему суть две причины: во-первых, из-за огромного моего желания узнать, что у Вас нового и что Вы вполне благополучны; во-вторых, поскольку сим получил доказательство, что не забыт Вами. Касаемо же того, что я не писал Вам, сударь мой де Ла Рош, то молю Вас о прощении. Виною же тому — мое неотлучное пребывание тут с супругою, пока седмицы две назад не прибыл король. Тут уж, не сомневайтесь, настало время для пиров и иных развлечений, поелику явилось множество барышень прелюбезных и весьма красивых собой. Но, так как описание заняло бы не одну страницу, предоставляю Вам вообразить все сие самостоятельно. Отсюда мы поехали в Руан, где нас тоже встречали празднествами, а далее — в Мони и там взяли отличного оленя. Потом путь наш лежал в Авр-де-Грас, там наш повелитель провел ночь и потом осматривал свой большой корабль. На следующий день направили стопы в Бретань и уловили там еще одного оленя, да с такой, я Вам скажу, дивной головой! Не хуже тех, что каждый год я доставляю королю. Ну а потом вновь тронулись в Руан и три, а то и четыре дня провели в наилучших на свете забавах: что ни день — пиры и развлечения для дам, и, клянусь Вам, обхождение с нами было не хуже, чем в некоем памятном Вам месте. Оттуда наш сеньор направил стопы напрямиком в Сен-Жермен, а я — сюда, повидать хозяйку здешних мест, ведь уже так велико ее чрево, что, думаю, теперь ей носить уже недолго [...]».

«Супруга моя вверяет себя Вашему доброму расположению, а чрево ее уже столь раздалось, что, полагаю, разрешения ждать совсем скоро, ибо идет уж девятый месяц. А еще просила она

передать Вам, что первой уведомит Вас о возвращении к более изящным пропорциям, нежели в сей час, когда я молю Бога даровать Вам, месье де Ла Рош, все, чего бы Вы ни пожелали.

Писано в Ане, в январе [1518 г.]

Вашими всегда готовыми к услугам друзьями,

Брезе».

Ср.: Ch. Terrasse, ук. соч., стр. 128 и сл.; и G. Jacquart, ук. соч., стр. 112–113; Ph. Erlanger, «*Diane de Poitiers*», Paris, 1966, стр. 41–42.

Ch. Terrasse, ук. соч., стр. 130–132.

См.: P. Henry-Bordeau, «*Louise de Savoie, régente et „roi“ de France*», Paris, 1954, стр. 125: коннетабль показал «себя управителем высшего разряда», он привел в порядок укрепления Кремоны и Пиццигеттоне, затем принял в Милане 14 тысяч наемников швейцарского капитана Альберта де Ла Пьера. Императору Максимилиану пришлось отступить, оставив Брешию и Верону.

A. Lebey, ук. соч., стр. 84–87.

Там же, стр. 90–92; цитата принадлежит Марильяку, секретарю и биографу коннетабля.

Там же, стр. 92–93.

Там же, стр. 107–111.

P. Henry-Bordeau, ук. соч., стр. 186.

Там же, стр. 188.

Р. Paris, ук. соч., т. II, Париж, 1885. стр. 50–51. Насчет обмена подарками см.: F.-A. Mignet, «*La rivalité de François I-er et de Charles Quint*», Paris, 1875. vol. I, стр. 382–384.

P. Paris, ук. соч., стр. 84.

Документы судебного процесса хранятся в Национальном архиве, J 953–957. Анализ прений сторон см. в кн.: А. Lebeу, ук. соч., стр. 133–144.

Справки об этих кампаниях и последующих шагах Сен-Валье можно найти в работе Ж. Гиффри «*Procès criminel de Jehan de Poitiers, seigneur de Saint-Vallier*», Paris, 1867, стр. XXVII и сл., на основе французских рукописей из Национальной библиотеки Франции 2985, 2994, 2996. 3030, 3091; коллекция Клерамбо, т. XXXII и XXXIV. См. также манускрипты Дюпюи 484 и фр. рук. 3876, 18 450 и п.а. 7157.

G. Guiffrey, (1867) ук. соч. То же издание содержит документы процесса из фр. рук. 5109, среди которых фигурируют показания Сен-Валье о его отношениях с коннетаблем. См. также рук. Дюпюи 484.

Ф.-А. Мignet, ук. соч., стр. 385.

Там же, стр. 395.

Допрос Сен-Валье от 12 октября 1523 года: см. изд. Ж. Гиффри, (1867) ук. соч., стр. 320, по фр. рук. 5109. См. также этот текст во фр. рук. 18 450 в рук. Дюпюи 484.

Ср. рук. Дюпюи 484, показания Сен-Бонне от 24 сентября 1523 г., л. 43 v°; а также анализ показаний Сен-Валье от 23 октября 1523 года — там же, л. 207 и сл., и фр. рук. 5109, л. 173–176, изданные Ж. Гиффри (1867), ук. соч., стр. 62–76. См. также фр. рук. 18 450, л. 1–13. Анализ договора дан в кн. F.-A. Mignet, ук. соч., стр. 401–403.

Изд. G. Guiffrey, (1867) ук. соч., стр. 83–86, по фр. рук. 5109, л. 180; рук. Дюпюи 484, фр. рук. 18 450. Допрос Сен-Валье, ср.: F.-A. Mignet, ук. соч., стр. 405–106.

См. допросы и показания во фр. рук. 5109 и рук. Дюпюи 484 изд. G. Guiffrey, (1867) ук. соч. Пересказ — в кн.: F.-A. Mignet, ук. соч., стр. 405–406.

Показания Жака д'Аргужа и Жака де Матиньона см.: F.-A. Mignet, ук. соч., стр. 411–412, а также в изданных Ж. Гиффри текстах, ук. соч., стр. 6–16 по фр. рук. 5109. л. 2 и сл.

Письмо великого сенешаля Нормандии королю: рук. Дюпюи 484. л. 106–108, фр. рук. 5109, л. 92, и 18 450, изд. G. Guiffrey, (1867) ук. соч., стр. 1–5.

Показания Робера де Гроссона, посланного коннетаблем к королю.
Рук. Дюпюи 484, л. 79 v°. F.-A. Mignet, ук. соч., стр. 414.

Показания Перо де Варту. Рук. Дюпюи 484, т. 28 v°, F.-A. Mignet, ук. соч., стр. 415–417; G. Guiffrey, (1867) ук. соч., стр. LVII.

Ф.-А. Мignet, ук. соч., стр. 417.

Там же, стр. 419.

Там же.

Там же, стр. 420–421.

R. J. Knecht, ук. соч., стр. 208.

Источники этого рассказа см. в кн.: F.-A. Mignet, ук. соч., гл. V, «Вторжение во Францию в 1523 году».

Там же, стр. 480–483.

Документы процесса Сен-Валье содержатся в двух рукописях, хранящихся во Французской национальной библиотеке: рук. Дюпюи 484 и фр. рук. 5109. Ж. Гиффри привел документы из этой рукописи в своей работе «*Procès criminel de Jehan de Poitiers, seigneur de Saint-Vallier*», Paris, 1867. Можно также сверить в Национальных архивах показания, снятые в ходе процесса над коннетаблем: J 957 и сборники U* 785 и 823.

Рук. Дюпюи 484, л. 10–10 v°: фр. рук. 5109.

Рук. Дюпюи 484, л. 13–21.

Рук. Дюпюи 484, л. 23–24.

Рук. Дюпюи 484, л. 126 v°—161; фр. рук. 5109, л. 139. См. также л. 135
выписок из регистрационных книг парламента от 18 сентября 1523 года,
содержащий показания тулузских капитулов.

Рук. Дюпюи 484, л. 120 v°—121; фр. рук. 5109, л. 105.

Рук. Дюпюи 484, л. 121; фр. рук. 5109, л. 105.

Рук. Дюпюи 484, л. 120; фр. рук. 5109.

Рук. Дюпюи 484, л. 120 v°: фр. рук. 5109, л. 105.

Рук. Дюпюи 484, л. 118 v°—120; фр. рук. 5109.

Рук. Дюпюи 484, л. 120; фр. рук. 5109, л. 104.

Рук. Дюпюи 484, л. 118 v°; фр. рук. 5109, л. 103.

Рук. Дюпюи 484, л. 169 v°-178; фр. рук. 5109, л. 152 v°.

Рук. Дюпюи 484, л. 184, л. 45 v°.

Рук. Дюпюи 484, л. 206–208 v°; фр. рук. 5109, л. 168 v°.

Рук. Дюпюи 484, л. 208 v°-209; фр. рук. 5109, л. 173.

Рук. Дюпюи 484, л. 231 v°.

Рук. Дюпюи 484, л. 253.

Рук. Дюпюи 484, л. 254–296 v°.

Рук. Дюпюи 484, л. 307–315 v°; фр. рук. 5109, л. 266 и сл.

Рук. Дюпюи 484, л. 316; фр. рук. 5109, там же.

Рук. Дюпюи 484, л. 319; фр. рук. 5109, л. 273 v° и сл.

Рук. Дюпюи 484, л. 322 v°.

Ср., в частности, Ch. Terrasse, ук. соч., т. I, стр. 284–285.

Письма от Луи де Брезе к Анну де Монморанси, опубликованные Н. de La Ferrière, «*Les Chasses de François I-er racontées par Louis de Brézé*», Paris, 1869, от Ms. Hohendorf 101 из Венской национальной библиотеки; ср.: А. Thierry, ук. соч... и Ph. Erlanger, ук. соч., стр. 64–65.

Рук. Дюпюи 484, л. 355; фр. рук. 5109, л. 280.

«*Journal d'un bourgeois de Paris*», éd. V. L. Bourrilly, Paris, 1910, стр. 157–158. Церемония разжалования вызвала у Сен-Валье бурный протест. Лежа в постели и страдая жестокой лихорадкой, он выслушал приговор. «Король, — ответил он, — может отнять у меня орден Святого Михаила только на общем собрании в присутствии моих собратьев по ордену». Когда у него спросили, где находится его орденская цепь, вельможа ответил, что король прекрасно знает, где он ее потерял: на службе его величества. Он дважды отказывался от того, чтобы ему на шею повесили другую цепь — только для того, чтобы тотчас ее сорвать. После этого в его камеру доставили орудия пытки и стали настаивать на том, чтобы он сделал более подробные признания. Несчастный заявил, что отдает себя на волю двора, напомнил, что служил королю, за что и поплатился, горько сетуя при этом на то, что все друзья бросили его в беде. Ср.: F.-A. Mignet, ук. соч., по рук. Дюпюи 484, л. 345 v°; фр. рук. 5109, л. 286 и сл.

Рук. Дюпюи 484, л. 337 v°.

Рук. Дюпюи 484, л. 338–339; фр. рук. 5109, там же.

«*Journal d'un bourgeois de Paris*», ук. соч., стр. 158. Ср. также «*Chronique du roy François, premier de ce nom*», éd. G. Guiffrey, Paris, 1860, стр. 38.

«*Journal d'un bourgeois de Paris*», ук. соч., стр. 159.

Рук. Дюпюи 484, л. 340; фр. рук. 5109, л. 286.

Там же.

«*Journal d'un bourgeois de Paris*», ук. соч., стр. 160.

р. Anselme, ук. соч., т. II, стр. 205–206.

«*Journal d'un bourgeois de Paris*», ук. соч., стр. 159–160.

Е. Pasquier, «*Les recherches de la France*», Paris, 1621, кн. VII, стр. 825.
Ср. комментарии F.-A. Mignet. ук. соч., т. I, стр. 493 n° 2.

См. цитаты, приводимые G. Guiffrey, (1867) ук. соч., стр. XV–XXI.

Brantôme (P. de Bourdelle, seigneur de), «*Recueil des dames, poésies et tombeaux*», II, I, éd. E. Vaucheret, Paris, 1991, стр. 302.

Н. Sauvai, «*Histoire et recherches des antiquités de la Ville de Paris*», Paris, 1724. См.: G. Guiffrey, (1867) укр. соч., стр. XV.

F. de Beliefferest, «*Les chroniques et annales de France sous le règne de François II*», Paris, 1627, vol. II, стр. 1435 v°.

L. Régnier de La Planche, «*Histoire de l'état de la France sous le règne de François II*», Paris, 1836.

Fr. de Mézeray, «*Histoire de France*», Paris, 1643, нов. изд. 1830, vol. II, стр. 437 и 602; «*Abrégé chronologique*», Amsterdam, 1755, vol. VII, стр. 329.

См. анализ этих вариантов изложения истории в кн.: G. Guiffrey, (1867) ук. соч., стр. XV–XXI; а также в кн.: M. de Lescure, «*Les amours de François I-er*», Paris, 1865, стр. 221–242.

J. Michelet, «*Histoire de France*», vol. VII, «*XVI siècle. La Réforme*», Paris, 1867, стр. 159.

Письма Франсуазы де Шатобриан были опубликованы Эме Шамполион-Фижакком, «*Poésies du roi François I-er...*», Paris, 1847, и приписаны Диане Людовиком Лаланном, «*Journal d'un bourgeois de Paris sous François I-er*», Paris, 1854, стр. 467. О свидетельских показаниях итальянцев ср.: L. Contarini, «*Ralazione di Francia*», в кн.: E. Alberi, «*Relazioni degli ambasciatori veneti al Senate durante il secolo decimosesto*», série I, vol. IV, Florence, 1860, стр. 77–78.

Ф.-А. Мignet, ук. соч., стр. 494.

Французская национальная библиотека, фр. рук. 3876, л. 276.

«*Journal d'un bourgeois de Paris*», ук. соч., стр. 161.

Ср., в частности, в том, что касается изложения событий, вышеук. труды Р. Ж. Кнехта, Ж. Жакара и Ш. Террасса.

Ср.: Р. Henry-Bordeau, ук. соч., стр. 235, и А. Thierry, ук. соч., стр. 14.

Ср.: J. Jacquart, «Bayard», Paris, 1987, стр. 310.

Свидетельство Николя Версори, приведенное Ш. Террассом, ук. соч., т. I, стр. 292–293.

См. биографии Франциска I.

P. Henry-Bordeau, ук. соч., стр. 319.

Ср.: I. Cloulas, «Henry II», Paris, 1975, стр. 33–35, в том, что касается описания образа жизни маленьких принцев.

J. d'Orliac, ук. соч., стр. 78–79, в соответствии с решениями муниципалитета г. Руана.

Ср.: J. Jacquart, ук. соч.

Там же. См. также Р. Henry-Bordeau, ук. соч., стр. 286–300.

J. d'Orliac, ук. соч., стр. 80.

См. текст Мадридского договора от 14 января 1526 года в кн.: J. Du Mont, «*Corps universel diplomatique du droit des gens*», 1 partie, Amsterdam-La Haie, 1726, vol. IV, стр. 399–410; в статье XXVII приведены реституции и компенсации, которые причитались Шарлю Бурбону, а в статье XXVIII — те, что причитались его сообщникам.

Ср.: J. Du Mont, *Traité de Madrid*, éd. cit., art. V, стр. 401.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 38 и сл.

См. биографии Франциска I и Франсуазы де Шатобриан; M. de Lescure, ук. соч., стр. 126–214.

Там же, стр. 243–291; E. Desgardins, «*Anne de Pisselieu, duchesse d'Etampes, et François I-er*», 1904, «*Œuvres*» de Clément Marot, vol. III, La Haye, 1731, стр. 218.

Существовавшая якобы любовная связь Клемана Маро с Дианой, их ссора и преследования поэта были детально описаны в предисловии к изданию «*Œuvres*» Клемана Маро, ук. соч., т. I. Поэт якобы называл ее то Дианой, то Луной, а в конце концов заклеил прозвищем «Изабо непостоянной». «Новогодние подарки» 1537 года (1538 год по новому стилю) придворным дамам приводятся в т. III этого издания на стр. 206 и сл.

См.: L. Dimier, «*Histoire de peinture de portrait en France au XVI siècle*», Paris et Bruxelles, vol. I, 1924, стр. 11–13.

Вынесению данного приговора предшествовали два заседания парламента с участием короля 24 и 27 июля 1527 года. Он последовал за казнью 12 августа в Монфоконе сюринтенданта Жака де Бом де Самблансе, признанного виновным в хищении денежных средств из государственной казны, ср.: Ch. Terrasse, ук. соч., т. II, стр. 62–71.

Ср.: Н. de La Ferrière. ук. соч., переписка между Луи де Брезе и Анном де Монморанси.

J. Du Mont, ук. соч., т. IV, ч. 2, стр. 7–42, «Договор о мире и дружбе... заключенный в Камбре 5 августа 1529 года» и последовавшие за ним тексты регистрации и ратификации, см. в частности, ст. XXXV и XXXVI, стр. 13–14.

Там же.

Р. Anselme, ук. соч., т. II, стр. 206.

Там же.

Там же, см. выше гл. IV.

F. Decrue, «*Anne de Montmorency*», vol. I, Paris, 1885; chap. III: «La délivrance des Enfants de France».

Ср.: R. J. Knecht, ук. соч., стр. 289–290.

Ср.: Ch. Terrasse, ук. соч., т. II, стр. 145; P. Henry-Bordeau, ук. соч., стр. 409; детали коронования см. в «*Cérémonial français*», vol I, стр. 487, а въезда в Париж на стр. 494; донесение, отправленное Франсисом Брианом королю Генриху VIII см. в: R. J. Knecht, ук. соч., стр. 289.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч... стр. 65. «Раздетой, — писал Брантом, — она казалась великаншей, таким высоким и крупным было ее тело; однако стоило ей наклониться, и она уже походила на карлицу, столь короткими были ее бедра и икры по сравнению со всем остальным». Ср.: «*Recueil des dames*», ук. соч., т. II, стр. 415–416.

«*Chronique du roy François, premier de ce nom*», ук. соч., Paris, 1860,
стр. 86–91.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 63–65.

Там же, стр. 71.

Легенда о том, что Франциск I поручил чувственное воспитание своего сына заботам Дианы, впервые появилась у Ле Лабурера в комментариях к «Мемуарам» Кастильно, т. I, стр. 270: «Говорят, что король Франциск I, бывший в свое время первым любовником Дианы де Пуатье, выразил однажды в ее присутствии неудовольствие тем, что находил принца Генриха недостаточно живым, на что дама отвечала, что надобно сделать так, чтобы принц влюбился, и заявила, что готова сделать его своим кавалером».

I. Clouas, «*Catherine de Médicis*», Paris, 1979, стр. 47.

Послание было доставлено ему адвокатом Котелем: оригинал сохранился в Национальном архиве, L 357, 93, 26 июня 1531 года.

На его надгробии в Руанском соборе начертана дата: «воскресенье 20 июля», а Диана в распоряжении об отпевании супруга указала, что тот скончался 21 июля. Тем не менее в 1531 году воскресенье пришлось на 23 июля, каковая дата и указана как день его смерти в предписании Франциска I, направленном казначею для выплаты остатка денежного довольствия, которое Корона еще оставалась должна де Брезе. Ср.: A. Deville, «*Tombeaux de la cathédrale de Rouen*», Paris, 1881, стр. 92; и «*Catalogue des actes de François I-er*», Paris, 1887–1910, vol. VII, стр. 667, n° 28 148.

Ср.: J. d'Orliac, ук. соч., стр. 98–101.

P. Henry-Bordeau, ук. соч., стр. 412–419.

«*Catalogue des actes de François I-er*», ук. соч., т. VII, стр. 667. n° 28
148: Национальные архивы J 960, n° 76.

12 января 1539 года король добился утверждения Парижской счетной палатой выплаты в размере 10 тысяч ливров, произведенной сборщиком из Лизье Диане де Пуатье; там же, т. III, стр. 677, n° 10 611; оригинал предписания хранится во Французской национальной библиотеке, рук. Клерамбо 959, стр. 141.

G. Guiffrey [1866], ук. соч., стр. 4–6: квитанция датирована 29 апреля 1534 года.

«*Catalogue des actes de François I-er*», ук. соч., т. II, стр. 71, n° 4201.
Акт составлен в Фонтенбло 1 августа 1531 года.

Там же, т. VII, стр. 452, n° 25 647; письма датированы 1531 годом: Венская национальная библиотека, 6979, т. 175 V°; и Французская национальная библиотека, фр. рук. 5503, т. 121–122. Краткое изложение операции см. также в патентных письмах Генриха II от 4 апреля 1554 года, в R'50, досье Ане, общие сведения.

L. Dimier, ук. соч., т. I, стр. 55 и табл. 17.

Ch. Terrasse, ук. соч., т. II, стр. 154 и сл.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 76–78.

См. акты, подписанные в Мони, в «*Catalogue des actes de François I-er*», ук. соч., т. II.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 79.

Там же, стр. 89.

Там же, стр. 84: рассказ о церемониях в Марселе. О родственных узлах новых кардиналов, F. Desrie, ук. соч., т. I, стр. 214.

R. J. Knecht, ук. соч., стр. 302–303.

Там же, стр. 313 и сл.

Е. Desgardins, ук. соч.; Р. Paris, ук. соч., т. II, Париж, 1885: гл. VIII «La duchesse d'Etampes».

О дипломатической деятельности Монморанси см.: F. Decrue, ук. соч., стр. 220 и сл.; о связях с крупнейшими родовыми кланами см.: В. Bedos-Rezak, «*Anne de Montmorency, seigneur de la Renaissance*», Paris, 1990.

R. J. Knecht, ук. соч., стр. 321–328.

Там же.

Об операциях и участии в них Монморанси ср.: F. Desque, ук. соч., т. I; кн. III, «*Les Campagnes du grand-maître (1536–1537)*», стр. 253 и сл.

I. Cloulas, «*Henry 11*», ук. соч., стр. 91–92.

Беглецы (*ит. устар.*) — *Прим. пер.*

Там же, стр. 93–94.

Ф. Десгюе, ук. соч., т. I, стр. 312 и сл.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 95–96.

Там же, стр. 96.

Там же, стр. 96–97. О Филиппе ст. «Philippe Desducs, mère de Diane de France», ст. I. Ребай и Сl. Трокет в «*Bibl. Ecole des chartes*», vol. CXLVIII (1990), стр. 151–160.

Ф. Дестье, ук. соч., т. I, стр. 332–334.

Там же, стр. 337 и сл.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 98; I. Pebay и Cl. Troquet, в ук. статье датой рождения Дианы Французской называют 25 июля 1538 года. После пребывания в монастыре ее мать удалилась в Турень, где, находясь на королевском содержании, начиная с 1545 года владела небольшим поместьем близ Сивре. К 1582 году она стала фрейлиной Екатерины Медичи и скончалась до 1589 года.

I. Clouas, «*Catherine de Médicis*», ук. соч., стр. 66–67.

Максим де Мон-Пон в своем произведении «*Essais historiques sur la ville d'Etampes*», Etampes-Paris, 1836, приводит на стр. 75 «образчик поэтического таланта» Дианы, который может быть и произведением придворного поэта, содержащим, по его мнению, упоминание о «падении дофина в тенета, которые она расставила молодому человеку, презрев бережное отношение к его возрасту и неопытности»:

*В один поистине прекрасный день
Явился мне Амур вручить цветок прелестный.
«Вот, — он изрек, — румянец для ланит».
И тот же час фиалки и нарциссы
Просыпались, укрыв меня, как шаль,
А сердце замерло, исполнясь томной неги,
Ведь тот цветок, поверите иль нет,
Был отроком и нежным и невинным.
Вострепетав и отведя глаза,
«Нет-нет!» — вскричала я.
«Вы своего не ведаете счастья», — мне возразил Амур.
И вдруг перед очами предстал роскошный лавр.
«О, мудрость обрести дорожке королевства», —
Так говорила я, в смятенье трепеща.
Увы, не в силах устоять была Диана.
И вы поймете без труда, о дне каком шла речь.*

G. Guiffrey [1866], ук. соч., стр. 228.

См. указанные выше биографии Екатерины Медичи, Генриха II и Анны д'Этамп.

G. Guiffrey [1866], ук. соч., стр. LV–LVL.

F. de Mézeray, «*Histoire de France*», vol. II, Paris, 1646, стр. 602–603:
изд. 1830 г. т. IX, стр. 4–5.

Clément Marot, «*Œuvres*», éd. de La Haye, 1731, vol. III, стр. 210, Этрени XVIII к мадам д'Этамп.

Там же, стр. 212–213. Этрени XVIII к мадам супруге великого сенешаля.

G. Guiffrey [1866], ук. соч., стр. 227.

«*Relations des ambassadeurs vénitiens sur les affaires de France au XVI siècle*», изд. и пер. N. Томмасео (колл. «Documents inédits sur l'histoire de France»), vol. I, Paris, 1838, стр. 286–287.

«*Le relazioni degli ambasciatori veneti al Senato [...]*», ук. соч., стр. 47–48.

221

См. перечисление этих лекарств у J. d'Orliac, ук. соч., стр. 131.

О дипломатических переговорах см. биографии Франциска I, написанные Ж. Жакаром и Р. Ж. Кнехтом.

Cp.: Günter Bers, «Wilhelm Herzog von Kleve-Jülich-Berg 1516–1592»,
Cologne, 1970.

Ср.: Stephen Leroy, «*Notice armoriale et généalogique sur la maison de Bouillon-La-Tour*», Sedan, 1896, стр. 22–23: свадьба Франсуазы де Брезе и Робера IV де Ла Марка была отпразднована 19 января 1538 года (1539 год по новому стилю).

Ср.: «*Correspondance des nonces en France Carpi et Ferrerio, 1535–1540*», изд. J. Lestocquoy, Rome-Paris, 1961, стр. 441.

Ch. Terrasse, ук. соч., т. III, стр. 19–20.

Там же.

Там же, стр. 26–33.

Там же, стр. 37–38.

Ср. текст завещания Жана де Пуатье в кн: G. Guiffrey [1867], ук. соч., стр. 172–191: перечисление всех наследников и благотворительных пожертвований. Помимо того, что Диана, в случае смерти своего брата Гийома, наследовала все его имущество, за ней признали также права на приданое, указанное в ее брачном контракте, а также на иное имущество, отошедшее ей, в частности, на сеньорию д'Арси-сюр-Об.

Р. Anselme, ук. соч., т. II, стр. 207.

Сделка будет совершена только 27 апреля 1546 года: ср. G. Guiffrey [1867], ук. соч., стр. 177–178, п. 2.

См. рассказ о путешествии через королевство в кн.: Ch. Terrasse, ук. соч., т. III, стр. 39–47.

Там же, стр. 48–55: подробное описание празднеств и посещений столицы.

Там же, стр. 59–63: С. Brandi, «*Charles Quint, 1500–1558*», Paris, 1939, стр. 424 и сл.: наказание Гента и новые решения императора.

По «*Catalogue des actes de François I-er*», ук. соч., король находился в Ане 5 и 6 марта, затем 17 и 18 июля 1540 года, а также в лесу Бротонн, в Ла Майере и в королевском замке Ватвилле — в июле, затем с 26 августа по 1 сентября 1540 года — в Мони.

Анализ у Ch. Terrasse, ук. соч., стр. 63–67.

См.: R. J. Knecht, ук. соч., стр. 388 и 396; J. Jacquart, ук. соч., стр. 336; A. de Rouble, «*Le mariage de Jeanne d'Albret*», Paris, 1877; N. I. Roelker, «*Jeanne d'Albret, reine de Navarre*», Paris, 1979, стр. 43 и сл.

Ch. Terrasse, ук. соч., стр. 67 и сл.

Французская национальная библиотека, фр. рук. 13 762, послание, адресованное супруге великого сенешаля, предшествующее *«l'Apocalypse contenant les faits héroïques et mort catholique du très chrétien roi François et le très heureux commencement du règne du très chrétien roi Henry»*.

Ch. Terrasse, ук. соч., стр. 70.

О немилости Монморанси см.: F. Desque, ук. соч., т. I, стр. 382 и сл.

Письмо нунция Иеронимо Дандино кардиналу Фарнезе, Фонтенбло, 10 января 1541 года, изд. Ж. Летокуа, «Correspondance des nonces en France Capodiferro, Dandino et Guidiccione, 1541–1546», Rome et Paris, 1963, стр. 5–26.

Там же, стр. 57.

Ch. Terrasse, ук. соч., стр. 78–79.

N. I. Roelker, ук. соч.

Ch. Terrasse, ук. соч., стр. 84–87.

Cl. Marot, «*Œuvres*», éd. de La Haye, 1731, vol. III, Epigramme XXI, стр. 17–18.

Ср.: J.-Y. Mariotte, «François I-er et la Ligue de Smalkalde», в *Revue suisse d'histoire*, vol. XVI (1966), стр. 216–221.

Cp.: L. von Pastor, «Histoire des papes», vol. XI et XII, Paris, 1925–1929.

Ch. Terrasse, ук. соч., стр. 87–89.

Там же, стр. 89–94.

Там же, стр. 95–98.

R. J. Knecht, ук. соч., стр. 513–516.

См. цитаты из донесений венецианских послов при французском дворе в эпоху правления Франциска I и Генриха II, приведенные А. Баше в своей книге «*La Diplomatie vénitienne. Les princes de l'Europe au XVI siècle [...]*», Paris, 1862. Мы же более широко использовали следующие публикации:

• «*Les Relations des ambassadeurs vénitiens sur les affaires de France au XVI siècle*», ук. соч., которое касается следующих донесений:

1535 год, Марин Джюстиниан;

1537 год, Франческо Джюстиниан;

1546 год, Марин Кавалли;

1554 год, Джованни Капелло.

• «*Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato durante il secolo decimosesto*», ed. E. Albert:

Relazioni — Série I, vol, I, Florence, 1839:

1535 год, Джюстиниано Марино (так же и у Томмассео);

1538 год, Джюстиниано Франческо (так же и у Томмассео);

1546 год, Кавалли Марино (так же и у Томмассео);

Relazioni — Série I, vol, II, Florence, 1840:

1547 год, Дандоло Маттео;

1554 год, Капелло Джованни (так же и у Томмассео);

1558 год, Соранцо Джованни.

Relazioni — Série I, vol, III, Florence, 1853:

1561 год, Джованни Микиель.

Relazioni — Série I, vol, IV, Florence, 1860:

1542 год, Дандоло Маттео;

1551 год, Контарини Лоренцо.

Этот сборник содержит далее донесения за период с 1562 по 1600 год.

J. Jacquart, ук. соч., стр. 341 и сл.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 115.

Там же, стр. 116–117.

R. J. Knecht, ук. соч., стр. 480–483.

Там же. стр. 483–487.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 118.

R. J. Knecht, ук. соч., стр. 487–489.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 118–120.

Письмо нунция Иеронимо Дандино, «*Correspondance des nonces en France [...]*», ук. соч., стр. 249.

Там же, стр. 317–320: письмо написано в Фонтенбло 20 января 1544 года.

Ch. Terrasse, ук. соч., стр. 121.

Там же, стр. 122–125.

Там же, стр. 125–131: третье нашествие империи под предводительством Карла V в союзе с Генрихом VIII Английским и осада Сен-Дизье, ср. также J. Jacquart, ук. соч., стр. 345–346; R. J. Knecht, ук. соч., стр. 490–493.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 121.

Ch. Terrasse, ук. соч., стр. 129–130.

Там же, стр. 131–134; J. Jacquart, ук. соч., стр. 346–347; R. J. Knecht, ук. соч., стр. 493–494.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч... стр. 122.

Там же, стр. 123. Цитаты из донесений посла Феррары Альваротто см. у А. Thierry, ук. соч., стр. 43, взятые из Archivio di stato di Modena. Dispacci dalla Francia, В° 43.

Cp.: Jacques Dubois d'Amiens, dit Sylvius, *Livre de la génération de l'homme. Livre d'Hyppocrate de la géniture de l'homme. Livre de la nature et utilité des mois des femmes et de la curation des maladies qui en surviennent*, mis en français par Maître Guillaume Chrestian, traité en trois parties, Paris, 1559.

I. Clouas, «*Catherine de Médicis*», ук. соч.; и «*Henry II*», ук. соч., стр. 123.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 124.

E. Bourciez, «Les mœurs polies et la littérature de cour sous Henry II», Paris, 1886, стр. 26–27.

R. J. Knecht, ук. соч., стр. 501–503; Ch. Terrasse, ук. соч., стр. 134–138.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 124–126.

Там же.

Там же, стр. 126–127, и Ch. Terrasse, ук. соч., стр. 138–139.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 127–128. О последних моментах царствования см. депеши Жана де Сен-Мориса, посла Карла V при французском дворе, сохранившиеся в Генеральных архивах Бельгии, переговоры во Франции, статья Ш. Пайяра «*La mort de François I-er et les premiers temps du règne de Henry II. d'après les dépêches de Jean de Saint-Mauris (avril-juin 1547)*» в *Revue historique*, 2-e année, vol. V (1877), стр. 84–120.

См.: R. de Bouille, «*Histoire des ducs de Guise*», vol. I, Paris, 1849; H. Forneron, «*Les Ducs de Guise et leur époque*», vol. I, Paris, 1877; J.-M. Constant, «*Les Guises*», Paris, 1984.

Ch. Terrasse, ук. соч., стр. 146–147; P. de Brantôme, *Œuvres complètes*, éd. L. Lalanne, vol. III, Paris, 1867, стр. 220.

Там же, стр. 289; Ph. Erlanger, ук. соч., стр. 186–187; I. Clouas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 147–148.

Этот анекдот, пересказанный в «Мемуарах» Франсуа де Сепо, сира де Вьейвиль, маршала Франции, изд. Мишо и Пужула, т. IX, 1838, гл. XXIV и XXV, стр. 22–23, подтверждается письмами де Сен-Мориса и Жана дю Белле.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 128.

Relations N. Tommaseo, vol. I, et «*Relazioni [E]*», E. Alberi, série I, vol. I.
См. выше примечание 1 части II главы III.

Насмерть (*лат.*). — *Прим. пер.*

См. письма Дианы к Жану д'Юмьеру, опубликованные в кн. G. Guiffrey [1866]. у к. соч.

Ср.: A. Thierry, ук. соч., стр. 76–79.

G. Guiffrey [1866], ук. соч., в частности, стр. 15 и 116. Об окружении Екатерины ср. I. Clouas, «*Catherine de Médicis, passim*».

«Вежливый Джироне» (ит.). — Прим. пер.

См. рассказ о последних моментах жизни Франциска I в кн. Ch. Terrasse, ук. соч., стр. 146 и сл. Ср. также Ch. Paillard, ук. ст.

Ch. Terrasse, ук. соч., стр. 236 и сл.

Об этой дворцовой революции ср. I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 139 и сл.

Claude de L'Aubespine, «*Histoire particulière de la cour du Roy Henry II*», Paris, 1835, Archives curieuses de l'histoire de France, éd. Cimber et Danjou, I série, vol. III. Иногда этот труд приписывают Жану де Монтьеру, сирю дю Фрэссу.

«*Mémoires de G. de Sauls, seigneur de Tavannes*»: см. издание Petitot, «*Collection complète des mémoires...*», vol. XXIII–XXV, Paris, 1822, éd. Bouchon, «*Choix de chroniques et mémoires*», Paris, 1836; éd. Michaud, «*Nouvelle collection des mémoires*», vol. VIII, Paris, 1838.

R. J. Knecht, ук. соч., стр. 344 и сл. Об увеличении размера тальи см. там же, стр. 30.

См.: «*Catalogue des actes de Henry II*», vol. I (31 mars-31 décembre 1547), Paris, 1979, Ср. также депеши Жана де Сен-Мориса, изданные Ш. Пайяром. ук. ст., стр. 100–120.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 142–143.

Ср.: G. Bapst, «*Histoire des joyaux de la Couronne de France d'après des documents inédits*», Paris, 1889, гл. II, стр. 45–4–6.

Национальный архив Mémoires de la Chambre des comptes SS, n° 234. Представляется, что Анна де Писселье временно оставила за собой землю Бейн, которая затем перейдет к Диане. В 1559 году герцогство д'Этамп отойдет к Короне, однако Жан де Бросс, супруг Анны де Писселье, получит его обратно в 1562 году и сохранит до своей смерти в 1564 году: ср.: M. de Mont-Rond, ук. соч., 1836. О резиденции, выстроенной Дианой в 1554 году в Этампе, ср.: A. Stein, «Jean Goujon et la maison de Diane de Poitiers à Etampes», в *Ann. de la Soc. hist, et Arch, du Gârinais*, vol. VII, 1889, стр. 5–17.

См.: «*Catalogue des actes de Henry II*», ук. соч., т. I. стр. 148: Ане, 19 июня 1547 года, даруются Диане де Пуатье, вдове Луи де Брезе, графа де Малеврие, губернатора Нормандии, доходы от сеньорий Ножан-ле-Руа, Ане, Бреваль и Моншове, причитающиеся, начиная с момента общего аннулирования отчуждений, имевших место в 1532 году, и вплоть до вынесения решения по данному процессу. Процесс завершится 21 января 1553 года вынесением решения в пользу Дианы. Ср. Национальный архив XI A 1574, fol. 208 v°, а также Французская национальная библиотека, нов. приобр. фр. 82 93, fol. 416 v°.

См.: Национальный архив Mémoires de la Chambre des comptes de Paris, RR fol. 134 v°; P 2309, стр. 165; P 2538, fol. 158 v°; даруются Диане де Пуатье, герцогине де Валентинуа, пошлины за подтверждение должностных назначений, налоги, комиссионные отчисления, преимущественные кредиторские права городов, населенных пунктов и общин, оцениваемые в 194 тысячи экю.

F. Rabelais, «*La vie très horrible du grand Gargantua*», livre premier, chap. XVII (Ф. Рабле «*Повесть об ужасающей жизни великого Гаргантюа*», книга первая, глава XVII): «И был он вынужден усесться на башни собора Богоматери. [...] Совершив сие, Гаргантюа стал рассматривать громадные колокола, висевшие на башнях собора, и весьма гармонично в них зазвонил. Когда он звонил, то ему пришло на мысль, что они отлично могли бы служить колокольчиками на шее его кобылы, которую он собирался отправить обратно к отцу с большим грузом сыра бри и свежих сельдей. И действительно, он унес их к себе» (éd. de Paris, 1835, стр. 20–21) (пер. В. А. Пяста. изд-во «Правда», 1956. — *Прим. пер.*).

Французская национальная библиотека, фр. рук. 23 902 и 23 905; Нов. пост. фр. 20 029. По свидетельству венецианского посла Жана Капелло, общая сумма сборов пополнила Сберегательную казну на 1 миллион 300 тысяч экю. О процедуре взимания налога ср.: А. Plaisse, «La taxe des clochers dans le diocèse d'Evreux en 1552», в «*Connaissance de l'Eure*», 1996.

Французская национальная библиотека, фр. рук. 5128: многочисленные дары, сделанные как в пользу самой Дианы, так и по ее рекомендациям. См.: «*Catalogue des actes de Henry II*», ук. соч., т. IV (готовится к выходу в изд-ве М. Н. Бодуэн-Матушек).

«*Catalogue des actes de Henry II*», ук. соч., т. I. стр. 170 и 176:3 июля 1547 года Диана принесла присягу канцлеру Франции от имени сеньорий и округов Шенонсо и Уд, находившихся в ленной зависимости от замка Амбуаз. Ср. abbé C. Chevalier, «*Histoire de Chenonceau [...] d'après les archives du château et les autre sources historiques*», Lyon, 1868, chap. XIV: «Henry II et Diane de Poitiers, 1574», стр. 199–218; et chap. XV: «Diane de Poitiers et Antoine Bohier, 1550–1556», стр. 219–238.

Ср.: J.-M. Constant, ук. соч., стр. 22 и сл.; Н. Forneron, «*Les Dusc de Guise et leur époque*», ук. соч., т. I, 1877, стр. 95–99; а также о взаимоотношениях Дианы с Гизами: А. Thierry «*Diane de Poitiers*», ук. соч., стр. 56–57. Следует отметить также милость, оказанную Рене де Батарне, мессиру де Бушажу, кузену Дианы, которому выплатили сумму в размере 42 тысячи 939 ливров, которую ему задолжал Франциск I: ср.: «*Catalogue des actes de Henry II*», ук. соч., т. I, стр. 84, 20 мая 1547 года.

311

Ср.: о деятельности этого казначея Ссудных касс, «*Catalogue des actes de Henry II*», ук. соч., т. I.

«*Catalogue des actes d'Henry II*», ук. соч., т. I (1547), стр. 74, 19 мая: запрещение одеваться в сукно, бархат, атлас, золотую и серебряную парчу, позументы и вышивку под угрозой штрафа в 1 тысячу экю или конфискации одежды.

I. Clouas, «*Catherine de Médicis*», ук. соч., «*Henry II*», ук. соч.

«*Catalogue des actes d'Henry II*», ук. соч., т. I (1547), стр. 6, 5 апреля: королевский указ против богохульников; стр. 24, 17 апреля: постановление о выделении откупщику парижской тюрьмы Гран Шатле 300 ливров для предоставления крова беднякам, которые не смогут сами уплатить за собственное проживание; 19 апреля: письма, дающие право ордену Троицы на прием религиозных пожертвований и на выкуп пленных; стр. 189, 9 июля: предписание купеческому старшине и эшевенам Парижа об организации общественных работ для задействия дееспособной бедноты, а также о предоставлении крова больным нищим при условии запрета оным впредь попрошайничать; стр. 223, июль: эдикт о смертной казни за убийство.

«*Catalogue des actes d'Henry II*», ук. соч., т. I (1547), стр. 271, август, эдикт в пояснение эдикта от августа 1546 года.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 149.

Ch. Bataillard, «Du duel considéré sous le rapport de la morale, de l'histoire, de la législation [...] suivi du combat et duel des seigneurs de la Chasteneraie et de Jarnac, raconté par M. Scipion Dupleix», 1829, стр. 92–94. Ср.: «*Catalogue des actes d'Henry II*», ук. соч., т. 1 (1547), стр. 137, 11 июня. Патентные письма, дающие разрешение Франсуа де Вивонну и Ги Шабо де Жарнаку сразиться на ристалище с целью выяснения вопроса чести.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 150.

«*Relazione di Francia dell' ambasciatore Matteo Dandolo*», 17 декабря 1547 года, изд. в «*Relazioni [...]*», E. Alberi, ук. соч., série I, vol. II, Florence, 1840, стр. 159–191; портрет короля стр. 170–171.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 152–154.

«Донеже не станет полным кругом» (лат.). — *Прим. пер.*

Henri de Valois — Honneur, Espérance, Noblesse, Renommée, Justice, Diligence, Equité, Vérité, Amour, Libéralité, Obéissance. Intelligence, Sagesse.
— *Прим. пер.*

Там же, стр. 154.

Там же, стр. 154–157.

Ср. цитаты Альваротто, приведенные в кн.: А. Thierry, ук. соч., стр. 46, по Archivio di stato de Modène, *Dispacci dalla Francia*, busta 43.

Ср.: Ch. Paillard, ук. ст., *Revue historique*, 2 année, vol. V (1877), стр. 110
и сл.

Там же, стр. 113.

A. Thierry, ук. соч., стр. 55.

329

Там же.

Brantôme, «*Œuvres complètes*», ук. соч., т. II, стр. 244–264.

Там же, т. III, стр. 342–344.

Brantôme, «*Recueil des dames, poésies et tombeaux*», ук. соч., стр. 423–424.

Там же, стр. 555–556.

G. Guiffrey [1866], ук. соч., *passim*. Среди прочих свидетельств преданности Дианы следует отметить ее письмо к Жану д'Юмьеру, написанное в декабре 1547 года с рекомендацией послать в Париж за доктором Фернелем, которого она считала наиболее способным вылечить принцессу Елизавету от краснухи. В ожидании прибытия врача она посоветовала использовать снадобье из рога единорога, в лечебных свойствах которого имела возможность убедиться лично. Что касается дат двух записок, адресованных Диане Генрихом, то упоминание о «доброй милости покойного короля» позволяет отнести их к началу правления Генриха II: скорее всего речь идет о зиме 1547 года.

«*Catalogue des actes d'Henry II*», ук. соч., т. I. стр. 148.

Там же, стр. 170.

«*Catalogue des actes d'Henry II*», ук. соч., стр. 164.

«*Catalogue des actes d'Henry II*», ук. соч., стр. 19: Французская национальная библиотека, фр. рук. 5128.

Там же, стр. 52.

Там же, стр. 152. Ср.: L. Romier, «*Les origines politiques des guerres de religion*», Paris, vol. I, 1913, стр. 182.

L. Romier, ук. соч., стр. 174 и сл.

«*Catalogue des actes d'Henry II*», ук. соч., т. I, стр. 201.

Там же, стр. 225. Присвоение статуса герцогства-пэрии графству д'Омаль в пользу Франсуа де Лоррэна с правом передачи брату Клоду, маркизу де Майенну после смерти отца, Реймс, июль 1547 года.

«*Catalogue des actes d'Henry II*», ук. соч., т. I, стр. 388.

P. Ansemle, ук. соч., т. II, стр. 207.

«*Catalogue des actes d'Henry II*», ук. соч., т. I, стр. 314: дар Диане де Пуатье «тринадцатой доли дохода и помещичьих обязанностей, которые могли принадлежать покойному королю, как в связи с продажей баронства д'Иври [...], так и покупкой одного баронства, совершенной указанной Дианой де Пуатье у Людовика Люксембургского, графа де Руси», Фонтенбло, 27 сентября 1547 года.

Ср. депешу от июня 1547 года, изданную у Ch. Paillard, ук. ст, *Revue historique*, 2 année, vol. V, стр. 114.

Там же, стр. 109, п° 4 (депеша от 20 апреля 1547 года) и стр. 116, п° 2 и 3 (депеша от июня 1547 года). Бертран будет официально назначен Хранителем Печатей 22 мая 1551 года.

Там же, стр. 115 (депеша от июня 1547 года).

См.: M. Duchein, «*Marie Stuart*», Paris, 1987, и W. M. Bryce, «Mary Stuart's voyage to France in 1548» in *English Historical Review*, XXII, 48.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 182–184; и Tallone, «Il viaggio di Enrico II in Piemonte nel 1548», in *Bull. Soc. bibliogr. sub-alp.*, 1900.

Ср. брошюры по торжественному въезду в Лион: «*Le grand triomphe fait a Ventrée du Très-Chrétien Henry H en sa noble ville et cité de Lyon et de la reine Catherine*», Paris, 1548; «*La Magnificence de la superbe [...] entrée [...]*», Lyon, 1548, éd. G. Guigne, Lyon, 1927; I. Clouas, «*Henry 11*», ук. соч., стр. 196–214.

Дар герцогства де Валентинуа, Лион, 1 октября 1548 года, в «*Catalogue des actes d'Henry II*», ук. соч., т. II, стр. 396, см. Нац. арх. КК 613, т. 80; P. Ansemle, ук. соч., т. V, 1730, стр. 596. Патентные письма, врученные Сент-Андре 8 октября 1548 года: «*Catalogue des actes d'Henry II*», ук. соч., т. II, стр. 400; регистрация в Счетной палате Гренобля. Arch. d'Isère B 2928, fol. 938–947. Ср.: chanoine J. Chevalier «*Mémoires pour servir à l'histoire du comté de Valentinois et de Diois*», vol. II, Paris, 1906, стр. 193; и P. Ansemle, ук. соч.

Об управлении землями Сен-Валье см.: А. Caise, «*Diane de Poitiers, dame de Saint-Vallier*», ук. соч., стр. 9–14. Гийом Амазан, приор Эйрасский (Аррас, Ардеш), получил генеральную доверенность, позволявшую ему совершать любые сделки с «капитаном замка» Жаном Валерно. О создании соляного склада в Сен-Валье (декабрь 1549 года) ср.: «*Catalogue des actes d'Henry II*», ук. соч., т. III, стр. 451. См. архивы Счетной палаты Дофинэ, Arch. d'Isère, série B: B 3598, оценка имущества Жана де Пуатье, сделанная по требованию Гийома де Пуатье, 1545 год; B 3599, поземельная роспись сеньории Этуаль (1550 г.); B 3601, перечень ценных бумаг, касающихся графств Валентинуа и Диуа, а также земель и сеньорий Сен-Валье, Этуаль, Ла Ваш, Шабей; B 3600, «регистрационный журнал сделок Мадам де Валентинуа, начатый в 1554 году». См. также счета округов Виеннуа и Валентинуа: с B 2889 по 3162; с 3163 по 3181; с 3182 по 3289; 3290–3303.

N. L. Roelker, «*Jeanne d'Albret*», ук. соч., стр. 55–59, аннулирование брака с Гийомом Клевским; стр. 63: матримониальные планы на брак с Франсуа д'Омалем.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч... стр. 219; Н. Forneron, «*Les Ducs de Guise*», Paris, 1872, стр. 119, ошибочно указывается, что брак был заключен 4 декабря 1549 года. См.: «*Catalogue des actes d'Henry II*», ук. соч., т. II, стр. 457, 23 декабря 1548 года: постановление об учреждении Франсуа де Лоррэнну, герцогу д'Омалю, и Анне д'Эсте, его супруге, герцогине, ежегодной ренты в размере 10 тысяч турецких ливров из королевских средств в качестве компенсации долга в размере 150 тысяч турецких ливров из Французской королевской казны, составляющих сумму приданого Анны, учрежденного ее отцом Эркюлем II, герцогом Феррарским.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 219; F. Decrue, «*Anne de Montmorency*», ук. соч., т. II, 1889, стр. 73.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 220.

Там же. Праздник был описан Рабле, который находился в то время в Риме: «*La sciomachie et festins faits à Rome au palais de Mgs révérendissime Cardinal du Bellay pour l'heureuse naissance de Mgr d'Orléans*», Lyon, 1549. См. также работу: «*La Magnificence des triomphes faits à Rome pour la nativité du duc d'Orléans ...*», пер. на фр. яз. с ит. Париж, 1549.

См. брошюры с описанием этих празднеств, устроенных в честь королевы Екатерины: «*C'est l'ordre et forme qui a esté tenu au sacre et couronnement de Madame Catherine de Medicis*», Paris, 1549; «*Festin donné a la royne Catherine au logis episcopal de l'évêché de Paris le dix-huitième jour du juing 1549*», в коллекции Cimber et Danjou, 1 série, vol. III, Paris, 1835.

«Символ веры». — *Прим. пер.*

См. «*Le Grand Triomphe magnifique des Parisiens de la venue du Très-Christien Roy Henry*», 16 июня 1549 года.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 260–261.

«*Procès d'Oudart du Biez et de Jacques de Coucy (1549)*», в коллекции Cimber et Danjou, 1 série, vol. III, Paris, 1835.

Об операциях под Булонью и о сдаче города ср.: I. Cloulas, «*Henry II*»,
ук. соч., стр. 263–271.

Там же, стр. 270.

Мера веса, равная восьми унциям. — *Прим. пер.*

Там же, стр 271.

Там же, стр. 288.

Посол Альваротто оставил подробный рассказ о любовной интриге короля и ее развязке: см. А. Thierry, ук. соч., стр. 60–65.

См.: G. Guiffrey [1866], ук. соч., стр. 62–64, письмо, отправленное из Сен-Жермен-ан-Ле 5 июня (1550 года): «Благодарю вас настолько, насколько это для меня возможно, за вашу заботу обо мне и о моем деле, связанном с графством де Кюз, озером и территорией Перузы, каковое вы пытаетесь донести до слуха нашего Святого Отца». Ж. Гиффри предлагает идентифицировать Кюз с графством Кьюзи, чья столица Кастильоне расположена на берегу озера Перуза.

Там же. Письма, отправленные из Роморантэна 18 июня и 12 июля (1550 года), стр. 64–67.

Там же. Письмо, отправленное из Ане 18 июля (1550 года), стр. 67–68.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 303.

См.: Brantôme, «*Recueil des dames, poésies et tombeaux*», ук. соч., т. II, VI, стр. 634. «Эта дама, — добавляет Брантом, — равно как и другие, коих мне доводилось слышать, придерживалась мнения, что спать с королем ни в коей мере не является бесчестьем (позором), а что шлюхами надобно считать тех, кто отдается всякой мелочи, а не великому королю и галантным дворянам».

См. брошюру о торжественном въезде: «*C'est la déduction du somptueux ordre [...] et théâtre dressés par les citoyens de Rouen à [...] Henry II et Katharin [...]*», Rouen, 1551. Ср.: I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 274–294.

A. Thierry, ук. соч., стр. 65.

Там же, по Модене, Archivio di stato, *Dispacci dalla Francia*, Bta 28.

G. Guiffrey [1866], ук. соч., стр. 73: письмо Дианы к мадам д'Юмьер от 8 ноября 1550 года.

Там же, стр. 62–64, ср. с примечанием 23 части III главы II.

Патентные письма, приведенные у G. Guiffrey [1866], ук. соч., стр. 78–80, датированные в Блуа от 17 января 1550 года (1551 год по новому стилю).

Там же, стр. 81–82.

Там же, стр. 83–84.

Там же, стр. 84–86.

Там же, стр. 87–88, письмо Дианы к мадам д'Юмьер от 3 июня 1551 года.

Там же, стр. 88–89, письмо от 25 июля 1551 года.

Там же, стр. 91–92, письмо к мадам д'Юмьер от 24 сентября 1551 года.

Там же, стр. 93–94, письмо к коннетаблю от 17 октября 1551 года.

Н. Forneron, ук. соч.; F. Desrie, ук. соч., т. II, стр. 92.

Ср.: A. Thierry, ук. соч., стр. 66–67.

Ср.: F. Decrue, ук. соч., т. II, стр. 89–90.

Ф. Десгье, ук. соч., т. II, стр. 21: патентные письма на право пэрства, датированные в Нанте июлем 1551 года, были зарегистрированы Парижским парламентом 4 августа 1551 года.

Там же, стр. 23.

Там же. стр. 25–26.

См. анализ, который приводится в кн: F. Descue, ук. соч., стр. 29–31.

Ср.: «*Relazioni degli ambasciatori veneti al Senato*», ук. соч., série 1, vol. IV, стр. 60–65: портрет короля. См. частичный перевод этого текста в кн.: А. Baschet «*La Diplomatie vénitienne. Les princes de l'Europe au XVI siècle*», ук. соч., стр. 434–441.

«*Relazioni [...]*», ук. соч., стр. 72–77. Этот портрет, так же, как и последующие, сопровождается перечислением основных событий, в которых были замешаны данные персонажи. Посол считает, что Екатерина Медичи некрасива, но мудра и осторожна: она будет способна управлять королевством, несмотря на то, что с ней не так считаются и не настолько уважают, как она того заслуживает, по причине неравенства ее королю и отсутствия у нее королевской крови. Вместе с тем все, и в особенности король, любят ее за ум и доброту. Она тратит 200 тысяч экю ренты, положенной ей ежегодно, на благо собственного двора. Благодаря благосклонности короля Франциска ей удалось избежать угрозы развода в течение девяти лет, когда она оставалась бесплодной.

Там же, стр. 77–79. Цитата и перевод в кн.: А. Baschet, ук. соч., стр. 438–439.

«*Relazioni [...]»*, ук. соч., стр. 78–79; A. Baschet, ук. соч., стр. 440–441.

Ср. итальянский текст и перевод в «*Relations des ambassadeurs [...]*», ук. соч., стр. 366–385. См. также кн. А. Baschet, ук. соч., стр. 441–442, портрет короля, и стр. 442–445, первая аудиенция посла, затем 12 ноября 1551 года — королевская партия в лапту (рассказ племянника посла Капелло).

А. Baschet, ук. соч., стр. 443.

Там же, стр. 444–445.

См.: J. d'Orliac, ук. соч., стр. 171–174.

Там же, стр. 175–176.

Ф. Дестье, ук. соч., т. II, стр. 98–99.

Там же, стр. 100–102.

Ср.: G. Guiffrey [1866], ук. соч., стр. 228. Делая вид, что оказывает знаки внимания другому мужчине, Диана, вероятно, стремилась вызвать у короля определенную ревность, которая должна была лишь еще более подогреть его любовь. Генрих ответил в стихах, заявляя о полной своей убежденности в том, что любовница остается ему верна:

*Никому не сравниться со мной,
Ибо ничто не ценю, как ее благосклонность.
И никто не сумел бы столь возвеличить меня,
Как она, ибо не ищет и не преследует ничего иного.
Никакие измены мне не страшны,
Так незыблема ее верность.
И другому никогда не занять
Места, где я чувствую себя столь уверенно и покойно.*

Ф. Деспи, ук. соч., стр. 103.

Там же, стр. 107.

Ф. Десгюе, ук. соч., стр. 108.

G. Guiffrey [1866], ук. соч., стр. 228.

Там же, стр. 228–229, по фр. рук. 3142. т. 9.

Там же, стр. 221–222, по фр. рук. 2991, т. 9.

Ф. Десгье, ук. соч., стр. 128–129.

G. Guiffrey [1866], ук. соч., стр. 103–104.

G. Guiffrey [1866], ук. соч., стр. 104–106.

Ф. Десгье, ук. соч., стр. 131.

G. Guiffrey [1866], ук. соч., стр. 106–107.

Ф. Десгье, ук. соч., стр. 132.

Там же, стр. 134. Король, оправившись от насморка, который продержал его дома в течение двух дней, представляет Диане отчет о проведенных операциях: G. Guiffrey [1866], ук. соч., стр. 223–224.

Ф. Desrie, ук. соч., стр. 136–137; G. Guiffrey [1866], ук. соч., стр. 118–121 и стр. 125–136, письма Дианы к Бриссаку в период с января 1553-го по январь 1554 года.

Ф. Дестье, ук. соч., стр. 141.

Там же, стр. 142–144.

I. Clouas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 400.

Ф. Десрие, ук. соч., стр. 146 и сл.

Там же, стр. 151–159.

G. Guiffrey [1866], ук. соч., стр. 126–127.

Французская национальная библиотека, фр. рук. 5128: отчуждение в пользу повара Дианы Антуана Руссе, а также Жана Море, повара Хранителя Печатей, имущества Филибера Белара, приговоренного к смертной казни за жестокость и богохульство (в 1552 году); отчуждение в пользу Гийо Руйе, соммелье герцога д'Омаля, имущества Этьена Павара, сожженного как фальшивомонетчика (апрель 1553 года); отчуждение другому своему слуге, Андре Фоше, имущества братьев де Ла Мер, приговоренных к смертной казни за ересь и оскорбление его величества (сентябрь 1553 года). Ср. также: G. Guiffrey [1866], ук. соч., стр. 123–124 п.1.

См., в частности, Arch, d'Isère, В. 3593: декларация от июня 1552 года, в которой указывается, что герцогство Валентинуа, а также сеньории Марас, Борепэр, Альбон, Ла Рош-де-Глюн, Бовуар и Монто не могут быть включены в королевские владения; В. 2335: включение 6 июня 1554 года сеньорий Грав и Шатодубль в состав герцогства Валентинуа; Нац. арх. КК 102, т. 124 v°-125 v°, 222 v°-223 v°: разрешение герцогине сохранить за собой фонтан в Париже от 14 мая 1554 года; X14 1580, т. 480: предписание от 2 июня 1555 года второй следственной палате ускорить завершение процесса между королевским прокурором, герцогиней де Валентинуа и Жаном д'Эскобло де Сурди по вопросу о принадлежности сеньорий Бейн, Гриньон, Уази в Валь-де-Галли, Де Кудре и Монпансье-ан-Лардене. См. также Дневники Счетной палаты: дары в пользу Дианы де Пуатье (шифры с RR по XX, 1553–1557 годы).

Ф. Десрие, ук. соч., стр. 167–168.

431

Там же, стр. 171.

Там же, стр. 172.

Там же, стр. 176.

Там же, стр. 180–185.

435

Ср.: E. Bourciez, ук. соч.

Там же, стр. 195.

Ср.: F. Bardon «*Diane de Poitiers et le mythe de Diane*», Paris, 1963, стр. 13 и сл.: «Diane avant Diane».

Е. Bourciez, ук. соч., стр. 187. Цитата Франсуа Эбера д'Иссудэна, «*Exposition morale de la Fable des trois Déesses, Vénus, Juno et Pallas*», Lyon, 1545.

F. Bardou, ук. соч., стр. 45–46.

Описание этого блюда взято из *Revue archéologique*, XII année, avril-septembre 1855, стр. 312, см. у: E. Bourciez, ук. соч., стр. 176–177: «L'Olympe nouveau».

Ср. библиографические статьи об этих замках в кн.: J.-P. Babelon, «*Châteaux de France au siècle de la Renaissance*», Paris, 1989.

F. Bardou, ук. соч., стр. 88–94.

О Монморанси и его искусствах ср.: В. Bedos-Rezak, ук. соч.: переписка с Дианой, стр. 270. Ср. также: J.-P. Babelon, ук. соч.: библиография об Экуане.

О Шантийи: J.-P. Babelon, ук. соч.; В. Bedos-Rezak, ук. соч., стр. 256 и сл.; и F. Descue. ук. соч., т. II, стр. 399 и сл.

В. Bedos-Rezak, ук. соч., стр. 287–288.

J.-P. Babelon, ук. соч., примечания и библиография.

Abbé C. Chevalier, «*Histoire de Chenonceau*», ук. соч., стр. 239–254, «Les comptes de Diane de Poitiers». См. также: *Archives royales de Chenonceau. Comptes des recettes et despences faites en la cliastellenie de Chenonceau par Diane de Poitiers, duchesse de Valentinois [...]*, publ. par l'abbé C. Chevalier, Paris, 1864.

Даты на счетах соответствуют годам, которые начинались в ту эпоху на Пасху. Эта система, называемая «Пасхальным стилем», или «старым стилем», была заменена летоисчислением, начинающимся с 1 января 1564 года, и была закреплена соответствующим эдиктом. Даты были восстановлены в соответствии с указанной системой, которая получила название «новый стиль».

449

Мера массы во Франции (1 л = 489,5 г). — *Прим. пер.*

Старая французская земельная мера, соответствует одной десятине. —
Прим. пер.

451

Старинная мера емкости — 268 л для вина, 1872 л для сыпучих тел. —
Прим. пер.

Старая мера сыпучих тел, равная 12,5 л. — *Прим. пер.*

453

Старинная мера жидкостей — 150–300 л, сыпучих тел — 8 пинт. —
Прим. пер.

Abbé C. Chevalier, «*Histoire de Chenonceau*», ук. соч., стр. 255–275.

Там же, стр. 249–250.

Abbé C. Chevalier, «*Diane de Poitiers au Conseil du roi. Episode de l'histoire de Chenonceau sous François I-er et Henry II, 1535–1556 [...]»*, Paris. 1866.

Ср.: М. Mayer. *«Le Château d'Anet»*, Anet. 1974, и Ch. Yturbe, *«Le Château d'Anet»*, Paris, s.d. Обширную информацию можно почерпнуть в кн.: М. Roy, *«Artistes et monuments de la Renaissance en France»*, Paris, 1929, стр. 285.

Регистрационная книга, приобретенная Архивом департамента Ивлин.
Ср. также: Е 2256, счетная ведомость 1547–1548 годы; Е 2254, поземельная роспись сеньории де Бреваль; заявления о распределении чинша: Е 2251, Е 2252 и Е 2257.

459

Один мюи пшеницы равен 18 гектолитрам 33 литрам, а сетье — 156 литрам; один мюи овса равен 37 гектолитрам 46 литрам.

460

Пита — мелкая медная монета, равная половине обола и четверти денье.

461

Старинная мера емкости для сыпучих веществ; мино в Париже составлял 39 л. — *Прим. пер.*

462

Один мино равен 39 литрам 36 санлитрам.

463

Ср.: М. Мауег, ук. соч.; М. Роу, ук. соч.

Ср.: М. Roy, ук. соч, Paris, 1929; A. Blunt, «*Philibert de l'Orme*», Londres, 1958, éd. fr., 1963; «*Art et architecture en France, 1500–1700*», Londres, 1953; éd. fr. 1983; H. Zerner, «*L'Art de la Renaissance en France. Invention du classicisme*», Paris, 1996. По замкам Шенонсо и Ане: объем строительных работ во времена Дианы приведен в кн.: J. Androuet du Cerceau, «*Le Second Volume des plus excellents bastiments de France*», Paris, 1579.

Ср.: F. Bardon. ук. соч., стр. 66 и сл.; «*L'Ecole de Fontainebleau*», cat. exp. Paris, 1972, n° 455^459. Описание отрывков из мифологических сюжетов, в частности, гибели Ориона: Аполлон поспорил с Дианой, что та не сможет попасть стрелой в Ориона, который охотился в то время на острове Делос. Богиня, ревновавшая Ориона за то, что он предпочел ей Аврору, натянула свой лук и смертельно ранила героя, которого затем Юпитер по ее просьбе превратил в звезду.

М. Мауег, ук. соч., стр. 28. Из этой коллекции осталось 28 томов, 17 из которых сохранились в роскошных переплетах, выполненных по заказу герцогини де Валентинуа. Эти книги были как подарками короля, так и собственными приобретениями, часть из них осталась также из коллекций Луи де Брезе и Эймара де Пуатье, предка Дианы и большого библиофила. На переплетах изображен герб Дианы. Он воспроизведен в кн.: G. Guiffrey [1866], ук. соч., с комментариями на стр. 39–40. Герб состоит из двух частей, в первой из которых «лазурный пояс с восемью золотыми крестиками, окружающий сам герб также золотого цвета с лазурными вкраплениями и серебром на фоне лазури», являющийся гербом Брезе. Во второй, разделенной, в свою очередь, на четыре части — в первой и третьей долях: «шесть серебряных кругов с золотой главой на лазурном фоне», являющихся гербом Сен-Валье; во второй доле: «золотые лилии на лазурном фоне с серебряной четвертью и тремя полумесяцами неправильной формы», что можно принять за знак королевской милости. И, наконец, в четвертой доле: «черные штрихи на серебряном фоне» — герб семьи Руффо. итальянского маркиза де Кротоны. Ср.: J. Porcher, «*Les livres de Diane de Poitiers*» в колл. «*Les trésors des bibliothèques de France*», fase. XXVI (1942–1946), стр. 78–79.

См. контракты на поставку и выполнение работ в Ане под общим руководством Филибера де Л'Орма в исследовании: M. Roy, ук. соч., стр. 285–347; а также в кн.; J. d'Orliac, ук. соч., стр. 194–195. Подводка воды к фонтану Дианы явилась предметом контракта с горшечниками Мишелем и Пьером Виго (Руанские нотариальные архивы, 2 E1/401).

Туаза — старинная французская мера длины — шесть футов, около двух метров. — *Прим. пер.*

О впечатлениях гостей Ане см. у J. d'Orliac. ук. соч... стр. 203–206.

Ср. J. d'Orliac, ук. соч., стр. 200–201.

471

F. Bardou, ук. соч., стр. 57.

F. Bardon, ук. соч., стр. 51. J. du Bellay, «*Poésies*», éd. M. Hervier, vol. II, Paris, 1954, p. 366.

F. Bardon, ук. соч., стр. 51. P. de Ronsard, «*Œuvres complètes*», éd. Laumonier, vol. VII, Paris, 1934, стр. 399.

F. Bardon, ук. соч., стр. 74. J. du Bellay, «*Poésies*», éd. M. Hervier, vol. IV, Paris, 1955, p. 274–278.

F. Bardon, укр. соч., стр. 74. P. de Ronsard, «*Œuvres complètes*», «*Second livre des mélanges*», éd. Laumonier, vol. X, Paris, 1939, стр. 70.

F. Bardon, ук. соч., стр. 77–78. O. de Magny, «*Les Odes*», éd. P. Blanchemain, Paris, 1876, стр. 25–26.

Там же, стр. 95 и сл.: ссылки и библиография к портретам герцогини, изображенной в виде Дианы. См. ниже *Приложения: иконография Дианы*. В отношении подписи под портретом из коллекции Спенсера ср.: Salomon Reinach, in *Gazette des beaux-arts* (août-septembre 1920), приведенная у Ph. Erlanger, ук. соч., стр. 365. Экземпляр Оливетанской библии подарил Диане Генрих II. Анекдот о том, как король распевал псалом, был упомянут у Флоримона де Ремона в рассказе о Клемане Маро.

Стихотворение, адресованное Диане, было издано в кн: J. du Bellay, «*Poésies*», éd. M. Hervier, vol. IV, Paris, 1955, p. 281–290.

См. о Жане д'Авансоне J. Guiffrey [1866], ук. соч., стр. 30 н° 2 и стр. 136–137 (примечания); а также L. Romier, ук. соч., т. I, стр. 87–88: дар д'Авансону аббатства с доходом в размере 4 тысяч ливров (согласно депеше Альваротто герцогу Феррарскому от 2 сентября 1550 года). Жан д'Авансон прибыл в Рим 7 марта 1555 года, чтобы заменить посла Одета де Сельва (согласно депеше, направленной из Рима А. Серристоры герцогу Флорентийскому, архив государства Флорентийского, Медичео, 3273, fol. 889). 1 октября 1555 года Диана поблагодарила папу Павла IV за назначение, по ходатайству д'Авансона, судей для завершения процесса относительно ее прав на Кьюзи и на территорию на озере Перуза (там же, стр. 24 н° I).

Л. Ромієр, ук. соч., т. I, стр. 392 и сл.

Там же, т. II, Париж, 1914, стр. 6. Д'Авансон, рассуждая здраво, посоветовал королю отказаться от кандидатуры Ипполито д'Эсте и поддержать кардинала Карафу.

О претензиях Павла IV к императору, о кардинале-племяннике Карло Карафе и о направлении Луи де Лансака в Рим в июле 1555 года для принесения клятвы послушания Павлу IV: L. Romier, ук. соч., т. II, стр. 7–8. После разрыва с Генрихом II Карло Сфорца в августе перегнал свои галеры из порта Чивитавеккия в Неаполь, а папа отомстил, посадив в тюрьму брата Карло, кардинала Санта-Фиора. и угрожая семейству Колонна (там же, стр. 24–25).

483

Там же, стр. 26.

Там же, стр. 28–43, миссия кардинала в Лотарингию.

Ф. Дестье, ук. соч., т. II, стр. 189.

L. Romier, ук. соч., т. II, стр. 47–54.

Там же. стр. 56 и сл., а также стр. 69–91.

Там же, стр. 61 и сл. Миссия кардинала Карафы во Франции. Посол в Риме д'Авансоне продолжал сыпать уверениями, что король вступит в войну, и эти заявления привели его к конфликту с кардиналом де Турноном (там же. стр. 66–67).

Там же. стр. 70.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 434.

J. Guiffrey [1866], ук. соч... стр. 142, п° 2: отрывок из кн. «*Vie du baron de La Garde*» Брантома.

Письмо Дианы к Шарлюсу, Фонтенбло, 28 августа 1556 года; J. Guiffrey [1866], ук. соч., стр. 142–144. По возвращении Карло Карафы в Рим посол д'Авансон и Лансак получили приказ от Монморанси постараться убедить понтифика заключить мир с герцогом д'Альба: L. Romier, ук. соч., т. II, стр. 97. Д'Авансон, который потерял кредит доверия в глазах папы, был заменен в октябре 1665 года на своего предшественника Одета де Сельва (там же, стр. 103).

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 435.

I. Clouas, «*Philippe II*», Paris, 1992, p. 127.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 436–437.

496

Там же.

Там же, стр. 439–445, и L. Romier, ук. соч., т. II. стр. 108 и сл.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 443.

L. Romier, ук. соч., т. II, стр. 178.

500

Там же, стр. 182.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 449–451.

Там же, стр. 452.

Там же, стр. 453–454.

Там же, стр. 465.

«*Relazioni degli ambasciatori veneti [...]*», ук. соч., série I, vol. II, стр. 399–470: *Relazione di Francia del Clarissimo Giovanni Soranzo tornato ambasciatore da quelle corte net 1558.*

Там же, стр. 406. Посол представляет интересующие сенат сведения о ресурсах Французского королевства и о доходах Короны.

Там же, стр. 424–425.

Среди прочих достоинств короля посол отмечает его прекрасную память: он держал в голове все текущие дела и никогда не забывал никого, с кем хоть однажды повстречался.

Там же, стр. 430. Прежде чем приступить собственно к ее портрету, посол указывает, кто были родители королевы, приводит точную дату ее рождения (13 апреля 1519 года — она на тринадцать дней моложе короля), а также дату вступления в брак. За этим абзацем следует описание королевской семьи: детей, «незаконнорожденной дочери, нареченной Дианой, сначала супруги Орацио Фарнезе, затем Монсеньора де Монморанси, сына коннетабля», далее идет сестра короля, ученая Маргарита, герцогиня де Берри, принцы крови и, наконец, герцог Гиз, кардинал Лотарингский и коннетабль. Следом за ними приводится портрет Дианы.

Там же, стр. 437–438. Письмо Дианы послу в Стамбуле Жану де Лавиню (от 3 марта 1558 года), изд. в кн.: J. Guiffrey, ук. соч., стр. 150–151, показывает, что она интересовалась отношениями со странами Ближнего Востока: она даже оказывала покровительство авантюристам и фальшивомонетчикам.

P. de Brantôme. «*Recueil des dames*» ук. соч., II, IV, стр. 574–575.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 441.

I. Clouas, «*Catherine de Médicis*», ук. соч., стр. 472.

Dr. Cabanès, «*Légendes et curiosités de l'Histoire*», 3 série, Paris, 1914.
стр. 83–91: «Une tentative de vitriolage au XVI siècle: maîtresse et femme de
roi».

О вере королевы в астрологические предсказания см.: I. Cloulas, «*Catherine de Médicis*», ук. соч., стр. 364 и сл., и Dr. Cabanès, ук. соч., стр. 78–81.

I. Clouas, «*Catherine de Médicis*», ук. соч., стр. 366–367. Превосходное разъяснение приведено в кн. P. Béhar, «*Les langues occultes de la Renaissance*», Paris, 1996, стр. 63–89.

A. G. Pingré, «*Cométographie ou Traité historique et théorique des comètes*», Paris, 1783–1784.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 470–472.

Там же, стр. 556–559: мученики с улицы Сен-Жак.

Там же, стр. 477–481: завоевание Кале герцогом Гизом.

Там же, стр. 481–484.

Там же, стр. 486.

Там же, стр. 490.

Там же, стр. 491.

Там же, стр. 494. О гибели Строцци рассказано в кн.: «*Mémoires*» de Vieilleville, éd. Michaud et Poujoulat, Nouvelle collection des Mémoires pour servir a l'Histoire de France, vol. IX, Paris, 1838, стр. 264–265.

J. Guiffrey, ук. соч., стр. 151–152, письмо Дианы к герцогине Неверской, Реймс, 29 июля 1558 года и стр. 224–225, письмо Генриха II к Диане, отправленное из лагеря Пьерпонт 10 августа 1558 года: «Мадам, вчера я получил ваши письма, доставленные Менардьером, а также ладанки из Нотр-Дам де Шартр; они прибыли весьма вовремя, поскольку завтра я собираюсь уехать, с тем чтобы к середине августа добраться до Мондидье, где рассчитываю на успех, чтобы быть достойным носить присланный вами шарф. Не буду ничего писать ни о наших врагах, ни о жизни в лагере, поскольку поручил рассказать обо всем лично подателю сего. В заключение хочу сообщить, что отправлю к вам Ла Менардьера в ближайшие же дни, с тем чтобы он в деталях поведал вам, как решаются вопросы относительно Седана и [герцогини де] Буйон, что позволит мне не задерживать более вашего внимания, разве только с тем, чтобы умолять вас не забывать того, который всегда любил и всегда любить будет только вас. Г.».

«Умоляю вас, моя милая, носить этот перстень в знак любви ко мне».

Ладанками из Нотр-Дам были металлические медальоны квадратной формы с отверстиями по углам, чтобы их можно было пришить к одежде. С одной стороны на них была изображена Дева с Младенцем, а с другой — ее хитон, который несут двое клириков, облаченных в стихарь; это одеяние было доставлено из Константинополя и передано в дар Шартрскому собору королем Карлом Лысым в 876 году. Считалось, что эта реликвия способна защитить от опасностей войны. В знак благодарности за эти амулеты, а также за шарф король пообещал Диане позаботиться об интересах ее дочери, герцогини де Буйон, и послал ей в подарок перстень, который добавился к многочисленным драгоценностям, подаренным Диане королем.

О пленении Монморанси и его участии в переговорах см.: F. Desrieu, ук. соч., т. II, стр. 206–209; I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 499–501.

Там же, стр. 501: письма Генриха II сохранились во Французской национальной библиотеке, Ms. fr. 3139.

См.: J. Guiffrey, ук. соч., стр. 152–162; письма, датированные Сен-Жермен-ан-Ле октябрем 1558 года, ноябрем 1558 года, февралем 1559 года.

Ф. Десрue, ук. соч., т. II. стр. 216–217.

Там же, стр. 218–219.

Там же, стр. 220.

Там же, стр. 222–223.

Там же, стр. 211–221.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 508–518.

«Comptes des recettes et despences faites en la chastellenie de Chenonceau par Diane de Poitiers [...]», éd. par l'abbé C. Chevalier, ук. соч.

Там же, VII, стр. 195–230.

Там же, VIII, стр. 231–287.

Там же, IX, стр. 289–312.

См. обобщение, приведенное у abbé С. Chevalier «*Histoire de Chenonceau*», ук. соч., стр. 239–297: XVI, «Les comptes de Diane de Poitiers», 1547–1559; XVIII, «Le parterre de Diane, 1551–1555»; XVIII, «Travaux d'art de Diane de Poitiers»; XIX, «Acquisitions de Diane de Poitiers, 1556–1558».

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 549 и сл.

См. Французская национальная библиотека, Ms. fr. 5128: роль экспедиции в пользу герцогини де Валентинуа и ее приближенных.

Ср.: I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 357–358: описание парижских празднеств по случаю бракосочетания Клотильды Французской и герцога Карла Лотарингского.

Цитата из Альваротто у А. Thierry, ук. соч., стр. 73.

Ф. Descue, ук. соч., стр. 236 и сл. Помимо своего собственного выкупа в 200 тысяч экю, Монморанси должен был уплатить выкуп за своего сына, освобожденного в марте 1558 года после уплаты 12 тысяч экю. Он гарантировал уплату выкупа в размере 50 тысяч экю за своего племянника, 40 тысяч экю за герцога де Лонгвиля, а также еще ряда сумм. Его доходы, равно как и доходы его супруги, не позволяли ему покрыть такие расходы.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 567–568.

J. Guiffrey, ук. соч., стр. 160–162. Речь идет о двойном автографе, сохранившемся в Ms. fr. 3139, fol. 26 во Французской национальной библиотеке и воспроизведенном в фототетради.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 568.

Cp.: A. de Rouble, «*Le Traité de Cateau-Cambrésis*», Paris, 1889.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 572.

551

Там же.

J. Guiffrey, ук. соч., стр. 156–158.

Там же, стр. 158–159, п° 2: автограф, сохранившийся в Ms. fr. 3941 во Французской национальной библиотеке, fol. 7.

Вышеуказанное письмо, п. 13.

J. Guiffrey, ук. соч., стр. 166–168.

Там же, стр. 168–169. Диана расточает Бриссаку свои «преданные рекомендации», «сделанные настолько по доброте сердечной, — добавляет она, — что я молю Господа нашего, милостивый государь Маршал, чтобы он доставил Вам столько радости, сколько я Вам желаю».

I. Cloulas. «*Henry II*», ук. соч., стр. 574.

558

Там же.

См. текст из Ms. fr. 5139, fol. 60 v°, in J. Guiffrey [1866], ук. соч., стр. 176, n° 1.

560

A. de Rouble, ук. соч.

561

Там же.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 583–588.

563

Там же.

Там же, стр. 589–590.

A. Landurant, «Montgomery le régicide», Paris, 1988, p. 17–47.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 590–591.

Там же, стр. 592–593.

568

Там же.

P. de Brantôme, «*Recueil des dames*» ук. соч., II, VII, стр. 710–711.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 593.

Письмо д'Альваротто к герцогу Феррарскому от 11 июля 1559 года, приведенное в кн. А. Thierry, ук. соч., стр. 127.

См.: A. Thierry, ук. соч., стр. 128 и Ph. Erlanger, ук. соч., стр. 322.

Ср.: Н. Forneron, ук. соч., т. I; F. Desque, ук. соч., стр. 257–258, о возрастании влияния Гизов и отстранении Монморанси в начале нового царствования.

I. Cloulas, «*Henry II*», ук. соч., стр. 598.

J. Guiffrey [1866], ук. соч., стр. 175–176.

Там же, стр. 177–179. Ср. также роль вручения королевских даров во Французской национальной библиотеке, Ms. fr. 5128.

Ср.: abbé C. Chevalier, «*Histoire d Chenonceau*», ук. соч., стр. 250. Диана обосновалась в Шенонсо в конце декабря 1551 года для того, чтобы подготовиться к приему двора. Ее сопровождали Бернар де Рюти, высший духовник короля и аббат Понлевуа, а также Жан де л'Орм, брат архитектора Филибера де л'Орма, распорядитель королевских зданий и сооружений. Прием, оказанный ею королю и королеве, пришелся на весну следующего, 1552 года.

Там же, стр. 299–308: «Les deux rivales en présence».

Там же, стр. 309–329: «Les fêtes de la reine mère».

Abbé C. Chevalier, «*Comptes des recettes et despences faites en la chastellenie de Chenonceau par Diane de Poitiers [...]*», Paris, 1864, p. 289–312: «Compte rendu par André Béreau pour le bastiment de Chenonceau pour les années 1557,1558 et 1559, présenté aux auditeurs à ce commis et députez par Madame au lieu d’Annet le 25e janvier 1560» [1561, nouveau style].

I. Clouas, «*Catherine de Médicis*», ук. соч., стр. 125–169; E. Lavissee, «*Histoire de France*», vol. VI, первая часть, изд. J.-H. Mariéjol, Paris, 1911; F. Decrue, ук. соч., гл. XIII, стр. 285–306.

F. Decrue, ук. соч., стр. 300; L. Romier «*La carrière d'un favori: Jacques d'Alhon de Saint-André, maréchal de France (1512–1562)*», Paris, 1909, стр. 329. Среди резолюций ассамблеи третьего сословия, собравшейся в Париже 15 марта 1561 года, фигурирует следующее предложение: «Господин маршал де Сент-Андре исключается из состава совета, он также должен будет представить отчет о полученных им от покойного короля Генриха II чрезмерных дарах и возместить избыточную стоимость». Последняя статья звучала тревожно для всех, кто нажился за счет королевских милостей: «Все, кто был причастен к управлению государственными делами со времени кончины последнего совершеннолетнего короля, должны представить отчет об использовании средств и уплатить остаток, который будет зачтен и использован на погашение королевских долгов» (Архивы Симанкаса, К 1494, В 12, 36: краткий перечень постановлений заседания Генеральных штатов, состоявшегося в Париже; «*Extraits des registres de l'Hôtel de Ville*», 11 mars 1561, dans *Archives curieuses*, V. 424).

Обо всех этих событиях и о роли Дианы в создании триумvirата ср.:
H. Ferner, ук. соч., т. I, стр. 336–339; F. Decue, ук. соч., т. II, стр. 301–304;
L. Romier, ук. соч., стр. 331–335; Ph. Erlanger, ук. соч., стр. 330–331.

J. Guiffrey, ук. соч., стр. 181–182. Письмо Дианы к герцогу Неверскому, Лимур, 6 июня 1561 года.

Там же, стр. 183–185. Издатель датировал это письмо 17 июня 1562 года, дату которую необходимо исправить на 1561 год. как об этом указано в документах Ане.

586

См. документы Ане: Национальные архивы R³⁵⁰, а в особенности Q¹*210, инвентаризационный перечень документов Ане, fol. 60.

587

Нац. архивы, Q210, fol. 68 v°-89 v°.

588

Там же, fol. 94 v°-97.

Там же, fol. 117–150.

590

Там же. fol. 150 и сл.

Е. Lavisse, ук. соч., стр. 69–70; Дестье, ук. соч., т. II, стр. 344–346.

J. Guiffrey, ук. соч., стр. 185 и 186, п. 2: письмо Дианы к супруге коннетабля, Лимур, 19 октября 1562 года.

Е. Lavisse, ук. соч., стр. 72–75.

Abbé C. Chevalier, «*Histoire de Chenonceau*», ук. соч., стр. 306. Надо отметить, что после смерти Екатерины Медичи Франсуа Алламан потребовал у ее наследников денег. Он был членом союза кредиторов королевы-матери, учрежденного в соответствии с указом от 23 мая 1594 года (там же, стр. 376–377).

Ср.: I. Clouas, «*Catherine de Médicis*», ук. соч., стр. 193–219.

«Testament de Diane de Poitiers», éd. dans J. Guiffrey [1866], ук. соч., стр. 197–215.

Здесь: «Избавь меня, Господи, от гибели вечной» (*лат.*). — *Прим. ред.*

В тексте: *hôtel-Dieu*. В современном значении это заведение переводится как центральная больница. — *Прим. пер.*

Письмо супруге коннетабля в кн. J. Guiffrey [1866], ук. соч., стр. 189–190, насчет приобретения земли Пископ близ Экуана: Диана беседовала по этому вопросу с президентом Большого совета Арну Буше, сеньором Пископским, «советуя ему передать землю за соответствующее вознаграждение».

P. de Brantôme, «*Recueil des dames [...]*», ук. соч., II, V, стр. 604–605.

601

М. Мауег, ук. соч., стр. 34–37.

602

Там же.

J. Guiffrey, ук. соч., стр. 214–215.

J. d'Orliac, ук. соч., стр. 261–262.

F. A. Yates, «The Valois Tapestries», Londres, 2 éd., 1975, стр. 79 и сл.

М. Мауер, ук. соч., и Ch. Yturbe, ук. соч.

Через пять недель после смерти последнего владельца герцога де Пантьевра на замок Ане был наложен секвестр (1793 год). На следующий год усыпальной часовней завладело «народное общество» для проведения в ней рабочих собраний, заседаний мирового суда, а также для размещения национальных гвардейцев. Во время совершения надругательства над захоронением Дианы на фасаде были намалеваны лозунги «Война тиранам» и «Общественный контроль». Часовня, равно как и замок, предназначавшийся к сносу, была опустошена. Однако в Ане оставались еще фрагменты мавзолея (коленипреклоненная Диана, женщины-сфинксы), скульптурная группа Диана с оленем и восемь бюстов. В 1798 году центральная администрация департамента Эр-и-Луар перенесла их в музей Маленьких Августингов, где они были отреставрированы архитектором Ленуаром. В поисках других останков Ленуар отправился в Ане, где ему удалось найти заалтарное украшение, служившее порогом в жилом доме, а также мраморный саркофаг, использовавшийся вместо свиного корыта. Ср.: М. Мауег, ук. соч., стр. 65–68, и документы, опубликованные в кн.: М. Роу, «*Artistes et monuments de la Renaissance en France*», ук. соч., стр. 345–347.

Светлейшая герцогиня Валентинуа (*лат.*). — *Прим. пер.*

Всепобеждающая (*лат.*) — *Прим. пер.*